Л.ЛОККАРТ

НАДИР ШАХ

БАКУ - 2004

Л.ЛОККАРТ

Надир Шах
Критическое исследование на основе первоисточников
(Лондон – 1938)

(переведено с английского Гезаловой Н.Р.)

Баку – 2004

Az2

Печатается по постановлению научного совета
Института истории имени А.Бакиханова
Национальной Академии наук Азербайджана

Под редакцией проф. ***Мустафазаде Т.Т.***

Труд профессора Кембриджского университета Л.Локкарта «Надир шах» является самым значительным произведением, посвященным «последнему полководцу Азии». Следует отметить, что этот труд по богатству фактического материала намного превосходит другие труды по этой теме. В этой книге Л.Локкарт рассматривает процесс происхождения Надира, восхождение к власти и его убийство, вследствие которого огромная империя, созданная им, распалась.

0700070001-147
Q---------------------- 04 - 147
AB022051

Az2

ОТ РЕДАКТОРА

Английский историк Лоуренс Локкарт является одним из известных западноевропейских исследователей периода падения Сефевидской державы в конце XVII начале XVIII веков. Его труды в сравнении с трудами многих западноевропейских историков отличаются глубиной исследования и стремлением использовать основной корпус источников по исследуемой теме.

В изданном в 1958 году в Кембридже труде «Падение Сефевидской династии и афганская оккупация Персии» (The fall of the Safavi dynasty and Affgan Ocupation of Persia) этого автора исследуются последний период существования Сефевидского государства, а также позиции западноевропейских государств в русско-османском соперничестве за преобладание в прикаспийском регионе, и в первую очередь, в Азербайджане. В отличие от советских историков, которые без анализа сложившейся ситуации утверждали в один голос об идентичности позиций Англии и Франции в отношении этого конфликта, Л.Локкарт справедливо отметил, что: «Франция прилагала все усилия с целью не допустить вспышки военных действий между Турцией и Россией... Франция хотела видеть Турцию сильным государством, чтобы использовать ее в качестве эффективного противовеса против ее врага – Австрии». Несмотря на то, что Локкартом проделана огромная исследовательская работа, его труд не лишен ошибок и неверных положений. Так, он ошибочно характеризует колониальные стремления русского царя Петра Первого «убивать мусульман и поселять армян в прикаспийских провинциях» чуть ли не как проявление гуманизма и «искреннюю заботу с целью оказания помощи христианскому населению Грузии и Армении».

Один из трудов Л.Локкарта «Надир Шах», изданный в 1938 году на английском языке и переведенный молодым исследователем Н.Гезаловой, является самым фундаментальным произведением не только в западноевропейской, но и вообще в мировой историографии, посвященным жизни и деятельности Надир Шаха Афшара – одному из великих исторических личностей в позднесредневековой истории Среднего Востока.

Данная книга Локкарта привлекает внимание широтой источниковедческой базы, где наряду с западноевропейскими и восточными (в том числе известный труд А.Бакиханова «Гюлистан-и-Ирам») трудами привлечены русскоязычные источники и опубликованная историческая литература. Опираясь на эту богатую источниковедническую базу, автор смог создать всеобъемлющую биографию Надир Шаха. В отличие от трудов придворных летописцев Надир Шаха, восхвалявших своего повелителя и умалчивавших о его тирании, Локкарт более объективно подходит к личности Надира и старается раскрыть не только его полководческие способности, но и показать его недостатки как правителя.

Предлагаемый вниманию читателя данный труд Локкарта также не лишен некоторых недостатков. Он, как и многие другие европейские и восточные историки, превозносит Надира из азербайджанского племени Афшар как персидского полководца и государственного деятеля, хотя и указывает на его «туркменское» происхождение. Более того в данном труде имеются погрешности в топонимах и историографии. Азербайджанские земли называются персидскими, а исконно азербайджанские территории, как Иревань и другие выдаются за армянские и грузинские. Поэтому при ознакомлении с переводом книги «Надир Шах» читателю следует обратить на это особое внимание. Несмотря на все недостатки книги, считаем, что предлагаемый читателю перевод расширит наши знания о великом полководце Надире, и будет способствовать более глубокому изучению некоторых вопросов истории Азербайджана.

Тофиг Мустафазаде
проф., д.и.н., заведующий отделом
«История связи Азербайджана с
соседними народами и периода ханств»

ГЛАВА I. ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ СЕФЕВИДОВ: АФГАНСКОЕ, РУССКОЕ И ТУРЕЦКОЕ ВТОРЖЕНИЯ В ПЕРСИЮ

Для Востока характерен периодический прорыв (появление слишком мягкое слово для этого явления) великих завоевателей, которые разоряя, грабя и разрушая, опустошали многочисленные страны. Такими бичами для человечества были Чингиз Хан, Тимурленг и Надир Шах. Существуют некоторые сходства в судьбах Чингиз Хана и Тимура, и еще больше сходств между судьбой последнего и Надира. В самом деле, параллели между Тимуром и Надиром так многочисленны, что если не учитывать очевидной разновременности событий, можно исключить факт случайного совпадения. Иначе говоря, не вызывает сомнения, что в своей военной карьере Надир умышленно повторял судьбу Тимура.

Хотя невозможно игнорировать или как-то оправдывать жестокость Надира, а также огромные людские потери и страшные страдания, причиной которых он стал, не может быть никаких возражений в том, что он был выдающимся человеком.[1] Подняться от пастуха, до Шаха было выдающимся достижением, но еще большим его подвигом было то, что он не только освободил Персию, раздираемую могущественными врагами, но также поднял ее из самых низин до почетного положения самого могущественного государства в Азии.

Для составления представления у читателя о положении Персидского государства в то время, когда Надир только становился известным, необходимо коротко описать ход событий в этом государстве в течение предшествующей четверти века.

Эта книга не ставит своей целью полностью рассматривать причины заката и падения династии Сефевидов. Основной причиной окончательного упадка династии явилось вырождение, характерное для монархов. Неблагоприятное развитие событий было естественным результатом пагубной политики, проводимой Шахом Аббасом I и продолжаемой наследниками трона, и его братьями, которые уединялись в

[1] Вамбери в своей Истории Бухары (Лондон, 1873, стр.339) называет Надир Шаха последним великим завоевателем Азии.

гареме и изолировались от внешнего мира, лишаясь тем самым возможности получить полное образование. Находясь в этих стенах, они не могли обучаться искусству ведения войны, или практике мира; более того, они обычно попадали под пагубное влияние корыстных евнухов. Итак, когда приходило время наследнику взойти на трон, он оказывался совершенно неспособным для исполнения обязанностей правителя и был вынужден полагаться во всем на евнухов и знать. Еще одной причиной упадка Сефевидов было пренебрежительное отношение к армии, которая в результате этого постепенно сокращалась и становилась менее боеспособной. Когда в 1694 году смиренный, набожный, но слабовольный Султан Хусейн стал Шахом, гибель династии Сефевидов была предрешена. Его характер резко отличался от характера прежних представителей его династии. Он был настолько спокойным и мягким, что терялся и ужасался даже при виде крови животного. Он был равнодушен к царской власти и полностью лишен амбиций. Словом он больше подходил для затворнической жизни, чем для шахского трона.[1]

Первые несколько лет правления нового Шаха прошли относительно спокойно. Но 1699 год предзнаменовал начало появления сильных волнений. В этом году племена белуджев совершили несколько набегов в провинцию Кирман. Через два года волнения охватили провинцию Гандахар, но оно было жестоко подавлено грузинским принцем Георги XI из Картли, известным персиянам под именем Гургин Хан.[2] После подавления мятежа, Гургин Хан остался в Гандахаре в качестве правителя провинции; его гарнизон состоял в основном из грузин, чье жестокое обращение с представителями племени Гильзаи вызвало серьезное недовольство среди последних. Около ста лет назад Гильзаи совместно с абдалисами и другими крупными афганскими племенами эмигрировали из своих горных районов на запад и юго-запад и поселились на плодородных равнинах Гандахара и Заминдавара, а также в долине Аргхандабад и Тарнаки. После восстания абдалисов Шах Аббас изгнал большинство из них в соседние провинции Герата: гильзаи, превратились в могущественный клан в Гандахаре. К началу XVIII века их число и влияние значительно возросло; главой их стал Мир Вейс[1], хитрый лидер клана Хотики.

Недовольные поведением грузин, гильзаи наконец восстали, но Гургин Хан подавил их восстание, захватил в плен Мир Вейса и отправил его в Исфаган с усиленным конвоем. Прибыв в столицу, Мир Вейсу не составило никакого труда войти в доверие к простодушному Шаху Султану Хусейну, натравив последнего против Гургин Хана. Это привело к тому, что Шах не только освободил главу афганцев, но позже даже позволил ему вернуться в Гандахар. Воспользовавшись удобным случаем, Мир Вейс убил Гургин Хана и призвал своих людей захватить персидский и грузинский гарнизоны; разгромив их, он уничтожил большую их часть, оставшихся вытеснил из провинции.[2] Когда эти новости дошли до двора, туда был направлен крупный отряд под командованием Кей-Хосров Хана, племянника погибшего Гургин Хана, для восстановления шахской власти в Гандахаре и наказания повстанцев. Несмотря на успех при первом столкновении с гильзаями, Кей Хосров был побежден и убит, и только остаткам его армии удалось вернуться. Затем было направлено еще несколько отрядов, для того чтобы подчинить Мир Вейса, но все они потерпели поражение. Мир Вейс умер в 1715 году после шестилетнего независимого правления. Его преемником стал его брат Абдулла, чья миролюбивая натура и желание примириться с Исфаганом вскоре сделали его непопулярным среди населения. Подстрекаемый некоторыми представителями гильзайской знати, старший сын Мир Вейса Махмуд в 1716 году убил своего дядю и стал вместо него правителем. Хотя Махмуду не хватало дальновидности и опыта отца, вскоре он смог показать себя смелым и решительным лидером.

---

[1] Однако в последние годы, Шах Султан Хусейн попал под полное влияние своей жены, помимо того, что он предавался пьянству. Корнелий ле Бруин, который находился в Исфагане в 1704 году, в своих «Путешествиях в Москву, Персию и часть Восточной Индии» (Лондон, 1737, т.1, стр. 257 и 262) дает отрицательное описание его характера.

[2] Описание характера и сущности Гургин Хана смотри Вакхушта, в «История Грузии» Броссета, т.2, стр.178 и 179.

[1] Точную или предполагаемую родословную Мир Вейса смотри: «Хаяти Афгани» Мухаммед Хаят Хана; текст Урду (Лахор, 1867), стр.157 и 262.

[2] Выше даются лишь очертания этих событий; более подробные сведения можно найти у польского иезуита Крусинского «История Персидских Революций» (английский перевод де Керкесиуса, Лондон, 1728), том 1; и Ла Мами-Клерак «Histore de Perse depuise le Commencement de ce Siecle», Париж, 1750, том 1.

В предыдущий год (1716) абдалисы, превосходившие гильзаев по численности[1] и вдохновленные успехами последних, восстали. Воспользовавшись мятежом в персидском гарнизоне Герата, главе попалзаиских абдалисов Абдулле Хану Садозаю и его сыну Асадулле удалось сбежать из тюрьмы (куда правитель Герата их заключил по обвинению в подстрекательстве к мятежу) и возглавить успешное восстание. Шахские министры предприняли несколько попыток подчинить абдалисов, но все попытки оказались безрезультатными, и их постигла та же учесть, что и отрядов, посланных против гильзаев. Современник тех событий, персидский историк Мухаммед Мухсин в своем «Зубдатут Таварих» («Сливки Истории») подробно и в деталях рассказывает о попытках подавить гильзайское и абдалийское восстания и делает язвительное замечание о недостойном поведении корыстных и некомпетентных министров и родовой знати, которые:

«из-за собственного тщеславия и лицемерия... закрывали глаза на интересы государства. Каждый раз, когда один из них пытался действовать (против афганцев), все остальные оправдывались и препятствовали любым действиям. Они откладывали свое выступление и погружались в удовольствия. Около трех лет (то есть с 1717 по 1720 гг.) они находились в Газвине[2], занимаясь продажей должностей и получением взяток...».[3]

Даже тогда, когда вспыхивали военные действия между гильзаями и абдалисами, министры не использовали эту благоприятную возможность для восстановления шахской власти. Борьба между двумя племенами не была прекращена; в то время как гильзаи потеряли Фарах, они нанесли поражения абдалисам в Диларме в сражении, в котором Асадулла Садозаи лишился жизни. Впоследствии Махмуд выразил притворную покорность Шаху, который в свою очередь полностью поверив ему, официально назначил его главой Гандахара. Вскоре Махмуд показал, что его лояльность была только обманом, так, в 1720 году он вторгся в Персию вплоть до Кирмана; здесь он потерпел поражение и был отброшен назад Лутф Али Ханом, единственным храбрым и талантливым генералом на шахской службе. Тем не менее, вскоре он показал, что отступление Махмуда было тем, что принято называть «отступлением ради нового наступления»; теперь он знал, каким уязвимым стало Сефевидское государство.

Тем временем происходили важные события в других частях империи, а более важные были еще впереди. Пока облака восстания тревожно сгущались на востоке, новые начали формироваться на севере и на западе.

В начале столетия непокорные лезгинские горцы из Дагестана совместно с жителями Джара и Талы в Ганигской области (Алазанской долине) или на юго-западной стороне Кавказского хребта возобновили свои набеги на Грузию и Ширван. Еще 50 лет назад Шах Аббас II обещал этим лезгинам ежегодные денежные выплаты при условии соблюдения ими порядка. Деньги выплачивались регулярно до тех пор, пока персидские министры и чиновники не стали их присваивать[1] в результате ослабления, или скорее всего, отсутствия контроля Шаха Султана Хусейна. Кроме опустошительных набегов, совершаемых лезгинами против жителей Ширвана, которые в основном были суннитами, им приходилось терпеть также преследования нетерпимого шиитского духовенства. Шах Султан Хусейн находился под сильным влиянием мулл, которые стали набирать силу во время его правления. Известный, но фанатичный *муштехид* Мухаммед Бакири-Меджлиси, автор *Бихарул-Анвар*, самой знаменитой работы по шиитским традициям, ярый преследователь суннитов, скончался в конце XVII столетия, но его преемники продолжали его нетерпимую политику. В Ширване были убиты суннитские муллы, мечети были осквернены и превращены в хлев, а религиозные службы были перекрашены.[2] Вследствие такого обращения с ними сунниты Ширвана несколько раз обращались к турецкому Султану с просьбой о покровительстве; часть их спаслась бегством в Турцию; а оставшиеся были полны недовольства к Персии; они фактически были готовы к восстанию.

Усиливающееся могущество России под непосредственным руководством выдающегося правителя Петра Великого представило опасность для Персии с новой и неожиданной стороны. Миссия Арте-

---

[1] Это утверждение сделано на основе сведений Мирзы Мухаммеда Мехди Хана Астрабадского в его официальной биографии Надир Шаха, известной как «Тарихи Надир» (Бомбейское издание), 1849, стр.4.

[2] Шах Султан Хусейн и его двор находились в Газвине с конца 1717 г. до 1720 г.; затем он до возвращения в Исфаган временно отправил свой двор в Тегеран.

[3] Рукопись Брауна, № G.15 (в библиотеке Кембриджского университета) лист 205 (а).

[1] Крусинский, том 1, стр.243.

[2] Вон Хаммер Пургсталл *Geschichte des Osmanischen Reiches*, во французском переводе Дж.Хеллерта (Париж, 1835-1834), том 14, стр.87.

мия Волынского в Исфаган, хотя его основной целью и была торговля, не только снабдила Петра подробной информацией о политической ситуации, но, пойдя дальше, убедила его в том, что Персия неминуемо двигается к краху; Волынский фактически сообщил, что если Шах Султан Хусейн не будет заменен более компетентным монархом, гибель государства будет неминуема.[1] Петр, однако, на этом этапе (1717-18) не мог осуществлять активные действия, воспользовавшись ситуацией в Персии, так как он еще был глубоко ввязан в Северную войну. Тем не менее, он готовил почву для будущих действий, посылая эмиссаров в Дагестан, а позже в Грузию. В 1719 году Адиль Гирей, Шамхал[2] Казы-Кумыка из Тарку связал свою судьбу с Россией, и как отмечают, сделал многое для поддержки Петра в его планах против Персии.[3]

Турция, также как и Россия, была заинтересованным наблюдателем течения событий в Персии. В 1718 году был заключен договор Пассаровитса; хотя Турция и лишалась по этому договору своих Европейских владений, теперь она была свободна, чтобы направить свое внимание на восток, где тревожное состояние Персии должно было обеспечить ей возможность получения компенсации за ее территориальные потери на Западе. Она, конечно, помнила, что с 1578 по 1607 гг. ей принадлежали территории Азербайджана, Грузии и Ширвана и надеялась в скором времени снова завладеть этими провинциями. С целью получения достоверной информации о персидском государстве Порта послала уполномоченного представителя по имени Дурэ Эфенди ко двору в Тегеран. Добравшись до Тегерана в конце 1720 г., Дурэ Эфенди обнаружил, что его прибытие вызвало большой переполох среди персидских министров, которые боялись, не пришел ли он, чтобы потребовать уступить определенные провинции.[1] Присутствие во дворе официального русского консула Симона Аврамова[2] насторожило эмиссара. Проведя три месяца в Тегеране, Дурэ Эфенди вернулся в Константинополь и сообщил, что хотя Персия и является процветающей и хорошо развитой страной, но ее конец близок; он связывал причины волнений, охватывавших Персию с отсутствием умных людей во главе дел.

[1] Шуйлер «Петр Великий, император России», том 2, стр.582.

[2] Как позднее объяснял профессор Бартольд в своей статье о Дагестане, в энциклопедии Ислама, первоначально шамхалы были главами всего казы-кумыкского племени. Казы-Кумыки постепенно расширяли свое влияние от Дагестанских гор к северо-востоку вплоть до берегов Каспия. В 1579 году владения Шамхал Чобана были разделены между его сыновьями, что раскололо и сильно ослабило племя. Постепенно горные и береговые части стали существовать отдельно, и с 1639 года шамхальцы управляли небольшой Таркхуйской береговой областью. Ко времени, когда Адиль Гирей принял подданство России, руководителем горной части племени был человек сильного характера по имени Чолаг Сурхай Хан, о котором впоследствии многое будет сказано.

[3] Бутков «Материалы для новой истории Кавказа, 1722-1803», том 1, стр.15.

Ситуация продолжала ухудшаться и после отъезда турецкого эмиссара. Фатали Хан Дагестани, Итимаду'д-Даула, главный шахский министр, став жертвой заговора, устроенного своими врагами, был смешен с должности, заключен в тюрьму и ослеплен. Его племянник, талантливый полководец Лютф-Али Хан был отстранен от командования, а его армия была распущена; единственная значимая военная сила была так бессмысленно разрушена.

Тем временем ситуация в Персидском Заливе становилась все хуже и хуже. В 1717 г. или в начале следующего года Имам Султан ибн Саиф II из Муската, имеющий сильный флот, снарядил экспедицию на острова Бахрейна, которые захватил без труда.[3] Арабы Омана, по-видимому, не задерживались надолго в Бахрейне, который при их уходе был передан в руки Шейху Джаббару из Тахири, главе крупного арабского племени из Хуваласа. Несмотря на официальное персидское подданство, Шейх Джаббар был фактически независимым от слабого правительства в Исфагане. На материке белуджские племена стали проявлять все большую и большую активность, совершая набеги в провинции Кирмана и Лар. В 1721 году 4.000 белуджских всадников совершили нападение на Бендер Аббас; после разграбления города, мародеры попытались ворваться в английские и голландские фактории, но были отброшены с большими потерями.[4]

[1] «Повествование Дурэ Эфенди» (Париж, 1810, стр.54). (Этот французский перевод был сделан Маркизом де Фьяннем в 1745 г.; латинский перевод Крусинского с турецкого оригинала был опубликован в 1734 г.).

[2] Петр Великий назначил Аврамова консулом в Реште в сентябре 1720 года; он был первым русским консулом, официально назначенным на этот пост в Персии.

[3] Бадгер «История Имамов и Сеидов Омана» (перевод с арабского Салима ибн Разига), стр. xxix и 94.

[4] Капитан Александр Хамильтон «Новые сведения о Восточной Индии» (Эдинбург, 1722), стр.108 и 109.

Внутри страны волнения происходили в Луристане и Курдистане в 1720 г.[1], и в том же году Мелик Махмуд Систани, правитель Туна на северо-востоке Персии, открыто отложился от шахской власти. Мелик Махмуд был амбициозным человеком, принадлежавшим к семье Кайани из Систана, ведшим свое происхождение к династии Саффаридов.[2]

Летом 1721 года сунниты Ширвана, не выдержав жестокого обращения с ними, открыто восстали под предводительством суннитского проповедника по имени Гаджи Давуд. Повстанцы объединились с сильным контингентом войск из Казы-Кумыка под руководством их главы Чолаг Сурхай Хана[3] и с многочисленным отрядом из Каракайтага (другим крупным Дагестанским племенем) под руководством их Уцмия, или главы Ахмед Хана.[4] Казы-Кумыкские и Каракайтагские племена были суннитами, и первые хотели не только помочь своим религиозным братьям в Ширване, но также потребовать возмездие за шахское обращение с их соотечественником Фатали Ханом Дагестани.[5] Объединенные силы, численностью около 15.000 человек, осадили и взяли Шемаху. События приняли характер ужасной резни, в которой погибло около 4.000 шиитского населения; затем город подвергся грабежу. Некоторые русские купцы, которые находились в Шемахе, хотя и спасли свои жизни, но потеряли товар стоимостью свыше 100.000 фунтов.[6] Волынский, который был тогда губернатором Астрахани, сра-

[1] Мухаммед Шариф. «Зубдатут-Таварих-и-Синандидж» (рукопись Брауна, G.18), лист 204 (а).

[2] Мухаммед Мехди Хан «Тарихи Надири», стр.6 и 7 (так как будут делаться частые ссылки на этот труд, в дальнейшем он будет обозначаться буквами T.N.), Фат-Али Хан, Эшегбаш, каджарский глава из Астрабада, который был тогда правителем Мешхеда, был направлен против Мелик Махмуда, которого он осаждал месяц. Получив ранения в ногу, Фатали Хан снял осаду Тана и вернулся в Мешхед (T.N., стр.6 и 7). В.Бюхнер в своей статье о Систане в Энциклопедии Ислама том 4, стр.459, выражает сомнение о достоверности утверждения Мелика Махмуда о том, что они ведут свое происхождения от Саффаридов.

[3] Майор Ж.Г.Гербер (который был российским уполномоченным на российско-турецкой границе в 1728 г.) приводит интересные подробности о Сурхае и Гаджи Давуде в своих *Известиях*, в IV томе «Собрания Российской Истории» Дж.Ф.Мюлера.

[4] T.N., стр.5.

[5] Броссет, «История Грузии», том II, стр.577.

[6] Эти сведения из первых рук французского иезуита Пьера Бачода о взятии Шемахи и о последующих сражениях находятся в *Lettres Edifiantes et Curieuses* (Париж, 1780), том IV, стр.123. Смотри также Соловьев «История России», том XVIII, стр.37.

зу сообщил об этом инциденте Петру Великому. Это было опасным событием для Персии, так как в это время (в августе 1721 г.) был заключен Ништадский договор; этот договор, положивший конец продолжительной войне между Россией и Швецией развязал Петру руки, и он стал активно готовиться для реализации своих планов на юго-востоке.[1]

В равной степени опасность представляли действия Турции в отношении Ширвана; она не только согласилась с просьбой взять под свою защиту предводителя восстания Гаджи Давуда, но также официально назначила его ханом этой провинции.[2]

Ситуация вокруг Персии и даже в пределах ее собственных границ была крайне напряженной; единственным вопросом был вопрос о том, с какой стороны надвигающиеся восстания прорвутся первыми. Этот вопрос вскоре получил свой ответ.

В конце 1721 года Махмуд Гандахарский собрав новую армию, снова вторгся в Персию. В это время там уже не было Лутф-Али Хана, чтобы выступить против него; после взятия Кирмана и направив части своих войск на захват Шираза, Махмуд продолжил свой поход, но потерпел поражение при взятии Иезда. Не желая терять время на осаду города, он смело наступил на Исфаган. В Гульнабаде (Гулинабаде, как его часто называют) примерно в 20 милях восточнее от столицы небольшим афганским силам удалось одержать первую победу над куда более многочисленной и хорошо вооруженной шахской армией. Это сражение, происходившее 8 марта 1722 года, привело к окончательной гибели династии Сефевидов. После захвата Фарахабада, любимого убежища Шаха Султана Хусейна, и захвата армянских окрестностей Джульфы, Махмуд попытался захватить Исфаган штурмом, но, понеся крупные потери, отступил. Не имея оружия лучше зембуреков (легкая вращающаяся пушка на верблюдах), афганцы были не в состоянии раз-

[1] Часто отмечается, что эти планы в точности оговариваются в (так называемом) Политическом Завещании Петра Великого. В приложении к Славянскому обозрению (январь, 1936 г.) я отважился оспорить этот взгляд относительно Персии. Есть причины полагать, что «Завещание» не что иное, как подделка Наполеона, предназначенная для создания предвзятого мнения в Европе о России.

[2] Бернхард Дорн, *Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus Morgenländischen Quellen. II. Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen, von 1538-1820*, стр. 410. Смотри также вон Хаммер, цитируемое произведение, том XIV, стр.87-88 и Гарбер, цитируемое произведение, стр.70 и 71.

рушить стены слабым артиллерийским огнем. Принимая во внимание этот факт и малочисленность своей армии[1], Махмуд решил осадить город.

Нет необходимости упоминать обо всех происшествиях и тяжелых страданиях, которые населению приходилось терпеть, за исключением одного эпизода, оказавшего влияние на последующие события. Шах и его министры решили вывести одного из шахских сыновей из гарема, объявив его Вали-ахдом, или наследным принцем, и затем тайно переправить его через расположения противника в Азербайджан, для того чтобы собрать войско, с которым он смог бы снять осаду со столицы. Султан Махмуд Мирза, старший сын Шаха Султана Хусейна, соответственно был выведен из гарема и расположился с большой помпезностью и церемониями на шахском троне. Молодой принц, находившийся всегда в уединении, становился нервным и беспокойным при виде множества людей и нахожденья в объекте такого большого внимания; как только церемония была завершена, он убежал обратно в андарум и отказался снова выходить оттуда. В силу своего характера, он уступил власть в пользу Сафи Мирзы, второго сына Шаха; но последний, также отказался от трона, после того как стал наследным принцем на несколько дней. Третий сын по имени Тахмасп Мирза стал наследным принцем вместо него. Тахмасп, которому было примерно 18 лет, конечно, имел такое же воспитание, как и его старшие братья, но был, как он показал себя, менее робким, чем они; он был тверд в своих намерениях. 22 Шабана 1134 г., (2 июня 1722 г.) Тахмасп, в сопровождении 200 тебризцев тайно покинул город, и пройдя через афганские позиции смог добраться до Казвина.[2] Прибыв в этот город, принц, вместо того чтобы использовать все возможности для сбора

[1] Существуют множество расхождений между различными авторами относительно численности войск Махмуда. Так Мирза Мехди и более поздний историк Рза Гули Хан Хидаят (в своем приложении к Роузатас-Сафа, том VIII) пишут, что численность гильзаев была 8.000; Рза Гули Хан, кроме того, отмечает, что Махмуд имел равное количество людей из племени Балудж и Хазар в качестве дополнительных сил. Фасаи в «Фарс-намеи-Насири» (Тегеран, 1895) отмечает, что некоторые источники оценивали число афганцев в 20.000, в то время как другие увеличивают их до 40.000; но он не называет эти источники.

[2] Мухаммед Мухсин «Зубдатут-Таварих», лист 210 (а) (по причине частых ссылок на эту книгу в дальнейшем вместо полного названия будет употребляться аббревиатура Z.T.).

войска, предавался развлечениям и терял ценное время на распутство.[1] В результате не было предпринято никаких серьезных попыток для спасения шаха и столицы.

22 октября 1722 года осаждаемое население Исфагана находилось на последнем издыхании[2]; в этот день Шах и его министры на лошадях, заимствованных у Махмуда (все имеющиеся в городе были съедены)[3], добрались до афганского лагеря, расположенного у Фарахабада, чтобы сдаться. Представители ост-индской кампании сообщали[4], что Шах выехал из своего дворца «без какой-либо помпезности или шахских украшений, одетый как потерявший надежду и несчастный человек... его сопровождала мрачная свита, как если бы совершалось официальное погребение его престола и величия... так это и оказалось». Дойдя до Махмуда, Шах снял с себя джигу, или эгрет, символ верховной власти и своими руками одел его на голову победителя. Спустя три дня Махмуд торжественно вошел в Исфаган и официально был возведен на престол в качестве Шаха.

Узнав об этих событиях в Казвине, Тахмасп 14 Сафара 1135 года (24 ноября, 1722 г.)[5] объявил себя Шахом. Хотя он стал наследником престола еще в июне, вызывает сомнение то, могло ли его право считаться Шахом в этот период, иметь силу. Во-первых, Махмуд захватил столицу и покорил большую часть территории, чем та, где еще сохра-

[1] Ibid., лист 210 (а). Шейх Мухаммед Али Хазин, который был, в целом сторонником Сефевидов, подтверждает замечание Мухаммеда Мухсина о том, что Тахмасп предавался удовольствиям и пренебрегал обязанностями; смотри стр. 132, Ф.С. Белфорского перевода Тадкира.

[2] Сохранились первоисточники, свидетельствующие об ужасах этой осады. Иезуит Крусински, исфаганские представители английских и голландских ост-индских компаний, Мухаммед Мухсин и Шейх Хазин находились там в это время и написали о своих наблюдениях. Смотри (1) Крусински, цитируемое произведение, том 2, стр. 65-95; (2) XV том Архива Индийского Ведомства, серии Персия и Персидский Залив; (3) Х. Дунлоп *Perzië* (Харлем, 1912), стр.242-257; и его английский перевод отчета о разграблении города Фрайера Александром в J.R.C.A.S. октябрь, 1936; (4) лист 207 (а0 и 207 (б) и (5) Тадкира, стр.118-124.

[3] Сер Харворд Джонес Бриджес, «Династия Каджар» (переведена им с персидского текста «Маатхири-Султанийе» Абдур-Раззага ибн Наджаф-Гули), Лондон, 1833, стр.lxxvii.

[4] В письме из Ифагана, датируемом 20/31 октября 1722 года (на XV Архива Индийского Ведомства уже были ссылки).

[5] Z.T., лист 210 (б).

нялась власть Тахмаспа. Во-вторых, престол был официально передан экс-Шахом Махмуду.

Как только Махмуд узнал о заявлениях Тахмаспа, он направил против него войска, которые нанесли поражение его небольшому отряду и захватили Казвин, но принцу удалось ускользнуть от афганцев и сбежать в Тебриз. Жестокое обращение афганцев с населением в Казвине спровоцировало восстание. Они атаковали своих врагов с такой решительностью, что перебили большую их часть, а остальных обратили в бегство.[1] Когда оставшиеся в живых добрались до Исфагана и сообщили Махмуду о случившемся, он стал опасаться подобных восстаний там. В качестве превентивной меры он убил некоторых из шахских сыновей и устроил резню 300 представителям знати и многим из личной охраны экс-Шаха.

В то время как продолжалась осада, Петр Великий начал свое вторжение. Он не собирался[2], как уже говорилось, начинать свой персидский поход до следующего года, но развитие событий в Персии и на Кавказе и, прежде всего, вмешательство Турции в дела Ширвана побудили его ускорить свое выступление. Одной из главных задач политики Петра было сделать Каспий русским озером; по этой причине очень важно было не позволить доступу такого сильного государства как Турция к этим берегам.

Вступив в войну с крупными силами, состоявшими из кавалерии и пехоты[3], Петр отплыл из Астрахани в июле 1722 г. и высадился на берег у Аграхан Бея чуть севернее Тарку. Затем экспедиция направилась на юг Тарку (где Петр встретился с Шамхалом Адилем Гиреем в Табасаране). Здесь русские столкнулись и разгромили каракайтагов, которыми руководил Уцмий Ахмед Хан.[4] Встревоженные наступлением русских, казы-кумыкские и каракайтагские племена отправили послание Султану, прося его взять их под свою защиту.[5] 3 сентября Петру сдался Дербент, но он не решился продолжить наступление в это время года. Оставив крупный гарнизон в Дербенте, Петр вернулся в Астрахань. Добравшись до этого города, он получил обращение от на-

[1] T.N., стр.10.
[2] Бутков, том 1, стр.10.
[3] Подробности о построении этих войск даны Соловьевым, том XVIII, стр.41.
[4] Бутков, том 1, стр.15; смотри также «Воспоминания Капитана П.Х. Брюса» (Лондон, 1782), стр.289.
[5] Вон Хаммер, том XIV, стр.89.

селения Гилана с просьбой оказать им помощь в борьбе против афганцев-гильзаев, в ответ он отправил два батальона войск в Энзели[1]; позже они получили подкрепление под командованием генерала Левашева. В Грузии Петр смог склонить на свою сторону Вахтанга VI из Картлии, брата злополучного Кей Хосров Хана.[2]

Весть о вторжении Петра чуть не стала поводом для начала военных действий между Россией и Турцией. Враждебность, тем не менее, была несколько сглажена благодаря усилиям Неплюева, являющегося русским резидентом в Константинополе, который пытался успокоить опасения турков и при каждой возможности повторял заверения о миролюбивых намерениях Петра, учитывая беспокойства Порты по этому поводу. Весной 1723 года Турция решила, что будет легче предотвратить дальнейшее продвижение России в Персию, вторгнувшись в эту страну самой, опередив тем самым противника, иначе Россия сама попытается захватить эту страну. Поэтому Порта объявила войну Тахмаспу, вследствие чего турецкий улема издал резкую фетву, предписывающую правоверным сражаться против неверных персов. Турция начала наступление с северо-запада; продвигаясь через Грузию, она захватила в июне Тифлис. Узнав об этом вторжении, Тахмасп действуя по совету Аврамова,[3] отправил своего главного министра по имени Исмаил Бек для ведения переговоров с Россией о заключении союза. В то время как персидский посланник находился в пути, русский генерал Матюшкин захватил Баку.[4] Тем не менее, Исмаил Бек добрался до Москвы и приступил к ведению переговоров. Договор был заключен 23 сентября 1723 года; Россия взяла на себя обязательство помочь Тахмаспу восстановить порядок в его стране и наказать повстанцев, тогда как Тахмасп в ответ на эту помощь согласился уступить России города Дербент, Баку и прилегающие районы, а также три прибрежных провинции Гилян, Мазандаран и Астрабад. Наконец, каждое государство пообещало считать своим другом или врагом соответственно друга или врага другого государства.[5] Одновременно с отправлением посланца Исмаил Бека в Россию, Тахмасп отправил посланца также в Константинополь. Порта уведомила этого посланца о том, что так как Баку и

[1] Соловьев, том XVIII, стр.50.
[2] Вакхушт, в «Истории Грузии» Бросета, том II, часть 1, стр.399.
[3] Бутков, том 1, стр.41.
[4] Соловьев, том XVIII, стр.50.
[5] Ла Мами-Клерак, том III, стр.398 и 399.

Дербент заняты Россией, а Исфаган захвачен афганцами, они направили отряды для захвата Тебриза и Эривани прежде чем, они будут захвачены персидскими врагами; при таком ходе событий Тахмасп может уступить Грузию и Азербайджан Турции, а Султан признает его как Шаха и предоставит ему военную помощь.[1] Однако персидский посол не был уполномочен соглашаться с такими условиями.

Тем временем, захват Россией Баку вызвал еще один серьезный кризис между Россией и Турцией, который стал еще более угрожающим, когда до Константинополя дошли вести о заключении договора от 23 сентября. Войну удалось избежать только благодаря активному посредничеству Маркиза де Бонака, талантливого французского посла в Порте, который использовал любую возможность для сдерживания турков с одной стороны и Неплюева – с другой (тогда Франция была заинтересована не допускать ввязываться Турции в войну с таким сильным государством как Россия, в связи с тем, что мощь Турции могла быть эффективным сдерживающим средством против австрийской агрессии на западе).[2]

Не довольствуясь захватом Грузии, турки вторглись вглубь на юг Персии, где пожилой Хасан Паша, известный правитель Багдада, придерживаясь маршрута, так часто используемого предыдущими захватчиками, захватил Кирманшах. Хасан Паша остановился в Кирманшахе на зиму, намереваясь наступать на Хамадан весной. Однако смерть настигла его в начале 1724 года, но его планы были доведены до конца его, еще более талантливым, чем он, сыном Ахмедом, который сменил его на посту паши Багдада, и как командующий турецкими войсками на этом фронте.

[1] Вон Хаммер, том XIV, стр.99.

[2] Относительно запутанной истории русско-турецко-персидских отношений в течение этого времени можно написать очень многое, но здесь ограничимся кратким изложением. Основные источники следующие:
(1) Исторические воспоминания о после Франции в Константинополе (Париж, 1894); (2) Государственные бумаги из Государственного Архива (S.P. 97, том XXV), (3) Ла Мами-Клерак, (4) вон Хаммер, (5) Соловьев и (6) Saint Priest's *Mémoires sur l'Ambassade de France en Turquie et sur le Commerce des Français dans le Levant* (Париж, 1877).
Этот вопрос в некоторых подробностях исследован доктором Мухаммедом Али Хикметом в «Эссе об истории ирано-османских политических отношений с 1722 по 1747» (Париж, 1937), которое было опубликовано сразу после написания.

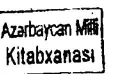
В течение первых трех месяцев 1724 года, де Бонак пытался восстановить дружеские отношения между Турцией и Россией, используя свое дипломатическое мастерство. Несмотря на значительные препятствия, он сумел убедить обе стороны смягчить их позиции до такой степени, что 24 июня 1724 года два государства подписали договор, который разделил всю северную и большую часть западной Персии между собой. В преамбуле договора коротко упоминается о передаче Персией России каспийских провинций по границам русско-персидского договора, заключенного в предыдущем году (который, однако, Тахмасп отказался признавать). В самом договоре было согласовано, что граница между Россией и Турцией должна быть в южном направлении через Дагестан и Ширван параллельно берегу и на расстоянии 24 часов езды на лошади, до восточного пункта Шемахи, оттуда до места, где Кура и Аракс соединялись друг с другом. Место слияния двух рек – это начало турецко-персидской границы, проходящая прямо на юге, чуть западнее Ардебиля, где продолжалась почти прямой линией до Хамадана; отсюда она сворачивала на юго-запад до Керманшаха. Россия и Турция согласились признать Тахмаспа как Шаха и содействовать ему в восстановлении порядка в государстве при условии, что он в свою очередь признает этот договор.[1]

Как правильно заметил вон Хаммер[2], демаркационная линия, установленная по этому договору, пересекала все провинции и не соблюдала никаких границ, очерченных реками и горами; ее естественность была не больше, чем законность этого договора.

Прежде чем договор был заключен, турки захватили Хой; впоследствии, когда Тахмасп отказался признавать договор на тех условиях, за которые ему была предложена помощь, Турция продолжила свое наступление. Ахмед Паша, как уже было отмечено наступал на Хамадан, который он захватил после почти двухмесячного упорного сопротивления, и турецкие войска, продвигаясь на северо-запад, захватили Нахичевань и Эривань. Но потерпели неудачу при штурме Тебриза. В следующем году (1725) турки после взятия Гянджи совершили второй, на этот раз успешный штурм Тебриза. Когда над Тебризом нависла турецкая угроза, Тахмасп спасся бегством в Ардебиль, но турки наступили дальше, заставив его продолжить свое поспешное отступление до

[1] Бутков, том 1, стр.58; Ла Мами-Клерак, том III, стр.194;

[2] Вон Хаммер (перевод Дочеза, Париж, 1844), том III, стр.400 и 401.

Казвина, и затем до Тегерана. Несчастный принц получил небольшую передышку в Тегеране, но сразу же отказался перед угрозой нового врага.

Когда Россия стремительно наступала в начале своей персидской кампании, Турция была несколько пассивна. Позже, однако, турки начали действовать и одерживать победу за победой, а Россия становилась все менее и менее активной. Причиной недостаточной активности Северной Державы была смерть Петра Великого, произошедшая 8 февраля 1725 года. С потерей такой гениальной личности и одаренного правителя, Россия перестала предпринимать активные действия в Персии, хотя она еще какое-то время сохраняла прежние позиции до того как будет принято решение удерживать ли территории, которые он захватил.

Пока Россия и Турция с севера и с запада разрывали Персию на части, Махмуд расширял свои завоевания на юге. Еще более усугубило ситуацию появление самозванца, принадлежавшего к племени Каррани, называвшего себя Сафи Мирзой, вторым сыном экс-Шаха, который появился в стране Бахтиари к концу 1724 года, набрав здесь определенное количество сторонников.[1] Не прошло и трех лет, как он был схвачен и убит. Возможно, что именно новости о появлении этого самозванца Сафи Мирзы привели к ужасной трагедии, которая произошла в Исфагане. Когда слухи о том, что настоящий Сафи Мирза совершил побег из плена дошли до Махмуда, он без ожидания подтверждения этого донесения 7 февраля 1725 года перебил всех оставшихся в живых мужчин, членов Сефевидской шахской династии, которые были в его власти, за исключением экс-Шаха и двух молодых принцев.

Махмуд был подвержен приступам меланхолии и становился все более подозрительным к своему окружению в последние годы жизни. Его кузен Ашраф, сын Абдул-Азиза, был опытным и одаренным военным лидером и пользовался популярностью среди афганских воинов. Махмуд опасаясь как бы популярность Ашрафа не склонила его к мятежу, заключил его в тюрьму. После убийства сефевидских принцев, Махмуд окончательно помешался, его физическое состояние также

[1] T.N., стр.14, Мирза Мехди дает подробные сведения о шести этих претендентах, которые появились в разные времена. Согласно Шейху Хазину (цитируемое произведение, стр.135), их было не меньше восемнадцати.

ухудшилось, он страдал параличом[1] и, согласно некоторым источникам, проказой.[2]

Его болезненное состояние привело к заговору среди афганцев, которые освободили Ашрафа и предложили ему стать шахом на месте своего кузена. Ашраф охотно согласился принять трон; он отомстил за убийство своего отца и 22 апреля 1725 года обезглавил Махмуда. Одним из первых действий после вступления на престол была казнь остальных сторонников Махмуда. Отмечают, что затем он предложил трон экс-Шаху Султану Хусейну, прекрасно зная, что он от него откажется. Потом Ашраф попытался обманом заманить Тахмаспа в ловушку, приглашая его на встречу с собой где-нибудь между Гумом и Тегераном (где Тахмасп находился в это время), и предложил, чтоб их обоих сопровождало только несколько сторонников; Ашраф, конечно, не собирался соблюдать эти условия. К счастью для Тахмаспа кто-то из его доброжелателей в Исфагане предупредил его о действительных намерениях Ашрафа.

Когда Ашраф понял, что его планы потерпели неудачу, он с большим войском наступил на Тегеран. У Шах Абдул-Азима, в 6 милях южнее от этого места, Ашраф застиг отряды Тахмаспа врасплох и разбил их наголову; затем он направился в Тегеран и осадил его; но его последующее наступление было недостаточно быстрым, чтобы препятствовать побегу Тахмаспа. Сопровождаемый лишь несколькими сторонниками, принц спасся бегством в Мазандаран. Таким образом, он убежал из Тегерана примерно 10 декабря 1725 года.

После скитания некоторое время в мазандаранских лесах Тахмасп, наконец, прибыл в город Шари, где он неожиданно увеличил численный состав своих войск. Фатали Хан Каджар Астрабади, о котором уже упоминалось,[3] с отрядом из 2000 человек объединился здесь с принцем.

Действия Фатали Хана с 1722 по 1725 гг. стали предметом дискуссий таких историков каджарского времени, как Абдур-Раззаг, Рза Гули Хан Хидаят и Мухаммед Таги (или же известен его титул Лисанул-Мюльк и его тахаллюс, или псевдоним Сипхир) хотя это непривычно для них, они описывали его характер в самом благосклонном

[1] T.N., стр.10.
[2] Крусински, том II, стр.302.
[3] Смотри выше, стр.10, сноска 2.

свете.[1] Согласно им, Фатали Хан пытался помочь Шаху Султан Хусейну во время осады Исфагана, но это было воспринято завистливыми министрами как уловка, имеющая своей целью занять высокое положение. Поэтому он с отвращением покинул Исфаган и вернулся в Астрабад.[2] Эта история столь неправдоподобна, что не находит подтверждения у основных современных исследователей.

По-видимому, в конце 1725 года, когда Тахмасп находился в Тегеране, он и население Рея[3] обратились к Фатали Хану с просьбой помочь им в борьбе с афганцами. Каджарский глава начал решительные действия с противником недалеко от Варамина, затем наступил по направлению к Тегерану, но прибыл слишком поздно для встречи с Тахмаспом, чтобы помешать гильзайцам в захвате города. Вслед за тем он отступил на восток и, в конечном счете, объединился с Тахмаспом у Шари, как уже отмечалось. Согласно Мухаммеду Мухсину[4] (чьи сведения о Фатали Хане не беспристрастны) он активно участвовал в восстании зимой 1725-26 гг.; после разграбления Дамгахана он выступил в Мазандаран, где разгромил основную часть сторонников Тахмаспа. Затем он наступил на Шари, где вместе с другими каджарскими лидерами встретил Тахмаспа «с мечом за поясом и Кораном в руках», указывая тем самым на то, что генералы принца недостойные люди, так как они оставили свою страну врагам. После этого Фатали Хан попросил прошения за свои поступки в прошлом и предложил свои услуги и своих людей. В самом деле, если Фатали Хан даже не участвовал в восстании, он продолжительное время был независимым от Тахмаспа благодаря своей территориальной отдаленности от принца и неспокойному положению в стране.

Фатали Хан решил присоединиться к Тахмаспу, пока верность имела какое-то значение; по-видимому, дополнительными мотивами были корысть и инстинкт самосохранения. У него было всего 2.000 сторонников, в то время как Мелик Махмуд Систани (который воспользовавшись анархией в Хорасане, в 1923 г. захватил Мешхед и стал

[1] Фатали Хан был отцом Мухаммед Хасан Хана, один из сыновей которого был Ага Мухаммед Шах, первый каджарский монарх; он был прадедом (через другого внука) Фатали Шаха.

[2] Смотри для примера Роузатус-Сафа, том VIII (так как страницы литографированной редакции не пронумерованы, ни одной ссылки не может быть дано).

[3] Фарс-Наме, стр.163.

[4] Мухаммед Таги «Насикхут Таварих», стр.8.

там независимым правителем)[1] был значительно могущественнее его. Хотя армия Тахмаспа была незначительной в количественном отношении, его положение как единственного оставшегося в живых шахского сына, сделало его единственной объединяющей силой для всех тех его соотечественников, которые оставались верными династии Сефевидов.[2] Фатали Хан, будучи более рассудительным и предусмотрительным человеком, чем Тахмасп, несомненно, понимал, значение союза с принцем. Он, должно быть, осознавал, что своим превосходством он сможет добиться доминирующего положения над принцем и, таким образом, станет реальным правителем. Такой несомненно одаренный человек как Фатали Хан, был признаком улучшения ситуации для Тахмаспа, или в какой-то степени ухудшения положения его врагов. В марте 1726 года дерзкая самонадеянность Ашрафа вовлекла его в войну с Турцией.[3] Занятые этой войной ни турки, ни гильзаи не могли уделять большего, если не сказать никакого, внимания Тахмаспу какое-то время, следствием чего было ослабление обеих сражающихся сторон, особенно гильзаев. Ашраф не мог себе позволить терять людей, так какон имел дело с армией, которая значительно превосходила его армию, и испытывал неприязнь к гильзаям, что имело под собой как расовую, так и религиозную почву. Кроме того, убийство им Махмуда стало причиной длительной вражды между ним и Хусейном, братом Махмуда, который объявил себя правителем Гандахара; в результате он не мог рассчитывать на поддержку с этой стороны. Россия, как уже было отмечено, стала менее активной после смерти Петра Великого и, хотя она и Турция заключили Разделительный Договор, все же между этими двумя государствами сохранялись напряженность и недоверие. Правда абдалисы остались непокоренными, но они были ослаблены из-за внутренних разногласий, и не было опасений, что они начнут какие-то наступательные действия. Наконец, оставался Мелик Махмуд, но он был менее значительной силой, чем другие, и не смог бы оказать противодействие широкому народному движению в пользу сефевидских претендентов.

[1] О получении власти Мелик Махмудом о его захвате им Мешхеде в 1723 г., о его разгроме генерала Тахмаспа, Рзу Гули Хана, смотри: Z.T., лист 220 (а)- 223 (а) и том II, стр.337, Мухаммед Хасан Хан (Саниуд-Даула) «Матлауш-Шамс».

[2] Они не могли объединиться с экс-Шахом, так как он находился в плену, в руках у Ашрафа.

[3] Вон Хаммер, том XIV, стр.145 и 146.

В союзе с новыми сторонниками Тахмасп направился в Астрабад, где прилагались все усилия для получения подкрепления. Тахмасп наградил Фатали Хана за его службу титулом Вакилуд-Даула (Регент государства), ряд других каджарских лидеров также получили должности, которые были чуть более важные, чем синекуры в это время.[1] Затем Фатали Хан убедил Тахмаспа выступить против Мелик Махмуда, надеясь собрать подкрепление в пути; с этой целью они с принцем направились через Кабушан в Мешхед.

Начиная свой поход, Фатали Хан не сомневался в том, что несмотря на все препятствия, которые он рассчитывал преодолеть, он был именно тем человеком, который мог бы использовать разногласия в рядах врагов своей страны в пользу ее освобождения. Однако ему не было предназначено сыграть эту роль, потому что она вскоре была отнята у него его соперником.

[1] Z.T., лист 211 (б).

ГЛАВА II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАДИРА И НАЧАЛО ЕГО КАРЬЕРЫ

При исследовании истории племен в Персии и Центральной Азии порой становится крайне трудным, если совсем невозможным, определить турецкого ли, монгольского ли происхождения данное племя. Существуют некоторые сомнения и относительно племени афшаров, к которому принадлежал Надир, но доводы, поддерживающие утверждения об их турецком происхождении, кажутся более убедительными. Историк Рашидад-Дин Фазлуллах охарактеризовал афшаров как «турецкие народы, обитающие на равнинах», и отметил, что Авшар (или Авушар) основатель племени, которое названо его именем, сражался в правом фланге армии своего деда Огуза, легендарного предка турков.[1] Абу-ль-Гази утверждал, что слово Авшар (от которого произошел Афшар) означает «тот, кто быстро закончил дело».[2]

Считается, что афшары переселились на запад из Центральной Азии в связи с нашествием монгол в XIII веке нашей эры и обосновались в Азербайджане; впоследствии они расселились по всей Персии[3]. Шах Исмаил I набирал свою огромную армию в основном из афшаров и шести других турецких (или турецко-монгольских) племен, а именно, Шамлу, Румлу, Устаджлу, Такаллу, Зул-Кадар и Каджар. Один из командующих Шаха Тахмаспа I был Халил бек Афшар, который был главой 10.000 семейств своего племени и правителем провинции Кухгилу.

[1] Jami'ut-Tawarikh; смотри Сборник Летописей, изданных Н.Березиным (Санкт-Петербург, 1861), том 7, стр.7. Если первое утверждение может быть рассмотрено как верное, то второе, безусловно, не имеет исторической значимости. Относительно утверждения о монгольском происхождении афшаров см.: B.Nikitine's, Les Afsars d'Urumiyeh в журнале Journal Asiatique, Январь-Март, 1929.

[2] Sharajat-i Turk, турецкий текст, изданный Desmaisons (Санкт-Петербург, 1874), том II, стр.28

[3] Смотри интересные статьи об афшарах у Сеид Ахмед Аги Тебризи в Тегеранском периодическом издании Ayanda, № IV, 1304 (1926); № IX, 1305 (1927), и часть II, № VIII, 1306 (1928). Доктор М. Афшар из Тегерана был столь любезен, что прислал мне копии вышеупомянутых статей из Ayanda.

Мирза Мехди утверждает,[1] что Кырыглу или Кырыхлу («сорок человек»), ветвь племени, к которой принадлежал Надир, переселилась в Хорасан во времена Шаха Исмаила I (1502-1524 н.э.) и основала свои яйлаги или летние лагеря у источников, известных как Маяб Кубкан, чуть южнее горной цепи Аллаху Акбар. Сеид Ахмед Ага Тебризи отмечает, однако, что Шах Аббас I переселил Кырыглу афшаров и чамишгазахских курдов в этот район для вытеснения оттуда узбеков.[2] Тем не менее, это возможно: видимо, афшары находились в Хорасане, по меньшей мере, с начала XVIII века, так как Хондамир[3] упоминает об известном Шахрух беке Афшаре Яджучи, посланным в 920 году по хиджру (1514-1515 н.э.) из Герата в провинцию Гандахар для того, чтобы подчинить там повстанца по имени Шуджа Бек. По-видимому, невозможно выяснить существовала ли какая-либо связь между Яджучи[4] и Кырыглу афшарами.

Так как деревня Кубкан[5] была расположена на яйлаге или на территории летнего пастбища племени, из-за очень холодной зимы Кырыглу афшары обычно каждую осень пересекали гору Аллаху Акбар к северу и спускались вниз на низкорасположенные и поэтому теплые гышлагы, или в области зимнего пастбища в районе Дараггаза.[6] В ноябре 1688 года состоялось обычное переселение из Кубкана на гышлаг. Среди переселяющихся соплеменников были бедный крестьянин по имени Имам Кули Хан и его жена; когда они пересекли гору и достигли деревни Дастгирд (или Дастдачирд)[7], в Дарагтазе его жена родила сына, будущего Надир Шаха. Этот мальчик был назван Надр Гули беком в честь отца Имам Гули бека.[1] Мирза Мехди приводит дату рождения Надира как 28 Мухаррама 1100 года[2] (22 ноября 1688 года). Абдуль-Керим Кашмири, автор «Bayan-I Wagi'», отмечает, что одни люди (он не конкретизирует) приводят дату рождения Надира как 1099 год, в то время как другие приводят дату 1102 год по хиджру.[3] Дата, приводимая Мирзой Мехди, хотя и не может быть абсолютно точной, но вызывает меньше сомнения, чем даты, указанные остальными, а его утверждение о том, что Надир родился «во дворце Дастгирд», конечно же, выдумка, придуманная для возвышения своего покровителя и повелителя. По всей вероятности, Надир родился в палатке, впоследствии он соорудил мовлуд-хана или «дом рождения» на участке, который находился непосредственно за пределами Дастгирда.

Сведения о Имам Гули беке ограничены; известно лишь то, что он был беден и не занимал важных позиций. Его описывают по-разному: как пастуха, погонщика вьючных животных, земледельца, погонщика верблюдов.[4] Скромное положение родителей Надира становится очевидным из тактично выраженного утверждения Мирзы Мехди: своим превосходством острый меч обязан своему закалу больше, чем железному руднику, откуда был взят его сырой материал, и шахский драгоценный камень больше извлекает свою красоту из воды

---

[1] T.N., стр.17

[2] Сеид Ахмед Ага Тебризи, в Ayanda, Часть II, № VIII, стр. 601.

[3] Habibu's-Siyar, том III, часть IV, стр.75.

[4] Возможно эпитет «Yajuji» (т.е. «Божий») употреблялся только относительно самого Шахрух бека.

[5] Деревня Кубкан, которая все еще существует, находится в 80 милях северо-западнее Мешхеда и в 50 милях Востоко-Северо-Восточнее Хабушана. Сер Перси Сайкс, который побывал в этом месте, описывает его в своем труде «Седьмое путешествие в Персию» (Географический Журнал, Май 1915 г., стр.364) как «живописную деревню, расположенную на склоне пустынной возвышенности, имеющей скрытую дорогу к реке».

[6] Турецкие обозначения этих племенных передвижений с летних пастбищ на зимние и наоборот звучат – гышламышы или яйламышы, соответственно.

[7] Дастгирд находится в 16 милях северо-восточнее Кубкана и в 3 милях юго-восточнее Мухаммадабада.

---

[1] В рукописях Тарихи-Надири, Зубдатут Таварих, Bayan-I Wagi' и др., которые я рассматривал, все называют его имя как Надр Гули (Шейх Хазин пишет как Надхр Гули, но это кажется ошибкой). Поэтому не вызывает сомнения, что это подлинное имя Надира, но он временами называет себя Надир (с долгим «а») Али, например, в его *wagf-name* или акте его завещания, документе относительно его могиле в Мешхеде и в надписи на позолоченном портике усыпальницы Имама Ризы в этом городе (смотри Matla'u'sh-Shams, том II, стр.20). В *wagf-name* (копию которого профессор Нафиси из Тегерана любезно прислал мне) имена и титулы Надира даются следующим образом: - Надир Али Хан Вали-и-Хурасан ва фарман рава'и-и-арса-и Иран – это означает, что Надир Али Хан, правитель Хорасана и управляющий (буквально издающий приказы) земель Персии; документ был составлен 1 Мухаррама 1145 (24 Июня, 1732). «Золотые ворота» не были построены до коронации Надира (по этому случаю, следует отметить, он принял титул Надир Шах). Для удобства я использовал форму «Надир» повсюду в этой книге. Употребление нескольких имен и титулов, таких как Надр Гули, Надир Али, Тахмасп Гули Хан, Вали Нимат и т.д. создало бы большую путаницу.

[2] T.N., стр.17

[3] Bayan, лист 101 (b).

[4] Смотри соответственно, Bazin (Letters Edifiantes, том IV, стр.279); «Фарс-Намаи-Насири» Фасаи, стр.164; Раузатус-Сафа, том VIII, Bayan, лист 101 (b).

и цвета, чем из руды (*sulb*), в которой он найден.[1] Сам Надир, хотя и всегда гордился своим турецким или туркменским происхождением и в связи с этим утверждал, что состоит в родстве с потомками Тимура, никогда не стремился преувеличить положение своих родителей и предков. Он имел обыкновение говорить, что является «сыном меча».[2]

Персидские и европейские источники также содержат только незначительные сведения о детстве Надира. Предполагается, что он сопровождал своих родителей в их ежегодных передвижениях между Кубханом и областью Дараггаз и что, как только он достаточно вырос, то стал помогать своему отцу зарабатывать его скудные средства на существование. Мирза Мехди обходит молчанием этот период, отмечая лишь то, что «он наступил на ступеньки лестницы зрелости»[3], когда достигнул 15-летнего возраста. Ханвей утверждает,[4] что узбеки при набеге в Хорасан в 1704 году, уничтожили часть населения, а остальных захватили как рабов. Среди них были, по его словам, Надир и его мать; в то время как Надир совершил побег в 1708 году, его мать умерла в плену. Это событие не упоминается ни одним другим персидским источником, и подлинность этой информации весьма сомнительна.[5] Утверждение Уильяма Коккела[6] о том, что отец Надира был не только главой клана афшаров, но также командовал крепостью в Келате, как и его история о лишении Надира владения своим дядей, не имеют основания. Следует заметить, что если бы кто-то из его родственников занимал важное положение это, несомненно, было бы подчеркнуто Мирзой Мехди.

Еще в юности Надир предпринял шаг, который предопределил его возвышение. Не собираясь постоянно заниматься скромной профессией своего отца, он поступил на службу к Баба Али беку Куса Ахмадлу, который был главой афшаров в городе Абивард и был Забитом или Правителем этой местности. Благодаря своим способностям и

[1] T.N., стр.16.
[2] Известное высказывание Надира в Дели, когда его спрашивали о происхождении его сына Насруллаха (Упоминание об этом будет сделано в соответствии с обстоятельствами, которые стали причиной этого высказывания).
[3] T.N., стр.17.
[4] Том IV, стр.4.
[5] Смотри: Dr. Cook, Voyages and Travels, том.II, стр.447.
[6] Смотри: James Fraser's Nadir Shah, стр.72. Как будет отмечено в библиографическом приложении в конце этой книги, Фрейзер включил в свою работу «Сведения о первых подвигах Надир Шаха» Коккела (имя которого, однако, он не упоминает).

храбрости, он быстро добился благосклонности со стороны своего господина, и через некоторое время он стал не только командующим его гвардией, но также и его зятем.[1] Индийский источник Абдул-Керим-Кашмири возможно верно утверждал, что Баба Али бек после смерти Имам Гули Бека женился на его вдове, которая стала мачехой Надира. Пораженный умом молодого Надира, Баба Али бек дал ему одну из своих дочерей в жены, что и обеспечило ему реальный старт в жизни.[2]

25 Джумади I, 1131 (15 апреля 1719 года) родился старший сын Надира Рза Гули. Через несколько лет умерла его жена; вскоре он женился на другой дочери Баба Али бека, по имени Говхар Шад,[3] которая родила ему двух сыновей: Насруллаха и Имама Гули. Согласно Мухаммеду Казиму из Мерва[4], Надир назвал своего второго сына Муртазой Гули, но после победы в битве под Карналом в 1739 году он изменил это имя на Насруллах (означающий «победа Аллаха»). Использование характерных шиитских имен как Рза Гули, Имам Гули (отец Надира и его третий сын) и Муртаза Гули означало, что в его семье все были шиитами, и что он сам с раннего возраста воспитывался как шиит; до сих пор всегда отмечалось, что Надир родился и вырос суннитом, но нет определенных доказательств этого.

История последующих нескольких лет его жизни смутна, есть много невероятных историй. По-видимому, Баба Али бек умер в 1723 году, оставив свое состояние Надиру; утверждение Сэра Джона Малколма о том,[5] что Надир убил своего тестя, кажется невероятным. Хотя бы потому, что такой поступок привел бы к семейной вражде. Является установленным фактом то, что все три сына Баба Али Бека находились на службе у Надира, где добились высокого положения; если бы между ними была вражда, это вряд ли могло произойти.

Из-за племенного противостояния Надир не смог стать преемником положения своего свекра в качестве главы афшаров из Абиварда. Занявшись некоторое время управлением его состояния, он отправился

[1] Раузатус-Сафа, том VIII
[2] Bayan, лист.5 (а). Абдул Керим, как будет отмечено в библиографическом приложении, имел исключительную возможность получить от старых товарищей Надира по оружию подробные сведения о ранних годах их лидера.
[3] В конце T.N. (стр.246) Мирза Мехди отмечает, что Говхар Шад была матерью Насруллаха и Имама Гули.
[4] Китаби-Надири, стр.430.
[5] История Персии, том.II, стр.47.

в Мешхед и поступил на службу к Мелик Махмуду. Мирза Мехди дает слишком приукрашенные и невероятные сведения о действиях Надира в это время, отмечая, что после осознания степени беспорядков, от которого страдало население Персии, он получил божественное вдохновение действовать в качестве их представителя.[1] Выбрав Келат, «который был хорошо укрепленным замком и крепостью, созданной Богом», в качестве своего военного штаба, он собирает афшарские, курдские и другие соседние племена с целью освобождения Персии от ее врагов. Впоследствии, однако, афшары и курды «из-за перешептывания с сатаной»[2] покинули его; часть из них присоединилась к Мелик Махмуду, а остальные предпочли остаться в стороне. Тем не менее, 300-400 семейств племени Джалаир под предводительством Тахмасп Хана Вакила[3] объединились с Надиром и оставались ему верны. Затем он отправился в Мешхед и вступил в контакты с Мелик Махмудом с намерением перехитрить его и в дальнейшем осуществить его свержение. Более вероятным кажется то, что Надир предпринимая свои первые шаги вместо того, чтобы вдохновляться патриотическими мотивами, в действительности стремился к успеху в другой сфере, так как его дальнейшее продвижение в районе Абиварда оказалось невозможным из-за местной зависти и противодействия.

Надир встретив в Мешхеде двух афшарских глав, которые раньше относились к нему враждебно, склонил их на свою сторону, и, как отмечают, организовал с ними заговор для вытеснения Мелик Махмуда.[4] Было согласовано, что члены афшарского и джалаирского племен, которые поддерживали Надира, должны быть готовы к действиям в день Джарида,[5] когда он, соревнуясь с Мелик Махмудом в спортивном состязании, захватит уздечку у лошади последнего. Это действие должно было стать сигналом для афшаров и джалаиров, которые должны были быстро напасть и убить Мелик Махмуда, а также его последователей. Однако план Надира потерпел неудачу; так как ему не

[1] T.N., стр.18.
[2] Это ссылка на Суру CXIV из Корана.
[3] Его часто называют Тахмасп Хан Джалаир.
[4] T.N., стр.20.
[5] Для описания игры джарид смотри M. Von Oppenheim «Das Djerid und das Djerid-Spiel in Islamica, 1927, стр.599-617; ссылка на «Giuochi di Canne» в Путешествии в Персии Сера Томаса Херберта (Лондон, 1928, стр.50) также интересна. Смотри также описание игры Сера Н. Поттингера как в нее играли в Белуджистане (Travels in Beloochistan and Sinde, London, 1816, стр.190).

удалось в решающий момент схватить поводья лошади Мелик Махмуда. По-видимому, Мелик Махмуд ничего не заподозрил и вместе с Надиром и остальными вернулся в Мешхед. Надир, имея основания подозревать, что двое афшарских вождей неверны ему, убил их обоих во время охоты. Опасаясь наказания Мелик Махмуда, он сбежал в Абивард, где попытался собрать войско, с которым смог бы противостоять ему.[1]

Несколько наездников, среди них некий Насир Ага, откликнулись на призыв Надира и сформировали банду под его руководством, которая начала совершать набеги и грабежи в Хорасане.[2] Единственное решительное сопротивление, которое эта банда встретила во время полной анархии, было со стороны Мелик Махмуда и его сторонников.

Мелик Махмуд видя бесполезность призыва чамишгазахских курдов из Хабушана объединиться с ним против Надира, нападает на них. Надир отправился на их помощь и заставил Мелик Махмуда отступить; не имея артиллерии, Надир и его союзники были неспособны развить этот успех преследованием врага и осаждением Мешхеда. Тогда он принялся за менее трудную задачу, покорение нескольких вражеских племенных крепостей в Дарагтазской области и в соседнем Абиварде.

Это происходило в то время, как Тахмасп будучи совсем не в состоянии вытеснить гильзайского узурпатора Махмуда из Исфагана, отправил своего полководца Рзу Гули Хана[3] напасть на Мелик Махмуда. Согласно Мирзе Мехди, Рза Гули Хан слышал о славе Надира как способного военачальника и хотел объединиться с ним, но был разубежден некоторыми курдами из Хабушана, которые утверждали, что если он сделает это и военные операции пройдут успешно, Надир воспользуется всеми преимуществами и затем избавится от него.[4] Рза Гули

[1] T.N., стр.20. (Я не слишком внимательно рассматривал сведения Мирзы Мехди, так как многое что он утверждает, кажется невероятным).
[2] Мирза Мехди, естественно, ничего не упоминает об этой деятельности Надира, но как отмечали Абдул Керим, Базин и другие авторы несомненно, что он некоторое время был главой отряда разбойников. Смотри также Ханвей, том I, стр.171 (Ханвей встречал Насир Агу в Астрабаде несколько раз в декабре 1743 и январе 1744).
[3] Смотри примечание 1 на стр. 21 выше. Рза Гули Хан Шамлу был Эшек-агасы или «владельцем порога» во дворе Шаха Султана Хусейна (смотри: Мухаммед Мухсин, лист.209 (а)); он был дядей по материнской линии Лутф Али бека, автора Atash-Kada.
[4] T.N.стр.25.

Хан затем дважды атаковал Мелик Махмуда, и в оба раза потерпел неудачу.[1] В результате своих неудач он был заменен другим сефевидским полководцем Мухаммед Ханом Туркменом.

Ободряемый нанесенным Рза Гули Хану поражением, Малик Махмуд решил присоединить Нишапур к своим владениям; после неудачных действий своего племянника он захватил эту область, несмотря на попытки Надира и его брата Ибрагима не допустить этого.[2] Впоследствии Мелик Махмуд нанес сокрушительное поражение Надиру, который, по сведениям, в сопровождении только двух человек дошел до Келата.[3]

Преемник Рзы Гули Хана, Мухаммед Хан Туркмен в это время прибыл в Хорасан, и, действуя в союзе с Надиром, вытеснил Мелик Махмуда за пределы Мешхеда. Надир был не в состоянии продолжать эту победу, так как туркмены подняли восстание в Багдаде к северо-востоку Абиварда. Наказав туркмен из Багдада, он отправился в Мерв и позднее в Саракс, где разгромил сторонников Мелик Махмуда.

Затем Надир был вовлечен в военные действия с родственником по имени Ашур Бек Бабалу, который находился в союзе с частью чамишказахских курдов. Во время осаждения Ашур Бека в его крепости Гурган он увеличил свое войско за счет 500 узбекских юношей, которых Шир Гази из Хивы отправил к нему на помощь.[4] Приблизительно в это же время, в начале 1726 года, Тахмасп, наслышанный об отваге Надира, отправил Гасан-Али бека, Муайируль-Мамалик (буквально испытатель государства), составить донесения о нем. Очевидно, Надир произвел на Гасан Али бека благоприятное впечатление, так как он назначил (выступая от имени Тахмаспа) его представителем правительства в Абиварде.[5] Согласно Мирзе Мехди, Надир покидая Гасан Али Бека и возвращаясь к Тахмаспу, убедил первого склонить принца прийти в Хорасан со своей армией.[6]

После похода в Мерв, где вспыхнули волнения между местными каджарами и туркменами, Надир еще раз выступил против Мелик

[1] Ibid., стр.25.
[2] Ibid., стр.28.
[3] Ibid., стр.29.
[4] T.N., стр.33. Шир Гази прежде враждебно относился к Надиру, но из-за страха перед Мелик Махмудом он решил объединиться с ним.
[5] Z.T., лист 212 (а).
[6] T.N. стр.33.

Махмуда. Однако когда он находился рядом с Мешхедом, Гасан Али Бек вернулся из Астарабада с сообщением от Тахмаспа о том, что последний направляется к этому месту и что он желает встретиться с Надиром.[1] Поэтому Надир отказался от похода на Мешхед и вернулся на Запад по направлению к Хабушану.

Тем временем, Мелик Махмуд узнав, что Тахмасп направляется из Астарабада в Хорасан, решил, что воспользовавшись отсутствием Надира, он сможет наступить и уничтожить армию принца, прежде чем Надир вернется. Однако Мелик Махмуд поспешно вернулся в свою столицу, узнав о наступлении туда Надира из Мерва.[2]

Спустя несколько дней после того, как Тахмасп и Фатали-хан добрались до Хабушана, Надир вступил в город во главе 2000 курдских и афшарских войск.[3]

[1] Ibid., стр.35.
[2] Z.T., лист 212 (а).
[3] Ibid., лист 212 (b).

ГЛАВА III. НАЛАЖИВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НАДИРОМ И ТАХМАСПОМ: ЗАХВАТ МЕШХЕДА И НЕБОЛЬШАЯ КАМПАНИЯ (1726-1729)

Верность Надира принцу была очень важна для последнего, но для самого Надира это было еще важнее, так как давало ему возможность добиться большего, чем просто местной славы. Целью этой главы является описать как он воспользовался открывшимися перед ним возможностями и, устраняя своих соперников, преодолевая все препятствия и увеличивая свою военную славу, смог не только уцелеть, но также укрепить свои позиции в качестве главнокомандующего и главного советника Тахмаспа. Задача была не из легких, в первую очередь потому, что он имел очень грозного противника в лице Фатали-хана Каджара, чьи намерения были столь же честолюбивы, как и его. Во-вторых, Надиру вскоре пришлось обнаружить, что он не может надеяться на Тахмаспа, который был не более чем флюгер, склоняющийся то к одной, то к другой стороне; он был так же, как и его отец, марионеткой в руках своих министров. В-третьих, всякие претензии на высокое положение при Тахмаспе неизбежно навлекали на себя вражду министров, которые хотя обычно и завидовали друг другу, но всегда могли объединиться для того, чтобы препятствовать таким сильным личностям, как Фатали Хан или Надир, усилить свое влияния на их слабого господина; они опасались, и не без причины, что если эта личность преуспеет и сделает себя необходимым Тахмаспу, то периоду их влияния сразу же придет конец.[1]

Было очевидно, что Надир никак не мог надеяться на достижения больших побед, пока ему не удастся набрать и обучить несколько регулярных отрядов, подчинявшихся только ему, и которые, в отличие от большинства племенных новобранцев, составили бы основу его армии, не подлежали отзыву из его службы по собственному капризу или по прихоти некоторых правителей.

[1] Очевидно, что обвинения, которые Мирза Мехди и Мухаммед Мухсин обрушили на этих министров, не были просто предубеждениями как у Шейха Хазина (который придерживался просефевидских взглядов), о них невозможно было сказать ничего хорошего.

22 Мухаррама 1139 года (19 сентября 1726 года)[1] после остановки на несколько дней в Хабушане, Тахмасп в компании с двумя могущественными сторонниками отправился в Мешхед; спустя 10 дней они расположились у храма Ходжа Раби,[2] примерно в 3 милях севернее от Мешхеда. В пути усилилось острое соперничество между Надиром и Фатали-ханом, но первому удалось убедить Тахмаспа предоставить ему, а не его сопернику командование над войсками для того, чтобы напасть на город.

Как Махмуду не удалось взять Исфаган штурмом в 1722 году, так и Надир потерпел неудачу при штурме Мешхеда. Причина была одна и та же, а именно, с одной стороны: оборонительные сооружения, довольно крупный гарнизон и с другой, относительно небольшие наступательные силы, не обеспеченные артиллерией. В этих условиях у Надира не оставалось другого выбора кроме того, как отказаться от штурма и осадить город.

Во время осады напряжение между Надиром и Фатали Ханом переросло в борьбу за лидерство не на жизнь, а на смерть, исход которой зависел от отношения Тахмаспа; чье влияние смогло бы превалировать на принца, тот был бы победителем. Очевидно, Тахмасп был недоволен поведением Фатали Хана, и поэтому он был более благосклонно расположен по отношению к его сопернику. Надир, воспользовавшись ситуацией, убедил принца в том, что Фатали Хан заодно с Мелик Махмудом организовали заговор, и что они убьют Тахмаспа 14 Сафара (11 октября). Крайне противоречивы оценки этих событий у апологетов Надира (Мирзы Мехди и Мухаммеда Мухсина) с одной стороны, и у каджарских историков, с другой. В то время как Абдул Раззаг утверждает, что Надир оклеветал Фатали Хана, и это стало причиной его мучительной смерти,[3] Мирза Мехди придерживается мнения, что Фатали Хан вел интриги против Тахмаспа раньше появления Надира на сцене. Он замечает, что Тахмасп хотел убить главу каджаров, но Надир сказал, что будет достаточно заключить его в тюрьму, на что Тахмасп согласился; тем не менее, смертный приговор был приведен в исполнение без ведома Надира.[4] Версия Мирзы Мехди не объясняет все убедительно, и здесь не может быть сомнения, что поведение Надира за-

[1] T.N., стр.36.
[2] Описание этого храма в Колонеле есть в C.E.Yate Khurasan and Sistan, стр.338-340.
[3] The Dynasty of the Kajars, p. 5.
[4] T.N., стр.37.

служивает порицания;[1] все, что можно сказать в его оправдание, это то, что если бы влияние Фатали Хана на Тахмаспа оказалось сильнее, чем влияние Надира, то последний почти неизбежно подвергся бы изгнанию, а может быть и смерти.

Соперник Надира был устранен с пути и Надиру не составляло никакого труда убедить бездеятельного Тахмаспа предоставить ему руководство над делами; затем он сделал ряд назначений, или же стал их инициатором.[2] Сам он стал Гурчи-баши (Главой Артиллерии) и принял титул Тахмасп Гули Хана («Раб Тахмаспа»), в то время как один из его шуринов Калб Али бек был назначен Эшик-агасы.

Все свое внимание теперь Надир направил на осаду Мешхеда, которая была не более успешной, чем предыдущая его попытка. Мелик Махмуд, узнав о появившихся разногласиях в лагере Тахмаспа после убийства Фатали Хана, совершил вылазку.[3] Крупное сражение произошло у Ходжа Раби, в результате Мелик Махмуд потерпел поражение и отступил в город.

Хотя и Мелик Махмуд не рискнул совершить новое наступление из своего укрепления, Надир не предпринимал попыток взять город штурмом, и только из-за предательства Мир Мухаммеда, главнокомандующего Мелик Махмуда, он сумел проникнуть в город в ночь 16 Раби II (10-11 декабря 1726 года).[4] После тщетных стараний вытеснить отряды Надира из Мешхеда Мелик Махмуд сдался, отказавшись от короны *Kayani*, которую он надел около трех лет назад; он уединился в небольшой келье в усыпальнице Имама Ризы. Выполняя клятву, данную им перед захватом Мешхеда, Надир приказал отремонтировать святыню, позолотить купол и построить второй минарет.[5] Невозможно установить каковы были истинные намерения Надира при этом. Он мог быть все еще шиитом (если предположить, что гипотеза, предлагающаяся на стр.27 верна); более вероятно, что он только желал угодить муджтахидам и муллам, которые сохранили свое влияние.

---

[1] Ханвей полагал, что Фатали Хан был невиновен и что Надир спровоцировал его убийство; см. его Travels, том.IV, стр.17.
[2] Подробнее об этих назначениях см.: Z.T., лист 212 (b).
[3] T.N., стр.38.
[4] Ibid., стр.38 и Z.T., лист 212 (b).
[5] Этот минарет находится на южной части Шахни-Кухна, другой минарет, который расположен на северной стороне Шахна, был построен Шахом Тахмаспом I. M.Стрек в своей статье о Мешхеде в E.I. (том III, стр.471) отмечает, что Надир построил минарет в 1730 году; несомненно, это – дата завершения строительства.

Пробыв недолго в Мешхеде, Надир осознал, что недавно приобретенное им положение отнюдь не надежно. Правда, он снискал расположение Тахмаспа, но с другой стороны, он навлек на себя неприязнь его министров, которые использовали любую возможность, чтобы очернить мнение принца о нем. Тахмасп, по словам Мухаммеда Мухсина, «из-за своей молодости и доверчивости верил их необоснованным утверждениям».[1] К тому же, многие непокорные племена из Абиварда, Дараггаза, Келата и Хабушана, находившиеся под властью Надира, были очень ненадежны; он мог рассчитывать только на некоторых афшаров и джалаиров под предводительством Тахмасп Хана Векила.

Когда Тахмасп оставил Надира в Мешхеде и направился в Хабушан, министры удвоили свои усилия, пытаясь очернить Надира и одновременно ведя интриги с курдами из Хабушана. Принц был вынужден подписать приказы своим правителям областей Мазандарана, Астарабада и Гираили об оказании ему помощи против изменника Надира. По утверждениям, Тахмасп даже пытался склонить на свою сторону Мелик Махмуда.[2]

Узнав о таком опасном развитии событий, Надир поспешно направился в Хабушан, который по прибытии сразу же осадил. После поражения чамишказакских и карачорлукских курдов, воевавших на стороне Тахмаспа и его министров, Надир заключил соглашение с принцем, и тот согласился сопровождать его в Мешхед. В Мешхеде он принял Тахмаспа с большими почестями в день Новруза или Нового года 1139 (21 марта 1727 года); празднества и веселья продолжались целую неделю.[3]

Едва эти празднества подошли к концу, как вспыхнуло новое восстание курдов. Силы этих повстанцев получили пополнение от татар из Мерва и туркмен Ямрили. Пронесясь через Дараггаз, войска повстанцев окружили брата Надира Ибрагим Хана.[4]

---

[1] Z.T., лист 212 (б).
[2] T.N., стр. 40. Мирза Мехди отмечает, что Мелик Махмуд сообщил Надиру об этих действиях Тахмаспа. К сожалению, беспристрастных сведений об этих событиях не существует.
[3] Z.T., лист 213 (b).
[4] Мухаммед Казим из Мерва дает его полное имя как Мухаммед Ибрагим Хан, но он также был известен как Ибрагим Хан.

Надир вместе с Тахмаспом оказали помощь Ибрагим Хану, затем осадив, захватили Хабушан. После этого он разбил восставших в Даргазе, но ему пришлось вернуться в Хабушан и подавить новые волнения там. Его возвращение в Мешхед сразу же вызвало дальнейшие беспорядки, вспыхнувшие в Хабушане, подстрекательство которых приписывают Тахмаспу. В этих обстоятельствах чамишказахи и карачорлу объединяются с шадиллунскими курдами. Однако Надир быстро разрушил этот союз и направился в Нишапур вслед за Тахмаспом. Тем временем, татары из Мерва, подстрекаемые Мелик Махмудом, снова восстали. Надир, предпринимая меры для подавления восстания, убил Мелик Махмуда и его племянника Мелика Исхага.

Беспорядки также вспыхнули в Гаине, где глава Систана по имени Хусейн Султан, союзник Мелик Махмуда, изгнал правителя, которого назначил Надир.[1] 17 Дхул-Хиджи 1139 (5 августа 1727 года) Надир и Тахмасп отправились из Мешхеда в Гаин с 800 людьми и вскоре подчинили Хусейна Султана; сын и племянник Мелик Махмуда, которые были с ним, сбежали в Исфаган, где объединились с Ашрафом.

Из Гаина Надир наступил через Исфаган на Зиркухскую область и Мадхинабад против афганцев из Бихдадина.[2] Это наступление проводилось в разгар лета, поэтому ощущалась острая нехватка воды; к тому же артиллерийские орудия полностью тонули в песках близ Мадхинабада. Надир взял Бихдадин штурмом, затем осадил Санган,[3] который также отказался подчиниться. Здесь он едва избежал смерти, когда взорвалась одна из его пушек.[4] 1 октября он захватил Санган штурмом и предал мечу все население, потому что они за несколько дней до этого сделав вид, что подчинились, вновь возобновили военные действия. Затем были получены сообщения о том, что около 7000 из 8000 абдалисских афганцев из Герата добрались до Ниазабада для оказания помощи населению Сангана. Надир сразу же выступил на встречу к этим афганцам, с которыми он столкнулся близ Сангана. Зная, что его отряды неопытны и что множество поражений, которые афганцы нанесли персам, вынудило последних опасаться их, он не рискнул начать сражение. Вместо этого он расположил большую часть своих людей в засаде, в то время как он сам во главе хорошо подготовленной конницы

[1] T.N., стр.46. Текст Бомбейского издания сильно испорчен в этом месте.
[2] Это место теперь известно как Бехдавин.
[3] Это место теперь известно как Сангуни-Паин.
[4] T.N., стр.47.

из 500 человек совершил серию нападений на афганцев. Хотя войска, находящиеся в окопах, рвались в бой, Надир не разрешил им этого. После 4 дней сражений и стычек афганцы «сменили бои на поспешные отступления»[1] и удалились в Герат. Надир, который все еще чувствовал необходимость в осторожности из-за неопытности своих войск, воздержался от погони и вернулся в Мешхед. Еще не пришло время для реального испытания сил с отважными абдалисами.

Отношения между Тахмаспом и Надиром продолжались оставаться напряженными; министры первого использовали любую возможность, чтобы очернить удачливого «выскочку». Сообщают, что Тахмасп неоднократно убеждал Надира наступить прямо на Исфаган, но он каждый раз отвечал, что будет крайне неблагоразумно поступить так до тех пор, пока абдалисы Герата, которые были столь близки, не будут подчинены.[2]

Было, наконец, согласовано, что Надир и Тахмасп выступая соответственно из Мешхеда и Нишапура, встретятся у Султанабада (Турпшиз) и направятся в Герат с их объединенными войсками. Тем временем, Тахмасп, убеждаемый своими советниками не объединяться, сообщил Надиру, что он отправится в Мазандаран и предложил ему возглавить войска против абдалисов. Надир согласился и немедленно выступил; однако, обнаружив, что его враги среди министров и знати сеют недовольства в войсках, он отказался от наступления в Герат и вернулся в Мешхед.[3] Чуть позже набеги абдалисов на Биарджумандскую область (востоко-юго-восточнее Шахруда) заставили его поспешно уйти из Мешхеда в надежде перехватить афганцев. Добравшись до Гадамгяха, он узнал, что Тахмасп напал на бухаринских турков, которые были на его стороне. Надир обратился к Тахмаспу с предложением воздержаться и объединиться с ним против афганцев; Тахмасп в ответ вызвал его в Сабзавард. По пути к этому месту он узнал, что Тахмасп направил послание во все части Хорасана, требуя, чтобы его (то есть Надира) приказы и приказы его подчиненных не выполнялись.[4] Дойдя до Сабзаварда, он обнаружил закрытые ворота; после напрасного ожидания их открытия, он начал бомбардировать город, который вскоре

[1] Ibid, стр.48. Это игра слов в персидском тексте, которую я попытался воспроизвести; в подлиннике читается как: harb-ra bi-harb badai-sakhta.
[2] Ibid, стр.49.
[3] Z.T., лист 213 (b).
[4] Z.T., лист. 213 (b).

сдался. Не имея выхода, Тахмасп объединился с Надиром и поклялся в дружбе к нему. В ту же ночь часть воинов из гвардии и свиты Тахмаспа отправилась в Мазандаран с целью вызвать беспорядки в этой провинции. Спустя два дня Надир отправил принца в Мазандаран под фактическим арестом. После тщетных усилий отразить отступление участников афганского набега он сам вернулся в Мешхед.

Почти немедленно после этого Надиру сообщили, что туркменское население, обитающее на равнине между Дуруном и Астарабадом, совершает набеги в районы вокруг Даруна. Вызвав чамишказакских и карачорлуских курдов сопровождать его, он направился туда с карательной экспедицией. Однако курды отказались подчиниться и, атаковав, нанесли поражение Ибрагим Хану. Тем временем, Надир добрался до горы, известной как Балкан Даг,[1] возле которой он встретился и нанес поражение туркменам. На обратном пути Надир узнал, что курды нанесли поражение его брату, поэтому он напал на их страну и перебил большую их часть.

В самом разгаре этих событий один из сторонников Тахмаспа по имени Али Хан ибн Аслан направился в Бистам и провинции Астарабад и Мазандаран, где он назначил сторонников Тахмаспа на главные посты. Затем вспыхнули серьезные беспорядки в двух провинциях. Надир немедленно отправился в Астарабад, но повернул на север в Кафшгари, пересек Атрах и уничтожил повстанцев ямутских туркмен. После этого он отправился в Астарабад, где с ним объединился Тахмасп. Надир направился в Мазандаран с Тахмаспом и вскоре восстановил порядок в провинции; в ходе этих операций Зульфигар, глава враждебного ему клана, был убит. После принятия мер, устанавливающих контроль над проходами из Мазандарана в Тегеранскую и Кхарскую области, находящиеся в руках афганцев-гильзаев, Надир отправил к русскому двору послание от имени Тахмаспа, требуя возвращение Гиляна.[2]

[1] Это название ошибочно дается в Бомбейском издании T.N. как Пули-Хан Даги, стр.53. Джонес опускает это название.

[2] T.N., стр.55. Бутков отмечает (том I, стр.100), что Тахмасп написал генералу Левашову в декабре 1728 г. о том, что он вскоре вступит в Гилян вместе с Аврамовым (Российским консулом в Реште). Относительно посланника Тахмаспа в России и Константинополе в 1727-1728 гг. смотри послание Стеньяна из Константинополя, они находятся в Государственном Архиве S.P. 97, том XXV.

Оставив Тахмаспа у Сари, Надир в феврале или начале марта 1729 года[1] вернулся в Мешхед, после Новруза он начал готовиться к своему походу против абдалисов.

Решение Надира разбить абдалисов и вернуть обратно Герат прежде, чем попытаться вернуть Исфаган у гильзаев, свидетельствует о его здравой оценке ситуации. Несмотря на то, что абдалисы уже несколько лет не совершали крупных нападений на Хорасан из-за внутренних разногласий, все же они продолжали составлять потенциальную угрозу. Принимая во внимание их позиции и хорошо известные боевые способности, Надир боялся, что если он и Тахмасп со своими войсками будут какое-то время отсутствовать в Хорасане, абдалисы уладят свои разногласия и осмелятся захватить Мешхед, нанеся удар по основам власти Тахмаспа. Следует также отметить то, что в этом случае, фактически большинство ненадежных и непостоянных курдов и других племен из северо-восточного Хорасана забудут свои клятвы и объединятся с захватчиками или, по крайней мере, воспользуются случаем и избавятся от своей зависимости.

В течение предыдущих десяти лет абдалисы претерпели много перемен. Как уже было отмечено, они успешно избавились от персидского ига и разгромили карательную экспедицию, посланную Шахом против них; более того, они организовали свою экспедицию против гильзаев.[2] Однако их внутренние дела были крайне беспокойными. В 1718 г. Абдулла Хан Садозаи был убит соперником по имени Мухаммед Заман Хан, принадлежавшим к тому же клану; но последний вскоре был лишен власти другим вождем по имени Мухаммед Хан Афган. Новый глава осадил Мешхед на четыре месяца в течение зимы 1722-23 гг., но не смог взять его. Вернувшись в Герат ни с чем, неудачливый глава был смещен Зульфигаром, старшим сыном Мухаммед Заман Хана (чей младший сын Ахмед впоследствии стал известным как Ахмед Шах Дуррани). В 1137 году (1725-26) Рахман, сын убитого Абдуллы Хана Садозаи, решив отомстить за своего отца, напал на Зульфигара. Эта гражданская война завершилась только тогда, когда абдалисы отправили Зульфигара в Бакхарз и выслали Рахмана в Гандахар. Аллахяр

[1] Z.T., лист. 214 (а).

[2] Смотри: страницы 5 -7 выше

Хан, брат Мухаммед Хана Афгана, был затем избран главой, но вскоре его власть была оспорена Зульфигаром.[1]

Абдалисы, услышав о предстоящем нападении Надира на них, уладили свои разногласия и объединили силы, при этом Аллахяр Хан стал правителем Герата, а Зульфигар – Фараха.

Надир, закончив свои приготовления, 4-го Шаввала 1141 года (3 мая 1729 года)[2] покинул Мешхед в компании с Тахмаспом и направился на юг через Джам, Фармандабад[3] и Кариз.[4] В то же самое время абдалисы под командованием Аллахяр Хана наступали из Герата по северо-западному направлению.

У Кафир Гала[5] завязалось сражение между персидскими войсками и абдалисами, на том месте где десять лет назад абдалисы под руководством Мухаммед Заман Хана нанесли сокрушительное поражение сефевидскому генералу Сафи Гули Хану.

Надир, как и раньше, придерживался осторожной политики и сдерживал пыл своих войск; он окружил свою пехоту артиллерией и расположил кавалерийский отряд на фланге. Первыми напали абдалисы, и началось ожесточенное сражение. Персидская пехота была приведена в смятение боевыми способностями абдалисов, но Надир исправил ситуацию атакой кавалерии и сам убил одного из вражеских вождей; затем его ранили ударом копья в правую ногу.[6] Вскоре настала ночь, и стороны отошли на свои позиции.

На следующий день абдалисы отступили в Хари Руд, армия Надира последовала за ними.

---

[1] Подробнее об этих событиях смотри Сеид Мухаммед ал-Мусави Kitab-i-tahgig va tadad-i Agwan-i-Afghan (B.M. M.S. O.R. 1861) лист 5 (а) и 6 (b).

[2] T.N., стр 56.

[3] Теперь известен как Фарманабад.

[4] Кариз расположен в 81 миль западо-северо-западнее Герата. Это родина Хашим ибн Хакима, известного как al-Hakimul-Mrganna, «закрытый чадрой Пророк Хорасана» (умер в 780 г.).

[5] Так как этому месту недавно было дано новое имя Ислам Гала, то клеймо язычества сошло с этого места.

[6] T.N., стр.57. Согласно Абдул Кериму Алави «Тарихи-Ахмад» (Lucknow, 1850), стр.4, Надир ранен Абдалисом по имени Гаджи Мишкин, который поклялся убить его или умереть, покушаясь на его жизнь. Смотри также Мухаммед Адбур-Рахман «Тарихи-Ахмад Шах Дуррани».

Следующее сражение произошло у Кусуи, где после жестокой борьбы абдалисы потерпели крупное поражение и поспешно отступили в Херат, бросив свою артиллерию, палатки и обоз.

Надир и его войска быстро наступили в Герат через Тирпул. Аллахяр Хан, обновив свои войска, отправился в Герат, чтобы противостоять персам. Две армии встретились близ Рибати-Париана, деревни в нескольких милях западнее от Герата. Сражение продолжалось с раннего утра до середины дня, в результате абдалисы отступили, оставив больше тысячи убитых на поле битвы. Пыльная буря, продолжавшаяся 48 часов, помешала продолжению сражения. На третий день посланник от Аллахяр Хана прибыл в персидский лагерь с предложениями о мире, но Надир отказался слушать, пока Аллахяр Хан и его союзники-вожди не прибудут лично и не предложат их сами. Аллахяр Хан собирался уступить, но возобновил военные действия, узнав, что его бывший соперник Зульфигар выступил к нему на помощь.

Надир направил свои главные силы отразить нападения Зульфигара, а сам со значительной частью войск расположил лагерь у Шакибана. Зульфигар обойдя отряды, посланные против него, устроил засаду рядом с Шакибаном. Когда Аллахяр Хан предпринял атаку на Надира с востока, Зульфигар и его люди напали на персидский лагерь и стали его грабить. Отправив достаточное количество людей для вытеснения Зульфигара, Надир сумел с оставшимися частями противостоять атакам Аллахяр Хана. На следующий день он провел еще одно тяжелое сражение с Аллахяр Ханом, в котором одержал окончательную победу. Лидер абдалисов еще раз отправил посланника с предложением мира, но Надир дал прежний ответ. После этого некоторые из глав абдалисов лично пришли к Надиру; попросив прощения за свое поведение, они выразили не только покорность, но также готовность оказать помощь персам в борьбе против гильзаев. Несмотря на то, что Тахмасп и его министры были против принятия предложения абдалисов, Надир решил принять его. На следующий день большое число глав абдалисов пришло в лагерь, поднося подарки, в ответ им были подарены халаты из золотой парчи. Некоторые из самых известных глав поступили на службу к Тахмаспу, а Аллахяр Хан был официально назначен правителем Герата.[1]

---

[1] T.N., стр. 60.

Вскоре Надир и Тахмасп отправились домой и 4-го Зуль-Хиджа (1 июля) после двухмесячного отсутствия прибыли в Мешхед.

Несмотря на то, что эта кампания не полностью уничтожила силы абдалисов, она предотвратила дальнейшее выступление абдалисов.[1] Она имела важное значение, так как доказала, что абдалисы не являются непобедимыми и что персы при своей достаточной подготовленности и хорошем руководстве могут их победить. После многих лет заброшенности, отсутствия обучения[2] и дисциплины, персидская армия была, наконец, снова приведена в боевую готовность и научилась полагаться не только на лидера, но и на самого себя.

---

[1] Смотри, стр.62 ниже.

[2] Генерал-майор Сэр Ф.Голдсмид в своей интересной статье, названной «Персия и ее военные ресурсы» (в Журнале Института Королевской Объединенной Службы, том XXIII, 7 марта 1879 года) оценивая положение армии при последних сефевидах замечает: «...Оба, и Шах Аббас II и его сын Сулейман, предпринимали некоторые попытки восстановить силу и боеспособность армии, но был достигнут лишь незначительный успех... состояние войск еще более ухудшалось при последних сефевидских монархах. В те дни мирное положение оказывала негативное влияние на моральное состояние солдат. Ни муштровка, ни дисциплина, ни гарнизон, ни чувство долга не имели значения, если они вообще принимались во внимание; персидский сарбаз жил в своем собственном доме, и вероятно, в его обязанности перед страной входило только выстраивать раз в году или в полгода призывников на парад во всем обмундировании и демонстрировать свои орудия инспектирующему офицеру.

ГЛАВА IV. ИЗГНАНИЕ ГИЛЬЗАЕВ

Наконец, всякая угроза нападения со стороны абдалисов, по крайней мере на некоторое время, отпала; теперь Надир и его армия могли направить все свое внимание на более важную задачу – изгнание гильзаев из Персии и восхождение на престол Тахмаспа.

Как уже было отмечено в первой главе, дерзкое отношение Ашрафа к Турции вовлекло его в войну с этой страной;[1] какое-то время он также находился в состоянии войны с Россией, но ни одного крупного сражения между гильзаями и Россией не произошло.[2] Какое-то время Ашрафу удавалось противостоять туркам, численно очень превосходящим его армию, но, в конечном счете, он был вынужден уступить им большую часть своих территорий. Эта война показала, что, несмотря на безупречные боевые качества гильзаев, они не смогли сопротивляться такому могущественному государству, как Турция, которая имела более многочисленную и хорошо вооруженную армию. Как уже было отмечено, Ашраф из-за вражды со своим кузеном Хусейном не мог получить подкрепления из Гандахара.[3]

Невинной жертвой турко-афганской войны стал несчастный экс-шах Султан Хусейн. В конце 1726 года, когда командующий турецкими войсками Ахмед Паша Багдадский выступил против Ашрафа, он отправил послание последнему, в котором называл афганцев варварами, недостойными править цивилизованным государством и сообщал, что он направляется, чтобы снова восстановить Шаха Султана Хусейна на персидском престоле. Ашраф немедленно направил приказ в Исфаган обезглавить экс-шаха и прислать его голову в лагерь. Этот приказ был сразу же приведен в исполнение, после чего Ашраф отправил окровавленную голову к Ахмеду Паше.[4]

---

[1] Смотри стр.19-20 выше.

[2] Мухаммед Саидал предпринял неудачную попытку отобрать Гилян у русских в конце 1728; мир между Ашрафом и Россией был заключен 24 февраля 1729 г.

[3] Смотри стр.16 выше.

[4] T.N., стр.13 и Raudatu's-Safa, Том VIII. Мухаммед Мухсин (Z.T. лист 220 (а)) также отмечает смерть экс-шаха при этих событиях, но он ничего не говорит относительно того, что его голова была отправлена к Ахмеду Паше.

В мае и июне 1729 года до Исфагана дошли слухи о том, что Хусейн Султан из Гандахара собирается выступить против Ашрафа. За этими слухами последовали сообщения о том, что Тахмасп и Надир победив абдалисов начали наступление на Исфаган. Встревожившись, Ашраф послал подкрепление афганскому гарнизону в Газвине, и затем, 13 августа, он сам отправился в Тегеран с артиллерией и со всеми отрядами, которые ему удалось собрать.[1]

Услышав о наступлении Ашрафа на север, Надир, недавно вернувшийся из Герата в Мешхед, поспешно выступил против афганцев. Мухаммед Мухсин отмечает, что прежде чем выйти из Мешхеда, Тахмасп и Надир пришли к соглашению, по которому первый обязывался после возвращения Исфагана и вытеснения афганцев из Персии наградить Надира за службу провинциями Хорасан, Кирман и Мазандаран.[2] Мирза Мехди не упоминает об этом соглашении, но нет причин для сомнений в достоверности сведений Мухаммеда Мухсина.

18 Сафара 1142 года (12 сентября 1729 года) Надир и Тахмасп покинули Мешхед и направились через Нишапур в Сабзавар, чтобы освободить осажденный Ашрафом Самнан.[3] Со своей стороны Ашраф, после разделения части своих сил для продолжения осады Самнана, выступил на восток навстречу Надиру.

Афганские наступательные войска под руководством Мухаммед Саидал Хана сделали неудачную попытку захватить у Бистама артиллерию Надира. Затем Саидал отступил до Михмандоста, в $11\frac{1}{2}$ милях востоко-северо-восточнее Дамгана, где Ашраф вместе с основной частью своей армии объединился с ним.[4]

Надир продолжал наступление, пока не добрался до небольшой реки Михмандост, чуть восточнее одноименной деревни. На этом месте к утру 6-го Раби I (29 сентября) началось сражение.[5] Надир выстроил своих людей одним строем, окружив их мушкетерами и артиллерией, и отдал строгий приказ, чтобы никто не двигался и не стрелял, пока он не даст команду. Афганцы, как обычно, были выстроены в три дивизии. Они стремительно атаковали персидский центр, а затем напали на фланги. Надир дождался, пока афганцы не подошли на расстояние мушкетного выстрела, прежде чем отдать приказ о начале сражения. Несмотря на большие потери афганцев, они продолжали наступление, но к своему удивлению обнаружили, что персы способны не только выдержать их атаку, но даже перейти в наступление. Персидская армия нанесла им сокрушительное поражение, уничтожив афганские занбураки и вызвав большие потери среди них.[1] Как только афганский знаменосец был убит пушечным выстрелом, ряды афганцев разбились, и они начали отступать. Отмечают, что персы хотели преследовать врага, но Надир, понимая, что они еще недостаточно подготовлены, не позволил им этого.[2]

Ни Мирза Мехди, ни Мухаммед Мухсин не упоминают о количестве противостоящих сил и числе их потерь. Оттер оценивает численный состав афганцев как 50.000[3], что кажется преувеличенным; тогда как Ханвей оценивает численность персов в 25.000[4]. Коккель оценивает потери афганцев в 12.000, а потери персов в 4000 человек[5].

Несомненно, Надир достоин больших похвал не только за свое полководческое искусство и храбрость во время сражения, но также (что особо следует подчеркнуть) за его заблаговременное обучение отрядов и строгое принуждение к дисциплине. Результаты подготовки отрядов и его командования были почти сверхъестественными. Персы не только отстояли свои территории при встрече с афганцами, но также доказали что они сильнее своих грозных противников. Надир, как и Кромвель и другие великие полководцы, помимо того, что был беспре-

---

[1] Gombroon Diary, 4/15 и Июля и 13/24 октября, 1729 (основаны на письма Коккела и Гикая из Исфагана).

[2] Z.T., лист 215 (а). Очевидно, что из-за обещания, данного Тахмаспом Надиру в Мазандаране, он считал недействительным договор, заключенный с Россией в сентябре 1723 года, по условиям которого он обязался среди прочего уступить эту провинцию России; следует отметить, что этот договор никогда не был ратифицирован.

[3] T.N., стр.61; Хазин, стр.192.

[4] T.N., стр. 61.

[5] T.N., стр. 62.

[1] Мирза Мехди упоминает об «артиллеристе франкийской (Европейской) национальности» (topchian-I-firanginizhad), но кажется невероятным, чтобы Надир мог иметь каких-то иностранных артиллеристов в это время, должно быть, он просто использовал это выражение, чтобы подчеркнуть искусность персидских артиллеристов (европейские артиллеристы имели репутацию самых искусных).

[2] T.N., стр.62.

[3] Voyage en Turquie et en Perse, том I, стр.307.

[4] Том II, стр.27.

[5] Фразер «Надир Шах», стр.96. Шейх Хазин (стр.193) отмечает, что потери персов составили только два незначительно раненых человека!

дельно уверен в себе, мог также внушать безграничную веру в свое руководство.

Спустя некоторое время Надир и Тахмасп наступили на Дамгхан, откуда был направлен посланник в Константинополь с требованием вернуть провинции, захваченные турками; однако, посланник умер в Тебризе.[1] Из Дамгхана войска продолжали свое наступление на запад; по сведениям, в пути Надир воспользовавшись случаем высказал некоторые неприятные факты Тахмаспу, который в ярости отказался продолжать путь на какое-то время.[2] Тем временем, Ашраф отступил по направлению к Варамину и послал за подкреплением в Тегеран; а сам стал готовить засаду для персов в узком переходе в долине Хар. Получив от своих разведчиков предупреждение об этой засаде, Надир отправил большую часть своих мушкетеров атаковать противника с обоих флангов, пока он сам направлялся прямо на них. Такая тактика оказалась вполне успешной; он еще раз разгромил афганцев, которые бежали в Исфаган, бросив свою артиллерию и обоз.[3]

Прежде чем продолжить наступление, Надир убедил Тахмаспа отправиться в Тегеран (который покинули афганцы), как отмечает Мирза Мехти, «для улаживания там важных государственных дел».[4] В действительности, Надир хотел устранить принца, чтобы полностью развязать себе руки.

Прибыв в Исфаган после серии поражений, Ашраф казнил около 3000 улама и других знатных жителей, а его люди в это время грабили и поджигали базары. Опасаясь, как бы служащие английских и голландских ост-индских компаний не сбежали к Надиру, Ашраф завладел их имуществом, а самих заключил в тюрьму, где они находились 17 дней; затем им удалось сбежать с помощью своей стражи.[5]

---

[1] T.N., стр.63. Стеньян, британский посол в Константинополе, сообщал в донесении в Лондон, датируемом от 24 ноября/5 декабря, 1729 (S.P. 97, том XXV), что другой посол, который должен был быть послан до этого, прибыл в Константинополь в конце октября.

[2] Ibid.

[3] Ibid, стр. 64.

[4] Ibid.

[5] Смотри письмо от Агента в Гомбруне Джона Хорна в Лондон, датируемое от 31 декабря, 1729/11 января, 1730 (том XV, Persia and Persian Gulf Records), и Gombroon Diary, от 9/20 декабря.

Ахмед Паша из Багдада в ответ на просьбу Ашрафа послал ему несколько отрядов и, как отмечают, артиллерийское орудие.[1] Затем Ашраф направился на северо-северо-запад в деревню Мурчахур, рядом с которой он расположил лагерь.

Избавившись от присутствия Тахмаспа, Надир направился к Исфагану через Натанз[2] и находился примерно в нескольких милях от Мурчехура во время прибытия туда Ашрафа. Он не рискнул сразу начать атаковать афганцев, и в надежде вывести врага с их позиций сделал вид, как будто направляется к Исфагану. Уловка удалась, и Ашраф решил атаковать. Он в подражание надировской тактике в Михмандосте объединил свои отряды в одно целое и расположил свою артиллерию на флангах. Персы зашли в обход надвигающимся афганцам и атаковали их мушкетеров, находящихся впереди. Атака персов была столь удачной, что большая часть афганских артиллерийских орудий была захвачена; в результате состоявшегося рукопашного боя персы одержали победу несмотря на решительные атаки противника с фланга и тыла. Персы до конца воспользовались своим преимуществом, они захватили остатки афганской артиллерии и большое число пленных, среди которых было много турков. Утверждают, что Надир хорошо обращался с этими турками и освободил их.

Прибыв вечером в Исфаган, Ашраф стал немедленно готовиться к сражению. Были собраны все животные, которых можно было использовать для перевозки женщин, детей и сокровищ; спустя три дня они отправились в Шираз (13 ноября).[3]

Узнав об эвакуации афганцев из Исфагана, Надир выехал из Мурчехура и 16 ноября вошел в город. Одним из его первых действий

---

[1] Мирза Мехди (стр.65) отмечает, что Ахмед Паша отправил «некоторых паш и необходимое количество войск», а Шейх Хазин дополняет, что он также отправил отряд артиллеристов. Лонгриг в своем «Four Centuries of Modern Iraq» (стр.135, примечание 3) отмечает «С утверждением Джихан Гуша и Джонеса, что значительные турецкие войска под командованием Правителя Хамадана были за одно с афганцами, невозможно согласиться». Вероятно, был отправлен лишь небольшой турецкий отряд.

[2] Натанзская дорога, хотя и длиннее, чем дорога через Гухруд, но удобнее для артиллерии, чем последняя.

[3] Gombroon Diary, 24 декабря / 4 января (на основании писем от Коккела и Гикая из Исфагана, датируемых от 4/15 и 9/20 декабря). Мирза Мехди, однако, замечает в T.N. (стр.67) и Durra-yi-Nadira (стр.75 и 76), что Афшар покинул Исфаган в ту же ночь, когда он прибыл в Мурчехур. Так как Коккел и Гикай были на месте событий, их сведениям отдается предпочтение.

было известить Тахмаспа о своем успехе и убедить его приехать в Исфаган.

Таким образом, Тахмасп покинул Тегеран и 8 Джумади (29 ноября) вошел в Исфаган, спустя почти семь с половиной лет после своего бегства отсюда во время осады. Ханвей отмечал, что радость Тахмаспа связанная с возвращением в Исфаган сменилась печалью, когда он увидел, что от отцовского дворца «остались только голые стены», когда при его вхождении в гарем, «пожилая женщина обвела руками его шею, не помня себя от радости. Зная, что Ашраф увел с собой его сестер и других родственников, он был очень удивлен, узнав, что эта женщина его мать. Эта леди во время вторжения афганцев переоделась в одежду рабыни и выполняла тяжелые обязанности, которые обычно приходилось исполнять человеку в такой ситуации».[1]

В действительности, от Исфагана осталась одна тень;[2] он сильно пострадал во время осады 1722 года, а часть населения, уцелевшая после этого сурового испытания, погибла уже при последующей резне. Шейх Хазин, находившийся в Исфагане, вскоре после своего возвращения говорил:

«Я созерцал этот великий город полностью в руинах и заброшенным, несмотря на присутствие Шаха. Из всего населения и моих друзей едва ли кто-то уцелел».[3]

При прибытии Тахмаспа Надир сообщил ему, что он желает отправиться со своими людьми из Исфагана в Хорасан сразу же после проведения церемонии коронации. Очевидно то, что в действительности он не намеревался делать что-либо подобное. Он хорошо понимал, что шах при всей неприязни к нему и боязни его, не сможет обойтись без его услуг до тех пор, пока не только гильзаи, но также турки и русские не будут изгнаны с персидской земли. Как Надир точно предвидел, Тахмасп потребовал от него остаться и сделал это снова на следующий день в присутствии всех военнокомандующих. После долгих обсуждений Надир сделал вид, что передумал и объявил, что останется.[4]

---

[1] Travels, том IV, стр.35.

[2] Смотри перевод у La Mamye-Clairac (том III, стр.91и 92) официального турецкого донесения; это официальное лицо отправили в Исфаган после возвращения города, для того чтобы сообщить о ситуации там.

[3] Ahwal, стр.205.

[4] T.N.,стр.68.

Возвращение Исфагана и воцарение Тахмаспа на троне своего отца были событиями огромной важности. Хотя многое еще оставалось сделать для вытеснения с персидской территории всех захватчиков, все эти события помимо того, что удовлетворяли национальную гордость, но также и послужили хорошим предзнаменованием для будущего; они имели особое значение потому, что помогли персам вновь приобрести уверенность в себе. Однако, не Тахмасп, а Надир получил власть и славу в результате этих событий и вскоре он воспользовался этим фактом.

С другой стороны, возвращение столицы представляло большую значимость еще и потому, что позволило Надиру впервые вступить в прямые контакты с европейцами.[1] В то время европейская община Исфагана состояла из французского консула (Шевалье де Гардон, который сменил своего брата Сьер де Гардона два с половиной года назад); Уильяма Коккела, резидента английской ост-индской компании и его ассистента Джона Гикая; резидента и других представителей голландской ост-индской компании, нескольких священников и миссионеров, многие из которых были французами.[2]

В течение шести недель, проведенных Надиром в Исфагане, он несколько раз встречался с Коккелем и Гикаем, к которым в начале относился очень вежливо. После обещания возместить компании убытки, понесенные им во время афганской узурпации, Надир передал Коккелю письмо для Джона Хорна, агента в Гомбруне, в котором просил его принять меры, чтобы препятствовать бегству афганцев и действовать в Гомбруне как правитель и Шахбанда[3] до назначения персов на эти должности.[4] Тахмасп дал аудиенцию Коккелю и Гикаю и обращался с ними с большой любезностью; он также обещал компании возместить их убытки. Гомбрунский представитель, цитируя его слова:

---

[1] Кроме его встречи или встреч с греческим путешественником Basil Batatzes в Мешхеде в 1728 г. (смотри стр.223 И. Легранд французский перевод Batatzes's «Путешествий», называющийся Voyages de Basil Vatace en Europe et en Asie, Париж, 1886).

[2] С этого времени, изучение сведений о Надире становится легче, так как теперь можно дополнить материалы персидских историков сведениями из первых рук европейских источников, хотя отсутствуют полные записи одного автора.

[3] Шахбандар – это официальное лицо, взимающее таможенные пошлины со всех торгующих, прибывающих в порт (смотри le Bruyn, цитируемое произведение, том I стр.206).

[4] Gombroon Diary, 9/20 декабря, 1729 г., ссылается на письма из Исфагана.

«Написал полководцу Шаха Томаса[1] очень почтительное письмо, поздравляя его с успехом Его высочества… (я) увеличил помощь, которую предоставил здесь его людям (т.е. в Гомбруне) и убедил его в нашей готовности поддержать интересы Его Высочества».[2]

Ободряемый надеждой, Коккель вручил ценные подарки Шаху и Надиру. Голландцы, не желая отставать, преподнесли более ценные подарки.

К несчастью, радужные перспективы, питаемые всеми, оказались краткосрочными. Так, возникла крайне неблагоприятная ситуация для Англии и Голландии. Хотя представители обеих компаний имели в основном хорошие личные отношения друг с другом, но временами происходили серьезные разногласия, и тогда одна компания вела интриги против другой. По этой причине, согласно английским источникам, голландцы, желая дискредитировать своих конкурентов, убедили Надира в том, что будто англичане активно помогают афганцам; англичане не ответили встречными обвинениями. Надир сразу же повернул этот инцидент в свою пользу. Сделав вид, что он поверил в верность заявлений голландцев, он направил мухассилов (сборщиков налогов) в английские фактории, потребовав выплатить 3000 туманов (£ 7000), из которых 1000 туманов должны были быть выплачены сразу. На отказ Коккеля и Гикая заплатить эту сумму, последние были предупреждены, что будут избиты. В конечном счете, Надир согласился принять 300 туманов; забрав деньги, мухассилы увели также всех их лошадей.[3] Возмущенные таким своевластием Коккель и Гикай намеревались покинуть Исфаган; они собирались переговорить с Надиром лично, но он покинул Шираз прежде, чем они успели это сделать. После его отъезда они выразили Шаху недовольство таким обращением с ними; приняв этих представителей, он заверил их в том, что «он не только вернет им взятую сумму, но также компенсирует потери, которые компания понесла во время офгунского (афганского) мятежа».

---

[1] Это обычная манера, в которой представители ост-индской компании писали «Шах Тахмасип», иногда порядок слов был обратным, что, как замечает Керзон, «имело не очень королевское звучание»!

[2] Письмо, датируемое 31 декабря, 1729 г. / 11 января 1730 г. от Джона Хорна в Лондон (в томе XV, Persia and Persian Gulf Records).

[3] Gombroon Diary, 14/25 Февраля, 1730.

После этой аудиенции Коккель и Гикай решили остаться в Исфагане, пока они не удостоверятся в том, что «Надежды и Обещания даны им не для того, чтобы насмехаться над ними…».[1]

Шах, который был расположен к Коккелю и Гикаю, в компании со своими министрами посетил факторию компании, где в их честь был показан фейерверк: «… среди которого была фигура Хосрова (Ашрафа), которую собирались сжечь по европейскому обычаю, что для персов было совершенно новым и уместным; они были восхищены этим, как и их отношением в целом».[2]

Тахмаспа описывают при этом как «очень молодого человека, который больше всего восхищался визитом и обошел все места, которых он раньше не видел, сидя взаперти в городской тюрьме во дворце своего отца во время своего несовершеннолетия…».

Хотя Тахмасп и сидел теперь на престоле своих предков, он понимал, что является Шахом только номинально. Какое-то время Надир препятствовал ему назначать каких-то министров или чиновников на том основании, что деньги, которые придется им платить в качестве жалованья, лучше использовать для нужд его армии.[3] Как подтверждение своих все возрастающих претензий, Надир женился на Разие Бегим, одной из сестер Тахмаспа без предварительного получения шахского согласия.[4] Он уже получил разрешение Тахмаспа на помолвку своего старшего сына Рзы Гули с Фатимой Султан Бегим, с другой дочерью покойного Шаха Султана Хусейна; эта помолвка должна была состояться в Мешхеде, где, согласно Мухаммеду Мухсину, Тахмасп

---

[1] Ibid, 7/18 марта, 1730.

[2] Письмо из Гомбруна в Лондон, 2/13 Апреля, 1731, в томе XV, Persia and Persian Gulf Records.

[3] Смотри очень интересные сведения Chevalier de Gardane о Надире и о его поведении в это время; La Mamye-Clairac опубликовал в третьем томе (стр.105-109) своей Истории цитаты из Chevalier «Relation». Это«Relation» согласно La Mamye-Clairac, состоит «из достоверной информации о событиях, происходивших в Персии с 1727 г. до сегодняшнего дня, до мая 1730 г.»; этот отчет был, как он отмечает, опубликован в отдельном выпуске в Gazette de Hollande в декабре, 1731 г. и январе, 1732 г. (мне не удалось найти эти номера Gazette de Hollande; их нет в Библиотеке Британского Музея).

[4] Gombroon Diary, 30 апреля/ 10 мая, 1730. Согласно Буткову (том I, стр.114) Разия Бегим прежде была женой грузинского принца.

согласился уступить Надиру провинции Хорасан, Кирман и Мазандаран в феодальное владение.[1]

Радость народа изгнанием афганцев и реставрацией Сефевидской монархии вскоре была «значительно омрачена из-за денег, которые было приказано собрать со всех слоев населения для содержания раздетых и голодных солдат, которые собирали таким насильственным и жестким образом, что одни были избиты до смерти, а другие полностью разорены».[2]

Войска Надира, действительно, вели себя очень жестоко по отношению к населению Исфагана; грабили их дома и даже захватывали часть населения и продавали их как рабов.[3] И неудивительно, что вскоре люди начали понимать, что было бы лучше, если бы они остались под властью афганцев.

Надир отложил преследования Ашрафа по двум причинам. В первую очередь, он хотел воспользоваться своими военными успехами и возвращением столицы для укрепления своей собственной позиции; во-вторых, было необходимо дать своим войскам отдохнуть, одеть и снарядить их как следует, прежде чем отправляться на юг в середине зимы.

Интересно отметить впечатление, произведенное Надиром в это время на французского консула Шевалье де Гардон

Шевалье описывает его как:

«... un homme d'environ quarante ans, élevé dés son enfance dans le métier des armes; valereux s'il en fut jamais; d'ailleurs homme d'entendement, franc et sincére, récompensant bien ceux qui se portent vaillament, et punissant de mort ceux qui se lachent le pied dans les occasion ou il y a moyen de resister. Il donna d'abord des preuves de sa capacite, de sa fidélité dans diverses occasions ou il fut employé, et quand il se vit bien avant dans les bons graces du Roi, il lui apprit a discerner les flatteurs et les traitres, l'obligea a chatier les uns et a éloigner les autres »[4]

Перед выездом Надира из Исфагана, шах, несомненно, при подстрекательстве своих министров, написал турецкому султану, чтобы сообщить о возвращении Исфагана; в этом же послании Тахмасп тре-

[1] Смотри стр.44-45 выше
[2] Gombroon Diary, 14/25 февраль, 1730.
[3] Ibid., 5/16 июля, 1730.
[4] La Mamye-Clairac, цитируемое произведение, том III, стр.105.

бовал у Султана вернуть персидские провинции, которые он все еще удерживал. В завершении письма он отмечает, что направляет Рза Гули Хана Шамлу, бывшего полководца Шаха Султана Хусейна, представителем в Константинополь. О последствиях этих событий речь пойдет в следующей главе.

Тем временем, афганцы в Кирмане узнав о поражении Ашрафа, оставили город 19 декабря, взорвав крепость.[1]

Несмотря на суровость погоды 24 декабря Надир начал наступление из Исфагана на Шираз. Двигаясь по Абаргуху и Мешхади-Мадари-Сулейману (Пасаргад), он прибыл в Зарган, в 21 миль северо-восточнее от Шираза, где столкнулся с Ашрафом, ожидавшим его с армией из 20.000 человек. В ходе ожесточенного сражения Ашраф проявил все свое военное искусство. В результате, только благодаря решительному руководству Надира и стойкости его людей, персы одержали победу. Афганцы беспорядочно отступили в Шираз.[2]

На следующее утро Ашраф послал Мухаммед Сандал Хана и двух знатных афганцев в лагерь Надира с просьбой о пощаде. Надир ответил, что согласится помиловать и примет покорность Ашрафа в том случае, если он сначала передаст оставшихся в живых членов семьи Шаха Султана Хусейна, которые все еще были узниками афганцев. Эти люди (в основном все женщины) были отпущены, но Ашраф, действуя по совету Сандала, покинул Шираз с оставшимися войсками в надежде бежать в Гандахар.

Надир, увидев пыль, поднятую афганцами, понял, что его обманули и начал преследование. Его наступательная гвардия, состоявшая из 500 афшаров и гарачорлухских курдов, догнала афганский арьергард у Пули-Фаса в 10 милях юго-восточнее от Шираза. Состоялось сражение, в ходе которого часть афганцев была захвачена, другая часть была загнана в реку и потоплена.[3] Однако Ашрафу удалось спастись и сбежать в Лар. Надир сам преследовал беглецов несколько фарсаков, но, не сумев догнать их, он вернулся в Шираз, откуда отдал приказы закрыть им все дороги.

[1] Gombroon Diary, 19/30 января 1730. (основываясь на письма от армянского агента Компании в Кирмане).
[2] Согласно Рузнаме Мирзы Мухаммеда Ширази (стр.6), 10.000 афганцев было захвачено в плен. Смотри также Фарс-наме, стр.167.
[3] T.N., стр.71.

Часть побежденных гильзаев, включая брата и племянника Ашрафа, отделилась от Ашрафа и основной части его сторонников и направилась к берегу у Бандар Рига. Брат Ашрафа имел при себе немного драгоценностей, с которыми он надеялся подкупить арабов, чтобы те выступили на стороне афганцев. Не получив ожидаемого ответа от арабов, беглецы направились на юг в Чарак в поисках судна, на котором можно было бы сбежать. Надир, очевидно, ожидал такого поворота событий со стороны афганцев, так он написал резиденту ост-индской компании в Гомбруне, требуя от него отсылать «граб»[1] компании и другие суда для того, чтобы задерживать всех афганцев, стремящихся сбежать морем, и сообщить арабским шейхам на берегу, что:

«если кто-то из них позволит, кому-нибудь из афганцев сбежать через его гавань, то он вместе со своими женами будет продан в рабство».[2] Неизвестно, согласился ли агент с этой просьбой; если он и сделал это, то его усилия, как будет сказано ниже, были безрезультатными.

Тем временем, брат и племянник Ашрафа и их товарищи прибыли к Чараку в крепость Шейха Ахмеда Мадани, самого непокорного местного вождя. Хотя Шейх вначале отказывался помогать беглецам, позже он согласился сделать это, т.к. они, как и он, были суннитами.[3] Получив судно, афганцы переправились в Джульфар (Расул–Хейма), в арабскую сторону Залива. Несчастные беглецы были сразу же атакованы арабами из Омана, которые перебили большую их часть, а остальных превратили в рабов. Когда Шейх Хазин спустя несколько лет посетил Мускат, он встретился и говорил с племянником Ашрафа и другими представителями рода гильзаев, которые работали в качестве саггасов или водоносцев.[4] Шейх Рашид из Басида перебил часть афганцев близ Линга, когда они пытались бежать морем.

---

[1] «Grab» - это английское искажение арабского слова, ghurab, которое в действительности означает «ворона», но оно также используется для обозначения типа судна, наиболее часто используемого арабами. Olaf Toren в своей книге «A Voyage to Suratte, China, etc.» (Лондон, 1771), стр.205, описывает «grab» как двух- или трех- мачтовое судно, оснащенное по европейской манере, с низким и острым носом как у галеры.

[2] Gombroon Diary, 1/12 февраля, 1730.

[3] Ibid., 13/24 января. Шейх Хазин утверждает (стр.228), что суннитские арабы Персидского залива принадлежали к шафийской секте.

[4] Шейх Хазин, стр.202.

Ашраф в сопровождении около 2000 мужчин и множества женщин покинул Лар в начале февраля и продолжил свое бегство на восток. В конце месяца посыльный ост-индской компании по дороге из Кимрана в Гомбрун встретил Ашрафа и его сторонников в Ширджанской области.[1]

По мере продвижения их число быстро сокращалось частично из-за вражеских действий и частично из-за дезертирства. Источники расходятся во мнении о том, где и как был убит Ашраф. Самым приемлемым считается мнение о том, что он и несколько его сторонников, которые все еще находились с ним, были убиты в Белуджистане или близ границы Систана одним из сыновей Абдуллы Хана, влиятельного брахойского вождя.[2] С другой стороны, Хусейн Султан из Гандахара сообщил Надиру, что Ашраф был убит войсками, которые он посылал для его задержания, рядом с Зард Кухом.[3] Кроме того, эти сведения находят подтверждение у Мирзы Мехди, а также подтверждаются сведениями, которые Мартин Фрейч, представитель ост-индской компании в Басре, отправил в лондонский офис компании 9-20 сентября 1730 года.[4] Фрейч утверждает, что афганец по имени Мухаммед Хан, который раньше был церемонейстром Ашрафа, прибыл в Басру на несколько дней раньше. Мухаммед Хан утверждал, что сопровождая своего господина в его отступлении к Гандахару и после двухдневного передвижения в этом городе они неожиданно столкнулись с основной частью отрядов Хусейна. Эти люди убили Ашрафа и некоторых его сторонников, но Мухаммед Хану удалось сбежать к берегам Белуджистана, где он нанял судно, чтобы переправиться через Мускат в Басру. Кажется несколько сомнительным то, что не Абдулла Хан, а Хусейн из Гандахара является тем, кто положил конец карьере Ашрафа.

С окончательным поражением Ашрафа и уничтожением его армии успешно завершается первая из основных задач Надира. Теперь его ожидала другая трудная задача, а именно – вытеснение турков.

---

[1] Gombroon Diary, 17/28 февраля.

[2] Шейх Хазин (стр.203), отмечает, что Абдулла Хан отправил голову Ашрафа Тахмаспу, вместе с дорогим бриллиантом, который был найден на нем. Смотри также M. Longworth Dames in E.I. том I, стр.637.

[3] T.N., стр.78; смотри также HG Ravertry « Notes on Afghanistan and part of Baluchistan Geographical, Ethnographical and Historical » (Лондон, 1888), стр. 609.

[4] Том XV, Persia and Persian Gulf Records.

ГЛАВА V. ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ КАМПАНИЯ НАДИРА И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ИМ АБДАЛИСОВ

Надир находился в Ширазе до наступления Новруза. Во время пребывания там он приказал восстановить город и сам внес 1.500 туманов (£ 3500) на восстановление мечети Шах Чираг, кроме этого, подарил набор золотых канделябров и некоторое количество золота, из которого должны были сделать светильную лампу.[1]

Шираз очень пострадал в течение последних нескольких лет; в ходе последнего сражения с афганцами большая часть города и фактически все сады были разрушены. Все индийские банъяны (индусские купцы)[2] и большая часть горожан были убиты афганцами в ответ на нападение их на последних с окраин города при получении новостей о поражении Ашрафа в Мурчехуре.[3] Продолжавшиеся несколько дней снегопад и дождь усилили опустошения и разрушения, причиненные афганцами.[4] Мухаммед Али Хан ибн Аслан Хан был назначен правителем Фарса. Он предпринимал активные меры, стараясь вновь разбивать сады; по его приказу было посажено несколько тысяч деревьев.[5]

В то время как Надир находился в Ширазе, он договорился отправить с миссией к могольскому императору Мухаммед Шаху Али Мардан Хана Шамлу, человека, которому он полностью доверял[6], что-

[1] «Рузнамэ» Мирзы Мухаммеда Ширази, стр.7; эти сведения имеются в Фарс Намэ, стр.168.

[2] Le Bruyn, который находился в Ширазе в марте 1705 г. предполагает, что в городе в это время находилось 10.000 таких индийцев (цитируемое произведение, том II, стр.46).

[3] Gombroon Diary, 3/14 декабря, 1729 г. Ширазские представители Английской и Нидерландской ост-индской компании были схвачены, ограблены и изгнаны из города, а учреждения компании разграблены; потери английской компании оценивались примерно в £17.000. Подробные сведения об этих беспорядках даются Мирзой Мухаммедом Ширази, стр.4 и 6.

[4] Мирза Мухаммед Ширази, цитируемое произведение, стр.5.

[5] Ibid, стр.10. В это время было посажено множество сосен и платановых, а также фруктовых деревьев.

[6] Gombroon Diary, 21 июля/ 1 августа, 1730 г. Агент описывает Али Мардан Хана как ставленника Надира.

бы сообщить о возвращении Исфагана, вступлении на престол Тахмаспа II, а также о намерении вернуть Гандахар. В письме Тахмаспа, содержащем эти сообщения, не указывается дата начала гандахарской кампании, но есть просьба к Императору закрыть свои границы для всех афганских беглецов, как только начнутся военные действия[1] в общих интересах его государства и Персии.

Согласно Мирзе Мехди,[2] Надир выразил свое намерение вернуться в Хорасан, но сомнительно, действительно ли он хотел это сделать. Ему был уже знаком вкус победы, он стоял во главе огромной армии, и как будет показано ниже, у него, по всей вероятности, уже был готов план лишения Тахмаспа трона. Его амбиции были безграничны, и именно поэтому кажется невероятным то, что он мог размышлять об удалении в Хорасан в относительную безызвестность, тогда как «его ноги уже крепко стояли на лестнице, которая вела к большим победам». Он не в первый раз делал такое заявление[3] и (как будет видно далее) отнюдь не в последний раз; на самом деле, он хотел скрыть свои действительные намерения, пока не убедится, что настал момент отбросить всякое притворство. Но, его попытки даже на этом раннем этапе были тщетны, так, через приблизительно два месяца и Шевалье де Гарден и Коккель отмечали, что в Исфагане считают, что он стремится занять трон. Шевалье говорил о нем следующее:

«Les rares talens que ce Général a pour la guerre, le bonheur qui l'accompagne dans toutes ses expéditions, la confiance du soldat qui l'aime et lt craint, tout cela joint ensemble l'a rendu redoubtable chez les ennemis, et suspect dans la ur du Roi son Maître... Ispahan le Peuple, la Cour, Le Roi lui-même, tous craignent qu'il n'ait l'ambition de monter plus haut, et il ne sçaurait plus faire un pas en avant sans se saisir du Thrône».[4]

[1] T.N., стр.72. Текст этого письма полностью дается в начале II-го тома, Ta'rikh-I-Shahadat-I-Farrukh Siyar va Jalus-I-Muhammad Shah, индийского историка Мухаммеда Бахыша. В ответ на требование Надира, голландцы предоставили Али Мардан Хану возможность плавать из Гомбруна на одном из их судов, которое затем капитан отказался перевести за пределы Муската. Тогда английская компания, стремясь восстановить свое постоянное расположение, отправила судно в Мускат, чтобы доставить посланника в Индию.

[2] Ibid.

[3] Смотри стр.48 выше

[4] La Mamye-Clairac, том III, стр.107.

Прежде чем продолжить рассказ о продвижении Надира, необходимо коротко охарактеризовать позицию Турции по отношению к Персии в этот период. В первой главе уже упоминалось о том, что Турция, так же как и Россия, воспользовавшись беспорядками в Персии, захватила большую часть ее территории. В результате турецко-афганской войны она захватила еще больше территорий. В начале 1730 года она владела всей Грузией, Арменией, Азербайджаном, частью Дагестана и Ширвана (остальной частью этих двух провинций владела Россия), большей частью Персидского Ирака и всем Персидским Курдистаном, Хамаданом и Кирманшахом.

Стремясь вытеснить афганцев, Тахмасп несколько раз обращался за помощью к Турции и России. К октябрю 1729 года персидский эмиссар прибыл в Константинополь, но турки приняли его несколько холодно из-за боязни обидеть Ашрафа. В начале следующего года человек по имени Мухаммед Али Рафсанджани, который называл себя Сафи Мирзой,[1] прибыл в турецкую столицу и был хорошо принят Портой, хотя персидские министры и объявили его самозванцем. В начале апреля 1730 года в Константинополь дошли слухи о поражении и бегстве Ашрафа; в этом же месяце Султан получил письмо от Тахмаспа, в котором последний официально сообщал ему о возвращении Исфагана и требовал возвращения провинций, захваченных Турцией. В июне Рза Гули Хан Шамлу прибыл в Константинополь и повторил это требование, угрожая войной в случае, если Порта откажется уступить.[2] Тем не менее, переговоры состоялись, и был подписан договор, в общем предусматривавший возвращение оккупированных территорий Персии и выплачивание ею выгодной суммы Турции для возмещения последней расходов, которые она понесла.[3]

[1] Этот человек был вторым претендентом на персидский трон в качестве Сафи Мирзы. Первый был убит три года назад. Мухаммед Ага прибыл в Шуштар в дервишском наряде в августе 1729 г., тогда он провозгласил себя Сафи Мирзой, заявив таким образом о своих претензиях на трон. Хотя ему удалось собрать некоторых сторонников среди горожан, правитель Шуштара схватил его при переходе турецкой границы. Местная турецкая власть отправила мнимого Сафи Мирзу в Константинополь, так как она считала, что можно будет использовать его. Стеньян в послании, датируемом от 6/17 февраля, замечает о прибытии «Сафи Мирзы» и добавляет: «Порта намеревалась использовать его для согласования этого вопроса с тем, кто останется королем Персии». (S.P. 97, том XXVI).

[2] Смотри стр.52-53, выше.

[3] Стеньян, 2/13 июля, S.P. 97, том XXVI.

Надир решил не дожидаться получения ответа от Порты на вышеупомянутое письмо и сообщение, отправленное через Рза Гули Хана. Покинув Шираз 18 Шабана 1142 года (8 марта 1730 года), он отправился в Дизфул через Башт, Бехбехан, Рам Хомруз и Шуштар. В Дизфуле он принял Мухаммед Хана Белуджа, которого Ашраф направил послом в Константинополь в 1727 году. Мухаммед Хан Белудж покинул Константинополь в сентябре 1729 года. Узнав в пути о поражении и отступлении Ашрафа, он после некоторого колебания[1] решается отдать Надиру письма, которые Султан поручил передать Ашрафу. В награду за это Надир назначил Мухаммед Хан Белуджа правителем Кухгилу.

Надир отправился ночью из Буруджирда в Нихаванд, где он внезапно напал и разбил турецкий гарнизон; продолжая свой успех, он вынудил отступить многочисленные турецкие войска у Малаира[2]. Примерно 18 июня он захватил Хамадан,[3] не встретив никакого сопротивления; турецкий командующий и гарнизон поспешно отступили в Синандидж, а оттуда в Багдад. Надир задержался в Хамадане на месяц, в течение которого части его войск вновь захватили провинцию Ардалан и Кирманшах. 1 Мухаррама 1143 года (17 июля) он покинул Хамадан с целью вытеснения турков из Азербайджана.[4]

Тем временем, новости об активном наступлении Надира дошли до Константинополя, и 24 июля Порта объявила войну Персии. Несмотря на объявление войны и обширные приготовления, которые проводились, Ибрагим Паша, миролюбивый Главный Визирь, послал эмиссара к Шаху, убеждая последнего признать договор, подписанный Рза Гули Ханом от его имени. Одновременно Ибрагим Паша направил указания Ахмед Паше в Багдад сделать все возможное для достижения

[1] Смотри сообщение от 29 июня/ 10 июля 1730 года от графа Кинноула (сменившего только что Абраама Стеньяна в качестве посла в Константинополе), S.P. 97, том XXVI (Джордж Хэй, 7-й граф Кинноул, стал пером Великобритании 31 декабря 1711 года с титулом Барона Хэя из Педвардина; о подробностях его карьеры смотри Douglas's Purage of Scotland (Edinburgh, 1813), т. II, стр. 48, 49 и D.N.B.).

[2] T.N., стр.75 и 76.

[3] T.N., стр.78.

[4] Ibid, ст.78. Прежде чем покинуть Хамадан, Надир получил фал или предсказание от Хафиза; этот фал очень уместен для прочтения: «Iraq va Fars girifti bi-shi'r-I-khush Hafiz, bi-a rih naubat-I-Baghdad va vagt-I-Tabriz ast». «Ты захватил Ирак и Фарс своей прекрасной поэзией, Хафиз, сделай это теперь для возвращения Багдада и Тебриза».

согласия с Персией.[1] Эти попытки добиться мирного урегулирования были сорваны активным наступлением Надира.

Наступая через Синандидж (где он получил известие о смерти Ашрафа от Хусейна Султана),[2] Надир попытался атаковать многочисленные турецкие отряды,[3] расположенные в Мияндуабе между Димдимом и Марагой. Согласно Мирзе Мехди, турки отправились из Мияндуаба, чтобы выступить против него, но при виде его войск поспешно отступили по направлению к Мараге прежде, чем был сделан хотя бы один выстрел. Преследуя турков примерно 20 милей, он перебил и взял в плен большую их часть, а также захватил всю их артиллерию и обоз.[4] В результате этой победы области Димдим, Сауджбулаг, Мукри и Марага были возвращены Персии.

Проведя два дня в Мараге, Надир направился на северо-восток к Дех Харигану, деревне близ озера Урмия, где находились немногочисленные турецкие войска. Эти турки отступили к Тебризу, где сразу же после их прибытия вспыхнул крупный мятеж под руководством главнокомандующего Мустафы Паши. Многие турецкие офицеры были убиты мятежниками, а оставшиеся верные им воины были изгнаны. На следующее утро после беспорядков турецкие мятежники выступили из города и вместе с верными им турками были атакованы войсками Надира. Пока мятежники отступали к Эрзеруму, Мустафа Паша и его люди были разгромлены близ Сухейлана, между Тебризом и Суфианом.[5]

На следующий день (12 августа) Надир вступил в Тебриз. Другая турецкая армия под руководством Рустама Паши из Хаштаруда приближалась в это время к Тебризу, с намерением оказать Мустафе Паше помощь, не зная о его поражении. Рустам Паша не догадывался о своей ошибке до тех пор, пока не стало слишком поздно; Надир поспешно выступил из Тебриза и нанес сокрушительное поражение его войскам, захватив его и некоторых его офицеров. Как отмечают, он обошелся с Рустамом Пашой доброжелательно, предоставив ему и остальным ту-

[1] Смотри донесение Лорда Киноула от 24 июля/ 14 августа, S.P. 97, том XXVI.
[2] Смотри стр.55, выше.
[3] Для усиления местного гарнизона прибыл крупный контингент под командованием Тимура Паши, правителя Вана и Али Рзы Паши, правителем Мукри.
[4] T.N., стр.79.
[5] Ibid, стр.80.

рецким офицерам свободу, Надир через них направил Главному Визирю предложение о мире.[1]

Новости о последующих персидских победах дошли до Константинополя в августе. После того как Турция стала подозревать Россию в оказании тайной поддержки Персии, между Турцией и Россией еще более обострилась напряженная обстановка. И в самом деле, для этих подозрений была реальная почва, потому что генерал Левашев, получив разрешение из Санкт-Петербурга, направил часть своей артиллерии и нескольких офицеров-механиков, переодетых как персы, для оказания помощи персидским войскам, осаждающим Ардебиль.[2] Левашев сам выступил посредником при капитуляции города, который некоторое время после турецкой эвакуации был занят русскими.[3]

Новости о победах Надира произвели сильное впечатление на Месопотамию и Сирию; Шевалье де Гарден, который направился из Исфагана во Францию, проезжая по этим странам в конце мая 1730 года, обнаружил, что

«depuis Basra jusqu'à Bagdad, et depuis Bagdad jusqu'aux portes d'Alep, tout tremble au seul nom de Tahmas-Couli-Kan».[4]

Получив приказ начать военные действия против Персии, Главный Визирь решил задержаться в Скутари, надеясь, что благодаря дипломатическим мерам, предпринятым им, ему не придется вступать в войну. Однако в сентябре стало известно о возвращении Персией Хамадана, Кирманшаха и Тебриза, и о мятеже, который произошел до отступления из Тебриза. До столицы также дошли новости о наступлении мятежников в Тебриз и о другом мятеже, вспыхнувшем в Эрзеруме.

Враги Ибрагима Паши утверждают, что падение Тебриза было обусловлено теми приказами, которые он отдавал Мустафе Паше и до-

[1] T.N., стр.81. Мирза Мехди неверно замечает, что это произошло в то время (12-16 августа), когда Надир узнал о свержении Султана Ахмеда III, вступлении на престол его брата Махмуда (sic) и убийстве Ибрагима Паши, Главного Визиря; эти события произошли только в конце сентябре 1730.
[2] Manstein, Mémoires Historiques, Politiques et Militaires sur La Russie, Lyons, 1772, том I, стр.96. Между двумя государствами усиливались разногласия из-за инцидента в Ширване, где Чолаг Сурхай Хан (которого турки назначили ханом Шемахи в 1728 г.) проводил агрессивную политику по отношению к России.
[3] Левашеву удалось добиться разрешения для турецкого гарнизона покинуть город, что дало ему возможность добраться до Шемахи.
[4] La Mamye-Clairac, том III, стр.108.

бивался его немедленного отправления на фронт, надеясь, что он потерпит поражение и попадет в немилость.

Поднимающееся недовольство в Константинополе 28 сентября внезапно выразилось восстанием во главе с Албанским Патрон Халилом; из-за слабости и нерешительности Султана и его министров восстание быстро достигло крупных размеров и закончилось смертью Главного Визиря, свержением Ахмеда III и возведением на престол его племянника и сына Мустафы II Махмуда. Турецкое правительство, находясь в состоянии хаоса из-за этого переворота, оставило все мысли о продолжении войны против Персии.

Что касается Надира, то он собирался после возвращения Тебриза продолжить свои завоевания, несмотря на то, что он направил к Порте предложения о мире. Прибытие гонца от его сына Рзы Гули, находившегося в то время в Мешхеде, с сообщением о вспыхнувшей гражданской войне среди абдалисов, о вытеснении верных им подразделений из Герата и наступлении мятежников на Мешхед, заставило его приостановить операции против турков и поспешить в Хорасан. Мир с Турцией не был заключен, но перемирие было установлено.

Подстрекателем абдалисского мятежа был Хусейн Султан из Гандахара. Так как у него были причины опасаться того, что Надир однажды нападет на него, он в начале 1730 года отправил эмиссаров в Герат с надеждой побудить абдалисов восстать и таким образом отвлечь внимание Надира.[1] Аллахяр Хан, правитель Герата, остался верным Надиру и отказался от предложений Хусейна Султана, но большая часть абдалисов восстала и обратилась к Зульфигар Хану, давнему противнику Аллахяр Хана. Зульфигар с помощью мятежников в Герате вытеснил Аллахяр Хана и вскоре после этого наступил на Мешхед, где у власти находился Ибрагим Хан. Аллахяр Хан, услышав о наступлении Зульфигара на Мешхед, поспешил из Маручага (куда он направился из Герата) на помощь к Ибрагим Хану и добрался до города как раз перед тем, как его противник расположил лагерь у Ходжа Раби.

Несмотря на то, что Надир отдал строгий приказ своему брату не переходить в наступление при этих обстоятельствах, Ибрагим Хан через нескольких дней бездействия поддавшись самоуверенным настроениям своих людей, совершил вылазку, но был отброшен, понеся тяжелые потери;[1] от стыда этой неудачи Ибрагим в дальнейшем ничего не предпринимал. Это было в то время, когда Рза Гули отправил посла к своему отцу с новостями о произошедшем.

Прежде чем покинуть Азербайджан, Надир приказал примерно 50.000 или 60.000 семьям своих соплеменников переселиться из этой провинции, и из персидского Ирага и Фарса в Хорасан. Среди них было 12.000 афшарских семей (включая 2.000 из ветви Гырхлу); эти гырхлу были отправлены в районы вокруг Кубхана, а остальные афшары – в Келат.

Надир направился из Тебриза в Мешхед 16 августа; добравшись до Гызыл Узана, он получил от Рза Гули дополнительные сведения о том, что абдалисы, проведя месяц в окрестностях Мешхеда, вернулись в Герат. Так как не было необходимости спешить, Надир вернулся в Тегеран через Мазандаран и Астарабад, пересек Атрак и сделал тщетную попытку застигнуть врасплох и разгромить часть восставших ямутов. Затем он вернулся в Астарабад, откуда направился в долину Гурган и через Сималган в Мешхед, куда прибыл 11 ноября.

В течение всего января проходили большие торжества в честь женитьбы старшего сына Надира Рза Гули на Фатиме Султан Бегим, с которой, как уже было отмечено,[2] он был помолвлен [3]. Торжественная церемония была организована близ Келата и Абиварда.

Узнав о прибытии Надира в Мешхед и о проводимых им приготовлениях к предстоящему наступлению, Зульфигар Абдалис обратился за помощью к Хусейну Султану из Гандахара. Хусейн Султан лично прибыл в Шираз, где встретился с Зульфигаром, но по некоторым не упоминающимся причинам, им не удалось договориться. Тогда Хусейн Султан вступил в переговоры с Надиром и передал двух сефевидских принцесс в обмен на вдов и детей Махмуда, а также некоторых других людей. Впоследствии Хусейн Султан уладил свои разногласия с Зульфигаром, отправив ему отряд от 2000 до 3000 человек под командованием знаменитого гильзайского генерала Мухаммед Саидал Хана.

Надир приказал Абдулле Хану Брахою, который был назначен правителем Белуджистана, атаковать Гандахар с юга, чтобы затруд-

[1] T.N., стр.82.

[1] Ibid, стр.84; смотри также историю Radi'u'd-Din Tafrishi. Британский музей рукописей. Add 6787, лист 187 (b).
[2] Смотри стр.51-52, выше.
[3] Брачный контракт вместе с преамбулой приводится в Дуре-и-Надира, но его нет в T.N.; он приводится в Shefer's Chrestomathie Persane, том II, стр.232-237.

нить и даже не допустить оказания помощи абдалисам. Однако Абдулла Хан не смог исполнить эти указания, так как был вовлечен в борьбу с Мияни Нур Мухаммед Худаяр Ханом, Калхорским главой Синда.[1] В сражении между ними у Гандавы, Абдулла Хан был убит.

Покинув Мешхед сразу после празднеств Новруза, Надир направился через Туруг и Турбати Шейх Джам в Нугру, небольшое местечко в 7 милях западнее Герата. Спустя несколько дней абдалисы вышли из города, и произошло незначительное сражение. Этой же ночью гильзайский генерал Мухаммед Саидал Хан неожиданно напал на персов, в результате чего Надир сам оказался в большой опасности; только с восемью из своих бойцов Надиру удалось отступить в небольшую крепость. И все же афганцы были отброшены, и он был освобожден.[2] На следующий день он совершил неудачное нападение на афганцев, которые владели Тахти-Сафаром, садом на нижних склонах Кухи – Мула Хаджи, в трех с половиной милях северо-северо-западнее от Герата. Через несколько дней ему повезло больше, когда он встретил и нанес сокрушительное поражение Зульфигару за пределами города. В это время Аллахяр Хан прибыл из Маручага с подкреплением.

4 мая Надир решил окружить Герат со всех сторон. Оставив крупные силы у Нугры, он пересек Хари Руд с южной стороны и направился к мосту Малан, расположенному в трех милях южнее от Герата. Афганцы пытались помешать его продвижению, но были отброшены, понеся тяжелые потери; на следующий день ему удалось овладеть мостом.

Когда Надир находился в Малане, абдалисские артиллеристы, обнаружив его великолепную палатку, открыли по ней огонь. Пушечный выстрел разрушив кровлю палатки, обрушился на землю рядом с его ложей, но к счастью, не задев его.[3]

Когда войска Надира полностью окружили Герат, Саидал Хан с войсками, состоявшими из гильзаев и абдалисов, совершил вылазку, но

[1] Миян Нур Мухаммед, сын Насира Мухаммеда, главы Синда, сменил своего отца в 1708; в 1717 г. он присягнул на верность Могольскому императору, получив титул Худаяр Хана. Смотри T.Postans «Личные наблюдения в Синде», 1843, стр.168, Сер. H.Pottinger отмечает в своих «Путешествия в Белуджистан и Синда». Лондон, 1876 г., стр.278., что Абдуллах Хан был агрессором, завоевавшим часть территории Худаяр Хана. Смотри также в J.R.A.S., том XII, стр.483 и 484.

[2] T.N., стр.92.

[3] Ibid, стр.94.

был отброшен, понеся тяжелые потери.[1] Кольцо осады города теперь еще более сузилось.

В ходе этих операций персидские отряды совершили успешное нападение на Маймана и Чачакту, но основные силы, посланные против Фараха, потерпели неудачу.[2]

17 Мухаррама 1144 года (22 июля) Зульфигар с основной частью своих людей выступил из Герата и пересек Хари Руд. Надир сразу же послал часть войска отрезать афганцам путь к отступлению, в то время когда он совершал нападение на них. Афганцы потерпели полное поражение, а Зульфигар чуть не утонул в реке. Саидал Хан, обескураженный этим поражением и крупными потерями, понесенными гильзаями, тайно покинул Герат ночью и направился в Фарах. Поражение, нанесенное Надиром, и отступление Саидала заставили абдалисских вождей направить через Аллахяр Хана предложение о мире, которое Надир принял. Однако абдалисы нарушили слово, приняв приближающиеся персидские войска под руководством Ибрагим Хана за подкрепления из Гандахара. Разгневанный Надир приказал возобновить военные действия, но абдалисы, осознав свою ошибку, смиренно попросили простить их и назначить Аллахяр Хана правителем Герата. Надир вновь согласился.

Зульфигар, который был изгнан вместе со своим младшим братом Ахмедом в Фарах, объединил свои войска с Саидал Ханом в Исфаразе. Узнав об этом и о слухах о приближении 40.000 гильзаев, Аллахяр Хан в сентябре отказался подчиняться Надиру, отправил свои отряды для набегов в Багис и другие места и совершил неудачное нападение на персидские войска. В ответ Надир захватил семью Аллахяр Хана у Маручага. К концу декабря абдалисы сделали новое предложение о мире, но нарушили его сразу же, как оно было принято; сильно разгневанный Надир решительно возобновил осаду и в результате 1 Рамазана (27 февраля 1723 года) Аллахяр Хан был наконец-то подчинен, а персидская армия завладела Гератом. Надир изгнал Аллахяр Хана и его сторонников в Мултан и переселил 60.000 абдалисов в области Мешхеда, Нишапура и Дамгхана.[3] Переселением этих абдалисов в Хорасан он фактически присоединил их к числу сосредоточенных здесь

[1] Ibid.

[2] Ibid, стр.97.

[3] Z.T. лист 215 (b)

племен с отличными военными способностями (как было отмечено выше на стр.63, он предварительно переселил 60.000 афшарских семей и другие племена в эту провинцию).

На последнем этапе осады Герата Ибрагим Хан окружил Фарах, который он в конечном счете захватил несмотря на прибытие Саидала с 2.000 гильзаями. 19 Рамазана Надир выехал из Герата с намерением отправиться в Фарах, но получив известие о поражении Тахмаспа туркам у Куриджана и заключении им мира с турками, он немедленно вернулся.[1]

Осада Герата продолжалась в целом около 10 месяцев. Самым запоминающимся во время этой осады было милосердие Надира, несмотря на постоянные увертки абдалисов. По-видимому, он решил склонить их на свою сторону, проявляя терпение. Может быть, он уже задумывался над мыслью (которую он впоследствии воплотил в жизнь) о создании неперсидской (и не шиитской) армии, на которую он мог бы полностью полагаться в любых обстоятельствах. Он, безусловно, понимал, что будучи турком и «выскочкой», он не сможет полностью положиться на лояльность своих персидских отрядов в случае решающей схватки с Тахмаспом. Увеличив свое войско за счет большого контингента таких искусных бойцов, как абдалисы, он очевидно стал менее зависимым от расположения своих персидских отрядов.

[1] T.N., стр. 104. Смотри страницы 66-68 ниже, подробности этих событий.

ГЛАВА VI. НЕУДАЧНАЯ ТУРЕЦКАЯ КАМПАНИЯ ТАХМАСПА И ЕГО СВЕРЖЕНИЕ

В то время как Надир предпринимал военные действия против турков, Тахмасп находился в Исфагане. Получив известия о стремительном наступлении Надира в Хорасан для отражения угрозы нападения абдалисов на Мешхед, Шах и его министры, согласно Мухаммеду Мухсину, стали предаваться развлечениям, как в прежние времена.[1] Проводив несколько месяцев в пиршествах, некоторые из министров и представителей знати убедили Тахмаспа возглавить свои отряды и выступить против турков с целью вытеснения их с территории северо-западной Персии, которую они все еще удерживали.[2] Тахмасп был убежден в том, что он смог бы завершить военные действия, так успешно начатые Надиром, и приписать себе всю славу.

С этим намерением Тахмасп выехал из Исфагана в январе 1731 года; добравшись до Хамадана он направил посла поздравить нового Султана Махмуда с вступлением на престол, а также отправил эмиссара в Шемахы к Сурхай Хану. Сурхай демонстрируя верность Порте, обезглавил несчастного эмиссара и членов его свиты и отправил их головы в Константинополь.[3]

Из Хамадана Тахмасп отправился в Тебриз, где отстранил от должности правителя (назначенного Надиром) и заменил его одним из своих сторонников; затем он направился в Нахичевань и Эривань с войском численностью в 18.000 человек.[4]

К этому времени Турция уже отчасти оправилась от парализующего эффекта мятежа, произошедшего в сентябре прошлого года. Так как Рза Гули Хан, персидский посол в Константинополе, не получил ответа из Исфагана на сообщения, посланные относительно мирного договора, Порта приказала своим командующим на персидских границах быть начеку и предоставила Ахмед Паше Багдадскому все полномочия для заключения мира и ведения войны. В марте 1731 г. Рза Гули

[1] Z.T., лист 215 (а).
[2] Вон Хаммер, том XIV, стр.254, Мирза Мехди (T.N., стр.105), отмечают только то, что Тахмасп предпринял эти действия «в подражание Надиру».
[3] Вон Хаммер, том XXV, стр.252.
[4] T.N., стр.105.

Хан отправился из Константинополя в Багдад, но был арестован в Мардине, когда были получены известия о наступлении Тахмаспа на Эривань.

В начале кампании обстоятельства складывались удачно для армии Тахмаспа. Турки оставили Нахичевань и отступили в Эривань. Не нападая на Эривань, Шах направился на северо-восток в Эчмиадзин, где неожиданно столкнулся с турецкими войсками и нанес им поражение.[1] Затем он развернулся и попытался захватить Эривань штурмом. Однако городской гарнизон дал отпор отрядам Тахмаспа, которые тогда окружили город. После восемнадцатидневной осады пришло известие о том, что другое турецкое войско отрезало путь к доставке персидского провианта. Поэтому Шах был вынужден снять осаду и отступить в Тебриз; он не мог больше задерживаться здесь, так как узнал, что, командующий турецкими войсками в Эриване Али Паша выступил из этого города и что Ахмед Паша наступает на персидский Ираг. Поэтому он отправился из Тебриза в Абхар.

Тем временем, Ахмед Паша не встретив сопротивления, быстро захватил Кирманшах, опустошил весь Ардалан и затем направился к Хамадану. Тахмасп поспешно направился на юг, чтобы предотвратить опасность, нависшую над Хамаданом, и остановился близ деревни Куриджан в 20 милях северо-восточнее от города. К этому времени Ахмед Паша, находившийся примерно в двух шагах от персидской армии, направил посла к Тахмаспу с предложением о мире; в ответ последний также отправил посла. Пока другой турецкий посол находился в пути к Тахмаспу, армия Ахмеда Паши наступала в боевой готовности, но, по-видимому, без намерения сражаться. Решив, что его сейчас начнут атаковать, Тахмасп в смятении приказал своим людям открыть огонь по туркам. Они подчинились, и сражение началось прежде, чем второй турецкий посол смог передать Шаху свое сообщение. Персидская кавалерия атаковала турецких всадников три раза, и казалось, что Тахмаспу удалось одержать легкую победу. Однако янычары разбили персидскую пехоту, которая в целом состояла из неопытных ополченцев, а затем разгромили персидскую кавалерию. Тахмасп с 3.000 человек был почти полностью окружен, но ему все же удалось сбежать. Несколько тысяч из его людей лишились жизни, а многие из оставшихся в живых были так обескуражены, что разошлись по своим домам. Тур-

[1] Durra-yi-Nadira, стр.110; Z.T., лист 215 (a).

ки захватили весь обоз и артиллерию Тахмаспа.[1] Как полагал агент в Гомбруне Джон Горн, если бы Ахмед Паша после этой победы прямо наступил на Исфаган, он без труда смог бы захватить город. Но он довольствовался взятием Хамадана.[2]

После этого поражения Шах вернулся в Исфаган; согласно Мухаммеду Мухсину, там он предавался удовольствиям и празднествам так, что «можно было подумать, что никакого поражения не произошло».[3] В итоге короткой, но губительной кампании Тахмасп потерял большую часть возвращенной до этого Надиром территории. После этой победы Ахмед Паша вновь захватил Хамадан и Абхар, в то время как Али Паша, наступая через Хой, Салмас и южную часть озера Урмия, захватил Марагу и Тебриз. На юге другое турецкое войско вторглось в Хузистан и захватило Ховейз.

Затем начались мирные переговоры, и в результате 10 января 1732 г. был заключен договор между Тахмаспом и турками, согласно которому Тахмаспу возвращались все провинции, захваченные Надиром на юге и востоке Араза вместе с Тебризом, в то время как турки удерживали Гянджу, Тифлис, Эривань, Нахичевань и Грузинские царства Кахетии и Картлии, а также часть Ширвана и Дагестана. Возвращение Тебриза Персии встретило неодобрение в Турции, но правительство было убеждено, что лучше быстро заключить мир за счет потери Тебриза, чем затягивать переговоры, настаивая на его удержании; любые изменения могли привести к замене слабого Тахмаспа сильным Надиром. Главный Визирь, доблестный и выдающийся полководец Топал Осман Паша[4] был в основном ответственным за решение Порты ратифицировать договор; он считал, что война с Персией не соответствует действительным интересам Турции, хотя Султан, часть его мини-

[1] Это сведение о сражении у Куриджа основывается главным образом на письмо от Джона Хорна, Гомбрунского агента в Лондоне, датируемое 15/26 марта 1732 г. (том XV, Persia and Persian Gulf Records). Это довольно точно совпадает с версией Мирзы Мехди о произошедшем (T.N., стр.106), но оно более полное. Смотри также Вон Хаммер, том XIV, стр.254.
[2] Письмо Джона Хорна от 15/26 марта.
[3] Z.T., лист 215 (b).
[4] Топал Осман родился в 1692 г., был греком по происхождению. Подробности о его продвижении смотри в частности A. de Claustre's Histoire de Thamas-KouliKan (Париж, 1743), стр.225-247 (Ханвей, по-видимому, получил свои сведения из этого источника).

стров и большинство его подданных не одобряли условия договора. К несчастью для Топал Османа, он стал смертельным врагом пожилого, но еще очень влиятельного Гаджи Башир Аги, Гизлар Аги, который искал любой предлог для его свержения;[1] он уже назначил и освободил от должности нескольких Главных Визирей. В начале марта 1732 года Топал Осман вступил в конфликт с лордом Кинноулом, британским послом, с которым вел себя очень грубо,[2] и тем самым предоставил Гизлар Аге и другим своим недоброжелателям удобную возможность, которую они давно ждали. Этот конфликт не делал чести Топал Осману, к тому же, стал предлогом, которым воспользовался хитрый Гизлар Ага, убедив Султана отстранить его от должности;[3] а затем он фактически был изгнан в Трабзон. Впоследствии он стал правителем Эрзерума, а позже Эривани.

Вместо Топал Османа Главным Визирем стал Али Паша Хакимоглу. Отстранение Топал Османа успокоило народные волнения, но, как будет показано ниже, ничего не было предпринято для аннулирования персидского договора; Надир вскоре сделал излишним любые такие действия Турции.

Почти одновременно с заключением турко-персидского договора между Россией и Персией был заключен Рештский договор. В октябре 1730 г. Императрица Анна Ивановна, встревоженная высокой смертностью от лихорадки и чумы в российских отрядах, размещенных в Гиляне, отправила Тахмаспу письмо с условиями, при выполнении которых Россия дала бы согласие на возвращение этой провинции.[4] В апреле следующего года ее посол барон Шафиров вместе с генералом Левашевым прибыл в Решт для ведения переговоров с персами о заключении договора, включающий эти условия. Но из-за турецкой кампании Тахмаспа переговоры были полностью прерваны, и только 1 февраля 1732 года был подписан Рештский договор.[1] Россия согласилась в течение 5 месяцев вернуть Персии все захваченные ею территории за исключением земель, расположенных к северу от Куры; эти последние территории должны были удерживаться до тех пор, пока турки не будут вытеснены из Армении, Грузии и других персидских провинций, которые оставались у них. Русским купцам в Персии и персидским купцам в России была предоставлена свобода в торговле, и каждое государство обязалось иметь дипломатического представителя при дворе другого.[2]

В это время человек, объявивший себя Исмаилом Мирзой, младшим братом Тахмаспа, добрался до Исфагана. Он утверждал, что сбежал из рук Махмуда благодаря преданности слуги, но впоследствии был схвачен и изуродован первым самозванцем, называвшим себя Сафи Мирзой.[3] Требования этого человека были рассмотрены двором, в результате чего Тахмасп признал его своим братом. Вскоре после этого некоторые министры и евнухи, и как отмечают, даже некоторые из женщин Тахмаспа организовали заговор с целью смещения Шаха и замены его Исмаилом. Заговор был раскрыт Тахмаспом, который немедленно казнил Исмаила и его сторонников-заговорщиков.[4]

Неудивительно, что Надир был возмущен, узнав о поражении Тахмаспа и последовавших за этим условиях договора с Турцией. Эти новости дошли до него, когда он находился в пути из Герата в Фарах.[5] Отказавшись от экспедиции, он поспешно вернулся в Герат, откуда отправил послание турецкому Султану о том, что последний должен или немедленно покинуть все захваченные персидские территории или же

---

[1] Пост Главного Визиря был незавидным и даже опасным. В Mémoire pour servir d'instruction au Marquis de Villeneuve (который был дан Маркизу в августе 1728 г., до того как он покинул Францию, чтобы принять свои обязанности в Константинополе) отмечается: «...la place de vizir, si élevé, est environné de tous côtés de précipices...» (Это «Mémoire» хранится в турецкой секции Archives des Affaires Etrangéres, Париж).

[2] Вон Хаммер не проявляет своей обычной точности при описании этого инцидента. Я попытался исходить из фактов (которые были очень интересны) в статье, которые я предоставил в Журнале R.C.A.S. в октябре 1936 г. (том XXIII, часть IV).

[3] Топал Осман был отстранен из-за чрезмерной расположенности к Франции, потому что он был ярым франкофилом; во время его пребывания на посту Главного Визиря он и Marquis de Villeneuve работали вместе очень тесно и гармонично; так А.Вандал замечал: «Jamais la France n'avait pénétré plus avant dans les conseils de la Porte». (Une Ambassade fraçaise en Orient sous Louis XV La Marquis de Villeneuve, 1728-1741, Париж 1887), стр. 172.

[4] Смотри Бутков, том I, стр.106.

[1] Ibid, стр.110. Смотри также донесения за 7/18 октября 1732 г. от Glaudius Rondeau, британского министра в Санкт-Петербурге, S.P. 91, том XIII.

[2] Бутков, том I, стр.113.

[3] Смотри стр.17-18 выше.

[4] T.N., стр.107. Коккел сообщал об этом заговоре и ее результатах в Гомбрун, говоря об Исмаиле как о самозванце (Gombroon Diary, 9/20 май), но Мирза Мехди считал его заявления подлинными.

[5] Смотри стр. 65-66 выше.

приготовиться к войне.[1] Надир одновременно сообщил через гонца Ахмеду Паше, что он вскоре наступает на Багдад, и приказал ему готовиться к его приему.[2]

Объявив туркам о своих намерениях, Надир раскрыл свои планы и перед своим соотечественниками; отправив резкое послания шахским министрам, где он укорял их за их поведение при подписании мирного договора, он издал примечательный манифест «правителям, народу и знати государства», в котором сообщал всем, что с божьей помощью его меч завоевал города и провинции, персидские войска доблестно победили абдалисов, которые сейчас полностью расселены, и покорили гильзаев. Затем он коснулся мирного договора, говоря:

«Поистине этот договор, судя по здравому смыслу, ничтожен как рисунок на воде и просто мираж (*sarab*); там не рассмотрена основная цель, а именно, освобождение персидских пленных; этот важный вопрос не был включен в договор... Мы желаем устранить зло греха от мусульман и очистить государство от всех источников зла... Наличие такой проблемы непочетно и отвратительно гордым натурам. Так как границы (установленные в договоре) - против воли Божественного Бытия… и не соответствуют государственным интересам, мы его не подпишем (то есть не признаем)...»

Затем он заявил, что после Идул-Фитра (конца марта 1732 года) он начнет войну и будет добиваться своей цели шаг за шагом, и в конце объявил что тот, кто не присоединится к нему, будет «лишен атрибутов чести и части религиозных блаженств; расплатой ему будет проклятие Аллаха и изгнание из исламской общины, и он будет считаться одним из хариджитов».[3]

Очевидно, это было в то время, когда Надир отправил письмо Мухаммеда Бейлербею Фарса Али Хану, которое Джон Малькольм перевел в *Asiatick Researches*.[4]

---

[1] T.N., стр.108; вон Хаммер том XIV, стр.283, *Asiatick Researches* том X, стр.536.
[2] T.N., стр.108. Лорд Кинноул, 3/14 июня заявил о получении в Константинополе «очень удивительной новости» от Ахмеда Паши, получившего от Надира письмо, полное угроз. S.P., том XXVI.
[3] Полный текст манифеста дается в T.N., стр.108-110. Стих от Хафиза неправильно процитирован Мирзой Мехди.
[4] Том X, стр.533-539. Fasa'i цитирует несколько строк из этого письма в Фарс-Намэ, стр.170.

В этом письме Надир критиковал турецкий договор и, упоминая о своих победах, говорил о «счастливом покровительстве дома Гейдара (Али) и двенадцати святых имамов». Он также пишет, что «этот день полон разрушений для их врагов и радостью для последователей шиизма; поражение зла есть триумф… последователей Али». В завершении письма он вновь заявлял о своем намерении возобновить войну с турками после Идул-Фитра и предлагал Бейлербею направиться в Исфаган и объявить Шаху, почему договор не может быть принят.

По всей вероятности, манифест и вышеупомянутое письмо составил Мирза Мехди.

Этот договор не был столь неблагоприятным для персов в этих обстоятельствах, хотя Надир и резко критиковал его; в сущности, как уже упоминалось выше, условия этого договора в Турции также считались унизительными и для этой страны.

Хотя Надира, должно быть, задевало видеть то, что некоторые плоды его побед пожертвованы из-за глупости и некомпетентности Тахмаспа, но не может быть никаких сомнений, что в действительности любое раздражение, испытываемое им в этом отношении, перевешивало удовлетворенность воспользоваться такой благоприятной возможностью, чтобы обвинить Шаха. Действительно, он не мог пожелать лучшего развития событий. Условия его манифеста и его письмо Мухаммед Али Хану показывают, что он ожидал некоторое сопротивление возобновлению войны с турками и решил не допускать никакого вмешательства с чьей-либо стороны. В действительности, его слова были предназначены для того, чтобы бросить вызов Тахмаспу и его сторонникам, чем для угрозы туркам.[1] Его ссылки на двенадцать имамов и его открытая защита шиизма были намеренными. Трудно поверить, что на этом этапе для произнесения этих слов его вдохновляли настоящий энтузиазм, или вера в шиизм; более правдоподобным кажется то, что он просто хотел использовать шиитский фанатизм для своих собственных политических интересов; пока шиитская лестница была ему нужна для продвижении наверх, он не мог ее бросить. Подбирая выражения для своего манифеста и письма, Надир стремился тем самым привлечь шиитское большинство к себе, объединить их против единого противника, а также дискредитировать Тахмаспа. При отказе последователей Тахмаспа идти на войну против Турции их объявляли

---

[1] Смотри ссылку Сера. Д.Малколма в *Asiatick Researches*, том X, стр.527

еретиками; при их согласии с политикой Надира они действовали против желания своего монарха и ослабляли его престиж.

Проведя Новруз в Герате, Надир отправился в Мешхед, откуда он отправил Хасан Али Бека в Исфаган, чтобы еще раз объяснить Тахмаспу причины, по которым он не принял договор, и предложить Шаху встретить его в Гуме или в Тегеране, чтобы вместе с ним выступить против турков.[1] Для усиления своей позиции Надир отстранил некоторых провинциальных правителей и заменил их своими кандидатами.

Находясь в Мешхеде, Надир назначил лидера абдалисов по имени Абдул-Гани Али Кузаи[2] главой племени и наградил многих других вождей этого племени; затем он приказал им подготовить лошадей, оружие и провизию для похода на персидский Ирак. Отдав распоряжение совершить круг (*tawaf*) вокруг гробницы Имама Рзы и помолиться за заступничество Имама, он направился через Хабушан в Джаджарм, откуда с небольшим отрядом стремительно, но безуспешно атаковал туркмен в Балхан-Даге. Во время этой экспедиции он узнал, что русские завершили вывод войск из Гиляна. Присоединившись к основной части своей армии в Гюше (25 милях западнее от Дамгхана), он направился в Тегеран, где раздал огромную сумму в 50.000 туменов (£ 110.000) своим сторонникам для восстановления и обновления снаряжения.[3] Принимая во внимание последние события, не может быть никаких сомнений, что это щедрое денежное пожертвование было подкупом военных. По-видимому, Надир намеревался выступить из Тегерана через Фарахан против турков, как было уже отмечено, он отправил послание Тахмаспу, предложив ему присоединиться к нему или в Тегеране, или в Гуме. При отказе Тахмаспа покинуть Исфаган, Надир направился прямо в столицу, куда он прибыл 25 августа.[4] Есть несколько

[1] T.N., стр.111.
[2]Он был сторонником Зульфигара, но впоследствии подчинился Надиру. Смотри Мухаммед ал-Мусави, цитируемое произведение, лист 7(а).
[3] T.N., стр.114.
[4]Ibid, Мирза Мехди добавляет, что Тахмасп действовал в сговоре с Ахмедом Пашой Багдадским, но это является преувеличением. В действительности события происходили следующим образом. Тахмасп написал Ахмеду Паше относительно грозящего возобновления войны с Турцией, в оправдание сказав, что у него нет власти: «правит Тахмасп Кули Хан, который со своей победоносной армией имеет власть сделать то, что он пожелает, и он сделает то, что он желает». Лорд Кинноул, который отправил основное содержание этого письма в Лондон в своем донесении от 3/14 июля 1732 г. (S.P. 97, том XXVI) добавляет: «но это только политическое оправдание для Шаха который нарушил мирный договор с Великим Sigr». Коккел 8/19 июля сообщал в Гомбрун о том, что Надир собирается «нарушить мир с турками, к которому Его Величество было совершенно нерасположенным, но тщетно, так как он не имеет власти предотвратить его самовольные действия» (Gombroon Diary, 4/15 август, 1732).

версий того, что впоследствии произошло, которые хотя и одинаковы в сущности, но отличаются в некоторых деталях.

После того как Тахмасп и Надир обменялись официальными визитами, последний пригласил Шаха на прием в Хазарджарибский сад. Надир принял Тахмаспа с большим почтением и проводил его в личные апартаменты. Вслед за тем Тахмасп:

«вызвал к себе как всегда правителей и знатных лиц государства, потребовав вина, а для развлечения – музыкантов с инструментами и шутов (*arab-i-tarab*). Высокопочтенный в ранге Александра (Надир) из-за своей учтивости, почтительности, гостеприимства повиновался и подготовил все... и три дня и три ночи Его величество в компании с никудышными знатными лицами предавался пьянству и развлечениям. Все правители, командующие кавалериями и армиями Ирака и Хорасана, получили полные сведения о произошедшем... Его величество стал пьяницей».[1]

Надир созвал большое собрание (*kingash*) из гызылбашев и основных правителей, где обсуждалось неподобающее поведение Тахмаспа его высокому положению. После этого было созвано население Исфагана, чтобы стать свидетелем состояния Шаха: затем, как утверждают,[2] все согласились на лишение его власти и возвышение на трон его несовершеннолетнего сына. В Тарихи-Надири не упоминается о пьянстве Шаха, но, несмотря на это, несомненно, в этот раз он был очень пьяным, и Надир намеренно потворствовал ему в этом.[3] Все события этого эпизода развивались по заранее и тщательно подготовленному плану.[4]

[1] Z.T., лист 215(b) и 216 (a).
[2] Ibid, лист 216 (b).
[3] Возможно, Тахмасп нуждался в некоторой поддержке кармелитских монархов. Леонардо ди Санти Сисилиа, в своем Persia ovvero Secondc Viaggio ... dell'Oriente (Рим, 1757, том II, стр.155) отмечает, что он был «molio dedito al vino», это заявление неоднократно подтверждается другими авторами, таким как Лутф Али Бек и более поздними источниками как Фазан, Мирза Мухаммед Али (автор Даура-и Мухташар-и-Тарихи Иран) и т.д.
[4] Шейх Хазин, стр.221.

19-30 сентября[1] Коккель сообщил в Гомбрун, что Надир объявил Аббаса Мирзу Шахом: «под тем предлогом, что его отец потерял право на корону из-за ленивого, праздного руководства и потому, что он был пьяницей и гомосексуалистом. Страх охватил знатных лиц и жителей, и никто не смог сопротивиться ему... Таким образом, здесь не произошло никаких волнений, и этот неожиданный переворот произошел без кровопролития».

Согласно версии Мухаммеда Мухсина, свержение Тахмаспа произошло 31 августа 1732 г., через 6 дней после прибытия Надира в Исфаган, однако, Коккель утверждает, что Надир захватил и заключил в тюрьму Тахмаспа 22 августа (2 сентября по новому летоисчислению) и объявил Аббаса Шахом на следующий день.[2]

5 сентября, после успешного совершения государственного переворота, Надир отправил Тахмаспа вместе с его гаремом и слугами в Мешхед под большим конвоем.

Может возникнуть неожиданный вопрос, почему Надир не пошел дальше и сам не взошел на престол. Причиной этого была больше осторожность, чем скромность; он не должен был закрывать глаза на тот факт, что по всей стране был еще очень силен авторитет Сефевидской династии, и поэтому он решил, что, несмотря на свою силу, ему следует еще подождать с фактическим вытеснением древней шахской династии до тех пор, пока он еще больше не увеличит неперсидский контингент своей армии.[3] В конце концов, он обеспечил себе твердую власть и был шахом фактически, но не номинально; и поэтому он спокойно мог позволить себе не рисковать и ждать до тех пор, пока не стал бы правителем Персии де-юре.

17 Раби I (7-го сентября) во дворце Talar-i-Tawila произошла коронация Аббаса IV, его выдвинули вперед в младенческой колыбели; Надир возложил *jiga* или эгрет власти на его голову, а меч и щит положил напротив него.[4] Затем было выражено почтение новому монарху: барабаны били семь дней и семь ночей.

Так как новому Шаху было всего восемь месяцев, управление государственными делами, несомненно, возлагалось на регента, и не было никаких сомнений, кто станет регентом. Вступая в эту должность, Надир оставил титул Тахмасп Гули Хана (который был у него с 1726 года) и принял титулы Вакилу-д-Даула и Наибус-Салтана.

[1] Gombroon Diary, 3/14 октябрь.
[2] Ibid.
[3] В связи с этим смотри Ханвей, том IV, стр.73.
[4] Z.T., лист 216 (b). Смотри также T.N., стр.116; Фразер (Коккелл), стр.108-109 и Rondeau, 2/13 декабря 1732 г. (S.P. 91, том X).

Новости о государственном перевороте были восприняты с удовлетворением в Санкт-Петербурге, где всегда считали Надира «признанным другом России».[1] Многие в Санкт-Петербурге верили, что как только Надир укрепит свое положение, он «найдет средство, чтобы убрать этого молодого Софи».[2]

Послы были направлены в Турцию, Россию и Индию, чтобы официально сообщить эти новости правителям этих стран. Мухаммед Али Хану, Бейлербею Фарса, который был назначен послом в Индию, было поручено повторить императору просьбу о закрытии индийской границы афганским беглецам, которая была передана через Али Мардан Хана в 1730 г.,.[3] Новости о свержении Тахмаспа вызвали беспокойство в Константинополе.[4] Помимо приготовлений для возможных столкновений в западной Персии, Порта решила укрепить свое влияние в Дагестане и Ширване, чтобы угрожать Надиру нападением с этой стороны. Были также направлены указания крымскому хану Гаплану Гирею поддерживать протурецкие настроения в этих провинциях. Поэтому Гаплан Гирей вручил титулы Визиря и Бейлербея соответственно Сурхай Хану и его сыну Мухаммеду.[5] Так как Порта давила на Гаплан Гирея предпринимать более активные шаги, он в начале 1733 г. отправил своего Калга[6] Фаты Гирея с 20.000 татарами в Дагестан с поручением поднять здешние племена против Персии и захватить эту страну.[7] Так как Фаты Гирей наступая ближайшей дорогой в Дагестан, пересек российскую территорию, это вызвало сильное недовольство в Санкт-Петербурге и российский министр в Константинополе Неплюев предъявил ноту. Русско-турецкие отношения достигли критического

[1] Rondeau, 30 декабря 1732 г. /10 января 1733 г. (S.P. 91, том X).
[2] Ibid.
[3] T.N., стр.116.
[4] Лорд Кинноул, 13/24 декабря 1732 г. (S.P. 97, том XXVI).
[5] Ховорс, История монголов, часть II, раздел I, стр.577.
[6] Калга, или представитель Хана, занимал высокий пост в Крыму после смерти Хана. Более подробно смотри Ховорс, цитируемое произведение, стр.610.
[7] Бутков, том I, стр.118. В хронологии Вон Хаммера есть ошибка в отношении Крымского Хана; в этом случае, он отмечал, что Порта решила отозвать войска после поражения и смерти Топал Османа в ноябре 1733 г. (смотри том XIV, стр.311).

момента, когда стало известно о сражении, произошедшем на территории Чечни между армией Фаты-Гирея и 4.000 отрядом русских под руководством генерала Еропкина, которого послал для выступления против татар граф вон Гессе Гамбургский, главнокомандующий войсками на персидских и турецких пограничных территориях. В результате русские одержали победу и заставили татарские отряды отступить. Фаты Гирей и его люди покинули российскую территорию и объединились с турецкими войсками в Азербайджане и Грузии.[1]

[1] Rondeau, 11/22 августа, S.P. 91, том 15; Бутков, том I, стр.121. Вон Хаммер неверно замечает в своем Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft (Вена, 1856), стр. 204, что после пребывания в Эски Худате Фаты Гирей вернулся в Крым в соответствии с приказом, полученном от Порты.

ГЛАВА VII. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ. МЕСОПОТАМСКАЯ КАМПАНИЯ НАДИРА

Несмотря на то, что основная власть при решении государственных дел теперь принадлежала Надиру, он не мог немедленно начать военные действия против Турции из-за восстания в местности Бахтиари.

Это восстание было вызвано следующими причинами: правитель области Бахтиари, местный вождь, недавно назначенный на эту должность Надиром, казнил человека за неповиновение. Значительная часть соплеменников восстала, чтобы отомстить за смерть этого человека и убила правителя. Некоторые из них боясь наказания, сбежали в *garmsir* или теплую страну в нижней части Персидского Залива;[1] их прибытие туда вызвало восстание суннитских арабов в прибрежных районах, которыми управлял их вождь Шейх Ахмед Мадани. Несколько месяцев восставшие совершали нападения в окрестности Бендар Аббаса, Конго, Басида и другие местности.[2]

Дав приказ преследовать и схватить бахтиаритов, которые сбежали в *garmsir*, Надир 19 октября отправился из Исфагана в горную область бахтиаритов. Наступая через источники Заянда Руд и реку Карун, он пересек внутренние районы бахтиаритов; пока он и его армия наступали, бахтиаритам удалось сбежать и укрыться в их крепости в Банаваре. После продолжительной осады в течение 21 дня, бахтиаритские защитники в отчаянии совершили вылазку и мужественно встретили свою смерть, сражаясь до последнего.[3] Следуя своей обычной политике, Надир отправил в Хорасан 3.000 семей из хафт-лангской ветви бахтиаритов в Хорасан.

Затем Надир через Фаили Луристан направился в Кирманшах, который после непродолжительной осады был оставлен турками.[4] Во

[1] T.N., стр.116. Смотри также Tadhkira-yi-Shushtariyya (стр.67) Абдулла ибн Нурид-Дина.
[2] Gombroon Diary, 28 ноября / 9 декабря 1732 г. Шейх Ахмад Мадани, к которому мы еще вернемся, содействовал брату Ашрафа и другим беглецам-афганцам бежать в Оман (см. стр. 53-54 выше).
[3] T.N., стр.116.
[4] Z.T., лист 216 (b); Ханвей, том IV, стр.76.

время остановки в Кирманшахе он приказал строго наказать племя Зенд в районах Малаира и Галамрау Али Шакар за их постоянные набеги со времен афганского нашествия.[1]

Соединившись с основной частью своих войск, Надир 10 декабря отправился из Кирманшаха к турецкой границе. Узнав, что Ахмед Паша укрепил пограничную полосу у Дарны, Мандали и Бадры и установил крупные посты в Зохабе и Таги-Гира, он решил застигнуть турков врасплох, напав на них с неожиданной стороны. Наступая с севера и северо-востока от основной дороги близ Каринда, он пересек очень высокое Биваниджское плоскогорье в Зимканской долине близ Гахвары и, повернув на северо-запад в конце долины, перешел Гардана-и-Янакыз. В течение следующей ночи он обошел южные и юго-западные склоны горы, непосредственно к востоку от Зохаба и до восхода солнца атаковал турков.[2] Большая часть турков была убита, а их командующий Ахмед Паша Баджилан оказался среди пленных.[3]

Направив отряд для сбора провизии в соседнем Бухризе и приказав своему шурину Лютф Али Беку Куса Ахмадлу, командующему войсками Азербайджана, Ардалана и Хамадана, перейти турецкую границу дальше на севере и объединиться с ним на Месопотамской равнине, сам Надир вместо наступления прямо на Багдад, сделал вид, что направляется в Киркук, надеясь вытащить Ахмед Пашу из Багдада. В нескольких милях от Туз Хурматлы он сделал привал; затем отправив 7.000 войско окружить Киркук,[4] сам направился на юг к Гара Тепе, где должен был соединиться с Лутф Али Ханом и его армией. После этого он направился дальше через Таш Керпю к Шахрабану, перейдя Джабал Хамрин, вероятно, через Сагал-Тутанский проход. Разгромив

[1] Смотри Мухаммед Мадыг Ta'rikh-i-Giti-Gusha'i (иногда называемый Ta'rikh-i-Zandiyya). Британский музей рукописей, Add. 23524, лист 4 (а).

[2] Этот маршрут, основывающийся предположительно в основном на географические подробности, представленные Мирзой Мехди (Т.N., стр.117 и 118) является непонятным.

[3] Т.N., стр.118. По-видимому, нет доказательств в подтверждении утверждения вон Хаммера о том (том XIV, стр.284), что Бек из Дарна помог Надиру в этих обстоятельствах.

[4] Ibid, стр.119. Сулейман Саиг в его Ta'rikhu'l-Mauşil (Каир, 1923), стр.275 неверно отмечает, что Киркук был взят при этих обстоятельствах. Вон Хаммер разделяя взгляд турецкого историка Субхи, также ошибается, говоря, что Арбил был захвачен войсками Надира (том XIV, стр.284). Смотри Лонгриг «Four centuries of Modern Iraq», стр. 138, приложение I.

от 10.000 до 20.000 турков близ Шахрабана, Надир направился в Янгиджу, где он попытался ночью захватить мост в Бухризе; однако, в темноте он и его люди заблудились. На следующий день возобновилось наступление на Багдад: был захвачен разведывательный турецкий отряд под командованием Мухаммеда Паши; основная их часть была убита и ранена, а остальные захвачены в плен.

31декабря 10.000 персов переправились на западную сторону Тигра в Самарру для создания угрозы Багдаду с этой стороны. 17 января 1733 года, основные персидские войска расположили лагерь напротив святыни Казымейн, несколько выше Багдада, а через три дня Надир отправил отряд джазаиритов[1] охранять гробницу Абу Ханифы в Муаззаме; тем временем, персы захватили мост у Бухриза.

Так как турки заранее собрали весь провиант со всей области и увезли их в Багдад, Надир был вынужден привозить продовольствие для своих войск из Туз Хурматли, Зохаба и Мандали.[2]

Учитывая то, что турки соорудили укрепления на правом берегу Тигра напротив персидского лагеря, Надир решил перейти реку и обойти их позиции. С помощью иностранных инженеров[3] был построен плавучий мост, состоящий из пальмовых стволов, лежащих на надувных кожах, который расположили, по-видимому, по верхнему течению от Багдада. 1 Рамазана (15 февраля) Надир переправился с 2.500 человек, на следующий день за ним последовали еще 1.500 человек; затем мост был разбит на две части. Не дожидаясь следующих 1.500 человек, Надир отправился к Багдаду. Узнав о персидском нападении с западной стороны реки, Ахмед Паша направил навстречу им части янычаров вместе с кавалерией и артиллерией. Когда две армии встретились, турецкая пехота оказалась искуснее гарачорлукских курдов и гёкланских туркмен, которых Надир взял с собой, но афганские отряды держались крепко. Положение становилось крайне критическим, и

[1] Пехота, снабженная тяжелыми мушкетами, называется джезаир.

[2] Т.N., стр.121.

[3] В соответствии с бомбейским изданием Т.N. (стр.121), этот человек был направлен с миссией к Надиру «австрийским (или германским) королем» (употребляемое прилагательное Namsa, может означать как «Австрия», так и «Германия»). Нет данных в Haus-, Hof-und Staats-Archiv в Вене о каких-то дипломатических миссиях, направленных в Персию в это время; кажется совсем неправдоподобным, то что какая-то германская миссия была направлена, по всей вероятности, этот инженер был каким-то европейским авантюристом.

только своевременное появление вышеупомянутого отряда из 1.500 человек дало возможность Надиру разгромить турков. Эта победа дала ему господство на правом берегу Тигра и позволила расположить свой кордон плотно вокруг Багдада. Турки, находящиеся напротив персидского лагеря, отступили внутрь стен города, оставив персам[1] свои артиллерийские орудия и военное оснащение там и в Старом Багдаде.[2] По приказу Надира, части его армии захватили Самарру, Хиллу, Кербалу, Наджаф и др. местности, где везде назначались персидские правители.[3]

Обломки разбитого моста были собраны и спущены на воду ниже Казимейна; там они были соединены вместе и закреплены с помощью кораблей, захваченных у турков.[4]

Теперь город был полностью блокирован. Персы, как и гильзаи, окружившие Исфаган в 1722 г., не имели подходящей артиллерии для осады и, хотя город подвергался сильной бомбардировке, его стены не были повреждены достаточно, чтобы начать штурм.[5] Поэтому Надиру оставалось полагаться на голод внутри города больше, чем на свои артиллерийские орудия.

Персы соорудили необычайно сложные укрепления. Они построили сильные форты на каждой стороне Тигра в 9 милях от Багдада и окружили его кольцом из 2.700 башень, каждая из которых была на расстоянии ружейного выстрела от другого.[6]

Абдул Али, Шейх Бани ламских арабов, объединился с Надиром; последний поручил ему взаимодействовать с правителем Хавиза при

[1] T.N., стр.123. Ibid, стр.123.

[2] «Кёхна Багдад» Мирзы Мехди («Старый Багдад»), очевидно, расположен в той же области, что и Нейбухра Ruinen von Alt Baghdad, северная часть города была расположена на западном берегу Тигра; она явно отличалась от руин Сасанидского города Даскара и позднего арабского города Дастаджида, который теперь известен как Эски Багдад (смотри Нейбух Reisebeschreibung, Копенгаген, 1778, том II, table XLIV).

[3] Мухаммед Мухсин, лист 216 (b).

[4] Ibid, стр.124.

[5] Стиль Надировской осады заметно отличался от той, которая применялась во время осады Султаном Мурадом IV в 1638 г. Оттер (том I, стр.321) справедливо описывает, что операция Надира была скорее блокадой, чем осадой.

[6] Более подробные сведения об этих укреплениях даются в письме, который Jean Nicodeme, французский врач, который сопровождавший Топал Османа Пашу, написал Маркизу де Вильньеву 10 августа 1733 г., после победы Топал Османа над Надиром и снятия осады с Багдада (смотри вон Хаммер, том XIV, стр.525 и 526).

атаке Басры. Какое-то время городу угрожала осада, но отряды, предназначенные для этой цели, вскоре разошлись;[1] отмечают, что арабы отказались от своих слов, когда персидские отряды были отозваны для подавления восстания в провинции Лара.[2]

Согласно Гомбрунскому Дневнику, Надир, кроме желания захватить Басру, также собирался послать на какое-то время экспедиционные войска на Мускат,[3] но тогда этот план не удалось осуществить. Как дальше будет отмечено, впоследствии этот замысел был возобновлен и приведен в исполнение.

Описание страданий населения Багдада напоминает страдания населения Исфагана в 1722 году; большая часть которой погибла от голода и болезни.[4] Ханвей описывает как Надир в шутку послал несколько возов с арбузами в город и как Ахмед Паша в ответ отправил ему большое количество лучшего хлеба.[5]

Чтобы запугать защитников города, Надир приказал отрядам из 10.000 и 12.000 человек время от времени тихо оставлять свои позиции ночью, чтобы совершать кратковременный поход в пустыню и возвращаться в лагерь на следующее утро, притворяясь, будто они только что пришли в качестве подкрепления к осаждающим город.[6] К концу Мухаррама 1146 года (13 июля) положение Багдада было таким, что Ахмед Паша был вынужден отправить посланцев к Надиру для переговоров о сроках их капитуляции.

Однако, освобождение для осажденных было близко, так как турецкие освободительные войска под командованием Топал Осман Паши приближались с севера. Осознав, что Багдад находится в большой опасности, Порта без малейших колебаний пригласила своего самого

[1] Письма от Мартина Френча, представителя ост-индской компании в Басре, в лондонский офис от 19/30 марта 1733 г. (том XV, отчетов I.O.), что Басра была захвачена.

[2] T.N., стр.124. Шейх Ахмед Мадани отправился на помощь к этим повстанцам.

[3] Смотри запись от 22 апреля/3 мая 1733 г., где отмечается, что Агент получил от Надира письмо, где тот требовал от него оказать помощь в переводе войск в Мускат.

[4] Армянин Джозеф Эмин, который, спасся от осады еще семилетним ребенком, дает сведения о своих испытаниях в своем труде «Жизни и Приключения», Лондон, 1792, стр.20.

[5] Ханвей, том IV, стр.82-83. Смотри также историю, рассказанную Лонгриггом, цитируемое произведение, стр.140.

[6] Смотри французский перевод, послания Ахмеда Паши в Порту в книге La Mamye-Clairac's, том III, стр.301.

талантливого полководца Топал Османа (который был правителем Эривани), попавшего в немилость экс-Главного Визиря; дав ему чин Сараскера или Генералиссимуса и назначив его командующим освободительных войск, состоящих из 80.000 тысяч человек, набранных в основном из европейских провинций Турции. В начале Топал Осман добился быстрого успеха, но после перехода Мосула его наступление ослабло из-за множество рек, которые он должен был пересечь; более того, когда он подошел к Киркуку, полностью разоренное состояние этой местности создавало большие трудности в доставке продовольствия для войска.

Примерно через день после того, как Ахмед Паша начал вести переговоры о сдаче Багдада, он получил послание от Топал Османа о том, что последний очень стремительно выступает на помощь к нему. Ахмед Паша публично прочитал письмо от Топал Османа, но население отказывалось поверить в подлинность письма до того, пока они не увидят печать и подпись на нем.[1] Несомненно, это послание заставило Ахмеда Пашу пойти на уловки и не сдавать город Надиру до конца Сафара (11 августа).

Покинув Киркук (который смог противостоять войскам, отправленным Надиром против них, когда он собирался наступать на Багдад), Топал Осман направился к Тигру, наступая вдоль ее берегов, чтобы защитить лодки, перевозившие его продовольствие, а также обеспечить своих людей водой. Надир отправил Топал Осману послание о том, что он готов сражаться с ним в любое время, когда тот пожелает; Сараскер удержал посыльного и не послал ответа.

Для того чтобы подготовиться к предстоящей атаке, Надир, за исключением основных войск из 12.000 человек, отправил всю свою армию на север. Он приказал, чтобы вывод войск осуществлялся таким образом, что осаждаемые не догадывались о том, что даже «одна капля из этого бездонного океана убывает».[2] Он покинул персидские войска у Багдада только вечером 6-го Сафара (18 июня) и присоединился к своим войскам на следующее утро непосредственно до начала сражения. Трудно определить точное место расположения этой битвы, так как названия, упомянутые Вон Хаммером и другими источниками несколько искажены. Вон Хаммер утверждает, что сражение произошло

[1] Ibid.
[2] T.N., стр.125.

у Доулджелика на берегу Тигра в 30 лье от Багдада,[1] тогда как по Мартину Френчу, это произошло у Джадида.[2]

Топал Осман разместил своих людей у реки, где они были окружены окопами, находясь наготове со своей артиллерией; численно они немного превосходили персов.

Сражение началось в 8 часов утра; расположенные на переднем фланге противники столкнулись друг с другом; немного спустя артиллерийские орудия турков открыли арьергардный огонь по основным силам персов, которые обошли позиции и наступили с северо-востока. Основная атака началась час спустя Надиром, который был во главе 50.000 человек. Персидская и афганская пехоты из 3-х дивизий заставила турецкий центр отступить и захватила часть их артиллерийских орудий. Положение турков стало еще более критическим, когда сбежал дополнительный отряд из 2.000 наемных курдов. Тем не менее, Топал Осман делал все возможное, чтобы восстановить силы своей армии и отправил вперед свои резервные отряды, состоявшие из 20.000 человек, в результате чего персидская атака была отражена, а потерянные артиллерийские орудия – возвращены. Сам Надир находился в гуще сражения; во время его руководства атакой на турецкую артиллерию его лошадь ранили, и она упала. Он немедленно вскочил на другую и поскакал назад на поле битвы.[3]

Северный ветер, пыль и дым, поднимавшиеся в ходе боя, дули в лица персам, а июльское солнце напекало их головы. После нескольких часов отчаянного сражения все были изнеможенны из-за нехватки воды,[4] но вода была недоступна, так как турки владели берегом реки.

Вторую лошадь Надира ранили в голову, и она сбросила его на землю. Несмотря на то, что ему немедленно был представлен другой конь, многие его воины, увидев его падение, предположили, что он ра-

[1] Том XIV, стр.290. «Douldjelik» по видимому местность Тигре близ Dujail (последнее место, хотя и находится на небольшом расстоянии от Багдада, у Вон Хаммера указано как находящееся в нескольких милях западнее от реки).
[2] Смотри письмо Френча из Басры в Лондоне, датируемое 6/17 августа 1733 г. Эта деревня, называющаяся Хан Джадида, расположена на левом берегу Тигра в 20 милях на севере от Багдада.
[3] T.N., стр.126.
[4] Как Мирза Мехди, так и Мухаммед Мухсин говорят о страданиях, испытываемых персами от жажды. (Смотри T.N., стр.126, Durra-yi-Nadira, стр.123-5 и Z.T., лист 216 (b)).

нен или убит; началась паника, которую персидские офицеры не могли остановить.[1] Увидев, что дальнейшие усилия бесполезны, Надир отступил с поля битвы с уцелевшими и не сбежавшими частями своей армии. Количество потерь с двух сторон оценивается по-разному; по-видимому, потеря персов составила 30.000 убитых и 3.000 попавших в плен.[2] Вся артиллерия Надира,[3] обоз и провианты достались туркам; в целом, эта была блестящая победа Топал Османа; так как персидская армия была разбита, и дорога на Багдад была открыта; однако победа была не совсем полной, потому что Надиру удалось бежать. Турки тоже не обошлись без потерь, их потери составили около 20.000 человек.

Невозможно отрицать, что полководческая тактика Надира в этой кампании была в основном ошибочной. Ему, конечно, следовало бы или дожидаться внутри границ своих укреплений за Багдадом и дать Топал Осману возможность подойти ближе, а затем атаковать его здесь, или же покинуть Багдад раньше и напасть на Сараскера, когда тот переплавлялся через Большой и Малый Заб. Вместо того чтобы последовать одному из этих двух планов, Надир начал сражение на месте, которое было очень невыгодным и для него и для его войска. Можно предположить, что это было следствием его самоуверенности.

Как только вести о победе Топала Османа дошли до Багдада, Ахмед Паша совершил вылазку и разбил войско, из 12.000 человек, которое находилось в надировских укреплениях; затем он разбил мост из лодок и захватил весь персидский провиант. Большая часть персидского войска была уничтожена, а оставшиеся в живых на западной стороне Тигра бежали окольными путями в Персию; Баниламы помогали им в этом.[4]

Отдохнув 19 июля и в следующие два дня, Топал Осман продолжил свое наступление, и 23 июля он со своей армией расположил лагерь в пределах видимости от фортов и крепостей, построенных персами вокруг Багдада. Вскоре после этого Ахмед Паша прибыл в турецкий лагерь. На следующий день, 24 июля, Топал Осман вступил в Багдад. По требованию Сараскера ему не было оказано специальных почестей, потому что, как он говорил, «победа должна приписываться одному Богу». По словам Никодема, Топал Осману и тем, кто находился рядом с ним, казалось, что они входили в кладбище, а не в город; мертвые были нагромождены в кучу, и тысячи людей были измучены голодом и болезнями. По некоторым сведениям, во время осады погибло 110.000 человек.[1]

Разрушения, причиненные окрестностям Багдада персами, вынудили Топал Османа отвести большую часть своих войск в Киркук после восьмидневной остановки в семи милях от города чтобы спасти их от голодной смерти.

Надир и оставшаяся часть его армии отправились через Бухриз в Мандали, в пути соединившись с уцелевшими частями войска, которого наголо разбил Ахмед Паша.[2] Персидские солдаты были в удручающем состоянии; многие из них шли пешком и были почти раздетыми,[3] о судьбе раненых нет сведений.

Хотя и руководство Надиром над осадой Багдада и ведение им операций против Топал Османа подвергаются критике, но его поведение после своего поражения заслуживает высокой похвалы. Он сказал, что поражение было предопределено судьбой, чье решение бесполезно оспаривать.[4] С этим убеждением он начал выполнение задачи огромной важности – восстановление своей армии.

Надир, проведя совещание со своими главными командующими в Мандали, позволил своим людям вернуться в свои дома для переоснащения.[5] Он отдал срочные приказы во все части страны собрать оружие и оснащение всех видов вместе с вьючными животными; артиллерия и военные запасы должны были быть лучшего качества и количеством превосходить прежние.[6] Так же были направлены указания правителям провинций найти пути реорганизации своих войск (которые

---

[1] T.N., стр.127.
[2] Никодем, с одной стороны, отмечает потери персов убитыми в 40.000, в то время как Мирза Мехди и другие говорят только о 2.000 убитых. Несомненно, потери персов были велики и 30.000, по-видимому, является приемлемой цифрой. Множество персов было убито после битвы, когда они пытались утолить жажду на берегу Тигра.
[3] Никодем (Вон Хаммер, том XIV, стр.523) отмечает, что персы оставили все свои артиллерийские орудия на поле битвы, включая четыре 30-футовых, шесть 15-футовых и восемь 9-футовых. А также 500 верблюдов «avec des ambares» (занбураков). Почти все персидские лошади и вьючные животные были захвачены.
[4] T.N., стр.127.

[1] Никодем (вон Хаммер, том XIV, стр.527).
[2] Durra-yi-Nadira, стр.127.
[3] Z.T., лист 217 (а).
[4] T.N., стр.128.
[5] Tadhkira-yi-Shushtariyya, стр.68.
[6] Z.T., лист 217 (а).

должны были быть в Хамадане через два месяца) и набрать новобранцев.

4 августа Надир прибыл в Хамадан и лично стал осуществлять эту важную задачу. Он распорядился выделить 200.000 туманов (около £ 440.000) для раздачи войскам в качестве компенсации за их потери и для приобретения нового оснащения; каждый, кто потерял лошадь, стоящую 10 туманов, получал взамен за это двойную цену; таких же правил придерживались и в отношении верблюдов, палаток и оружия.[1]

За относительно короткое время, за два месяца, была выполнена огромная работа и 22 Раби II (2 октября) Надир со своей восстановленной армией отправился из Хамадана на турецкую границу.[2] Добравшись до Кирманшаха, он узнал, что Фулад Паша из Аданы разместил войска у реки Дияла, в нескольких милях от Зохаба, чтобы предотвратить наступление на Киркук. Как и при предыдущем походе, Надир стал продвигаться по горным тропинкам, оставив обоз и артиллерийские орудия, стремясь застигнуть врага врасплох. Эта попытка была менее успешной, чем предыдущая, но турки после произошедшей небольшой перестрелки начали отступать.

Это произошло в то время, когда до Надира[3] дошли первые новости о восстании Мухаммед Хана Белуджа. Чрезмерные налоги Надира сделали его непопулярным, а его обращение с Тахмаспом оскорбило многих персов, которые, однако, до сих пор не осмеливались открыто показывать своих чувств. Новости об этом дошли до Исфагана в апреле 1733 года[4], и Надир послал за Тахмаспом с целью восстановить его в прежнем положении, но после своего поражения он изменил свое решение и приказал Тахмаспу оставаться в Мешхеде, потому что при изменении положения управление экс-Шаха было бы «нецелесообразным и создавало бы препятствия».[5] Изменение Надиром своего мнения

[1] T.N., стр.128-129.
[2] Ibid, ст.130 и Durra-yi-Nadira, стр.129.
[3] Ibid, ст.131-132. В Gombroon Diary, датируемом 25 октября / 5 ноября 1733 г. отмечается, что за короткое время были распространены сообщения о том, что Мухаммед Хан Белудж восстал и объявил себя сторонником Тахмаспа.
[4] Смотри Gombroon Diary, 26 июня / 7 июля 1733 г.
[5] T.N., стр.130.

стало причиной объединения многих сефевидских группировок[1] с Мухаммед Ханом Белуджем.[2]

Надир полагал, что это восстание не представляет собой серьезной опасности, и не стоит из-за него откладывать турецкую кампанию. И он решил разобраться с этим после того, как расправится с турками.

Невозможно с точностью изложить ход событий между стычкой у Диялы и битвой у Лаилана, потому что географические данные, приводимые Мирзой Мехди и Ханвеем неточны и запутаны.[3] По-видимому, наступление Надира на Киркук произошло быстрее, чем в прошлый раз, но его цель на этот раз была совсем другой. Он сосредоточился не на вытеснении Ахмед Паши из Багдада, а на встрече и уничтожении Топал Османа Паши. Если бы он смог разгромить Топал Османа, он восстановил бы свой пошатнувшийся престиж, а также весь юг Багдада и север Тебриза оказались бы под его властью.

Топал Осман не питал иллюзий относительно своего положения. Его потери в битве 19 июля были неутешительными, кроме того, он настойчиво обращался в Константинополь прислать не только подкрепление, но также человека помоложе для назначения на его место. Надир, напротив, теперь имел более многочисленную и хорошо вооруженную армию, чем раньше.

К 24 декабря Надир добрался до равнины Лайлан, расположенной в нескольких милях юго-восточнее от Киркука, где произошло сражение между отрядом его войск и армией Топал Османа. Обе стороны претендовали на победу, но преимущество, видимо, оставалось за турками.[4] Топал Осман еще удерживал основные войска внутри своих оборонительных сооружений. Поэтому Надир наступил на северо-восток и захватил крепость Сурдаш в надежде, что Топал Осман выйдет из Киркука и отправится освободить ее. Часть турецких войск попалась в западню Надира, так как находясь у местности под названием

[1] То, что сефевидские монархи вели прямое происхождение от Али через Хусейна и Имама Мусы ал-Казима, стало причиной их популярности среди шиитских подданных. Смотри Шейха Хазин, стр.241.
[2] Мухаммед Хан также объединился с многочисленными белуджскими, арабскими и кузистанскими племенами. Смотри автобиографию Мирзы Мухаммеда Ширази, стр.111.
[3] Смотри Longrigg, цитируемое произведение, стр.145.
[4] Вон Хаммер, том XIV, стр.291-292; Ханвей, том IV, стр.97.

Гара Тепе,[1] он получил от разведчиков сведения о том, что Мамиш Паша с 12.000 человек вступил в ущелье Аг Дербент.[2] Выбрав дорогу, считавшуюся непроходимой, Надир направил своих людей через холмы и ущелье к пункту, который был расположен выше турецких позиций. На следующий день (9 ноября), отправив часть джазаиритов обойти позиции и отрезать путь туркам к отступлению, он начал наступление.

Вскоре после начала сражения между персами и Мамиш Пашой и его сторонниками, прибыли и вступили в бой основные турецкие войска под командованием Топал Османа. Интенсивная стрельба с обеих сторон[3] продолжалась около двух часов; затем персидские отряды, стремившиеся отомстить за свое предыдущее поражение, совершили неожиданную вылазку и напали на турецкий центр. Вслед за этим Топал Осман встал из своих носилок и взобравшись на лошадь сделал отчаянную попытку оживить своих людей,[4] но мощная атака абдалисов вынудила турков вновь отступить. День был окончательно потерян для турков, когда застрелили храброго Топал Османа. Затем отрезали и торжественно преподнесли голову несчастного Сараскера Надиру на копье. Вся турецкая армия в это время поспешно отступала; крупные потери им были нанесены точной наводящей стрельбой джазаиритов, которых Надир заранее послал для этой цели. По скромным подсчетам, потери турков составили около 20.000 человек погибших и попавших в плен.[5]

---

[1] Гара Тепе не отмечено на существующих картах; очевидно, это область Гара Тепе на севере Джабал Хамрин.

[2] Имеется описание этой теснины у C.J.Rich «Повествование о пребывании в Курдистане», Лондон, 1836, том I, стр.58-59.

[3] Смотри интересное письмо, которое Надир написал об этом сражении графу Hesse-Homburg; французский перевод этого письма был направлен лорду Форбесу и С. Рондо из Санкт-Петербурга в Лондон 2/13 февраля 1734 (S.P. 91, том XVI). В этом письме, которое, по-видимому, было написано в конце ноября 1733 г., имена и дата пострадали от некоторых искажений в процессе перевода с персидского на русский и с русского на французский.

[4] Ханвей, том IV, стр.98. Мирза Мехди утверждает, что Топал Осман взобрался на лошадь только для того, чтобы сбежать, но это не соответствует характеру Сараскера.

[5] Нельзя быть уверенным в цифрах Мирзы Мехди; так если в T.N. (стр.135) он отмечает, что 10.000 турков было убито, а 30.000 захвачено в плен, то увеличивает число убитых до 20.000 в Durra-yi-Nadira, (стр.137). Ханвей дает цифру в.40.000 убитыми, но, по-видимому, она еще более преувеличена.

Надир приказал захватить тело Топал Османа и вместе с головой отправить его в Багдад для похорон, поручив это турецкому гази по имени Абдул Керим Эфенди, пленному, захваченному во время сражения.

После сражения Надир приказал войскам под командованием Баба Хана Чаушлу, бейлербея Луристана, находившегося в это время около Самарры, перейти Тигр и вновь захватить Хиллу, Наджаф и Кербалу и, таким образом, препятствовать поступлению продовольствия в Багдад. Так как для Ахмеда Паши не было никакой возможности освободиться, Надир оставив достаточное число войск для осады Багдада, сам направился на север, чтобы вернуть Тебриз. Добравшись до города Баны, он узнал, что Тимур Паша поспешно покинул Тебриз, услышав о поражении турков у Аг Дербенда, и что персидские войска вновь захватили город.[1] Так как уже не было необходимости продолжать наступление на Азербайджан, он снова отправился на юг для того, чтобы объединиться со своими войсками, которые осаждали Багдад. Надир был уверен, что город быстро окажется в его руках, но добравшись до Туз Хурматли, он получил тревожные известия о восстании Мухаммед Хана Белуджа.[2]

Тем не менее, он не посчитал ситуацию в Хузистане и Фарсе достаточно критической, чтобы отправляться туда лично; вместо этого он отдал приказы Тахмасп Хана Джалаиру (который тогда находился в Исфагане) и новому правителю Кухгилу[3] Исмаил Хану Казиму и другим местным правителям и вождям взаимодействовать в подавлении восстания.

Из Туз Хурматлы Надир отправился в Самарру и оттуда – к персидским войскам, осаждающим Багдад. 7 декабря Ахмед Паша отправил своего доверенного человека к Надиру. После того, как этот человек доказал, что уполномочен Ахмедом Пашой заключить мирный договор, он передал его предложение о возврате захваченных территорий Персии.

---

[1] T.N., стр.136 и письмо Надира графу von Hesse-Homburg.

[2] Подробнее о развитии этого мятежа и его подавлении смотри стр. 94-97.

[3] Узнав о восстании Мухаммед Хана, Надир отстранил его с занимаемого им поста и назначил на его место Исмаил Хана Керима.

После продолжавшихся несколько дней переговоров Надир и Ахмед Паша пришли к соглашению и подписали договор 19 декабря 1733 года. Основные условия этого договора были следующие:

1. Турция соглашалась уступить все персидские территории, захваченные ею во время последних 10 лет, и вернуться к границам, установленным по турецко-персидскому договору 1639 года.

2. Пленные обеими сторонами должны были быть освобождены, а захваченные артиллерийские орудия - возвращены.

3. Персидским паломникам, посещающим святые места на турецкой территории близ границы, должны были быть предоставлены определенные привилегии.

Следует отметить, что если бы не восстание Мухаммед Хана Белуджа, Надир отказался бы согласиться на любые условия, которые не включали сдачу Багдада.

В соответствии с условиями этого договора Ахмед Паша немедленно отправил приказы пашам Гянджи, Ширвана, Эривани и Тифлиса освободить свои территории и предоставить свободу всем персидским пленным. В ответ Надир освободил всех турецких пленных, имеющихся у него.

Состоялся обмен ценными подарками между Надиром и Ахмед Пашой; они также договорились, что первый посетит святыни в Казимайне, Наджафе и Кербале.[1]

Прежде чем покинуть окрестности Багдада, Надир отправил два письма Главному Визирю Гази Абдул Керим Эфенди, который должен был ратифицировать договор в Константинополе; в этих письмах он обращает внимание на общее происхождение оттоманских турков и туркмен (он всегда называл себя одним из них) и отмечал, что именно это стало причиной заключения мира.[2]

Из Басры Мартин Френч сообщал в Лондон, что было дано 90 дней, чтобы договор был ратифицирован Портой.

Согласно лорду Кинноулу, Ахмед Паша не рассчитывал на ратификацию договора Портой; ссылаясь на обстоятельства, при которых он вынужден был подписать договор, он отмечал, что согласился на

[1] T.N., стр.137-138.
[2] Вон Хаммер, том XIV, стр.335.

эти условия только с целью выиграть время, так как у него не было возможности протянуть до следующего месяца.[1]

Гази Абдул Керим Эфенди прибыл в Константинополь в середине февраля 1734 года. Проведя несколько совещаний, на которых рассматривался этот договор, Порта отказалась его признать на том основании, что он был для нее позорным. Хотя Султан и его министры одобрили поведение Ахмеда Паши при таких трудных обстоятельствах, тем не менее, они освободили его от должности правителя Багдада, вероятно из-за интриг его главного противника Али Паши, Главного Визиря.[2] В соответствии с принятым решением, приказы, посланные Ахмедом Пашой пашам Гянджи, Ширвана, Эривани и Тифлиса были отменены и были отправлены многочисленные отряды на помощь Сараскеру Абдулле Керпюлю (занявшего этот пост после смерти Топал Османа) в Диярбекир. Тем не менее, Порта не направила Надиру специального послания о расторжении договора; вместо этого она пыталась еще какое то время убедить его в том, что этот вопрос все еще на рассмотрении и что вскоре будет принято окончательное решение.

Российский двор с интересом и порой с тревогой следил за ходом турецко-персидской кампании. Новость о поражении Надира Топал Османом вызвало у неё сильное беспокойство, она опасалась, что Персия будет вынуждена прийти к соглашению с Турцией и французскому послу в Константинополе (Маркизу де Вильневу) удастся добиться своей цели включить Порту в войну с Россией.[3] Россия уже глубоко

[1] Донесение, датируемое 18 февраля / 1 марта 1734 г. (S.P. 97, том XXVII).
[2] Ахмед Паша был назначен Правителем Алеппо, но по его собственной просьбе вместо этого его назначили Правителем Урфы. Смотри Longrigg, цитируемое произведение, стр.147.
[3] Политика Франции в отношении Турции и России полностью изменилась; несмотря на то, что в 1723 и 1724 гг. Франция играла роль посредника (смотри стр. 49-57 выше), в 1733 г. она стала активно стремиться разжигать страсти, чтобы усилить враждебность между двумя государствами из-за вмешательства России в войну за право польского наследия на стороне Августина Саксонского. Франция поддерживала Станислауса Лещинского, так он был тестем Луиса XV (смотри F.Martens's Recueil des Traités et Conventions conclus par la Russie avec les Puissances Etrangéres, том I, стр.70 и том XIII, стр.42-43). Великобритания, которая в 1723 и 1724 гг. стремилась вовлечь Россию и Турцию в войну, теперь, наоборот, играла роль миротворца. Вильнев использовал все попытки снова вовлечь Турцию в войну и в этом деле у него был неофициальный, но очень эффективный помощник – небезызвестный авантюрист Боневел; последний сделал очень многое для усиления эффективности турецкой армии. Как отмечал А.Вандел (цитируемое произведение, стр.173): Французский авантюрист

увязла в войне за польское наследие и оказалась бы в критической ситуации, если бы Турция поддалась на уговоры Франции и напала на нее; и только продолжение войны с Персией помешало бы Турции нарушить мир с Россией. Поход Фаты Гирея в Дагестан, в результате чего многие северные кавказские племена были подчинены Турции, и действия против российских войск на чеченской территории стали дополнительной причиной роста беспокойства и напряжения. Ситуация касающаяся России, существенно улучшилась, когда Надир нанес решающее поражение туркам в крупном сражении, в котором Топал Осман лишился жизни. Получив известие об этом сражении, Порта оказалась в состоянии крайнего оцепенения, надежды Маркиза де Вильнова на быстрый исход турецко-персидской войны были полностью рассеяны; французский посол надеялся, что как только будет заключен мир с Персией, Топал Осман вновь будет назначен Главным Визирем и затем вовлечет в войну Турцию и Россию.[1] В Российском правительстве, естественно, несколько ослабло напряжение, когда было получено известие об этой победе Надира.[2]

После того как Надир посетил святыни в Казимейне, Наджафе[3] и Кербале, он отправил свою артиллерию в Исфаган через Хуррамабад. Проходя по пустынной дороге через Хавиз в Шуштар, он захватил и убил правителя и заключил в тюрьму жителей Шуштара, из-за того что они оказывали помощь Мухаммед хану Белуджу.[4] Затем он направился дальше в Рам Хармуз; оставив свой обоз там, он отправился к Бехбехану. Узнав, что Тахмасп Хан Джалаир и Бейлербей Кухгилу объединили свои силы и наступают на Мухаммед Хана Белуджа, Надир присоединился к этим командующим у Ду Гунбадана и направился к Шулистанскому проходу, где по имеющимся донесениям находился лидер восстания с 15.000 отрядом.[1] Когда появился персидский наступательный конвой, Мухаммед Хан, не знавший о приближении Надира, решил, что это просто отделившаяся часть войск и поспешил напасть на них. Он разочаровался, когда увидел приближение основных персидских войск и услышал угрожающий голос Надира, отдающего приказы своим людям.[2]

Армия Мухаммед Хана Белуджа была полностью разгромлена и бежала с поля битвы, оставив 3.000 убитыми. Однако Тахмасп Хан Джалаир преследовал Мухаммед Хана, который бежал в Шираз, а оттуда – в Джахрум и Лар. Не получив разрешения войти в Лар, он поспешно направился в *garmsir*.

Надир, обнаружив, что его добыча ускользает из рук, отправил послание английскому и голландскому агентам в Гомбруне безотлагательно направить суда для охраны прибрежной зоны и препятствовать побегу Мухаммед Хана и его последователей. Оба агента ответили, что портов так много, что они не могут уследить за всеми, имея в распоряжении скудный флот. Но они пообещали послать суда в любое из установленных мест.[3]

Тем временем, Тахмасп Хан Джалаир преследовал Мухаммед Хана до крепости Шейх Ахмед Мадани рядом с Чараком и начал осаждать эту крепость. В начале мая эту крепость взяли штурмом, а Шейх Ахмед был захвачен, но Мухаммед Хан и некоторые другие его сторонники сбежали на остров Гейс.[4]

Это было в то время, когда известный Латиф Хан прибыл в Гомбрун и передал английскому и голландскому агентам письма, заявляющие, что Надир назначил его:

«en peu de temps … accomplit le miracle d'habituer une troupe don't il ne connaissait point la langue à évoluer avec une précision qui eût fait envie au plus habile régiment de France ou d'Allemagne».

[1] Лорд Кинноул, 1/12 декабря,1733 года (S.P. 97, том XXVI).

[2] Донесение Лорда Форбеса из Санкт-Петербурга от 8/19 декабря, 1733 г.

[3] Доктор Д.М.Доналдсон, в своей работе Шиитская Религия: История Ислама в Персии и Иране (London, 1933), стр.62, отмечает любопытную историю, рассказанную ему в Наджафе: «Надир, услышав то, что вино превратится в уксус при входе в этот город и то, что ни одна собака не войдет туда, взял с собой бутылку вина при приближении к Наджафу, а также решил заставить свою собаку войти в город. Однако собака так сильно сопротивлялась всяким усилиям заставить ее зайти в ворота, что ее были вынуждены убить, и Надир после своего входа в город обнаружил, что его вино и в самом деле превратилось в уксус. Утверждают, что впоследствии этого и других чудес Надир признал шиитских имамов и убедился в верности их убеждений. Нет необходимости отмечать, что эта история не имеет фактической основы.

[4] T.N., стр.138, Durra-yi-Nadira, стр.139-140, Tadhkira-y-Shushtariyya, стр.69.

---

[1] Барон де Боде, который пересек эту область в январе 1841 г., отмечал в своем Travels in Lurisran and Arabisnan (London, 1845), том I, стр.239, что близ к Фахлияну «есть Тепе (Тäррä) или холмик Сенджар-Мухаммед Белудж, на котором так называемый руководитель оказал сопротивление Надир Шаху за это безрассудство … он поплатился своей головой».

[2] Ханвей, том IV, стр.3.

[3] Gombroon Diary, 3/14 февраля 1734 г.

[4] Ibid, 8/19 мая 1734 г. и Durra-yi-Nadira, стр.141.

«своим адмиралом Залива с указанием закупать суда у европейцев в Гомбруне. Поэтому он потребовал наше согласие с пожеланием Коуна выделить два судна, которые они смогли бы оплатить для них...».[1]

Это послание представляет несомненный интерес, так как оно является первым показателем желания Надира создать флот. Примечательно то, что он, будучи необразованным человеком из крестьянской семьи, родом из провинции, расположенной далеко от моря, смог так быстро понять важность доминирования на море. Не меньшего внимания заслуживает и настойчивость, с которой он затем стремился осуществить свои планы по созданию флота. Бегство некоторых гильзаев в Оман и Мухаммед Хана в Гейс заставили его понять, что длинный морской берег с начала Залива до Гвадара не может эффективно охраняться, если не иметь собственных судов, и он вынужден нанимать случайные европейские или арабские суда. Так как англичане и голландцы почти всегда отказывали на просьбы об одолжении их судов или содействии персидским наземным войскам, а арабы, владеющие судами, обычно с сочувствием относились к тем, кого правительство хотело преследовать, и сами часто поднимали восстание, у Надира и в самом деле была веская причина желать иметь свой собственный флот. Как будет изложено впоследствии, цели Надира относительно флота были более амбициозны, чем просто охрана морского берега; о том, как он осуществлял свой план, будет рассказано в следующей главе.

На этот раз ни англичане, ни голландцы не продали судно Латифу, но после предложения о том, что персы могут покупать суда в Сурате,[2] каждый из них одолжил два судна для блокады Гейса. Шейх Рашид из Басида и могущественный глава Хувалы Шейх Джаббар из Тахири и Бахрейна также предоставили два судна. Окончательно блокировав Гейс и тем самым отрезав Мухаммед Хану Белуджу путь к побегу, они захватили его и отправили в цепях в Исфаган. По прибытии туда он был ослеплен по приказу Надира и через три дня умер;[1] неизвестно, было ли его ослепление причиной его смерти, или он был убит.

Тахмасп Хан казнил Шейха Ахмеда Мадани, а многие непокорные арабские племена из портов Залива (*banadir*) и окрестностей Хавиза переселил в Хорасан и Астрабад. Затем он разрушил крепости до основания и заставил Шейха Джаббара собрать контрибуцию в 10.000 туманов у Шейха Рашида из Басида и у других арабских лидеров, поддержавших восставших или солидарных с ними. Таким образом, власть этих арабов была полностью разрушена.[2]

[1] Ibid, 7/18 мая 1734 г.

[2] Судостроительство в Сурате было известно своей надежностью. Во вступлении в Бомбейское Consultations, датируемом 31 мая 1734 г. отмечается, что суда, построенные из тикового дерева в суратском стиле здесь, и в Бомбее были более прочными и приспособлены к климату, чем суда, построенные в Европе. Подробности о прочности суратских судов и о том, каким образом они строились, имеются у датского контр-адмирала J.S.Stavorinus в его Voyages to the East Indies (английский перевод, Лондон, 1798), том III, стр.17-23.

[1] T.N., стр.143-144.

[2] Gombroon Diary, 29 июня / 10 июля, 1734 г.

ГЛАВА VIII. ПОХОДЫ НАДИРА, 1734-1736; ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Направив Тахмасп Хана Джалаира завершить полное подчинение береговой полосы Залива, сам Надир отправился в Шираз, где находился более двух с половиной месяцев. Во время своего пребывания там он назначил Мирзу Мухаммед Таги Хана Ширази представителем Правительства в Фарсе. Мирза Мухаммед Таги Хан был мустауфи Шираза, сыном Хаджи Мухаммеда; из поколения в поколение этой семье принадлежала должность мираба или главы водных запасов Шираза и Гумиша.[1] Хотя Таги Хан не выделялся особым талантом, будь то военно-командующего или правителя, однако, в дальнейшем ему удалось добиться большого успеха благодаря влиянию, которое он приобрел над Надиром по необъяснимым причинам.

18 апреля 1734 года Надир направился из Шираза в Исфаган; в пути он узнал, что 21 марта у Рзы Гули и Фатимы Султан Бегим родился сын.[2] Тот факт, что ребенку дали имя Шахрух, было, по-видимому, первым признаком того, что Надир намерено стремился подражать Тимуру. Правда, Шахрух был не его сыном, а внуком, но в то время когда родились его собственные сыновья, он был никому неизвестной личностью, и тогда он еще не мог предположить, что готовит ему судьба. А теперь он был на вершине славы: завоевывал территории и укреплял свою власть. Невозможно точно определить, когда у него впервые возникла мысль подражать Тимуру, но следующее сочетание обстоятельств могло привести его к этому. Во-первых, Надир был родом из Турана и не был персидского происхождения, (как отмечалось, после заключения им и Ахмедом Пашой договора в декабре 1733 г. он написал письмо турецкому Султану, в котором указывал на родство между турками и туркменами, однозначно относя себя к последним);[3] во-вторых, он вырос в окрестностях Келата, с крепостью которой непосредственно ассоциируется имя Тимура;[4] в-третьих, по стечению обстоятельств имя его второй жены было Говхар Шад, как у

[1] Фарс-Намэ, стр.175.
[2] T.N., стр.141.
[3] Смотри стр.92-93 выше.
[4] Войска Теймура захватили Келат после долгой осады в 1382 г.

невестки Тимура, жены Шахруха. К тому же, и Тимур, и Надир были людьми необразованными (Надир до зрелого возраста не имел практически никакого образования), но они оба обладали отличной памятью. Они оба были очень амбициозными, смелыми и были, безусловно, военными гениями; и, наконец, оба они были беспощадными злодеями. Параллели между этими двумя людьми не должны абсолютизироваться, потому что хотя и были некоторые поразительные сходства, однако точек расхождения было значительно больше. Тимур старался поощрять торговлю и промышленность и стремился открывать новые торговые пути посредством своих завоеваний, тогда как Надир не уделял большого внимания торговле и не заботился об экономическом благосостоянии своих подданных. Во-вторых, Тимур старался содействовать распространению Ислама, но Надир не предпринимал таких действий; если он вообще имел отношение к какой-то религии, то лишь для подчинения своим политическим целям.

При прибытии Надира в Исфаган ему был оказан роскошный прием; представитель ост-индской компании Гикай отмечал, что «к его торжественному выходу улицы были перекрыты, словно для встречи короля, а иллюминации и фейерверки продолжались несколько дней».[1]

Во время пребывания Надира в столице, Гази Абдул Керим Эфенди прибыл из Константинополя, доставив ему письмо от Султана, в котором утверждалось, что Абдулла Паша Кепрюлю, Сараскер или Генералиссимус, уполномочен заключить мир с Персией. Несмотря на заверения посла о миролюбивых намерениях Султана, Надир был убежден, что на самом деле он настроен враждебно и пытается выиграть время.[2] Тем не менее, он отнесся к Абдулле Кериму вежливо и отправил его назад в Турцию к Абдулле Паше с посланием, где говорил, что было бы лучше, если бы Порта вернула захваченные ею территории Персии; в противном случае он обещал немедленно начать войну. Его предположения оправдались, так как посовещавшись с Главным Визирем турецкий улема принял решение продолжать войну с Персией, не возвращая ни одной из захваченных ее территорий, до тех пор пока Россия не вернет захваченные ею территории.

[1] Gombroon Diary, 15/26-июня 1734 г. (цитируется из письма Гикая).
[2] T.N., стр.142. Как будет отмечено, Порта говорила не о ратификации договора, заключенного между Надиром и Ахмедом Пашой, а о заключении нового договора.

Почти сразу же после того, как Надир проводил турецкого посла в Исфаган, прибыла российская делегация во главе князя Сергея Димитровича Голицына.[1] Голицын был опытным дипломатом, возглавлявший ранее посольство в Испании и Пруссии.[2] Основными целями миссии Голицына были подробно сообщить в Санкт-Петербург о ситуации в Персии и убедить Надира положить конец перемирию с Турцией. После того как Голицын был принят Надиром, он сообщил, что отношения с Надиром очень сложны, так как он очень самодоволен и с негодованием воспринимает просьбы о предприятии военных действий; поэтому необходимо больше тактичности и терпения.[3]

Сначала Надир согласился на просьбу Голицына о том, что в случае, если Турция начнет войну против России, Персия выступит против Турции. Но впоследствии он стал уклоняться от этого вопроса, занимаясь другими делами. Когда Голицын сказал, что Россия готовится помочь Персии, Надир поблагодарил его, но отметил, что не представляет, как он может воспользоваться этим предложением, если русские не будут наступать на Шемаху или Багдад. Если обстоятельства потребуют разрыва с Турцией, он надеется, что справится с турками без посторонней помощи; если достигнет цели, он будет наступать через Анатолию в Константинополь, и тогда Россия сможет напасть на Турцию с другой стороны.[4] Кроме того, Голицын сообщал о недовольстве Надира тем, что Россия не возвращает Дербенд и Баку, хотя по условиям договора 1732 года Россия имела полное право удерживать эти две

[1] Доктор Шниц, военный врач-хирург, сопровождавший миссию, написал отчет о путешествии в Исфаган, который был впоследствии опубликован в заключении Nachricht von der Zweiten Reise nach Persien von 1745 bis 1747 доктора Лерха, в Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, том 10, стр.461-462. Смотри также T.N., стр.154 (Мирза Мехди всегда употребляет слово «Kannas» с именем принца Голицына, это было предположительно его переводом русского слова knyaz – принц; сравни используемое сыном Курдадбина слово qinnaz – означало король славян, на стр.17, том VI Bibliotheca geographorum arabicorum). Голицын сам написал отчет о своем путешествии и приключениях во дворе Надира и при сопровождении его в военных кампаниях. Рукопись этой записи, представляющая большой интерес для исследования, находится в папке №348 (документа 15) G.F.Müller, в архивах Москвы. Смотри профессор М.А.Полиевктов «Европейские путешественники по Кавказу XIII-XVIII вв.». Тифлис, 1935, стр.35. (Я признателен своему другу Мист. J.F. Baddeley за эту последнюю сноску).

[2] Полиевктов, цитируемое произведение, стр.35.

[3] Soloviev, том XX, стр.1332.

[4] Ibid, стр.1333.

области до тех пор, пока турки не покинут территории Азербайджана, Армении и Грузии.

Так как из Турции не было никаких новостей относительно ратификации договора и возвращения захваченных территорий, 12 Мухаррама 1147 года (14 июня 1734 года) Надир направился на турецкую границу. Он в сопровождении князя Голицына и его свиты отправился через Гулпаяган в Хамадан; предполагалось, что сразу после прибытия в этот город, он наступит на Багдад через Кирманшах.[1] Однако, покинув Хамадан, он наступил в Синандидж и Марагу. Основной, если не единственной причиной изменения плана было то, что непосредственно перед тем, как покинуть Хамадан, он получил сообщение от персидского агента в России о том, что российское правительство приказало бывшему грузинскому экс-царю Вахтангу и его сыну Бакару[2] направиться в Дербенд, откуда они должны были наступить на Шемаху и захватить его, а также завоевать Картли для России.[3]

В Мараге к Надиру прибыл турецкий посол, но он, по-видимому, не принес никаких важных известий. Затем Надир отправил своего дядю (со стороны отца) Бекташ Хана Гырыглу и часть войск под его командованием в Тебриз и приказал некоторым лидерам племен собраться у Димдима, где они должны были находиться, пока не станет известно, что будет с Турцией: мир или война.[4]

10 августа Надир прибыл в Ардебиль,[5] где он получил послание от Абдуллы Паши, предлагавшего ему отложить возвращение захваченных территорий на два года. Отмечалось, что в случае отправления к этому времени посла в Турцию, эти провинции будут переданы.[6] Это сообщение послужило убедительным доказательством того, что турки

[1] Vakhusht's Histoire de Karthli, H. De la G., том II, часть I, стр.130 Шниц, цитируемое произведение, стр.462.

[2] Подробности о жизни Вахтанга и его сына смотри Броссет Matériaux pour servir à l'Histoire de la Géorgie. Санкт-Петербург, 1841, стр. 212-213 и этот же автор Истории Грузии, том III, часть I, стр.121, 580-581.

[3] Vakhusht H. de la G., том II, часть I, стр.129. Броссет отмечает в подстрочном примечании, что подлинный текст указаний Вахтангу и его сыну находятся в Полном Собрании Законов, том IX, стр.317.

[4] T.N., стр.144.

[5] Шниц, цитируемое произведение, стр.464. Согласно T.N., Надир не был в Ардебиле до 19 Раби I (19 августа).

[6] T.N., стр.144.

не собираются заключать мир на условиях, установленных между ним и Ахмед Пашой.

Надир решил нанести первый удар не по самим туркам, а по их вассалу Сурхаю, Хану Ширвана. При принятии этого решения он преследовал 4 цели. Во-первых, он хотел овладеть Шемахой раньше, чем Вахтанг сможет захватить ее для России. Во-вторых, он считал, что присутствие персидских отрядов в такой близости к Баку и Дербенду заставит русских ускорить заключение договора, о котором Голицын так долго вел переговоры. В-третьих, Надир, конечно же, имел основания желать усмирить Сурхая. И, наконец, последнее, захватив Шемаху он вернул бы часть захваченных персидских территорий.[1]

Сурхай Хан или правитель Ширвана получил приказы от Ахмед Паши освободить эту провинцию (смотри стр. 92-93 выше), но пренебрег ими. Когда правитель Астары по распоряжению Надира написал Сурхаю, чтобы напомнить об этом указании, тот ответил: «Мечами лезгинских львов мы взяли Ширван; какое право имеет Ахмед из Багдада или кто-то другой встать на этом пути?».[2]

Когда 21 августа Надир добрался до Куры,[3] Сурхай испугавшись сбежал в Дагестанские горы.[4] Вслед за тем Надир перешел Куру и захватил Шемаху, очевидно не встретив никакого сопротивления;[5] назначив правителя, он обложил население тяжелым налогом.[6]

Находясь в Шемахе, Надир через Голицына стал угрожать России войной, в случае если она не уступит Баку и Дербенд, аргументируя это тем, что Турция не будет возвращать захваченные ею провинции до тех пор, пока Россия будет удерживать персидские территории. Тогда российский двор направил послание Надиру, в котором говорилось о том, что несмотря на Рештский договор ее войска покинут все персидские территории при условии, если Персия утвердит договор и

---

[1] Главный Визирь считал, что Россия подстрекала Надира захватить Шемахы. Смотри донесение Лорда Кинноула 12/23 сентября 1734 г. (S.P. 97, том XXVII).
[2] T.N., стр.145.
[3] Лерх в своем Auszug aus dem Tagebuch в Büsching's Magazin, том III, стр.21, дает (O.S.) дату 10 августа; согласно T.N. (стр.148), Надир добрался до Куры 29 Раби I (29 августа).
[4] Durra-yi-Nadira, стр.143.
[5] Бутков неверно отмечает, что Шемаха осаждалась два месяца, он также ошибается, говоря, что Сурхай был убит в этих событиях (том I, стр.126).
[6] Шниц, цитируемое произведение, стр.464.

возьмет на себя обязательства считать врагов России своими врагами. В октябре 1734 года Генерал Левашев (преемник графа Вон Гессе Гамбургского, командующего российскими войсками в Дагестане) получил приказы освободить все территории на юге Дербендской области, включая город Баку, и подготовиться освободить Дербенд.[1]

15 сентября Надир выступил из Шемахи с частью своей армии численностью 12.000 человек и вошел в центр Казигумугской области с целью разрушить сам Гумуг. Спустя три дня Тахмасп Хан Джалаир выступил с оставшимися 12.000 человек в область Габала, где по имевшимся донесениям, находился Сурхай у Деве Батана на дороге из Шемахи в Габалу. Тахмасп Хан неожиданно столкнулся с Сурхаем. Последний имел 20.000 человек, включая 8.000 турков и татар из Гянджи под руководством Мустафы Паши и Калга Фаты Гирея. Численное превосходство было бы еще больше, если бы царь Кахетии[2] Теймураз нанеся сокрушительное поражение другой турецкой армии, не вынудил их вернуться в Тифлис. Несмотря на небольшую численность своих войск, Тахмасп Хан Джалаир разгромил многочисленные войска Сурхая. Сурхай сбежал по направлению к Гумыгу, а турки и татары отступили в Гянджу. Тахмасп Хан успешно захватил и уничтожил Хачмасскую крепость Сурхая.[3]

Тем временем, Надир с некоторыми трудностями наступал в области Казигумуг. Сурхай, после предъявления ему требования подчиниться, попытался оказать сопротивление, но снова потерпел поражение близ Гумуга и сбежал в Аварию. Затем Надир разгромил Гумуг и захватил сокровища Сурхая.

Хасбулад Хан, сын Адиля Гирея,[4] бывшего Шамхала Тарху, который был известной личностью в Дагестане, выразил покорность Надиру. Надир восстановил пост Шамхала и присудил его Хасбуладу.[5]

---

[1] Бутков, том I, стр.127. Однако Баку не сдавали до весны 1735 г. (смотри стр.105-106 ниже).
[2] Теймураз, который в 1731 г. сменив своего брата Константина (Мухаммед Гули Хана), присягнул на верность Турции, в качестве царя Кахетии в 1731 г. Так как Турции не удалось загладить обиды за Кахетию, Теймураз перешел на сторону Персии; смотри Вакхушт, H. de la G., том II, часть I, стр.130-131.
[3] T.N., стр.146.
[4] Адил Гирей восстал против России в 1725, но Российское правительство подавило восстания, и сослало его в город Колу на севере Лапланда (имеется ввиду Архангельская область), в это же время она упразднила пост Шамхала Тарху.
[5] T.N., стр.148. Надир, по-видимому, хотел восстановить Шамхалат в положение, в котором он был до того, как произошел раскол между горцами казигумыгами и Тарху.

Надир понимал, что в суровую зиму невозможно преследовать Сурхая, так как проходы в Аварию будут перекрыты снегом. Проведя неделю в Гумуге, он отправился в Ахти, где разбил и обратил в бегство многочисленный отряд враждебно настроенных лезгин. Затем он труднопроходимой дорогой направился через Хачмаз и Гутгашын в Габалу, где узнал о победе Теймураза над турками. Вскоре после победы Теймураза турки столкнулись с новой неудачей, так, Эристав Ксана Гив Амилахвари захватил крепость Гори.[1] Покинув Габалу 22 октября, Надир пересек Куру на юге Ареша и направился в Гянджу, у стен которой он 3 ноября расположил свой лагерь. Он отправил послание в Дербенд Вахтангу с предложением приехать в его лагерь, но Вахтанг счел, что будет благоразумно не подчиняться; не сумев выполнить указания российского правительства, он вернулся в Астрахань.[2]

Надир предпринимал тщательно разработанные меры для ведения осады Гянджи. Город был сдан Али Пашой, который сам отступил в крепость; Надир установил пушку на верху одной из мечетей, но турецкая артиллерия вскоре заставила ее замолчать. Затем были сделаны попытки взобраться по стенам крепости посредством очень высоких деревянных подмостков, но они были разрушены стрельбой защитников. Активно велись подкоп и минирование, в ходе чего шесть персидских мин одновременно взорвались, нанеся сильное повреждение стенам крепости и убив 700 турков.[3] В ходе этой осады Надир трижды был на волоске от смерти; в одном случае, пушечное ядро снесло голову одному из рядом стоящих солдат; лицо и одежда Надира были забрызганы кровью и мозгами несчастного.[4]

Обычная нехватка артиллерии у персов при осаде и трудности в проведении зимой активной кампании сделали осаду долгой и трудной. Более того, турки отчаянно защищались и наносили тяжелые потери персам.

Голицын с самого начала понял, что по вышеупомянутым причинам осада может затянуться. Полагая, что задержка в захвате Гянджи не в интересах ни России, ни Персии, он предложил Надиру помощь. Предложение было охотно принято; в результате, в ноябре Левашев

[1] Sekhnia Chkheidze, H. de la G., том II, часть II, стр.47-48.
[2] Вакушт, H. de la G., том II, часть I, стр.130.
[3] T.N., стр.150.
[4] Ibid, стр.151.

направил офицера-механика и четырех бомбардиров, переодетых в персидскую одежду, в персидский лагерь; было также отправлено несколько крупных артиллерийских орудий.[1] Утверждают, что Надир в начале недооценивал отвагу русских, но вскоре он убедился в их способностях.[2]

Несмотря на помощь, предоставленную русскими, Надир считал, что невозможно будет взять крепость штурмом; поэтому он, оставив часть своих войск для продолжения блокады города, остальное войско под руководством Хорасанского турка по имени Шафи Хан Бугхаири вместе с *mouravan va aznauran* («подготовленные и знатные») грузинами отправил для осады Тифлиса.[3]

27 декабря Голицын по указанию из Санкт-Петербурга сообщил Надиру о том, что императрица, будучи уверенной в том, что он вытеснит турков, разрешила вернуть Персии находившиеся все еще у русских территории, при условии, что он возьмет на себя обязательство никогда не уступать эти территории Турции, а к врагам России относиться как к своим собственным врагам и письменно подтвердить свое обещание Голицыну сделать все возможное, чтобы противостоять Турции. Надир обрадовался этому сообщению и пообещал выполнить все требования.[4]

Результатом этого стало подписание гянджинского договора 10/21 марта 1735 года. Россия обязалась покинуть Баку в течение двух недель и Дербенд в течение двух месяцев от даты подписания договора. В ответ Персия обещала быть вечным союзником России и никогда не уступать Баку и Дербенд другому государству.[5] Река Сулак была установлена как граница между Россией и Персией; кроме этого, оба государства обязались не вести переговоры с Турцией без ведома друг друга.[6]

[1] Соловьев. Том XX, стр.1333, Лерх, Büsching's Magazin, том III, стр.37.
[2] Доктор Кук, цитируемое произведение, Соловьев. том II, стр.465.
[3] T.N., стр.152 (в Бомбейском издании mouravan ошибочно дается как anravan). Используемые Мирзой Мехди грузинские термины представляют интерес. Для объяснения значения mouravan и aznauran смотри Ален «История Грузинского народа», стр.166 и 225 точно.
[4] Соловьев, том XX, стр.1, 333.
[5] Бутков, том I, стр.130 и 131.
[6] T.N., стр.154.

Россия передала Баку и Дербенд в течение оговоренных периодов, а также (хотя по условиям договора не обязывалась делать этого) разоружила и освободила крепость Святого Креста. Это положило конец российской оккупации Северной Персии, начатой Петром Великим 13 лет назад. Единственным преимуществом, которого добилась Россия от этой оккупации, было предотвращение укрепления Турции на берегах Каспийского моря. Но это преимущество, несмотря на всю свою важность, досталось дорогой ценой. Это стоило жизней не меньше 13.000 русских солдат, основная часть которых погибла от болезней в провинции Гилян.[1]

Так как Абдулла Паша, находившийся тогда в Карсе, не предпринял никаких действий, чтобы освободить Гянджу, через несколько дней после празднеств Новруза, Надир направил часть своих отрядов по направлению к Карсу в надежде заставить его «очнуться от неизвестности» и тем самым дать возможность персам напасть на него.[2] Он также отправил несколько отрядов для наблюдения за воинственными джарскими и таласкими лезгинами.

Возможно, именно в это время Надир приказал разрушить Шемаху и переселить все ее население в Агсу, находящийся в 15 милях к Западо-Юго-Западу. Так как в Агсу предполагалось построить много новых зданий для населения Шемахи, Надир направил туда турецких военнопленных помогать в строительстве нового города. Когда все было завершено и переселение состоялось, Агсу был переименован в Новую Шемаху.[3] Хотя Надир совершил эти действия под предлогом того, что шемахинская сторона была слишком открыта для нападений,[4] но Ханвей, по-видимому, был прав, когда заметил, что Надир сравнял город с землей и уничтожил большую часть населения из-за «сочувствия, которое этот город оказывал лезгинам».[5]

В начала мая Надир оставил свой лагерь в Гяндже и предприняв все меры для продолжения блокады города в его отсутствии, направился в Карс. После неудачной попытки задержать Теймура Пашу,

[1] Manstein's Mémoires, стр.95.
[2] Ibid, стр.155.
[3] Согласно Фарс-Намэ, стр.177. Новая Шамаха была также известна как Джалилабад, но это название, по-видимому, не столь широко используется.
[4] T.N., стр.154; Z.T., лист 217(b); Бутков, том I, стр.126; Дорн, Geschichte Schirwans, 413.
[5] Том IV, стр.115.

правителя Вана, который направлялся, чтобы освободить Тифлис, Надир попытался добраться до крепости Газанчай труднопроходимой горной дорогой, надеясь, что угроза этой крепости вынудит Абдулла Пашу начать действовать. Обильный снег в горах сделал тропинки непроходимыми,[1] поэтому Надир был вынужден отказаться от своего плана и наступить на Карс через Лори. 24 Мая он расположил свой лагерь в 3 милях от Карса. Так как Абдулла Паша продолжал отсиживаться за стенами крепости, а около Карса ощущалась нехватка продовольствия, Надир отступил в Абаран, где любезно принял армянского католикоса Абраама. Затем он направился в Эривань, которую осадил; войскам, направленным с целью захвата крепости Баязид, удалось это сделать.[2]

Оставив достаточное число войск для продолжения осады Эривани, Надир направился в Эчмиандзин с основной частью своих войск, чтобы быть готовым атаковать Абдуллу Пашу, если последний покинет Карс. После возвращения в Эривань, чтобы отразить вылазку гарнизона, он отправился в Паракар, где получил долгожданные известия о том, что Абдулла со своими войсками пересек реку Аккуриан (Арпа чай) и наступает на него.[3]

Турецкая армия состояла из 30.000 тысяч янычаров и 50.000 тысяч кавалерии;[4] численность персов отмечается Мирзой Мехди в 15.000, а католикосом в 18.000[5], но, вероятно это было число наступающей гвардии Надира, а его основные войска, которые (как будет отмечено ниже) вступили в бой позднее, состояли из 40.000 человек,

[1] T.N., стр.156. Смотри также Mon Histoire et celle de Nadir, Chah de Perse, католикоса Абраама; Броссет Collection d'Historiens Arméniens, Санкт-Петербург, 1876, том II, стр.267.
[2] T.N., стр.157.
[3] Ibid, стр.157, также католикос Абраам, цитируемое произведение, стр.270.
[4] Смотри перевод письма, который Надир отправил принцу Голицыну в Дербенд после сражения: этот перевод был приложен в послании Rondeau's от 6/17 сентября (Непосредственно перед началом сражения Багхаварда, Голицын начал возвращаться в Россию, и находился в Дербенде, когда это письмо настигло его; он сопровождал Мирзу Кафи Нашири Хулафа, который был направлен в качестве персидского посла в Санкт-Петербург. При возвращении Голицына, он стал правителем Казани и там он написал отчет о своих испытаниях в Персии, о чем упоминается выше на стр.99). Цифры Мирзы Мехди, а именно 70.000 кавалериста и 50.000 пехоты, сильно преувеличены.
[5] Католикос Абраам, стр.270.

таким образом, число членов персидских войск составило 55.000 тысяч в целом.[1]

Оставив свой обоз позади, Надир быстро направился навстречу туркам. Вечером 18 июня он и его люди добрались до деревни Ахи-канди около реки Зенги Чай и расположили лагерь на холме под названием Аг Тепе. Одновременно армия Абдуллы Паши прибыла в Багхвард, расположенный на другой стороне равнины на расстоянии в двух фарсаках.[2]

На следующее утро турки, уверенные в своем численном превосходстве, перешли в наступление. Надир, в начале расположив основные свои части в засаде, сам с тремя дивизиями стремительно атаковал турков. Несмотря на то, что его войска уступали в численности, они возместили это своей храбростью. Надир с частью джазаиритов направился к небольшому холму на равнине, на которой Абдулла Паша разместил часть своей артиллерии, и захватил его, а другая часть его людей наступала против артиллерии с левого фланга турков. В разгаре этих атак в бой вступили турецкий и персидский центры. Персидская тяжелая артиллерия и зенбуреки, или вращающиеся пушки на верблюдах, вели разрушительный огонь по турецкому центру, что вскоре привело турков в смятение, и их войска стали отступать. По команде Надира персидская кавалерия, а также отряды, находящиеся в засаде, напали на отступающих турков, которые стали беспорядочно бежать к дороге. Сам Сараскер, зять Султана Сары Мустафа Паша, несколько других знатных офицеров и большое число турков были взяты в плен.[3] Остатки потерпевшей поражение армии бежали в различные стороны; около 3.000-4.000 турков, которые пытались добраться до Аштарака, были задержаны армянами и затем убиты преследовавшими их персами. У Надира были все основания быть довольным этой великой победой, так он написал князю Голицыну, что ему не везло так с тех пор, как он начал воевать.[1]

После сражения Надир вернул труп Абдуллы Паши Кепрюлю, то же самое он сделал и с останками Топал Османа; отправив их туркам. Затем он послал часть турецких военнопленных в Гянджу, Эривань и Тифлис, чтобы сообщить их соотечественникам о победе.[2]

3 июля новости о поражении Турции дошли до Константинополя, и вызвали там сильное беспокойство. Главного Визиря Али Пашу Хаким оглу сочли виновным в поражении и отстранили от должности, а его место занял Исмаил Паша, правитель Багдада. Ахмед Паша был назначен Сараскером в качестве преемника Абдуллы Паши и вскоре был восстановлен в прежнем положении правителя Багдада.[3].

Когда турецкие пленные сообщили правителю Гянджи Али Паше новости о сражении у Багхаварда, он сразу же попросил мира и 9 июля 1735 г. сдал крепость; он упорно защищал крепость восемь с половиной месяцев. Али Паша и Калга Фаты Гирей были дружелюбно приняты Надиром, который разрешил Али Паше отправиться в Карс, а Фаты Гирею – в Тифлис. Правитель Тифлиса Исхаг Паша вскоре последовал примеру Али Паши и 12 августа сдался.[4] Только Эривань держалась до конца; как будет сказано ниже, она не сдавалась до 3 октября.

Надир во второй раз отправился в Карс, который осадил на месяц, отрезав водоснабжение и разрушив окраины города от Арпы Чая до Эрзерума.[5]

Прежде чем охарактеризовать заключительную фазу турецкой войны, следует упомянуть не только о походе крымского хана на Дагестан летом и осенью 1735 года, но также о военно-морских планах Надира и персидской попытке захватить Басру в апреле того же года.

В 1734 г., так же как и в 1732 г., Порта потребовала от Крымского хана направиться в Дагестан. Хан отказался, оправдываясь отсутстви-

[1] Это число дается Ханвеем, том IV, стр.119.
[2] T.N., стр.157, Durra-yi-Nadira, стр.147.
[3] Ibid, стр.139. В разных источниках существуют некоторые расхождения о дате этой битвы. В то время как Мирза Мехди упоминает дату 26 Мухаррам (18 июня), католикос дает число 8/19 июня, а генерал Еропкин (копия его отчета о сражении была дана Вышняковым лорду Кинноулу) в сентябре (смотри S.P. 97, том XVII), Надир сам отмечает эту дату в своем письме Голицыну. Несомненно, 19 июня наиболее точная дата.

[1] Смотри письмо Надира Голицыну, упомянутое в примечании 4, на стр.105.
[2] T.N., стр.159.
[3] Оттер, том I, стр.32.
[4] T.N., стр.160. Оба Католикос Абраам (стр.278) и Sekhnia Chkheidze (H. de la G., том II, часть II, стр.48) дают одинаковую с Мирзой Мехди дату.
[5] T.N., стр.160, и Католикос Абраам, стр.277; последний отмечает, что Надир переселил 6.000 армянских семей из областей Карса в Хорасана.

ем должных средств и нежеланием своих людей отправляться туда;[1] вероятно, в действительности он просто не хотел оставлять районы польской границы, так как намеревался вступить в войну за польское наследство на стороне Станислава Лещанского.[2] В начале мая 1735 года Порта отдала хану строгий приказ направиться с 8.000 человек в Дагестан, а оттуда в Ширван, и на этот раз он сделал это в форме, не допускающей никакого отказа. Когда Российский резидент в Константинополе Неплюев и его помощник Вышняков узнали о таких приказах, они выразили решительный протест Главному Визирю Али Паше, но в ответ он сообщил им, что многие лидеры и улама Дагестана попросили Султана помочь им в борьбе против Надира, который уже нанес поражение Сурхаю и назначил нового правителя (т.е. Хасбулада). Главный Визирь также добавил, что Порта рассмотрела эту просьбу, и что в данных условиях она считает себя обязанной взять население Дагестана под свое покровительство и направить им военную помощь; дальше он отметил, что приказы уже отданы Хану, и они не могут быть отменены.[3] Представители Британии, Австрии и Дании в Константинополе пытались обратить внимание Главного Визиря на то, что этот поход может стать причиной войны с Россией (как и поход Фаты Гирея два года назад), но Али Паша ответил, что эти приказы не могут быть отменены и что персидская война не может быть завершена до тех пор, пока хан не отправится в Дагестан; однако он добавил, что хану будут даваться строгие приказы не входить в пределы российской территории.[4]

Описание дальнейших попыток, предпринятых британскими, австрийскими и другими дипломатическими представителями (за исключением французского посла) в Константинополе уладить эту ситуацию не входит в цели этой работы. Все было тщетно; в июле 1735 г. Гаплан Гирей выступил с 53.000 войском[5] и в октябре прибыл в Дагестан.

---

[1] Tagebuch des Russisch-Kaiserlichen Generalfeld-Marschall Grafen von Münnich (Лейпциг, 1843), стр.131.

[2] Бутков, том I, стр.123 (Бутков виноват в анахронизме здесь, так как он отмечает, что Гаплан Гирей выступил из Дагестана в ноябре 1733 г.).

[3] Лорд Кинноул, 24 мая/4 июня, 1735 г.

[4] Ibid, смотри также Соловьев, том XX, стр.1, 328.

[5] Смотри Münnich, цитируемое произведение, стр.133, подробнее о составе этих сил.

Во время этого похода не произошло никаких серьезных военных столкновений с Россией, но российское правительство без объявления войны Турции отправило генерала Леонтьева с 20.000 регулярным отрядом и отрядом казаков опустошить Крым, преследуя при этом две цели: ослабить давление на Надира и наказать крымских татар за их постоянные набеги на российскую территорию.[1]

Встревоженная позицией России и надировской угрозой для Анатолии Турция решила предложить мирный договор Персии. Надир не только вернул все персидские провинции и города (за исключением Эривани), но ему также удалось перенести войну на турецкую территорию.

Ахмед Паша, находившийся в это время в Эрзеруме, был уполномочен вести переговоры об условиях мирного договора, отправил посла к Надиру, предлагая уступить Эривань и заключить мир на основе *utipossedetis*. Однако Надир осадил Карс и потребовал сдачи этой крепости, компенсацию за все потери, понесенные с начала турецкой оккупации и включение России в переговоры.[2] Вскоре после этого он отказался от своих требований относительно Карса, и Ахмед Паша отдал приказ Эривани подчиниться, в результате 3 октября город открыл свои ворота персам.[3] После взятия трех крепостей Надир решил отказаться от осады Карса и заняться вместо этого делами Грузии. Поэтому он 6 октября направился в Тифлис и вызвал Теймураза и его племянника Али Мирзу;[4] *tauvadan an aznauran* (главы племен и знать) Картли и Кахети.[5] Грузины выразили покорность и пришли к нему, когда он находился недалеко от Тифлиса. Надир назначил Али Мирзу правителем Картли и Кахети, так как он стал мусульманином, хотя (как допускает сам Мирза Мехди) Теймураз был более достойным претенден-

---

[1] Бутков, том I, стр.123-124. Смотри также заявление графа Остермана к Rondeau, о чем последний сообщил в своем послании от 8/19 Ноября (S.P. 91, том XVII).

[2] Лорд Кинноул, 20/31 Октября 1735 г. (S.P. 97, том XXVII).

[3] T.N., стр.161. Католикос Абраам, цитируемое произведение.

[4] Али Мирза или по-другому известный как Александр, был сыном Имам Гули Хана (Давида III) из Кахетии; его брат Мухаммед был убит в Месопотамии в крупном сражении 19 июля 1733 г.

[5] T.N., стр.162. Следует отметить, что до этого Мирза Мехди использовал грузинские термины mouravan va aznauran; в этом случае он использовал tavadan («chiefs») на месте mouravan («префекты»). Об этимологии и значении tavad, смотри Аллен, цитируемое произведение, стр.246-249.

том.[1] Теймураз был сильно разочарован, оставшись без внимания и воспользовавшись первой же возможностью, сбежал в страну Пшавс и Чиркессию. Что касается Али Мирзы, то он занимал эту должность лишь номинально, так как Надир отправил Сафи Хана Бугхаири наблюдать за ним.

При прибытии Надира в Тифлис ему был оказан роскошный прием; улицы, через которые он проходил, были покрыты коврами. Он благосклонно отнесся к подчинившимся грузинам, но 6.000 оказывавших ему сопротивление семей выслал в Хорасан.[2]

Между тем переговоры Надира с турками, хотя и с перерывами, но продолжались. Преемник Голицына Калушкин[3] сообщал графу Остерману об интересной беседе, которая состоялась у него с Надиром в Тифлисе; он утверждал, что регент решил заключить мир с турками, но только при условии, что Россия будет включена в договор. Однако турки были против включения России, потому что, как они утверждали, судя по ее нападению на Польшу, она ищет любой повод для конфликта с ними. Далее Калушкин замечал, что он объяснил Надиру обстоятельства, при которых Россия начала войну с Польшей и рассказал о роли, которую играла Франция по отношению к польской и русско-турецкой ситуациям: «Я вижу, что вы правы» – воскликнул Надир, когда Калушкин завершил свой разговор. «Бог не простит мне, если я заключу мир с Турцией, и если русские не присоединятся к соглашению». Затем он выразил свою признательность Императрице Анне за любезность, которую она ему оказала.[4]

В то время как Надир находился в течение трех месяцев в Тифлисе, он узнал, что Крымский Хан Гаплан Гирей направляется в Дербенд. Хотя он знал, что бывший правитель Гянджи Али Паша едет к нему с

---

[1] Ibid, стр.162.

[2] Sekhnia Chkheidze, H. de la G., том II, часть II, стр.49.

[3] Очевидно, он прибыл в Персию до отъезда Голицына (смотри Соловьев, том XX, ст. 1, 337). Мухаммед Казим, на ст. 27, *Kitab-I-Nadiri*, упоминал, ссылаясь на первый том (утерянный том), в котором он описывает прибытие, очевидно в 1735 г. или примерно в это время послов от Аг Бану (Белой Принцессы, т.е. Императрицы Анны). Эти послы отмечает он, привезли письма и подарки от Аг Бану; одним из подарков была удивительная механическая игрушка, которая особенно понравилась Надиру. Он написал в ответ, что после захвата Гандахара он будет иметь честь встретиться с «Белой принцессой» и попросить ее руки, тогда два государства станут одним. Не совсем ясно имеет ли отношение этот эпизод к прибытию Калушкина.

[4] Соловьев, том XX, стр.1, 337.

целью уладить пограничный вопрос на основе прежнего договора (1639 г.) и что Султан приказал Гаплан Гирею вернуться в Крым. Он непременно хотел наказать хана;[1] это, вероятно, был жест, предназначенный для России. Он прошел через области Джара и Талы, где перебил много лезгин и сжег множество деревень. Затем он направился через Шеки в Шемаху с целью встретиться с ханом, но по прибытии он узнал, что услышав о его наступлении и получив от Султана приказ вернуться, Гаплан Гирей повернул обратно в Крым. Прежде чем покинуть Дагестан, Гаплан Гирей назначил Шамхалом Эльдара, брата Адиля Гирея[2] и назначил Сурхая правителем Ширвана, а Ахмед Хана Уцмия Карагайтага – правителем Дербенда.[3]

Помимо относительно небольшого отряда, выделенного Надиром для наблюдения за его передвижениями и оказания поддержки лезгинам во время своего пребывания в Дагестане, Гаплан Гирей не предпринял никаких военных действий, повлиявших на исход турко-персидской войны; с другой стороны, его экспедиция ухудшила и без того натянутые отношения между Россией и Турцией.

Прежде чем продолжить дальнейшее повествование о событиях на севере, необходимо на время вернуться к событиям на юге Персии.

Летом 1734 года Латиф Хан, действуя по указанию Надира, активно занимался созданием в Бушире необходимой базы для зарождающегося персидского флота, до этого времени это было лишь небольшой деревней, занимающейся рыболовством. Для того чтобы усилить обороноспособность, Латиф Хан отремонтировал старый португальский форт. Вскоре после этого Бушир был переименован в Бендер Надирию.[4]

В октябре Тахмасп Хан Джалаир прибыл в Исфаган с рагамами от Надира, в которых предъявлялись следующие требования английской и голландской ост-индским компаниям: «предоставить такое количество кораблей, какое он пожелает, хорошо вооруженных и оснащенных, готовых отправиться в любую экспедицию, куда он не пожелает их послать, и чтобы они находились полностью в его распоряже-

---

[1] T.N., стр.163.

[2] Эльдар был тем дядей Хасбулада, которого Надир назначил Шамхалом. Подробнее о генеалогии его семьи смотри И. Березин «Путешествие по Дагестану и Закавказью», Казань, 1848, стр.77.

[3] T.N., стр.164. Смотри также «Geschichte Schirwans» Дорна, стр.413-414.

[4] Gombroon Diary, 5/16 июля 1734 г.

нии. Выполнив эти условия, мы могли бы полностью рассчитывать на его любезность. Сардар добавил, что отказ повлечет недовольство на Томаса Кауна... Никакое предложение резидента (Гикая) не могло убедить Сардара в необоснованности этого Требования».[1]

Гикай хотел закрыть предприятие Компании в Исфагане и покинуть город, но Тахмасп Хан отказался отпустить его. Что случилось дальше с голландским резидентом, неизвестно.

В декабре в Гомбруне было получено известие, что владельцы двухмачтовых судов Patna и Ruperall продали свои суда Латиф Хану в Бушире. Принимая во внимание отказ Гомбрунского Агента на требования хана о разрешении покупать корабли, это событие поставило его в неловкое положение и он стал ожидать новые требования от Латиф Хана, которым трудно будет отказать. Будучи не в духе, он сделал следующую заметку в своем Дневнике:

«Мы надеемся, что необдуманное поведение этих двух грубиянов не вовлечет нас в большие трудности с Кауном, так как наши ответы с самого начала были совершенно противоположными ему».[2]

В апреле 1735 года Латиф Хан с флотом, состоящим из трех судов *«грабов»*, 50 больших *транкеев* и нескольких небольших судов, вошли в Шатун-Араб с целью захватить Басру. Персидским войскам из 8.000 человек было приказано взаимодействовать с ним при нападении, но Латиф Хан был слишком нетерпелив, чтобы дождаться прибытия этих сухопутных войск; объединившись с частью арабов, которые восстали против турков, он направился вверх по течению.

Как раз в это время два английских судна, Король Георг и Реан, стояли на якоре на реке Басра. Когда Паша Басры узнал о приближении персидского флота, он потребовал от представителя ост-индской компании Мартина Френча передать им эти два судна. Френч запротестовал, сказав, что: «мы были в дружеских отношениях с персами, среди которых имеются служащие компании Хонбл и, следовательно, мы не можем действовать против них, чтобы не подвергнуть себя и служащих гневу персов, на что Паша ответил коротко, что обстоятельство требует этого и если он не сможет получить эти корабли по-хорошему, он возьмет их силой...».

[1] Gombroon Diary, 16/21 ноября (цитируется из письма от Гикая, датируемого 22 Октября).
[2] Ibid, 2/13 декабря, 1734.

Затем Паша захватил эти два судна, разместил на каждом 200 турецких солдат и отправил их вниз по течению. Они столкнулись с персидским флотом в узкой части реки в 5 милях ниже Басры, где персы расположили две артиллерии. Экипаж английских судов задерживал вступление противника в бой насколько мог дольше, но 3 июня турки заставили их атаковать. Сражение продолжалось три дня и завершилось поражением персов. Только два человека были убиты и один ранен на британских кораблях, хотя они:

«получили более пятидесяти выстрелов в свои корпусы, кроме этого была повреждена их мачта и рей. Паша с гордостью отправил Порте отчет об этих событиях, а также написал графу Кинноулу об этом; без сомнения событие было очень важное, но я не хотел бы, чтобы оно было направлено против другой нации, хотя я верю, что они (т.е. персы) справедливо отнесутся к нам, поняв, что нас заставило действовать против них ничто иное, как абсолютная необходимость».[1]

Агент и Консул в Гомбруне, понимая важность этого события, опасались, что это еще более ухудшит итак сложные отношения между компанией и Надиром; они были так встревожены возможным наказанием Надира, что в начале собирались перевести находящееся в Гомбруне предприятие и забрать свои суда. Срочное послание было отправлено к Уитвеллю, представителю в Кирмане, чтобы тот уладил там дела компании и приехал в Гомбрун. Надир действительно был разгневан, услышав эти новости, но его гнев был направлен не только против компании. Он отстранил Латиф Хана от должности, сказав, что ему не следовало нападать на турков, пока сухопутные войска, состоящие из 8.000 человек, не объединились с ним. Что касается компании, то отношения были, в конечном счете, несколько смягчены, потому что Надир нуждался в приобретении большого числа судов у них или через их посредничество, а это очень многое значило для него; вскоре, о чем пойдет речь в следующих главах, он начал вести приготовления, чтобы вернуть Бахрейн у хувальских арабов, а еще более амбициозному плану предстояло осуществиться несколько позже.

Получив известие о возвращении крымского хана домой, Надир возобновил свои военные действия против лезгин, несмотря на наступление зимы. Наступая из Шемахов через Алты Агадж и Дарракенди, он

[1] Письмо от Френча в Лондон, датируемое 5/16 июня 1735 г. Смотри также Gombroon Diary, 18/29 июня.

покорил население Будуга и Хыналыга и принял все меры, чтобы задержать беглецов. Затем он направился через Гильяр на север Дербенда, где 21 ноября расположил свой лагерь; там он узнал, что «анти-Шамхал» Эльдар, Сурхай и Уцмий Ахмед Хан объединили свои силы в Казанище, чтобы напасть на Хасбулада. Вследствие этого он направился в Маджализ, где нанес сокрушительное поражение Хану Мухаммеду, сыну Ахмед Хана. Из Маджализа он со своими войсками направился через горную область в Рубден на территорию Хасбулада, перебив на обратном пути почти все население, разграбив и предав огню деревни. 17 Шабана (2 января 1736 года) Надир направился из Губдена в Гумуг с Хасбуладом.[1] Сурхай собрал все население и разместил их на укрепленных позициях в долине Казыкумыг Гойсу, через которую следовало перейти персидской армии, кроме того, он соорудил укрепления на вершине горы.

Надир приказал своим джазаиритам атаковать врага и отправил афганцев захватить горные позиции. Операция была успешной, и Сурхаю пришлось отступить,[2] в это же время Эльдар, находившийся в пути, чтобы соединиться с ним, был также разгромлен. Затем Надир выступил в Гумуг, где ему выразили повиновение все лидеры за исключением Сурхая, который, как и в предыдущие годы бежал в Аварию, куда он еще до этого отправил свою семью. Так как против Сурхая ничего больше нельзя было сделать, Надир направился к Гураишу, крепости, принадлежащей Уцмию. Ахмед Хан отправил свою дочь вместе со своими основными сторонниками[3] к Надиру и попросил прощения. Надир согласился простить Уцмия при условии, что лезгины Догуз-Пара передадут ему 1.000 лошадей и пришлют их главные семейства в качестве заложников. Глава Табасарана согласился на эти условия. Таким же образом он уладил дела и в Дагестане; он наградил Хасбулада и других верных ему дагестанских лидеров и позволил им вернуться в свои дома, а заложников, представленных лезгинами, он отправил в Дербенд. Затем он отправился в Муганскую равнину (Чул-и Мугань).

---

[1] T.N., стр.165.
[2] Ibid.
[3] Согласно Rondeau, она считалась «прекраснейшей женщиной на Востоке». Аббас Гули в своем «Гюлистани-Ирам» (стр.238) отмечает, что Надир передал девушку кубинскому хану Хусейну Али.

ГЛАВА IX. КОРОНАЦИЯ НАДИРА

Разбив афганцев и турков, подчинив лезгин и других повстанцев, а также отвоевав все потерянные территории за исключением Гандахара, Надир решил, что пришло время объявить себя Шахом как де-юре, так и де-факто. Со своей огромной армией, состоящей теперь в основном из афганцев и туркмен, которые были суннитами, он нисколько не боялся сторонников Тахмаспа. Чтобы придать своим действиям видимость законности, он решил взойти на престол так, как будто этого желают все влиятельные военные, гражданские и религиозные лица Империи. Еще в июле или августе 1735 г. он предпринял важный шаг, отправив во все части государства рагамы, где заявлял, что до сих пор его усилия, направленные на отвоевание захваченных территорий мешали ему установить «центральную власть в государстве».[1] Один из этих рагамов был получен в Гомбруне в начале сентября. В нем говорилось, что после взятия Эривани Надир направится в Тебриз или Газвин и чтобы правители, представители правителей, калантары, кендуды и другие должностные лица были готовы встретить его в одном из двух указанных мест, «тогда он установит законы управления, которые должны соблюдаться во всей стране, а затем уедет в Коразун (Хорасан).[2]

Впоследствии он продолжая предпринимать такого рода шаги, отправил во все части страны специальные приказы (фарамини-мутаа)[3], требуя от командующих армиями, правителей провинций и городов, газиев, улама и знати собраться на муганской степи, где будет проведен гурултай[4] или национальный совет с целью передачи персидской короны человеку, которого совет посчитает наиболее достойным для ее получения.

---

[1] Gombroon Diary, 8/19 сентября 1735 г.
[2] Ibid. Довольно удивительно, что Мирза Мехди не упоминает об этих рагамах.
[3] T.N., стр.167; Z.T., лист 217(b). Мухаммед Казим отмечает, что эти рагамы были составлены Мирзой Мехди (смотри Kitab-i-Nadiri, стр.9; так как будут делаться частые ссылки на эту книгу, впредь она будет обозначаться буквами K.N.).
[4] Ховор дает определение этому устаревшему турецкому слову как «всеобщее собрание принцев крови и военных лидеров»; здесь это слово используется в более широком смысле.

Место, выбранное для гурултая, находилось близ Джавада, на участке, который граничил на севере с Курой, а на востоке с Араксом, непосредственно на западе от места их слияния. Надир приказал построить здесь 12.000 строений из дерева и тростника, в том числе мечети, дома отдыха, базары и бани. Для себя, своего гарема и свиты он также приказал построить роскошные апартаменты[1] и подготовить множество халатов из золотой парчи и поясов.[2]

Поспешно направляясь через Хасан Галасы и Новые Шемахы (Аг Су), вечером 22 января 1736 года[3] Надир прибыл в лагерь на муганской степи. Специально приглашенный Надиром Католикос Абраам прибыл на следующий день, а спустя 2 дня прибыл и брат Надира Ибрагим Хан, Тахмасп Хан Джалаир, Пир Мухаммед из Герата, Шах Гули Хан Каджар из Мерва и другие знатные лица.[4] К концу месяца Гянджали Паша, назначенный правителем Масура, приехал в лагерь, чтобы подытожить мирные переговоры, вместе с ним находился и его михмандар или «хозяин» Абдуль Беги Хан Занган, правитель Кирманшаха.[5]

Были предприняты тщательно продуманные меры для охраны лагеря и сохранения в нем порядка. Апартаменты Надира охранялись отрядом 6.000 гапычи или специальных охранников, кроме того, за порядком следили насагчи, часть личной охраны, действующая как военная полиция. Усердие и подготовленность этих людей вызвали восхищение у католикоса.[6]

Пока прибывали эти высокопоставленные лица, Надир каждый день собирал свой диван, выслушивал прощения, совершал суд и рассматривал другие дела бытового характера. Диван длился не меньше четырех часов, после его завершения Надир проводил примерно час, беседуя и распивая вино со своими приближенными Мирзой Заки, Гасан Али Ханом, Тахмасп Ханом Джалаиром и Музаффар Али Ханом.[7]

[1] T.N., стр.167; Z.T., лист 217(б).
[2] K.N., стр.9.
[3] T.N., стр.167; Католикос Абраам, стр.282.
[4] K.N., стр.9.
[5] T.N., стр.167.
[6] Католикос Абраам, стр.286. Смотри также Z.T., лист 217(б).
[7] K.N., стр.10.

К 20 Рамазана (3 февраля) прибыли все представители, всего собралось 20.000 человек.[1] В официальных записях упоминается число 100.000, но оно кажется слишком преувеличенным, если в него не включить число гражданских лиц, сопровождающих армию и обслуживающий персонал.

Так как высокопоставленных лиц было слишком много, они были разделены на группы, и каждой группе предоставлялась отдельная аудиенция в диван-хане. Среди знатных лиц, принятых в первый день Идул-Фитра (1 Шаввала = 14 февраля) были католикос Абраам и Али Паша. Католикос (как он сам отмечает), хотя не решился открыто посчитать число присутствующих, но все же отмечает 1.000 человек присутствующих там. В то время как играла группа из 22 музыкантов, всем раздавались розовая вода, благоухания и шербеты.[2] На следующий день было проведено еще одно собрание, где комиссия, созданная Надиром и включавшая Тахмасп Хана Джалаира и шести других людей, от его имени заявила всем присутствующим, что он разгромил врагов Персии своим острым мечом, восстановил ее военную славу и вновь установил мир в пределах ее границ. Однако сейчас он стар и устал от своих походов: и все, что он хочет – это удалиться в свою крепость в Келате. Заключительными словами послания Надира, согласно Мухаммеду Казиму, были следующие:

«Отказавшись от сильных душевных волнений и командования армией, я буду заниматься поклонением Вечной святыне... Выберите Тахмаспа вашим Шахом, если ваш выбор не падает на него, выберите своим монархом кого-нибудь другого из Сефевидов».[3]

Неискренность и абсурдность этих последних слов были очевидны для большинства присутствующих, но Надир заранее подготовил почву, и участники собрания знали, что от них ожидают.[4] Они немедленно заявили:

[1] Z.T., fol.217 (б). Базин (Lettres Edifiantes, том IV, стр.287) оценивает их число не меньше 15.000 человек.
[2] Католикос Абраам, стр.298.
[3] K.N., стр.17.
[4] Ханвей (том IV, стр.124) не преувеличивает, когда замечает: «Вряд ли был какой-то умный человек на ассамблее, чтобы понять тонкие намеки этих предложений; многие наблюдали все это с опасением, и были недостаточно благородны, чтобы выразить свои истинные чувства».

«Для нас нет Шаха кроме Надира. Турки, афганцы, франки (т.е. русские) и лезгины захватили все части Персии, но сейчас хвала Аллаху, не осталось ни одного из этих врагов (*mu'anidin*); он (Надир) уничтожил врагов и вернул все, он очистил государство от их осквернения. Люди довольны, защищены и в хорошем материальном положении».[1]

Эта сцена повторялась три или четыре дня. Затем Надир приказал построить для себя большую палатку. Эта палатка поддерживалась двенадцатью столбами, каждый из которых был увенчан золотым куполом, шелковые палаточные веревки были 7 цветов. Пол был покрыт коврами, а золотой трон, украшенный драгоценностями, был расположен в центре.[2]

Когда все было готово, Надир собрал умару или правителей для принятия участия в собрании: по их прибытию эшиг-агасы или церемонейстер (буквально – «владельцы порога») сопровождал каждого из них в отведенное для него место. Затем, в то время как играли музыканты, выступали танцовщицы и фокусники, вошел Надир и занял свое место на троне.

После того как подали вино и (как Мухаммед Казым отмечает) «головы гостей разогрелись», Надир стал совещаться с ведущей частью знати по поводу вопроса о монархии. Их ответ был, конечно, таким же, как прежде:

«Ты один наш Гибла и наш Кааба, мы не последуем ни за кем, кроме тебя. Мы готовы отдать ради тебя наши жизни и пожертвовать нашими состояниями за тебя как Шаха».

Когда стало ясно, что присутствующие окончательно опьянели от вина, Надир позволил им откланяться. Четыре дня и ночи повторялась такая сцена: согласно Мухаммеду Казиму, Надир хотел узнать выразит ли кто-то из этих знатных лиц в пьяном состоянии предпочтение Сефевидам; однако никто не был так неосторожен, чтобы показать это, и все были настойчивы в своих заявлениях в верности ему. Тем не менее, Мирза Абдул Хасан, Мулла Баши или Главный Мулла, решив, что находится один в палатке, заметил: «Все за династию Сефевидов». Шпионы подслушали эти слова и сообщили о них Надиру, в результате на следующий день Мулла Баши был задушен у себя в палате.[3]

---

[1] K.N., стр.17.
[2] Ibid, стр.18.
[3] K.N., стр.20.

Надир теперь почувствовал, что пришло время, когда можно спокойно отказаться от притворного нежелания принимать престол. Поэтому он созвал еще одно собрание, на котором объявил через Тахмасп Хана Джалаира свою готовность стать Шахом при следующих условиях.

(1) Никто не должен поддерживать кого-то из сыновей экс-Шаха вместо Надира.

(2) Следует принять суннитскую веру вместо шиитской, неприятные и еретические обычаи которой должны быть прекращены. Шиитский толк Ислама был принят Шах Исмаилом и стал причиной разногласий между Персией и Турцией. «...если народ Персии желает, чтобы мы (Надир) царствовали, они должны отказаться от этого учения, которое выступает против веры именитых предков и Великой семьи пророка, и они должны следовать суннитской религии. Так как Имам Джафарус Садиг из рода Пророка... вера – (тарига, буквально «дорога») является истинной религией народа Персии. Они должны сделать его главой этого течения».

(3) Все подданные должны покориться ему и его сыну, и не проявлять непокорности и вероломства.

Все присутствующие без возражений согласились с этими условиями. Будучи очевидцами трагической судьбы Муллы Баши, они хорошо понимали, что повлечет за собой незначительное проявление сопротивления или неодобрения. Когда решение было передано Надиру, он заставил всех присутствующих подписаться в официальном списке (*mahdar-nama*).[1]

По поводу убийства Надиром Муллы Баши и замены им шиитского толка суннитским даются многочисленные комментарии.[2] Кажется очевидным, что если первый его поступок вселял страх в сердца его противников, то второй преследовал политическую цель. Несмотря на то, что в юности он, возможно, был шиитом и на то, что он временами оказывал знаки уважения шиизму, не может быть никаких сомнений, что если даже он и имел какие-то религиозные убеждения, то они не были глубокими и искренними. Следовательно, он не испытывал никаких угрызений совести в использовании религии для политической выгоды. Кажется совершенно невероятным то, что Надир при

---

[1] K.N., стр.21.
[2] Относительно этого смотри Оттер, том I, стр.334.

своей нынешней открытой поддержки суннитской веры действовал под влиянием искренних религиозных убеждений; его последующие поступки, о которых пойдет речь дальше, свидетельствуют об обратном.

В действительности, одной из несомненных целей Надира при осуществлении этих изменений было стремление к временному[1] урегулированию отношений с Турцией. Вполне возможно, что у него был далеко идущий скрытый мотив. Возможно, его истинной целью было стремление объединить весь мусульманский мир и самому стать во главе него. Его амбиции не знали границ, и как известно, он вынашивал план наступления на Константинополь; возможно, он считал, что ему будет нетрудно пойти еще дальше и отнять Халифат у Султана. Еще одной причиной этой замены был, несомненно, тот факт, что шиитское учение всегда напрямую отождествлялось с Сефевидской династией; эта династия добилась своего могущества благодаря горячей поддержке шиитских догм; и это усердие делало шиитское духовенство ее ярым сторонником.[2] Очевидно, именно поэтому Надир посчитал, что если он не ослабит влияния шиитского улема, то они смогут в любое время использовать свое значительное влияние на народ, чтобы восстановить у власти Тахмаспа или его сына Аббаса. Этот поступок Надира, несомненно, находил поддержку у большей части суннитов в его армии, и конечно, он не отважился бы предпринять такие радикальные изменения, не имея на своей службе многочисленных последователей этого учения.

Получив единодушное одобрение своей знати, военных лидеров и других влиятельных лиц на вступление на престол на условиях, установленных им, он составил фетву и издал ее как официальный документ о произошедших событиях.

Католикос отмечает, что даже после издания этой фетвы он, по крайней мере, для видимости, продолжал отказываться от престола до тех пор, пока, наконец, не согласился на просьбы знати и других сановников.[3]

---

[1] Как будет сказано впоследствии, он хотел приостановить военные действия против Турции до того времени, пока у него не появится достаточно средств, что позволило бы ему поставить ее на колени.
[2] Более подробные сведения по этому вопросу, смотри стр.333, ниже.
[3] Католикос Абраам, стр.302.

Тем временем, представители Надира и турецкий посол Гянджали Паша обсуждали условия соглашения между Персией и Турцией. По-видимому, Надир с того времени, когда он покинул Карс в октябре 1735 года и до прибытия Али Паши в Муганский лагерь вел непрерывные переговоры с Ахмед Пашой и Али Пашой через посыльных. В декабре или январе Калушкин сообщал в Санкт-Петербург о том, что турецкий посол преподносит ценные подарки влиятельным людям в персидском правительстве и что народ с нетерпением ждет мира с Турцией.[1]

Перед своей коронацией Надир заставил участников собрания согласиться отправить посла к Султану для ведения мирных переговоров на следующих условиях:[2]

(1) Персы окончательно отказываются от своих прежних верований, а выбранный ими суннитский толк должен быть признан пятым толком – известным как джафаритский.[3]

(2) Так как каждый из четырех существующих толков (*rukn*) имеет колонну в Каабе, принадлежащую ему, то также для Имама Джафара должна быть обеспечена пятая колонна.

(3) Положение персидского Амирул-Хаджи (главы паломников) должно быть приравнено к положениям эмиров сирийских и египетских паломников; а также должно быть позволено персидским паломникам совершать паломничество в Мекку.

(4) Обе стороны должны освободить пленных и не допускать продажу или покупку ни одного из них.[4]

(5) Каждая страна должна иметь представителя при дворе другой страны.

Хотя Надир получил «согласие» всех на вступление на престол, тем не менее коронация несколько задерживалась. Причины этого замедления были две: во-первых, гравировка новой шахской печати не была завершена, и еще не были отчеканены новые монеты. Во- вторых,

---

[1] Соловьев, том XX, стр.1, 334.
[2] T.N., стр.168-169.
[3] Подробные сведения о джафаритском течение смотри стр.333-334, ниже.
[4] Джонес (том XI, стр.362) неправильно перевел последнюю часть этого текста; вместо того, чтобы сказать, что военнопленные не должны продаваться или покупаться, он отмечает, что торговля между двумя народами должна стать свободной.

астрологи, которые должны были определить наиболее благоприятную дату, выбрали 24 Шаввала 1148 года (8 марта 1736 года).[1]

Большая часть ханов и других сановников уехала, не дожидаясь коронации. Католикос Абраам уехал 23 февраля (5 марта) из-за наступления холодов и нехватки хлеба.[2]

На следующий день Али Паша направился в Константинополь, чтобы передать Порте мирные предложения Надира в указанной выше форме,[3] его сопровождал Абдул Беги Хан, которого Надир назначил послом в Турции. Абдул Беги Хану были даны указания поставить Султана в известность о вступлении Надира на престол (хотя в действительности в это время он еще не был Шахом) и о том, что он имеет все полномочия заключить мирный договор. В свите с Абдулом Баги были Мирза Абдул Гасым Кашани, Садр или Шейхуль-Ислам Персии и Мулла Али Акбар, новый Главный Мулла.[4] Представители духовенства в этой миссии должны были обсудить с турецким улема религиозные вопросы, которые могли бы возникнуть в связи с джафаритским толком и сооружением пятой колонны в Каабе. Делегация преподнесла султану письмо Надира[5], где он излагал свои основные взгляды на этот вопрос и причины настаивания им на признании джафаритского толка. Специальный посол был также отправлен в Санкт-Петербург, чтобы сообщить Императрице о вступлении Надира на престол; эмиссар прибыл в Санкт-Петербург в начале июля 1736 г.

Старший сын Надира Рза Гули, которого отец недавно назначил Вали Хорасана, 7 марта отправился из муганского лагеря в Мешхед,

[1] T.N., стр.169.

[2] Католикос Абраам, стр.310. Возможно, что многие ханы уехали по той же причине. Католикос замечает об острой нехватке хлеба не только в Мугани, но и повсюду в Тебризской области, Гяндже, Эривани и других местах. Остальные описания католикосом событий на Мугани и церемонии коронации основаны на сведениях, которые он получил от армянского священника по имени Тер Тхоума, который находился в Мугани. Тер Тхоума жил в палатке Мирзы Мехди, и поэтому находился очень близко к резиденции Надира.

[3] Католикос Абраам, стр.310.

[4] T.N., стр.170. Сведения Мирзы Мехди здесь неверны, согласно его сведениям, Али Паша и персидский посол покинули муганскую равнину после церемонии коронации, однако Католикос ясно замечает, что они уехали за 2 дня до того, то есть 24 февраля/ 6 марта.

[5] Смотри Maktub-i-Nadira в Armaghan (Тегеран, октябрь, 1929), стр.449-453.

чтобы приступить к своим новым обязанностям.[1] Надир дал указания своему сыну принудить к повиновению Али Мардан Хана Афшара, правителя Андхуда, а позже он приказал предпринять такие же действия в отношении Абдул Хасан Хана, правителя Балха, который отказался присутствовать на церемонии в муганской степи.[2]

По советам астрологов, церемония коронации была назначена на 24 Шаввала 1148 года (8 марта 1736 года) «в семь часов и 20 минут после восхода солнца».[3]

Те ханы и остальные знатные лица, которые все еще находились в лагере, собрались в зале заседаний Надира в назначенное время, облаченные в халат из золотой парчи. Золотая корона, по описанию армянского священника Тер Тхоума, имела форму шлема и была украшена драгоценными камнями и великолепными жемчугами, Мирза Заки возложил на голову Надира. Все присутствующие, кроме заместителя Главного Муллы, который исполнял молитву, стояли на коленях и молились. Пока произносилась эта молитва, все держали свои руки над головами; затем при чтении фатихы или вводной главы Корана они наклонились лицами так, что их лица касались земли. После завершения фатихы все уселись в отведенные для них места в соответствии со своим положением.[4] Затем последовала сцена похожая на ту, которая была во время приема Надира в первый день Идул-Фитра.

Перед уходом все присутствующие встали на колени перед новым Шахом.[5]

После своей коронации Надир перестал называться Вакилуд-Даула, Наибус-Салтана или Вали Нимат. Вместо этого он взял себе титул Надир Шаха,[6] изменив свое собственное имя Надр на Надир.

[1] Католикос Абраам, стр.313.

[2] K.N., стр.63. Подробно о мерах, предпринятых против этих правителей, смотри главу XVI.

[3] T.N., стр.169 и Durra-yi-Nadira. 24 Шаввала, дата, которую дает Мирза Мехди, точно совпадает с датой Католикоса Абраама, а именно 26 февраля (O.S.) или 8 марта (N.S.). Ханвей ошибочно отмечает, что коронация произошла 11/22 марта; он также неверно отмечает (том IV, стр.127), что «армянский патриарх, который находился в лагере, совершил часть церемонии, присягнув на его сабле».

[4] Католикос Абраам, стр.311. Мирза Мехди опускает эти подробности, отметив только то, что Надир был коронован «с великолепием Феридуна и помпезностью Соломона».

[5] Католикос Абраам, стр.311.

[6] Шейх Хазин, стр.270.

Поэт Гавамуд-дин составил арабскую хронограмму
Al-Khair fi ma waga'a
«Лучшее в том, что произошло».

Эта хронограмма была отчеканена на монетах того времени и более позднего периода.[1] Кто-то из остроумных людей того времени переставил первые два слова, изменил значение фразы, не изменив числа 1148 (1736).[2] Позже какой-то поэт из Персидского Ирага, который был про-сефевидски настроен, написал следующий стих:

Buridim az mal va az jan tam'
Bi-ta'rikh al-Khair fi ma waga'a

Мы потеряли все надежды
На имущество и жизнь
В тот день, когда «Лучшее в том, что
произошло».[3]

Мухаммед Казим отмечает, что Надир услышав эти строки, казнил нескольких поэтов.[4]

В тот же день после церемонии Надир назначил главой писцов и каллиграфов Мирзу Мумина вместо Мирзы Мехди; для того, чтобы утешить последнего, Надир назначил его своим историографом.[5]

День завершился громкой музыкой, которая в то время исполнялась барабанами, музыкальными тарелками и трубами; эта музыка беспрерывно продолжалась три дня и три ночи.[6]

Что касается юного Аббаса III, Надир после его низложения отправил его в Хорасан присоединиться к своему отцу Тахмаспу,[7] где он

---

[1] Католикос Абраам, стр.330. Смотри также Р. Стюарт Пула «Монеты персидских шахов» (Лондон, 1887), стр.72, лист VII.
[2] T.N., стр.170 и K.N., стр.22
[3] Шейх Хазин, стр.271.
[4] K.N., стр.22.
[5] Католикос Абраам, стр.312.
[6] Ibid, стр.313. Следует напомнить, что после вступления на престол несовершеннолетнего Шаха Аббаса II, барабаны играли целую неделю.
[7] Смотри Шейх Хазин, стр.272 и Bayan, лист 14(б). Ханвей ошибается, замечая (том IV, стр.123), что Аббас умер в начале 1736 г. и что была применена какая-то уловка «чтобы вызвать его смерть».

находился до тех пор, пока Рза Гули не убил его, его отца и младшего брата Исмаила Мирзу[1] в 1740 году.

Надир назначил своего брата Ибрагима главнокомандующим всего Азербайджана и приказал всем правителям «от границ Гапдан Куха до Арпа Чая и пограничной части Дагестана и Грузии» подчиниться ему.[2]

После празднеств Новруза Надир обсудил запланированную гандахарскую кампанию со своими командующими и стал расспрашивать находящихся у него на службе афганцев о местоположении этой страны.

Еще несколько дней были посвящены празднествам,[3] и Надир со своей армией отправился из муганского лагеря в Газвин не раньше 14 апреля.[4] Перед своим отъездом он отправил назад картлийских представителей с приказом выплатить сумму в 3.000 туманов (£ 7,260) и содержать гарнизон из 500 человек в Тифлисе. Этот приказ вызвал восстание в Верхней Картлии, которое возглавляли Гиви Амилахвари, Вакхушт Абашидзе, Шанши и другие грузинские лидеры. Это восстание было подавлено год спустя правителем Грузии Сафи Ханом Бугхаири.[5]

---

[1] Согласно Мухаммеду Казиму (K.N., стр.468), юного принца звали Исмаил Мирза, но шейх Хазин называет его Сулейманом.
[2] T.N., стр.170.
[3] Калушкин сообщает, что после коронации, в лагере началось пьянство, и произошли значительные беспорядки. Смотри Соловьев, том XX, стр.1, 356.
[4] T.N., стр.172.
[5] Подробнее об этом восстании смотри Sekhnia Chkheidze, H. de la G., том II, часть II, стр.50-51.

ГЛАВА X. ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ ПЕРСИЕЙ И ТУРЦИЕЙ. ОТНОШЕНИЯ НАДИРА С РОССИЕЙ. ЗАХВАТ БАХРЕЙНА. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ БАХТИАРИТОВ

Как уже отмечалось в предыдущей главе, 4 марта 1738 г. Абдул Беги Хан и Гянджали Паша отправились из муганского лагеря в Константинополь. Еще не подозревая об этом и о характере персидских мирных предложений, Порта 20 апреля отправила Ахмед Пашу уполномоченным для заключения мирного договора; заявление Персии относительно отказа от шиитской веры вызвало удовлетворение у Порты, но в то же время она решительно заявила, что никогда не позволит включить Россию в договор.[1]

Проведя 5 месяцев в пути, Абдул Беги Хан и Али Паша 6 августа прибыли в Константинополь; Абдул Беги Хан по прибытию «был принят с такими почестями, которые никогда не оказывались министрам христианских монархов...».[2]

Письмо Шаха Султану, вместе с его письмами к Великому Визирю и Муфтию было прочитано на первой встрече между персидской и турецкой сторонами. Во время переговоров без особого труда было достигнуто соглашение по вопросам обмена пленными, открытия в обеих странах постоянных представительств и права назначения персидского Амируль Гаджи,[3] однако положение изменилось при обсуждении религиозных пунктов, предложенных Надиром. Эти пункты вызвали большую дискуссию, в которой участвовали: с персидской стороны Садр Мирза Абдуль Гасым Кашани и Мулла Баши Али Акбар; с турецкой стороны – главный Казий Анатолии Лейли Ахмед Эфенди, номинально занимающий эту должность Масихзаде Абдулла Эфенди, глава издающий указы фетва Абдулла Паша и бывший Казий Константинополя Ахмед Эфенди.[1] Будучи очень образованным, Мулла Баши, по утверждениям Али Акбара, принимал активное участие в этих дискуссиях, и были случаи, когда он своим диалектическим искусством ставил турецких представителей в затруднительные ситуации.[2]

[1] Смотри донесение Рондо, от 22 июня/3 июля 1736 г. (S.P. 91, том XVIII), куда был вложен переход полномочий к Ахмеду Паше (Сер И. Фавкенер, новый посол в Константинополе, очевидно, отправил перевод Rondeau). Очевидно, Порта еще не знала о предложениях Надира относительно джафаритского толка, и т.д.

[2] Сер. И. Фавкенер, 7/8 Августа (S.P. 97, том XXVIII).

[3] Вон Хаммер, том XIV, стр.344.

Турки наотрез отказались принять предложение Надира касательно религии. Так как ни одна из сторон не хотела уступать в этих двух пунктах, было решено составить договор, включающий только три первых пункта, и направить посла к Шаху для сообщения ему об этой ситуации. Абдул Беги Хан согласился принять договор в таком сокращенном виде с условием принятия его своим правителем; он и турецкие представители подписали договор 28 сентября. А 17 октября Абдул Беги Хан, Абуль Гасым Кашани и Али Акбер были приглашены на заседание совета, где им был официально вручен договор. В преамбуле Надир был официально признан Шахом; затем следовали 3 статьи, каждая из которых включала один из трех пунктов, по которым было достигнуто соглашение, наконец, в приложении было отмечено, что границы между двумя государствами должны быть идентичны тем, которые были установлены по Зохабскому договору от 7 мая 1639 г.[3]

Теперь состояние войны между Персией и Турцией было официально прекращено в ожидании решения религиозных проблем и получения информации о намерениях Надира.

Когда Абдул Беги Хан вернулся в Персию, Порта отправила своего посла Мустафу Бека вместе с Масихзаде Абдуллой Эфенди и казием Адрионополя для оказания ему помощи в религиозных вопросах.[4] Турецкий посол выехал из Константинополя 23 ноября 1736 года, а на следующий день за ним последовал Абдул Беги Хан со своей свитой.[5] О результатах, достигнутых этой турецкой миссией, речь пойдет в главе XI.

[1] Ibid, стр.343.

[2] Оттер, том I, стр.134.

[3] Вон Хаммер, том XIV, стр.348. Сер И. Фавкенер сообщил от 24 сентября/5 октября, что Порта отдала приказ всем лицам, имеющим персидских рабов, передать их суду в тех местах, где они проживают. В течение двух или трех месяцев тысячи персидских рабов были освобождены.

[4] Вон Хаммер, том XIV, стр.346.

[5] Смотри Оттер, том I. стр.37; он сопровождал Абдул Беги Хана в Персию. Армянин Tambouri Aroutine был членом свиты турецкого посла (смотри Bulletin de l'Institut Egyptien, Каир, 1914, том 8, стр.174).

Пока шли турецко-персидские мирные переговоры, русско-турецкие отношения продолжали ухудшаться. Война между двумя государствами стала практически неминуема после похода Гаплан Гирея в Дагестан и вторжения Леонтова в Крым. В Константинополе ситуация обострялась из-за усилий французского посла, подстрекавшего Турцию напасть на Россию. С российской стороны неоднократные советы Неплюева и Вышнякова своему правительству напасть на «варваров», когда они были явно поставлены Надиром на колени, полностью нейтрализовали то смягчающее влияние, которое старались оказывать на Санкт-Петербург британские, австрийские и саксонские министры.

Когда Россия, наконец-то, решила начать войну, она была уверена, что Надир не только не пойдет на заключение сепаратного мира, но и будет активно сотрудничать с ней против Турции. Надир, как известно, неоднократно предпринимал попытки убедить Турцию включить Россию в составленный мирный договор, но после неоднократных отказов он, должно быть, понял, что они никогда не согласятся на это.

28 мая 1736 г. Россия объявила войну Турции, а вскоре после этого Калушкин получил приказ проинформировать об этом Надира и сообщить ему об осаде Азова; затем он должен был отметить, что это удобный момент для Персии, чтобы предпринять военные действия против Турции, когда последняя была вынуждена направить все силы на отражение жестких атак России. Однако внимание Надира было направлено на Восток, а не на запад, поэтому он ответил, что пока не будет принимать враждебных действий против Турции, а будет вводить ее в заблуждение мирными предложениями, не заключая договор с ними до тех пор, пока Россия не будет также включена в переговоры.[1] Калушкин возразив, выразил удивление, как Шах, который прилагал все усилия поссорить Россию с Турцией, теперь отказывается от своего союзника и ищет нового друга в том, который в действительности желает уничтожить Персию. Надир ответил, что российские военные операции не представляют для него интереса; Персия не нуждается в Азове, так же как России не нужен Багдад. Существенным моментом было то, предпримет ли Россия кампанию против Константинополя, или нет; он заметил, что императрица должна вести или отправить свою армию туда. Однако не стоит спешить, так как России и Персии следует сначала составить план кампании. Подытожив, он сказал, что

[1] Соловьев, том XX, стр.1, 356.

не будет заключать мир, пока не получит ответ от Императрицы. Сообщая об этом разговоре в Санкт-Петербург, Калушкин отметил, что персидская знать стала заметно холоднее к нему, когда он начал убеждать Персию напасть на Турцию. Он добавил, что Персия фактически не могла продолжить войну с Турцией, так как она находилась в тяжелом положении, страна и народ были доведены до полного обнищания.[1]

Персидский посол, добравшийся до Санкт-Петербурга в начале 1736 г., после официального сообщения императрице о вступлении Надира на престол, заверил ее и ее министров, что Шах не будет заключать никакого сепаратного мира, и в ответ он получил обещание, что Россия также будет отказываться заключать мир с Турцией, если он не будет включать Персию.[2]

Поэтому новости о подписании Константинопольского соглашения потрясли Российское правительство. Тем не менее, Надир технически никаким образом не нарушал своего обещания России, так как соглашение в Константинополе было в действительности не больше чем перемирие, более того, оно никогда не было ратифицировано им.

Надир находился в Газвине 3 месяца. Во время своего пребывания там, он издал указ об осуществлении религиозных изменений, о которых объявлял на муганском собрании. Этот указ запрещал употребление слова «Али друг Бога» в молитве, как противоречащего ортодоксальным обычаям. Он требовал также пропускать следующие слова после Фатихы и Такбира: «Пусть Правитель, от которого зависит вся наша судьба, живет вечно» на том основании, что на земле смертный человек не может быть увековеченным.[3]

Коккел отмечает,[4] что Надир провел еще одну церемонию коронации в Газвине, где «совершалась церемония инаугурации персидского монарха. Надев царский *scimitar* и положив императорскую корону на свою голову, он произнес обычную клятву…» и т.д. Ни Мирза Мехди, ни другие современные персидские источники, насколько известно

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Смотри Фразер, стр.123-127, который отмечает (на основе сведений Кокелла) смысл перевода этой редакции. Она была издана в месяце Сафар, 1149 (12 июня / 9 июля 1736 г.).
[4] Фразер, стр.127. Оттер (том I, стр.335) также упоминает об этой коронации, но возможно он взял эти сведения у Фразера.

автору, не упоминают о второй коронации в Газвине, и поэтому она кажется очень неправдоподобной; вступление на престол на Муганской степи было, несомненно, достаточно. Кроме того, кажется невероятным то, что Надир последовал примеру сефевидских предшественников, короновавшихся в Газвине.

Когда Надир находился в Газвине, стало известно о возвращении Бахрейна. В течение определенного времени Латиф Хан (которого Надир недавно восстановил в прежней должности «Адмирала Проливов») в Бушире готовился к экспедиции на Бахрейн.[1] Он заставил капитана продать ему один из своих судов Northumberland Восточный индиец, за 5.000 туманов. Когда агенты стали упрекать капитана в непродуманной продаже судна, тот объяснил им, что Латиф Хан застал его врасплох, когда большая часть груза уже была спущена на берег и он сам находился на берегу; при этом, он все же заметил, что, хотя судно продано по принуждению, он получил за него «крупную сумму».[2]

Отсутствуют точные подробности бахрейнской экспедиции, но очевидно, что он отправился из Бушира в марте или начале апреля 1736 г., когда стало известно, что Шейх Джаббара совершает паломничество в Мекку.[3]

Представитель Шейха некоторое время оказывал сопротивление в крепости, но вынужден был уступить многочисленному войску. При возвращении в Бушир[4] Латиф Хан прислал ключи от этой крепости Мухаммед Таги Хану,[5] который на обратном пути отправил их Надиру. Впоследствии Надир наградил Мухаммед Таги Хана и присоединил Бахрейн к провинции Фарс. Эта успешная экспедиция, как будет показано в следующей главе, проводилась с очень амбициозной целью, а

[1] Отношения между Персией и Шейхом Джаббаром впоследствии стали напряженнее.

[2] Gombroon Diary, 17/28 июня 1736 г.

[3] Смотри T.N., стр.172 и at-Tuhfatu'n-Nabhaniyyat fi Ta'rikhi'l-Jazirati'l-'Arabiyyati (Каир, 1929/ 30, стр.113) Шейх Мухаммеда ибн Шейха Халифа ибн Хамадин-Набхан. Последний автор (чьи сведения содержат множество ошибок) отмечает, что этот форт теперь известен как Qal'atu'd-Diwan, он находится на юге острова Манама и по-видимому, был построен по приказу Надира.

[4] Бушир был переименован в Бендер Надирия примерно в это время, но это название не получило широкого распространения.

[5] Согласно Фасану (стр.180), Мухаммед Таги Хан лично отправился в эту экспедицию в Бахрейн, но это неверно.

именно захватом Омана и установлением персидского морского превосходства в Персидском заливе.

Так, в прошлом году, в то время когда Абдулла Паша был послан в Багхаверд на верную гибель, юный правитель чахар лангской ветви бахтиаритов Али Мурад восстал.[1] После подавления восстания в Исфаганской области он отступил в Бахтиаритские горы, где поднял 20.000 человек, включая некоторое число луров из хуррамабадской области и определенное количество хафт-лангских бахтиаритов.[2] Намерения Али Мурада были те же, что у Мухаммед Хана Белуджа, так как он объявил себя сторонником экс-Шаха Тахмаспа, но в качестве платы за свою помощь намеревался взять часть государства себе. Он обратился к своим сторонникам следующим образом:

«После уничтожения власти Надир Шаха я направлю войска в Хорасан и освобожу Шаха Тахмаспа из тюрьмы; затем я передам власть в его руки. Шахское имя имеет большую силу и многие быстро присоединятся ко мне. Шах Тахмасп будет довольствоваться Ираком и Хорасаном, а у меня будут Хамадан, Фарс и Кирман».[3]

Эта речь имела успех и усилила его приготовления к предстоящей борьбе.

Новости об этих событиях застали Надира в Газвине и сильно его разозлили. Он приказал правителям Исфагана, Шуштара и провинции Кухгилу собрать свои войска и сходящимися дорогами направить их в страну Бахтиари, а также преградить Али Мураду путь к отступлению, в то время как он сам во главе основной части своих войск будет наступать туда с севера. Гнев Надира усилился, когда он узнал, что восставшие захватили и унесли с собой в горы сумму в 10.000 туманов, которая была прислана ему из Фарса.[4]

Шах, пересекая Хуншар, оставил свой обоз у Чарпаса, а сам наступил в глубины Бахтиаритских гор. Вскоре его войска столкнулись с восставшими и нанесли им поражение; последние рассеялись и отступили в свои крепости. Одна из главных крепостей, согласно Мирзе

[1] K.N., стр.42. Покойный Сардар Зафар, который уделял большое внимание изучению истории бахтиаритов, сообщил мне, что Али Мурад принадлежал к Чахар Лангам.

[2] K.N., стр.44. Согласно Сардар Зафару, многие Чахар Ланги (к которым он сам принадлежал) оставались верными Надиру и взаимодействовали с его отрядами в подавлении восстания.

[3] Ibid, стр.44.

[4] Ibid, стр.45.

Мехди, называлась Лирук, очевидно, была расположена в горной части на Востоко-Северо-Востоке Дизфула.[1] Около двух месяцев Надир со своими людьми пытался найти Али Мурада, но никак не мог обнаружить его след, хотя они уже нанесли сокрушительное поражение его сторонникам, а оставшихся в живых заставили подчиниться.[2] Наконец, один из патрулей Надира во время привала рядом с источником близ Гуркаша недалеко от бахтиаритской крепости в Банаваре, увидел женщину, спускающуюся с соседней горы и несущую воду из источника. Через два дня, когда она снова пришла за водой, командующий патрулем схватил ее и допросил. Сначала она отрицала, что знает Али Мурада, но после жестокой пытки, которой ее подвергли, она призналась, что глава восставших и его семья укрываются в пещере в боковой стороне горы. Несколько отрядов немедленно взобралось на эту пещеру и заняли позиции перед входом в нее. Когда Али Мурад понял, что его убежище обнаружено и что нет никакой возможности сбежать, он убил своих жен и дочерей, а затем стал храбро защищаться. Он оборонялся три дня, но вскоре был вынужден сдаться из-за отсутствия воды и еды. Он был связан и отправлен к Надиру в Шуштар. Шах был суров и приказал отрезать несчастному уши, руки и ноги и выколоть его глаза. Протянув два дня в луже крови, Али Мурад умер.[3]

Быстро расправившись таким образом с главарями, Надир продолжал наказывать бахтиаритов, сослав 10.000 семей из Чахар Ланга и Хафт Ланга в Джамскую область в Хорасане.[4] Пораженный хорошими боевыми качествами бахтиаритов, он зачислил большое их число в армию; впоследствии во время осады Гандахара эти люди показали достойную восхищения храбрость.

Имя Надира еще не забыто в стране бахтиаритов; крепость Дизи-Шахи (в десяти с половиной милях северо-восточнее от Дизфула) известна также под названием Сангари-Надири.

Полностью подавив бахтиаритов, Надир направился через Каркунанскую область (где Карун и Заянда Руд берут свои начала) в Исфаган, куда он добрался 9-го Джумади II 1149 года (15 октября 1736 г.). В честь его прибытия город был торжественно украшен, а ночью были устроены иллюминации с бесчисленными лампами.[1]

Надир поселился во дворце в Хазаджарибском саду, где он принял послов от Султана; через несколько дней после преподнесения ими подарков он разрешил этим послам вернуться в Турцию;[2] их миссии, видимо, не удалось достичь результатов; посольство под руководством Мустафы Паши отправилось из Константинополя в Персию 3 ноября, но добрался до Исфагана тогда, когда Надир уже отправился в Гандахар.[3] Отдав турецким послам свой прощальный поклон, Надир стал активно готовиться к своей давно задуманной кампании против Хусейна Султана из Гандахара.

[1] T.N., стр.175.
[2] K.N., стр.45 и 46. Смотри также T.N., стр.175 и Durra-yi-Nadira, стр.158. В последней из упомянутых работ отмечается, что шахские отряды с большим трудом пересекли этот район: – farsang dar farsang juz sang va kharsang «Фарсак за фарсаком там не было ничего кроме камней и валунов».
[3] K.N., стр.49. Смотри также T.N., стр.176 и Durra-yi-Nadira, стр.159.
[4] K.N., стр.51.

[1] T.N., стр.176,. Подробности о встрече Надира взяты из K.N. стр.52.
[2] K.N., стр.53, 454.
[3] Смотри стр.146-147 ниже.

ГЛАВА XI. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГАНДАХАРА

После вытеснения гильзаев из центральной и южной Персии зимой 1729-1730 гг., Надира не оставляло желание захватить город и провинцию Гандахар и тем самым раз и навсегда устранить опасность с этой стороны.

Но события, происходившие в других частях, постоянно мешали планам Надира. Сначала была война с Турцией в 1730 г.; затем началась абдалисская кампания. Возможно, он начал бы наступление на Хусейна Султана летом или осенью 1732 г., если бы не злосчастная турецкая кампания Тахмаспа не вынудила его направить все свои силы на запад. До осени 1736 г. он успешно занимался турецкой войной, восстанием Мухаммед Хана Белуджа, лезгинской кампанией, турецкой кампанией 1745 г., муганским собранием и коронацией и, наконец, бахтиаритским восстанием.

С заключением перемирия с Турцией и началом войны между этой страной и Россией все опасения вторжения с запада и северо-запада отпали по меньшей мере на ближайшее время. Лезгины были усмирены[1], а бахтиариты полностью подчинены. Пока предпринимались меры для подчинения белуджев, в начале весны Рза Гули Мирза был направлен для наказания правителей Балха и Андхуда и для поддержания порядка на северо-востоке Хорасана.

Еще во время своей бахтиаритской кампании, Надир отдал приказ правителю Исфагана выплатить в качестве налога 18.000 туманов для расходов предстоявшей кампании в Гандахар. В это самое время шахские агенты в Гомбруне занимались сбором провизии для войска и выполняли свои обязанности столь тщательно, что население было доведено до полной нищеты. Кроме вынужденной поставки продовольствия, купцы и другие жители должны были выплатить также 72.000 рупий, «сумму, столь непомерную, что полностью разоряла каждого».[2] В провинции Кирман Надир отобрал все продовольствие у людей, так что впоследствии, в течение семи или восьми лет здесь был голод.[3] То,

[1] Как показали последующие события, они не были окончательно подавлены.
[2] Gombroon Diary, 18/29 август, 1736 г.
[3] N. de Khanikoff, Memoire sur la Partie Méridionale de l'Asie Centrale, Париж, 1861, стр.192.

что происходило в Исфагане, Гомбруне и Кирмане, без сомнения, также безжалостно проводилось и в других местах.

Надир решил отправиться в Гандахар через Кирман и Систан. Так как большая часть страны, которую нужно было пересечь, была пустыней, он приказал направить основную часть провизии вперед в различные пункты для привалов. Для обеспечения необходимого транспорта, правительственные власти должны были собрать большое количество вьючных животных, включая тех, которые перевозили из Кирмана в Гомбрун товары из шерстяных изделий ост-индской компании. Шахские агенты даже останавливали караваны на дорогах, отбирали скот и оставляли на обочине товары, которые они перевозили.[1]

Прежде чем покинуть Исфаган, Надир наградил своих офицеров халатами из золотой парчи и денежным вознаграждением в соответствии с их званием, а каждому рядовому дал в качестве жалования 12 туманов, и еще столько же в качестве премии.[2] Наконец, 17 Раджаба 1149 (21 ноября, 1736 г.), после пятинедельного пребывания в столице, Надир во главе 80.000 армии, состоявшей основном из кавалерии[3], отправился в Гандахар; войско состояло главным образом из хорасанских (включая чамишказакских курдов и Гирейли, а также бугхаирских турков) абдалисов и многочисленного контингента бахтиаритов. Он взял с собой скорее в качестве заложников, чем добровольцев, несколько знатных грузин, среди которых были Царь Теймураз, Гив Амилаков и Эристава Арагви Бардзима.[4]

Одновременно с выступлением из Исфагана, бейлербей Герата Пир Мухаммед и Асилмас Хан (иначе известный как Хан Джан) во главе нескольких тысяч человек направился в Макран и Белуджистан, чтобы принудить к повиновению Мухаббат Хана и Ильяс Хана (иначе известного как Имтияз Хан), двоих сыновей покойного Абдуллах Хана Брахоя. Выполнив это задание, они должны были присоединиться к Надиру в Гандахаре.

[1] Gombroon Diary, 18/29 август и 23 августа/3 сентября, 1736 г. и J. A. Saldanha's Selections from State Papers, стр.49.
[2] K. N., стр.56.
[3] Фразер, стр.128 и *Fars-Nama*, стр.181. согласно первому, Тахмасп Хан Джалаир объединился вскоре с Надиром с еще 40,000 войском. Ханвей (том IV, стр.146) дает схожие цифры, но неточно замечает, что Надир наступал через Хорасан.
[4] Vakhusht, H. de la G., том II, часть I, стр.132, и Sekhnia Chkheidze, H. de la G., том II, часть II, стр.52.

В конце декабря Шах с основными войсками прибыл в Кирман, где остановился на несколько дней[1]; после направления чапаров (посыльных на коне) в Систан, чтобы приказать сыну Мелик Махмуда Фатали хану Каяни (или «Систани», как иногда его называли) объединить шахскую армию с войсками Забулистана на границах провинции Гандахара[2], Надир направился дальше через Бам, Тумириг и Гарг в Систан[3]; переправившись 2 Шаввала (3 февраля, 1737 г.) через Систано-Гандахарскую границу и пройдя через Фарах, Далхак и Диларам, прибыл в Гиришк 18 числа этого месяца. Гиришк, находившийся в руках гильзайских войск, сразу же после открытия артиллерийского огня сдался. Еще в Гиришке Надир отправил своего шурина Калб Али Хана с частью своих войск захватить крепость и область Заминдавара, а также город Баст.[4]

После трехдневного привала в Гиришке, наступление было возобновлено через Шах Магсуд (небольшой город в 30 милях северо-западнее от Гандахара) к реке Аргандаб, близ западного берега которого был разбит лагерь.

Узнав через своих разведчиков о нахождении персидской армии на другой стороне Аргандаба, Хусейн Султан отправил своего главнокомандующего Мухаммед Саидал Хана и еще одного из своих командующих по имени Юнус Хан совершить этой ночью неожиданное на-

[1] Генри Севидж (который сменил Вайтвелла в Кирмане) сообщал, что он был вынужден сделать Надиру подарок стоимостью 160 туманов, «Голландцы превзошли их более значительным подарком». (Gombroon Diary, 1/12 января, 1737 г.). В феврале, 1737 г., Севидж отмечал, что «Шах снова отправил приказы захватить всю скотину для перевозки пороха, пушечного ядра и артиллерийского орудия в Гандахаре»; это, как он отмечает, сделало невозможным для него посылать шерсть в Гомбрун некоторое время.

[2] K. N., стр.63.

[3] T.N., стр.176, и *Durra-yi-Nadira*, стр.160. Сер Ф. Голдсмид на стр.250 его «Eastern Persia: an Account of the Journey of the Persian Boundary Commission, 1870-71-72» (Лондон, 1876), отмечает что он обнаружил руины ворот в 29 милях от Гурга, который по утверждениям является реликвией Надировского похода. N. de Khanikoff, который путешествовал по этому пути в 1858 г., отмечает что Надир должен переправится через скалы, рассекая их посредством топора, который его люди несли с собой, поэтому ему удалось перевести свою артиллерию. Этот проход в результате получил название Гарданайи-Табаркенд (смотри de Khanikoff, цитируемое произведение, стр.164).

[4] T.N., стр.178.

падение на персов.[1] Каждый из этих командующих стоял во главе 8.000 избранных всадников. К несчастью для афганцев, они не только потеряли связь друг с другом в темноте, но даже не смогли сохранить свой план в полном секрете. Глава абдалисов Абдул Гани Хан, узнав о предстоящем нападении, направил основную часть своих людей для его отражения. Встретившись в темноте с людьми Юнус Хана, эти абдалисы притворились, что они отряды Саидала и зазвали гильзаев в Пашту. Ничего не подозревавшие Юнус Хан и его люди начали сближаться с абдалисами, тогда последние внезапно напали на них и полностью их разгромили. Узнав об этой битве, Саидал поспешил на помощь, но не смог спасти положение, в конечном счете, понеся тяжелые потери был вынужден отвести свои войска в Гандахар; он потерял также много людей, переправляясь через Аргандаб, где они утонули.[2]

На следующее утро Надир со своими войсками переправился через Аргандаб в Кокаран, деревню, находящуюся в семи милях западнее от Гандахара, а затем отправился по направлению к Гаитулскому хребту, где находились северо-западные оборонительные сооружения Гандахара. Несмотря на пушечный огонь из форта на возвышенности Кухи-Лака в юго-западном конце хребта, персидская армия перешла вершину этой горы и после пересечения южных стен города расположила лагерь на равнине к востоку от горы.[3]

9 апреля Надир переместил свой лагерь на близкое расстояние от Сурк Шира, места, расположенного в двух милях юго-восточнее от Гандахара, где он приказал построить целый город со стенами и крепостью, базарами, мечетями, банями и домами отдыха[4]; согласно утверждению Абдул-Керима, он приказал каждому из своих людей построить здесь дом.[5] Этот новый город он назвал Надирабадом.

Тем временем, персидские войска начали осаду Гандахара. В середине прошлого столетия Аурангзиб и позже его брат Дара Шукур предпринимали безуспешные попытки захватить крепость, но так как город был хорошо укреплен, то был неприступен в случае отсутствия у

[1] K. N., ст.64; согласно Мирзе Мехди (который, возможно, был прав), Хусейн сам принял участие в этом сражение. (T.N., стр.178).

[2] K. N., стр.64-67; смотри также T.N., 178 (сведения Мухаммеда Казима более подробны, чем сведения Мирза Мехди).

[3] T.N., стр.178.

[4] Ibid., стр.179. Смотри также *Durra-yi-Nadira*, стр.160.

[5] Bayan, лист 14 (b).

осаждающей стороны тяжелой и эффективной артиллерии. На северо-западе он был защищен Гаитулским хребтом, а с другой стороны, очень крепкими стенами, построенными из сухой грязи, перемешанной с отрубями соломы и камней[1]; в некоторых местах толщина стен была не меньше 30 фунтов.[2]

Надир как всегда не имел артиллерийских орудий для осады, поэтому он был вынужден применять те же методы блокады, которые использовал во время осады Багдада. Вокруг Гандахара было построено плотное кольцо фортов; на расстоянии 100 ярдов между этими фортами были расположены башни, к которым затем были добавлены остальные.

Хусейн Султан получив достаточно предупреждений о намерениях Надира осадить Гандахар, запасался большим количеством провизии для длительной осады. Однако у Надира было одно большое преимущество над Аурангзибом, и оно состояло в том, что его армия, состоявшая в основном из крепких горцев и людей из горных районов Хорасана, и в отличие от индийских отрядов Аурангзиба, была способна выдержать все суровости зимней кампании; таким образом, он мог спокойно продолжать осаду в течение нескольких месяцев. Единственной серьезной проблемой было обеспечение своей многочисленной армии продовольствием, которого требовалось куда больше, чем могли поставить области, окружающие Гандахар. Уже упоминалось о лишениях, испытываемых жителями Кирмана в результате поставок продовольствия армии, были исчерпаны все имеющиеся запасы; но это еще не все, что пришлось вынести несчастному населению этой провинции; в феврале 1738 г. из-за нехватки рабочего скота мужчин и женщин заставили выполнять обязанности насильщиков для перевозки товаров из Кирманской области в Гандахар, при этом мужчинам полагалось нести пятнадцать, а женщинам – семь тебризких ман (соответствует около 97 и 45 фунтам) зерна.[3] Провизия также доставлялась из Систана.

---

[1] Император Шах Джан, пытавшийся захватить крепость Аурангзиб в 1649 г., приказал не штурмовать крепость, пока не удалось пробить в стенах брешь; хотя они упорно пытались это сделать, однако артиллерия Аурангзиба не удалось нанести им заметный урон.

[2] Ferrier's Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan (переведено капитаном В. Джизом), Лондон, 1856 г., стр.317.

[3] Gombroon Diary, (том V, 1/12 марта, 1738 г.).

В мае до лагеря дошли известия о захвате Баста, а вскоре пал город Сафа. Затем Имамверди Бег Гырглу наступил на Галаты-Гильзай, которая пала после двухмесячной осады, тогда один из сыновей Хусейн Султана по имени Мухаммед, его генерал Саидал и некоторые другие гильзайские лидеры были захвачены и доставлены в Надирабад. Считая, что Саидал представляет опасность, Надир лишил его зрения.[1]

11 Мухаррама 1150 (11 мая, 1737 г.) Надир отправил с миссией Мухаммед Хана Туркмена, бывшего сефевидского генерала к Мухаммед Шаху. Поводом для отправления этой миссии послужило то, что когда персидские войска разгромили часть гильзаев в нескольких фарсаках от Галаты-Гильзай, а оставшиеся в живых бежали к индийской границе, могольские власти не пытались остановить беглецов, несмотря на предъявленные им неоднократные требования.[2] Мухаммед Хану Туркмену было поручено не оставаться при могольском дворе более 40 дней, но как будет далее отмечено, он находился там больше года.

Мухаммед Казим очень подробно описывает действия Пир Мухаммеда и Асилмаз Хана в Белуджистане. Наступая через Бендер Аббас и Макранский берег, эти лидеры вместе с войсками вошли в Белуджистан и вскоре неожиданно столкнулись с Мухаббат Ханом, старшим сыном покойного Абдуллах Хана, и нанесли ему поражение. Затем эти два командующих направились в Шал (Кутту), откуда спешно отправились к Гелату (Герату); во время наступления войска испытывали трудности из-за нехватки воды, но несмотря на это они во второй раз разгромили войска Мухаммед Хана. Тогда Хан бежал в свою крепость в Мастунг, а затем, посовещавшись со своим братом Ильясом, отказался от дальнейшего сопротивления; эти два брата направились в Гандахар и выразили покорность Надиру. Приняв их, Шах благосклонно взял Мухаммед Хана на службу и назначил его правителем Белуджистана.[3]

Подчинение этих двух лидеров вовсе не положило конец сопротивлению белуджских племен; Пир Мухаммед и Асилмаз Хан продолжали наступление. После длительной осады они взяли крепость Джалг, очевидно находившуюся близ Шала. Однако впоследствии появились разногласия между Пир Мухаммедом и Асилмаз Ханом, по-

---

[1] T.N., стр.181.

[2] T.N., стр.190.

[3] K. N., стр.92; смотри также T.N., стр.182.

видимому, из-за того, что первому не нравился контроль, который стремился установить над ним его партнер. Воспользовавшись этой враждой, враги Пир Махмуда сообщили Надиру, что он планирует мятеж, в результате чего Шах приказал отрубить ему голову. Как отмечают, когда впоследствии стало ясно, что Пир Мухаммед был обвинен ложно, Надир очень сожалел об этом.[1]

После казни Пир Мухаммеда, шурин Надира Фатали Хан оказал помощь Асилмаз Хану, который в течение следующих трех месяцев держал весь Белуджистан в подчинении.

Все это время отправленные Надиром в Гиришк персидские войска пытались подчинить афганцев в Заминдаварской области; но они встретили там такое решительное сопротивление, что справились с этой задачей только к концу января 1738 г.[2]

К началу 1738 г. большая часть Белуджистана и Заминдаварской области, а также Галаты-Гильзай были полностью подчинены; это позволило использовать основную часть отрядов, действующих в этих областях для осады Гандахара. До присоединения сил, Надир не делал никаких попыток форсировать дорогу через труднопреодолимые оборонительные сооружения Гандахара. Но теперь он был в состоянии предпринять решительные меры.

9 Шаввала 1150 (30 января, 1738 г.) отряды Надира напали на оборонительные сооружения с нескольких позиций, что имело определенный успех. Было захвачено несколько наружных бастионов и башен на равнине; одновременно другая часть воинов взбиралась с северо-восточного конца Гайтульской горы близ подъема, известного как Чихил Зина[3], где они захватили укрепленную каменную башню. Затем персы с большим трудом перевезли пушки и мартиры на те основные позиции, откуда они могли бомбардировать большую часть крепости, включая очень хорошо укрепленную башню, находящуюся на югозападе и известную как Бурджи-Дада.[4]

---

[1] K. N., стр.120-125.
[2] Шурин Надира Калб Али Хан командовал этой операцией, но он вел операцию столь неудачно, что Надир отстранил его от должности и заключил его в бастион.
[3] Изображение Чихил Зина и краткое посвящение Императору Бабуру имеются в камере высеченной в скале там, смотри Bellew's *Journal of a Mission to Afghanistan in 1857*, стр.233.
[4] T.N., стр.185; *Durra-yi-Nadira*, стр.162.

Защитники усердно трудились каждую ночь, заделывая отверстия от разрушительного огня пушек в стенах, которые, казалось, оставались такими же крепкими, как прежде.[1]

Бахтиаритский контингент неоднократно просил Надира позволить им совершить нападение, и в результате он, наконец, позволил им начать атаку. Итак, 13 марта 900 добровольцев, одна треть из которых были бахтиаритами, а остальные – абдалисами и чамишказакскими курдами, начали наступление. Но заранее осведомленный об этом Хусейн сосредоточил своих людей в предполагаемом месте нападения; в результате, противники были разбиты, потеряв 200 человек убитыми и ранеными.[2]

Возможно, в этот период (если верить Мухаммеду Казиму) человек по имени Зад (или Зияд) Хан пришел к одному из командующих Надира с предложением войти в Гандахар и собрать подробную информацию о состоянии оборонительных сооружений. Если принимать во внимание тот факт, что этот человек прежде находился на службе у Хусейна и выражал свое недовольство Надиром, он как утверждал, мог бы без всякого труда добраться до гильзайских лидеров и получить от них весьма ценную информацию. Предложение Зад Хана было принято, и он направился выполнять свою задачу. Он был хорошо принят Хусейном, и ему удалось получить необходимые сведения. Под видом готовящегося покушения на Надира, он вернулся обратно к персидским позициям. Он сообщил Надиру, что в городе имеются продовольственные запасы на следующие три-четыре года. Кроме того, он отметил, что стены очень крепки, но тем не менее, можно пройти через них, если в пятницу начать решительное нападение с Бурджи-Дада и позиций позади нее; в этот день основная часть защитников всегда совершала намаз в мечети, оставляя только незначительный отряд для защиты стены.[3]

---

[1] K. N., стр.144 и 145.
[2] T.N., стр.186, *Durra-yi-Nadira*, стр.162; (том XI, стр.406) неточно замечает, что численность наступавших была всего 300 человек.
[3] K. N., стр.145-153. Видимо, в истории о Зад Хане есть доля правды, хотя она не упоминается в *Tarikh-i-Nadiri* (официальный историк Надира возможно для предосторожности опустил все, что снижало степень достижения его монарха при взятии Гандахара). Слухи о падении Гандахара из за предательства были, несомненно, широко распространены, хотя они отличались от историй Мухаммед Казима и других; смотри, например, *Tadhkira*, Ананд Рама Мукхлиса, лит 163 (а) и Оттер, том I, т. 336 (сведениям Оттера нельзя полностью верить).

Основываясь на эти сведения, Надир планировал совершить атаку на Бурджи-Дад в пятницу 2 Зул-Хиджа (23 марта, 1738 г.). После тщательной подготовки к атаке из большого количества добровольцев были отобраны люди для формирования переднего фланга при нападении. В случае успеха Надир пообещал каждому из них 1.000 надири[1] (рупиев) и награбленную добычу из крепости. Он сурово добавил: «Если кто-нибудь из вас уйдет от сражения, я прикажу своим насагчи обезглавить его и вскормить его тело мухам и собакам!». Один из добровольцев был бахтиаритский мулла по имени Адина Мустауфи. Удивленный Надир сказал ему: «Ты мулла и писец, сражаться не твое призвание». Мулла Адина ответил: «Я могу пожертвовать собой ради вас!…Если богу будет угодно, вы удостоверитесь в моей храбрости».[2]

В течение всей ночи на пятницу[3] отряды занимали установленные позиции, и на следующее утро с вершины Чихил Зина был дан сигнал к атаке. Бахтиариты и другие добровольцы сразу же наступили с лестницами и расположили их напротив Бурджи-Дада; первым человеком, взобравшимся наверх, был мулла Адина. Нападавшие понесли тяжелые потери, но так как число защитников было незначительным, из-за нахождения большой части защитников в мечетях, персы захватили башню и заняли ее. Поняв что произошло, Хусейн Султан сделал отчаянную попытку отбросить персов назад, но уже было слишком поздно. Башня за башней сдавались противнику и, наконец, Хусейн и его охрана были вынуждены отступить к Гайтульской крепости, где они были окружены.[4]

Когда Надир принес свои тяжелые артиллерийские орудия для разрушения крепости, Хусейн Султан решил сдаться; на следующее утро он по афганскому обычаю наннават, отправил свою сестру Зейнаб вместе с несколькими гильзайскими лидерами просить пощады.[5] В

[1] В начале, как в этом случае надирия была равноценна рупию, но согласно T.N., (стр.183) существовал другой вид надирии (который очевидно никогда не был пущен в оборот) который был эквивалентен 3 ½ туманам.
[2] K. N., стр.155.
[3] Так как день Мухаммеда начинался на закате солнца, это произошло в ночь на четверг, согласно нашему исчислению.
[4] K. N., стр.160-165; T.N., стр.187-188.
[5] Мирза Мехди описывает этот обычай как равносильный арабскому *dakhil* (фраза *ana dakhilu fulan* означает «Я под покровительством чего-то»). Смотри также у Эльфинстона объяснения слова наннават в его книге *Account of the Kingdom of Caubul* (Лондон, 1839), том I, стр.295.

знак уважения к этому обычаю Надир не лишил Хусейна и его семью жизни, но отправил их в Мазандаран в качестве военнопленных.

В Гандахаре Надир нашел заключенных в тюрьму своих бывших противников: Зюльфигар Хана, абдалийского лидера и его младшего брата Ахмеда (которому тогда было около 14 или 16 лет). Несколько лет назад, когда эти два брата бежали из Герата в Гандахар, Хусейн схватил их и заключил в тюрьму. Надир обошелся с братьями очень милостиво; выделил им средства на существование из своей казны и отправил их в Мазандаран.[1]

Как и обещал, Надир наградил свои отряды, раздав им награбленное добро города и передал мулле Адине, смелому бахтиаритскому священнослужителю, кошелек с крупной суммой золотом.[2]

Надир заставил жителей Гандахара переселиться в Надирабад, которую он сделал столицей провинции Гандахара, а затем приказал стереть крепость Гильзай с лица земли; однако, укрепления были так твердо построены, что этот приказ был выполнен только частично.[3] Абдул Гани Хан стал правителем этой провинции, а другие абдалийские лидеры были назначены правителями Гиршика, Бата и Заминдавара. Абдалийское племя из Нишапура и других мест Хорасана в массовом порядке были переселены в Гандахар (где они раньше жили), и им были переданы земли Хотики гильзаев (рода, к которому принадлежал Хусейн), в то время как последних переселили в Хорасан и расселили на землях, освобожденных абдалисами. Несколько тысяч молодых гильзаев были зачислены в личную охрану Надира вместо отправления в Хорасан.[4]

С захватом Гандахара Надир не только смыл позор поражения, которое гильзаи нанесли персам шесть лет назад под командованием Махмуда, но также завершил свою задачу, заключавшуюся в возвращении провинций, потерянных во время губительного правления Шаха

[1] T.N., стр.188, смотри также Абдул Керим Алави *Ta'rikh-i-Ahmad,*, стр.4.
[2] K. N., стр.165.
[3] Когда мой друг Мистер Д. Т. Сванн посетил в 1934 г., район, где находился старый Гандахар, он обнаружил, что некоторые стены и часть крепости еще сохранились.
[4] T.N., стр.188. Джордж Фортсер, во втором томе, стр.81, своего *Journey from Bengal to England* (Лондон, 1798), дает численность этих гильзайских новобранцев как 4,000 человек, но он не указывает свой источник.

Султана Хусейна. Успешно выступив в роли спасителя своей страны, Надир теперь собирался добиться славы мирового завоевателя. Его поразительные военные успехи подтверждали веру в то, что мантия Александра или Тимура сейчас находится у него.

После падения Гандахара Надир находился в Надирабаде в течение двух месяцев, занимаясь все это время завершением приготовлений к индийской экспедиции, причины которой будут рассмотрены в следующей главе.

В ответ на вызов Шаха турецкий посол Мустафа Паша и его свита, которые прибыли в Исфаган в конце июля 1737 г., в феврале 1738 г., в сопровождении Абдул Беги Хана отправились в Надирабад и прибыли туда 19 мая.[1] При встрече с Надиром Мустафа Паша передал ему письмо от Султана, в котором тот приносил извинения в связи с невозможностью признать джафаритский толк[2] или согласиться на строительство пятого столба в Каабе; Султан также заявлял, что прохождение персидских паломников в Мекку через Сирию может создать сложности. Завершая письмо, он просил у Надира прощение за свой подход к первым двум пунктам. В отношении третьего пункта он предлагал, чтобы персидские паломники направлялись в Мекку через Наджаф, и обещал предпринять все меры для безопасного и благополучного прохождения паломников.

В ответ Надир сообщил Мустафе Паше и его советникам, что вопросы о джафаритском толке и о пятом столбе в Каабе являются, по его мнению, самой важной частью договора, и это требует дальнейших разъяснений. Поэтому он назначил бывшего посла в Могольской империи Али Мардан Хана Шамлу послом в Турции и приказал ему сопровождать Мустафа Пашу назад в Константинополь, где должны были подробно обсуждаться спорные вопросы.[3] Согласно Оттеру, во время последней аудиенции с Мустафа Пашой, Шах поручил ему передать своему монарху подробный отчет обо всем, что он видел, а также заверить Султана, что он ждет от него новостей как только тот вернется из Индии.[1]

[1] T.N., стр.189.

[2] Турки, несомненно, выступали против этого термина из-за его двусмысленности; его использовали для обозначения шиитского толка, смотри стр.333 ниже.

[3] T.N., стр.189.

Безусловно, дипломатия Надира в этой ситуации заслуживает внимания. Он определенно не хотел сейчас разрывать отношения с Султаном, но с другой стороны, он не мог подчиниться диктовке из Турции. Поэтому он затушил, но не уничтожил пламя религиозного спора так, чтобы его можно было бы разжечь тогда, когда это будет ему необходимо.

[1] Том I, стр.225.

ГЛАВА XII. ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ: ИЗ ГАНДАХАРА В КАРНАЛ

Мухаммед Шах правил Могольской империей уже семнадцать лет, когда весной 1736 г. Надир стал Шахом Персии. Так же как и Сефевидская династия, Могольская династия со временем вырождалась, и Мухаммед Шах не выдерживал сравнения с Бабуром или Акбаром, также как Шах Султан Хусейн с Шахом Исмаилом или Шахом Аббасом. Упадок Могольской Империи, начавшийся к концу продолжительного правления Аурангзиба (1658-1707), и три войны, последовавшие сразу после его смерти, ускорили этот процесс. Еще одной причиной уязвимости империи стало появление туранской (Трансоксианской или Центрально-Азиатской), персидской и индийской группировок во время правления Бахадур Шаха (1707-1712). В 1719 году внук Бахадур Шаха Роушан Актар вступил на престол и принял титул Мухаммед Шаха. Во время своего двадцатидевятилетнего правления он «скорее наблюдал, чем пытался прекратить усиливающийся распад империи, в то время как его двор стал местом интриг различных группировок».[1] К несчастью для Индии, именно в то время, когда Надир Шах решил начать свое вторжение, у власти оказался такой человек, как Мухаммед Шах, а его двор раздирался внутренними разногласиями.

Следует отметить, что персидское правительство несколько раз требовало от Могольского Императора закрыть свои границы для афганских беженцев, на что Император отвечал согласием. Однако, как было обнаружено на раннем этапе кампании в Афганистане, никаких действительных мер не было предпринято.[2] После этого разгневанный Надир отправил Мухаммед Хана Туркмена в Дели, чтобы выразить недовольство неудовлетворительными действиями, предпринимаемыми могольскими войсками для закрытия границы: он дал строгие указания

[1] В.Х. Мореланд и Сер Артур Чандра *A Short History of India* (Лондон, 1936), стр.267. Положение Индийского государства в это время в некотором отношении, было очень похоже, на состояние, в котором оно находилось 340 лет назад, когда Тимур собирался начать свое наступление; так и в 1738/9 гг. государство было очень ослаблено борьбой соперничающих группировок за власть.

[2] Смотри стр.140-141 выше.

не задерживаться в могольском дворе более сорока дней. Когда Мухаммед Хан Туркмен доставил это письмо, Император и его министры оказались в затруднительном положении, не зная каким титулом обратиться к Надиру при ответе.[1] Вместо немедленного решения этого вопроса они решили не давать ответа до тех пор, пока не станет известным результат осады Гандахара. Более того, несмотря на протесты Мухаммед Хана, они не позволили ему уехать.[2] Так прошел целый год, и когда, после падения Гандахара, не было получено никакого ответа из Дели и не было никаких известий о Мухаммед Хане, Надир отправил ему строгий приказ немедленно вернуться и принести какой бы то ни был ответ Императора.[3]

21 мая 1738 г. Надир, не дожидаясь ответа на свое послание, отправился из Надирабада в Газну и через несколько дней пересек индийскую границу, по-видимому, близ Мукура[4]. Это и стало началом индийского похода.

Тем не менее, Надир еще некоторое время сохранял видимость дружеских отношений с Императором и оправдывал нарушение им границы желанием лишь только наказать афганских беглецов. Весьма вероятно, однако, что его намерение наказать афганцев было только предлогом, и он уже давно вынашивал план завоевания Индии. Почти непрерывные кампании последних нескольких лет стали причиной голода в Персии и довели ее до полного обнищания; кроме этого, для Надира осуществление своего плана осложнялось трудностью, если не невозможностью, набрать в пределах своих границ достаточно рекрутов, чтобы восстановить потери. Он, конечно, понимал, что при таких обстоятельствах нельзя надеяться осуществить свою мечту наступления к Босфору. Так как Персия не могла удовлетворить его потребности, он был вынужден искать необходимые ему средства в других местах; он мог набрать необходимый личный состав среди воинственных афганцев и узбеков, но невозможно было содержать наемников без де-

[1] Шейх Хазин стр.286; *Siyaru'l-Muta'akhkhirin*, стр.140; Bayan-i-Waqi', лист 15 (а).

[2] T.N., стр.100; Индийский историк Мухаммед Бахыш («Ашуб»), цитируемое произведение, том II, стр.51, утверждал что причиной длительного нахождения Мухаммед Хана Туркмена в индийской столице было то, что он был влюблен в танцовщицу. Это утверждение не находит подтверждения у других авторов.

[3] T.N., стр.190.

[4] T.N., (стр.191) упоминается название места, где была пересечена граница Чешма-й-Махмур, которую теперь невозможно установить.

нег. Завоевание Индии казалось единственным решением проблемы. Послы, несколько раз отправленные Надиром в эту страну, при возвращении, должно быть, сообщали ему не только об огромных богатствах, но также и об усиливающемся распаде Могольской Империи.[1] Захватив богатства Индии, он мог заплатить афганским и узбекским рекрутам сверх положенного и таким образом возобновить войну с Турцией; кроме того, захватом Пенджаба он последовал бы примеру Александра Великого, Махмуда Газнави и Тимура и этим получил бы титул «Мирового Завоевателя».

Согласно некоторым современным европейским[2] и индийским[3] историкам и писателям, другой причиной похода было то, что Надир вторгся в Индию по приглашению Низамуль-Мулька, опытного шахского наместника Декана; эти источники также утверждали, что Надира пригласили Саадат хан, Субадар Оудха, вместе с Низамуль-

[1] Ананд Рам, в своем труде *Tadhkira* (том 163 (b)) замечает что «очень долго длились переговоры, и это сильно утомляло (то есть различные миссии, посылаемые Надиром к Мухаммед Шаху)». Он добавляет, что это стало, очевидно, только поводом для вторжения, а действительной причиной было ослабление Могольской монархии.

[2] Смотри, в частности *Jauhar-i-Samsam*, Мухаммеда Мухсина Сиддиги; однако, автор был рьяным сторонником Самсамуд Даула Хана Даурана, Амирул-Умара или главнокомандующего могольской армии и одним из лидеров индийской группировки. Хан Дауран конфликтовал с Низамул-Мульком, который был лидером туранской или соперничающей центрально-азиатской группировки при дворе (отношения между этими двумя группировками были очень напряженными). Такие обвинения предъявляются и Рустаму Али в *Ta'rikh-i-Hindi* (Британский музей, рукопись OR. 1628, лист 281 (b)), но там ограничиваются словами «говорят что» .... Смотри также *Halat-i-Nadir Shah*, Амра Чандири (I.O., рукопись 4008), *Nadir Var* (баллада о вторжении Надира), Ниджабата, Харал Раджпута (смотри статью, прочитанную Р.Б. Пандит Хари Кишан Каул в Пенджабском Историческом обществе, 26 сентября 1916) , и индийскую поэму Тилок Даса (смотри В. Ирвинский аннотированный перевод в J.R.A.S.B., 1897, том LXVI).

[3] Фрезер, стр.129-133; Оттер, том I, стр.355; Ханвей, том IV, стр.142; убежденность в виновности Низамул-Мулька, очевидно, было широко распространена; и отнюдь не только в пределах Индии; доказательством служит замечание, сделанное Оттеру в 1743 г. Кахьей Мосула. Считая, что Ахмед Паша находился в тайном сговоре с Надиром, Кахья сказал: «N'y auroit-il pas parmi nous un second Nizam bl-Mulk, qui trahit le Grand Seigneur, et fait venir le Roi (Nadir) contre nous» (смотри Оттер, том II, стр.365). Док. Джадунат Прасад, в своей неопубликованной диссертации, называющейся *The Life and Career of Mir Qamaru'd-Din, Nizamu'l-Mulk Asaf Jan I*, убежденно говорит о его невиновности.

Мульком.[1] Весьма вероятно, что один из этих знатных лиц или они оба были виновны в измене. Чин Гылыг хан, Низамул-Мульк был родом из Центральной Азии, а Саадат хан был персом по происхождению[2]; следовательно, ни один из них не испытывал глубоких верноподданческих чувств к Могольскому государству. С другой стороны, против них никогда не было сделано никаких обвинений, хотя, вероятно, теперь это невозможно установить. Единственным доказательством обвинений могли быть письма, которыми возможно, они обменивались.

Ханвей, по-видимому, весьма справедливо замечал[3]: «Мне кажется, что Надир не нуждался в таких орудиях (как Низамуль-Мульк) для осуществления своих амбициозных планов».

После перехода индийской границы, персидская армия на несколько дней остановилась в Гарабаге, в 37 милях юго-западнее от Газны. Узнав о прибытии Шаха в Гарабах, правитель Газны отказался от своего поста и сбежал в Кабул; однако, газии, улема и знатные лица города пришли в Гарабаг в полном составе и подчинились Надиру.[4]

Прибыв в Газну 22 Сафара (11 июня), войска направились отсюда к Кабулу. Сразу после выступления из Газны, Надир отправил Кутавалу Кабула следующее послание:

«Нас не интересует государство Мухаммед Шаха, но так как в этих районах (буквально «границах»= *hudud*) также находится рудник (*ma'dan*) афганцев и часть беглецов, наша задача уничтожить этих людей. За себя не тревожьтесь, но будьте гостеприимны».[5]

Субадар Кабула и Пешавара Насир Хан в связи с необходимостью оказания сопротивления захватчикам обратился в Дели с просьбой выплатить жалованье его отрядам. По словам Ананда Рама, Насир Хан написал в Дели следующее:

«...он сам был всего лишь розовый куст, увядающий осенними ветрами, тогда как его военные являлись ничем больше, чем тусклым

[1] *Risala-yiMuhammad Shah* (Британский музей, рукопись OR. 180, лист 106 (b)-107(b)); анонимный автор этого труда был (как Мухаммед Мухсин Сыддыги) рьяным сторонником Хана Даурана.

[2] О прошлом Саадат Хана, смотри *Imadu's-Sa'adat*, лист 6 (b), и последнюю работу Док. Сривастава, называющуюся *The first Two Nawabs of Oudh* (Luknow,1953), стр.5-30.

[3] Том IV, стр.142.

[4] T.N., стр.191.

[5] Шейх Хазин (персидский текст), стр.286.

зрелищем без обмундирования и энтузиазма; он просил выплатить жалованье за один год из пятилетней суммы, причитаемой ему, чтобы удовлетворить своих кредиторов и выплатить немного денег своим войскам».[1]

Это обращение осталось без внимания, и ничего не было предпринято для оказания помощи Насир Хану. Согласно историку Гуламу Хусейну, Амируль-Умара могольских войск Хан Дауран был главным виновником запущенного состояния оборонительных сооружений провинции Кабула. Если бы он выполнял свои обязанности, у Надира не возникло бы желание отправиться в Индию, или, во всяком случае, он не сделал бы это с такой легкостью.[2]

Когда войско Надира подошло близко к Кабулу, делегация, состоящая из знатных людей города, вышла к нему и выразила ему покорность. Однако, командующий крепостью Ширза Хан, оказал сопротивление и держался до конца июня.[3]

14 июля Надир отправил посла с длинным посланием к Мухаммед Хану, выражая недовольство поведением последнего и заявляя, что он (Надир) прибыл в Кабул с единственной целью, чтобы наказать афганцев; но население Кабула, оказывая ему сопротивление, вынудило его наказать их. В заключение он отметил свое дружеское отношение к Императору.[4] Посол направился в Дели в сопровождении нескольких знатных людей Кабула; при прибытии в Джалалабад они были задержаны правителем города; посол был убит, а кабульцы отправлены в Пешавар.[5]

Из-за нехватки продовольствия в Кабуле, Надир со своей армией отправился в местность, находящуюся в сорока милях севернее, в плодородные области Чарикара в Кухистане, где продовольствие и корм для скота были в изобилии.[6] После двадцатидвухдневной остановки в

[1] *Tadhkira* лист 163 (b); этот отрывок был опубликован в «History» Элиота и Доусона, том VIII, стр.71.
[2] *Siyaru'l-Muta'akhkhirin*, стр.469.
[3] T.N., стр.192.
[4] Ibid., стр.193.
[5] Ibid., стр.194. Шейх Хазин замечает (стр.288 и 288), что Надир отправил с этим поручением кавалериста, сопровождаемого десятью всадниками. В Джалалабаде на них напала толпа; всех их убили кроме одного, которому удалось спастись, сбежав в Кабул.
[6] Ibid., стр.194. Город Чарикар находится близко к Александрии, которая была основана Александром Великим весной 329 до н. э.

этой области, армия 5 сентября отправилась в Гандамак; прибыв туда, Надир стал штурмовать горные крепости местного населения.[1] Затем была отправлена карательная экспедиция в Джалалабад с целью отомстить за убийство персидского посла.

Вслед за тем, Надир с основным контингентом своих войск стал наступать к Бахар-Суфлу[2], расположенному в нескольких милях юго-западнее Джалалабада, где 7 ноября Рза Гули в ответ на требование своего отца, объединился с ним, выступив из Балха через Гундузскую (Бадахшанскую) область.[3]

В предыдущем году (1737) юный принц выполняя указания своего отца, подчинил мятежных правителей Андхуда и Балха; затем он, не имея никаких полномочий от Надира, пересек Оксас и, наказав некоторые враждебные племена, смело направился по направлению Бухары, осадил город Гарши и крепость Шуллук. Абуль-Фейз, слабый и неумелый правитель Бухары, поддерживаемый частью узбеков и других центрально-азиатских племен, выступил на помощь Гарши, но потерпел поражение. Войскам Рзы Гули удалось захватить Шуллук, и они продолжали осаду Гарши до того времени, когда от Надира пришел приказ снять осаду и немедленно вернуться в Балх. В то же время Надир направил Абуль-Фейзу послание, где признавал его суверенные права на Бухару, и приказал своему сыну прекратить военные действия против него.[4] Рза Гули выполнил приказ своего отца и вернулся в Балх, где находился до тех пор, пока не был вызван в Бахар Суфлу, чтобы обсудить со своим отцом вопросы обороны Хорасана, которому (о чем будет сказано в Главе XVI) в это время угрожало вторжение Илбарса Хорезмского. Очевидно, Надир впервые получил известие о враждебных намерениях Илбарса, находясь в Кабуле, и тогда он решил захватить Хорезм при возвращении из Индии.

После осмотра войск, которые прибыли с Рзой Гули из Балха, Надир назначил юного принца Наместником Шаха Персии «с полномочиями назначать и увольнять Правителей и (других) должностных лиц». Через несколько дней он возложил корону на голову своего вто-

[1] Мирза Мехди опускает название этих племен. По сведениям Ананда Рама Сафи, (лист 164(b)) афганцы пытались оказать сопротивление Надиру; смотри также Ашуб, стр.55.
[2] Бахар Суфла, очевидно, идентичен Бахар Пейну.
[3] T.N., стр.195.
[4] Более подробные сведения о туркестанской кампании Рзы Гули есть в Главе XVI.

зрелищем без обмундирования и энтузиазма; он просил выплатить жалованье за один год из пятилетней суммы, причитаемой ему, чтобы удовлетворить своих кредиторов и выплатить немного денег своим войскам».[1]

Это обращение осталось без внимания, и ничего не было предпринято для оказания помощи Насир Хану. Согласно историку Гуламу Хусейну, Амируль-Умара могольских войск Хан Дауран был главным виновником запущенного состояния оборонительных сооружений провинции Кабула. Если бы он выполнял свои обязанности, у Надира не возникло бы желание отправиться в Индию, или, во всяком случае, он не сделал бы это с такой легкостью.[2]

Когда войско Надира подошло близко к Кабулу, делегация, состоящая из знатных людей города, вышла к нему и выразила ему покорность. Однако, командующий крепостью Ширза Хан, оказал сопротивление и держался до конца июня.[3]

14 июля Надир отправил посла с длинным посланием к Мухаммед Хану, выражая недовольство поведением последнего и заявляя, что он (Надир) прибыл в Кабул с единственной целью, чтобы наказать афганцев; но население Кабула, оказывая ему сопротивление, вынудило его наказать их. В заключение он отметил свое дружеское отношение к Императору.[4] Посол направился в Дели в сопровождении нескольких знатных людей Кабула; при прибытии в Джалалабад они были задержаны правителем города; посол был убит, а кабульцы отправлены в Пешавар.[5]

Из-за нехватки продовольствия в Кабуле, Надир со своей армией отправился в местность, находящуюся в сорока милях севернее, в плодородные области Чарикара в Кухистане, где продовольствие и корм для скота были в изобилии.[6] После двадцатидвухдневной остановки в

[1] *Tadhkira* лист 163 (b); этот отрывок был опубликован в «History» Элиота и Доусона, том VIII, стр.71.
[2] *Siyaru'l-Muta'akhkhirin*, стр.469.
[3] T.N., стр.192.
[4] Ibid., стр.193.
[5] Ibid., стр.194. Шейх Хазин замечает (стр.288 и 288), что Надир отправил с этим поручением кавалериста, сопровождаемого десятью всадниками. В Джалалабаде на них напала толпа; всех их убили кроме одного, которому удалось спастись, сбежав в Кабул.
[6] Ibid., стр.194. Город Чарикар находится близко к Александрии, которая была основана Александром Великим весной 329 до н. э.

этой области, армия 5 сентября отправилась в Гандамак; прибыв туда, Надир стал штурмовать горные крепости местного населения.[1] Затем была отправлена карательная экспедиция в Джалалабад с целью отомстить за убийство персидского посла.

Вслед за тем, Надир с основным контингентом своих войск стал наступать к Бахар-Суфлу[2], расположенному в нескольких милях юго-западнее Джалалабада, где 7 ноября Рза Гули в ответ на требование своего отца, объединился с ним, выступив из Балха через Гундузскую (Бадахшанскую) область.[3]

В предыдущем году (1737) юный принц выполняя указания своего отца, подчинил мятежных правителей Андхуда и Балха; затем он, не имея никаких полномочий от Надира, пересек Оксас и, наказав некоторые враждебные племена, смело направился по направлению Бухары, осадил город Гарши и крепость Шуллук. Абуль-Фейз, слабый и неумелый правитель Бухары, поддерживаемый частью узбеков и других центрально-азиатских племен, выступил на помощь Гарши, но потерпел поражение. Войскам Рзы Гули удалось захватить Шуллук, и они продолжали осаду Гарши до того времени, когда от Надира пришел приказ снять осаду и немедленно вернуться в Балх. В то же время Надир направил Абуль-Фейзу послание, где признавал его суверенные права на Бухару, и приказал своему сыну прекратить военные действия против него.[4] Рза Гули выполнил приказ своего отца и вернулся в Балх, где находился до тех пор, пока не был вызван в Бахар Суфлу, чтобы обсудить со своим отцом вопросы обороны Хорасана, которому (о чем будет сказано в Главе XVI) в это время угрожало вторжение Илбарса Хорезмского. Очевидно, Надир впервые получил известие о враждебных намерениях Илбарса, находясь в Кабуле, и тогда он решил захватить Хорезм при возвращении из Индии.

После осмотра войск, которые прибыли с Рзой Гули из Балха, Надир назначил юного принца Наместником Шаха Персии «с полномочиями назначать и увольнять Правителей и (других) должностных лиц». Через несколько дней он возложил корону на голову своего вто-

[1] Мирза Мехди опускает название этих племен. По сведениям Ананда Рама Сафи, (лист 164(b)) афганцы пытались оказать сопротивление Надиру; смотри также Ашуб, стр.55.
[2] Бахар Суфла, очевидно, идентичен Бахар Пейну.
[3] T.N., стр.195.
[4] Более подробные сведения о туркестанской кампании Рзы Гули есть в Главе XVI.

рого сына Насруллаха и приказал, чтобы он и его другие сыновья носили джигу или эгрет «как короли» на правой стороне головы, вместо левой.[1] 3 Шабана (17 ноября 1738 г.) Рза Гули покинул своего отца и вернулся в Персию для исполнения своих обязанностей наместника Шаха. На следующий день Надир и его войска, из-за нехватки продовольствия в этой местности выступили из Джалалабада, где располагался лагерь.[2] Перед тем, как выступить из Джалалабада, Надир предварительно отправил отряд из 12.000 человек, приказав им находиться впереди от основных частей войск.

Тем временем, правитель Кабула Насир Хан, используя все свои возможности, собрал 20.000 афганцев из Пешавара и Хайберских областей, которых он разместил в Хайберском проходе, чтобы преградить персидское наступление.[3]

Получив от шпионов сообщение о присутствии вражеских войск близ восточного конца Хайберского прохода, Надир решил применить свой любимый способ: обойдя это место, пройти редко используемым и труднодоступным путем и напасть на противника с неожиданной стороны. С помощью надежного проводника он, оставив основные свои войска и обоз у деревни Барикаб, в 20 милях восточнее Джалалабада, повернул на юго-юго-восток во главе 30.000 кавалерий по направлению к небольшой деревне Сиях-Чоп.[4]

Современные источники не дают никаких других названий местностей в этом маршруте, но вероятно, Надир со своими отрядами отправился дальше из Сиах Чопа по направлению к востоко-юго-востоку

[1] Ibid.
[2] Смотри перевод письма Броссета, которое Калушкин получил от армянского корреспондента из Джалалабада (H. de la G. том II, часть II, стр.369).
[3] *Siyaru'l-Muta'akhkhirin*, стр.471.
[4] Мирза Мехди не упоминает ничего о проводнике, Tambouri Aroutine, стр.188, отмечает что, когда Надир спросил у него как он собирается провести их через Хайберский проход, который перекрыл Насир Хан, шпион предложил провести войска труднопроходимым альтернативным путем, который привел бы Надира и его людей к месту, расположенному на расстоянии в полтора или два часа от места, где его ждали войска Насир Хана. Смотри также труд Х.Р. Джеймс *Report on the Peshawar District* (Лахор,1865, стр.36) и статья, называющаяся *Friends and Foes*, в *Pioneer Mail* (Аллахабад) за 23 августа 1885 г.

к проходу Цацоби.[1] Ираклий из Кахетии, который вместе с частью грузин сопровождал Надира в его индийской экспедиции, отмечал, что выступив утром, они преодолели четыре агача[2], прежде чем сделать привал на ночь, возможно, поблизости Китая, в четырех с половиной милях северо-западнее Цацобийского прохода. Вскоре после прибытия Шаха, они отправились дальше при свете луны и в скором времени дошли до прохода (Цацоби), где было очень холодно. Из-за узости прохода и неровности тропинки произошло большое замешательство, поэтому прохождение через этот проход, которая была длиной в пол агача, заняло пять часов.[3]

Надир продолжил свое наступление на Базарскую долину и, должно быть, прошел через или близ деревни Чора, расположенной в 12 милях юго-восточнее Цацобийского прохода. Из Чоры он отправился к долине с восточной, а затем северо-восточной стороны, в нескольких милях от Джамруда; очевидно, он вошел в Хайберский проход или с его восточного конца или на милю или две западнее оттуда, взбираясь по скале, находящейся между тесниной и Чора-Джамрудской дорогой. Несмотря на усталость, он и его люди преодолев 48 милей[4], они подошли к позициям Насир Хана и атаковали их так решительно, что индо-афганские войска были вынуждены отступить к Джамруду и Пешавару, понеся тяжелые потери и бросив Насир Хана и других офицеров, а также пленных.

Наступление на Пешавар было возобновлено через три дня после этого сражения; к тому времени основная часть его армии, обоз и ар-

[1] Мирза Мехди почти не дает никаких географических подробностей, лишь замечая то, что армия проходила через Сех Чуба (sic), где находились высокие горы, и что дорога была труднопроходимой из-за чрезмерной крутости.
[2] Турецкий термин *aghach* (или *yigach*) равносилен фарсаку.
[3] Смотри письмо Ираклия II Кахетинского к своей сестре Анне (H. de la G. том II, часть II, стр.355).Ираклий присоединился к Надиру в Гандахаре, сразу же после того как его отцу Теймуразу было позволено вернуться в Грузию (более подробно, смотри перевод Броссет, Омана Керкеолидзе *Life* Ираклия, в H. de la G. том II, часть II, стр.206 и 207).
[4] Мирза Мехди (T.N., стр.196) отмечает протяжение этого пути в 30 фарсаков, что принимая в расчет кратчайшее расстояние фарсака в горной стране, почти идентично. Об изменчивости фарсаков смотри Генерал А. Хотум-Счиндлер *Note on the Length of the Farsakh*, в *Proceedings* королевского географического Общества, том X, стр.584-588, и обзор Док. С. Ф. Лехманн-Хурта, в *Gnomon*, июнь, 1928 (том IV, часть VI, стр.246 и 247), труд Сегла *Vom Kentrites bis Trapezunt*.

тиллерия смогли объединиться с Надиром через Хайберский проход. Испугавшись после поражения и взятия в плен Насир Хана, население Пешавара не оказало сопротивления войскам Надира.

Надир оставался в Пешаваре около четырех недель; находясь там, он получил печальные новости о гибели своего брата Ибрагим Хана в Кахе в Ширване от рук лезгин Джара и Талы. Подробности последней кампании Ибрагим Хана и его смерти будут даны в Главе XVI.

Прежде чем продолжить свой путь, Надир послал крупный контингент войск, для того чтобы разграбить страны между Пешаваром и рекой Инд и построить понтонный мост через эту реку в Аттоке. Получив сообщение о завершении строительства моста[1], 25 Рамазана (6 января 1739 г.)[2] он отправился из Пешевара и к 4 Шаввала (15 января) со всеми своими войсками добрался до другого берега реки Инд. Оттуда персидская армия отправилась в Везирабад и без труда перешла Джелум (у которой, как и у других рек Пенджаба был отлив в это время года).[3]

Близ небольшой крепости Кунджа Мазры[4], находящейся в 12 милях к северо-западу от Везирабада на перекрестке дороги против пер-

[1] Daniel Moginié (S.H. Maubert de Gouvest), в его книге *L'Illustre Paisan* (Laussanne, 1754), стр.160, замечает что французский инженер по имени Бонал (который как он отмечает, присоединился к Надиру в Тифлисе в 1735) построил мост. Однако так как труд Moginié неточен, и некоторые сведения не находят подтверждения у других авторов (как это), то его сведения нельзя считать достоверными. Сер Александр Бурнес, в своем *Travels to Bokhara*, том I, стр.267-268, отмечает что эти понтонные мосты через Инд могли быть сооружены в течении от трех до шести месяцев; такие мосты могли быть сооружены через Инд с ноября по апрель.

[2] Ананд Рам, лист 166 (а). Согласно Бомбейскому изданию T.N. (стр.197), Надир покинул Пешевар 15 Рамазана; Ананд Рам, по-видимому, наиболее точен, так как 33 дня, очевидно, чрезмерный срок для его армии, чтобы добраться из Пешевара на другой берег Инда.

[3] T.N., стр.197.

[4] Текст *Ta'rikh-i-Nadiri* неясен здесь (стр.197), там дается название крепости Качха Мирза «на этой (то есть восточной) стороне реки Вазирабад» (то есть Ченаб). Ни одной крепости, называющейся Качха Мирза не удалось обнаружить; Сер Дж. Саркар в личном письме мне выражает предположение что «Качха Мирза» это искаженное Кунча Мирза; а относительно слов taraf-ab-I-Wazirabad («на стороне реки Вазирабад») он полагает что an («на») следует читать in («в») или эта запись была сделана в Дели, когда *an taraf* («на стороне») означает *западную* сторону Ченаба. Это объяснение, очевидно, лучше, чем то, которое я дал до этого, а именно то, что Качха Мирза была расположена поблизости от Качха Сарая, которая согласно Manazil-ı-Futuh (лист 8 (b)), находилась в 10 коссах от Яминабада на пути в Вазирабад.

сидской армии, выступили от 5.000 до 6.000 человек из лахорских войск под командованием Галандар Хана, но индийские войска были отброшены в крепость, которая затем была захвачена; Галандар Хан и большая часть его людей были убиты.

Затем персидское наступление было продолжено, и Ченаб был благополучно перейден. Персидская армия захватила и разграбила Везирабад, Яминабад (Эминабад); другие города, встречавшиеся у него на пути, также были захвачены.[1] Состояние большей части населения Пенджаба было и в самом деле ужасным; они не только страдали от рук персидских захватчиков, но также подвергались грабежу со стороны множества разбойников, появившихся в те тяжелые времена.[2] Более того, люди бежавшие в горы чтобы спастись, грабили Сикхи.[3]

Из Яминабада Надир направился к Дегх Нале, куда он прибыл перейдя мост Шах Даула.[4] Именно здесь он узнал, что Закарийя Хан, правитель Лахора, занял хорошо укрепленные позиции на берегах Рави, на севере города, прямо на его пути.[5] Вместо того чтобы отправиться прямо к Лахору, Надир повернул на восток, чтобы обойти индийские позиции на Рави. У Мулькпура (или Мубаракпура)[6] персы прицелились и открыли огонь по основным войскам индийских отрядов под командованием Заминдара из Адинанагара[7], который направлялся на помощь Закарийя Хану. Индийцы были разгромлены, но часть из них смогла добраться до Лахора. Персидские войска перешли Рави близ Лакодехра.[8] Вскоре завязалась битва с войсками Закарийя Хана,

[1] Ананд Рам, лист 167 (b).

[2] Шейх Хазин замечает стр.292.

[3] Малколм в своем труде *Sketch of the Sirhs*, в *Asiatick Researches* (Калькута, 1810), том XI, стр.238, и Дж. Браун *History of the Origin and Progress of the Sicks* в его труде *India Tracts* (Лондон, 1788).

[4] Смотри примечание 6 ниже.

[5] Ананд Рам, лист 167 (b) и *Siyaru'l-Muta'akhkhirin*, стр.472.

[6] Мирза Мехди замечает, что Мулькпур находился в 6 коссах от Лахора. Профессор Саркар считает, что Мулькпур следует читать как «Мубаракпур», который расположен в 9 милях на севере от Лахора. Если это верно, то кажется неправдоподобным то, что Надир пересек Дегх Нала через мост Шах Даула; возможно, в этом случае он пересек реку в верхней части реки.

[7] Это название у Мирзы Мехди дается как Адинагар (стр.197); но очевидно, Адинанагар (теперь называется Динанагар, в 75 милях восточнее северо-востока Лахора и в 8 милях севернее северо-востока Гурдаспура).

[8] Согласно Ананду Раму, Надир свернул направо после пересечения Дегх Нала и обойдя фланги индийцев, наступил на их западные позиции. Принимая во внимание

которые согласно Шейху Хазину состояли из 14.000 или 15.000 кавалерии и частей народного ополчения.[1] Старшему сыну правителя Яхья Хану удалось пробраться через персидские ряды, и он поспешил сообщить новости в Императорский лагерь.[2] Отмечают, что в этом сражении особенно отличился старый индийский воин по имени Мирза Азиз Бек.[3] На следующий день (22 января) бой был возобновлен, но Закарийя Хан, вскоре поняв, что не сможет долго оказывать сопротивление из-за немногочисленности своих войск и отсутствия поддержки со стороны императорских генералов, решил попросить пощады. Надир ответил положительно и 23 января приказал Абдул Беги Хану встретить Закарийя Хана и проводить его к нему.[4] При прибытии правителя Надир обращался с ним с большим почтением и уважением. Через два дня он снова принял Закарийя Хана, на этот раз последний вручил завоевателю 20.000 рупий золотом, несколько слонов и другие подношения.[5] Своим подчинением и выплатой этого выкупа Закарийя Хану удалось спасти Лахор от разграбления.[6]

вышесказанное, этого не могло произойти при таких обстоятельствах. В этом контексте, смотри также письмо Ираклия своей сестре (H. de la G. том II, часть II, стр.357), и труд Сера Александра Бурнеса *Travels to Bokhara*, том II, стр.16.

[1] Шейх Хазин, стр.293. Мухаммед Мухсин Сидиги, в *Jauhar-i-Samsam*, лист (а), замечает, что у Закарийя Хана было 40,000 всадников. Со свойственным ему предубеждением он добавляет, что Закарийя Хан из-за своего соглашения с Низамул-Мульком не предпринял серьезных попыток препятствовать наступлению Надира (смотри также Оттер, том I, стр.374). Шакир Хан, в его *Tadhkira*, лист 41 (а), делает похожие заявления, дополняя, что Саадат хан с Низамул-Мульком дали указания Закарийя Хану не оказывать сопротивления Надиру.

[2] Ананд Рам, лист 167 (b).

[3] Ашуб, том II, стр.132-134. Этот автор утверждает, что о подвигах Азиз Бека рассказывается в поэме, называемой *Nadir Shah-Nama*, которую Мухаммед Али Бек (который писал под именем Мулла Фирдоуси) сочинил по просьбе Надира; Ашуб цитирует несколько двустиший из этой поэмы на стр.135 и снова на стр.441; мне не удалось выяснить сохранилась ли эта поэма в целом виде. Интересно заметить, что поэт Надири из Мешхеда, который еще жив и ведет свое происхождение из рода Надира по женской линии, написал поэму, посвященную своему предку, называющуюся *Shah-Nama-yi-Nadiri*; эта поэма еще не опубликована.

[4] Ананд Рам, лист 168 (а).

[5] Ibid.

[6] Ibid. Тилок Дас, однако, утверждает, что Лахор был разграблен, но его поэма не может представлять действительную историческую ценность; как становится ясным из сведений Ананда Рама (том II, стр.137), город не подвергся этой участи.

Двенадцать дней Надир оставался в Лахоре, где он вел себя как хозяин Индии. Он позволил Закарийя Хану сохранить свой пост правителя Лахора и приказал восстановить в должности Фахруд-Даулу, бывшего правителя Кашмира, который после изгнания из своей провинции в результате восстания был лишен должности и жил в нищете в Лахоре. Кроме того, он назначил своего бывшего противника Насир Хана Субадаром Кабула и Пешавара.[1]

Во время своего пребывания в Лахоре, Надир получил сообщение о попытках Императора собрать войска против него. Тогда он написал письмо Императору,[2] заверяя последнего в том, что его намерения исключительно дружеские; упоминая об афганцах, он заметил, что так как Индия страдает от них даже больше, чем Персия, было бы естественно, если бы индийские министры взялись наказать их. Он повторил свои заявления относительно обращения Императора с его послами и завершил свое письмо предупреждением Мухаммед Шаха о том, что если индийские войска выступят против него, они будут полностью уничтожены; но если оставшиеся в живых подчинятся, он простит их.

26 Шаввала (6 февраля, 1739 г.) Надир выступил из Лахора и направился в Сирхидж, куда он прибыл через десять дней,[3] здесь узнал, что Мухаммед Шах со своей армией из 300.000 человек, 2.000 слонов и большим количеством пушек, прибыл в Карнал.[4] Согласно Ашубу, Надир до своего вступления предпринял все меры, чтобы не допустить шпионам сообщить в лагерь Императора о его передвижениях из Лахора.[5]

Теперь необходимо рассказать о том, что тем временем происходило в Могольском дворе. Когда новости о захвате Кабула Надиром дошли до Дели, «никто не слушал их, и если кто-то и слушал, то не

---

[1] T.N., стр.197.

[2] T.N., стр.198. Этого письма нет в переводе Джонеса или в моей рукописи. Шейх Хазин (стр.295) замечает: «До того как он столкнулся с индийской армией, Надир Шах направил два или три раза из Лахора послания Мухаммед Шаху, немедленно вернуть ему его посла Мухаммед Хана. Но хотя они уже очень долго удерживали его посла в ходе их похода, они не позволили ему уйти; и неизвестно какие в это время у них могли быть планы, когда они удерживая его».

[3] T.N., стр.198. Смотри также труд Гулам Али Хана *Muqaddama-yi-Shah' Alam Nama*, лист 59 (b) (Британский музей, рукопись Add. 24028).

[4] T.N., стр.199.

[5] Том II, стр.139.

понимал».[1] Но так как продолжали поступать сообщения о дальнейших наступлениях Надира, Император вызвал Низамул-Мулька из Декана, чтобы посовещаться с ним. Когда Низамул-Мульк прибыл во двор, то обнаружил, что его враг Хан Дауран, глава индийской группировки, стал очень влиятелен, командовал армией и имел большое влияние над слабым Императором; следовательно, любой совет, предложенный Низамул-Мульком, оставался без внимания, и почти ничего не предпринималось.[2] Много говорилось о намерениях дать отпор захватчику, но ничего не делалось для направления помощи Закарийя Хану. В начале Рамазана (13 декабря, 1738г.) Хан Дауран, Гамаруд-Дин Хан (Итимадуд-Даула) и Низамул-Мульк вместе с войсками выступили из Дели, но не пошли дальше Шалимарских садов, где остановились для отдыха до конца месяца.[3] Правда, Хан Дауран обращался к Саваи Джаи Сингху и другим Раджпутским главам,[4] о храбрости которых он был наслышан, но Сер Дж. Саркар обращает внимание на то, что:

«Раджпутаны были безнадежно отстранены со времен Аурангзиба; Джаи Сингх и другие вожди теперь стремились к политическому спасению, объявляя свою независимость и вызывая раджу Махраттас для помощи в разделении Империи. Раджи просили прошения и откладывали свой приход».[5]

Император даже обратился к Баджи Рао, Пешве Маратаса не полагаться на Маратас, хотя есть данные о недостоверности этих сведе-

[1] *Siyar*, стр.471. Так как Мухаммеда Казима нельзя считать надежным автором в изучения индийской кампании, тем не менее, его сведения относительно этой кампании представляют определенный интерес; так как эти сведения он получил от своих знакомых персов, вернувшись из Индии, его сведения, несомненно, содержат достоверную информацию этих людей об индийцах. Услышав о вторжении Надира, Мухаммед Казим заметил (K.N. стр.399 и 400), что Мухаммед Шах вызвал всех каландаров, дервишей, богословов и колдунов, имеющихся в его государстве и рассказал им об угрожающих намерениях Шаха. Тогда предсказатели и колдуны немедленно приготовили заклинания, чтобы отразить захватчика. Один колдун сказал: «мы свяжем руки врагу прямо во время сражения», другой сказал «мы произнесем заклинания и Надир Сахиб-Гиран, тогда будет доставлен связанный по рукам и ногам в Императорский дворец»

[2] Рустам Али (лист 282 (a)) отмечает, что когда Хан Дауран предлагал какой-то план, Низамул-Мюльк выступал против него и наоборот.

[3] Ананд Рам, лист 168 (b).

[4] *Siyar*, стр.472.

[5] *Nadir Shah in India*, стр.31.

ний.[1] Затем такие призывы были направлены Саадат Хану Бурханул-Мюльку, Субадару Одха, который в ответ на это обращение выступил, чтобы объединиться с императором на третьей неделе 1739 г.[2]

Когда в начале Шаввала (12 января) до Дели дошли новости о прибытии в Инд войск, которых Надир направил вперед, Могольская армия, наконец, выступила, но ее наступление было столь неторопливым, что на преодоление небольшого расстояния из Шалимарских садов до Карнала ушло три месяца.[3] В ответ на настойчивые просьбы Низамул-Мулька и Хана Даурана, 18 Шаввала (29 января, 1739 г.) Император сам выступил из Дели и 27 числа этого месяца (7 февраля) прибыл в Панипат, расположенный в 20 милях южнее Карнала[4]; через несколько дней он прибыл в Карнал. Сначала было решено направиться дальше, но так как прямо на севере Карнала было удобное место для лагеря, обеспечиваемое водой через Али-Марданский канал и защищенное густыми зарослями с севера, и так как было решено дождаться прибытия Саадат Хана и контингента войск из Одха[5], индийские командующие не стали наступать дальше. Вокруг лагеря была построена стена из грязи, восточная сторона которой граничила с Али-Марданским каналом. Пушки были установлены на стене вокруг лагеря на незначительном расстоянии друг от друга, который по имеющимся сведениям, имел четырнадцать милей в окружности.[6]

О числе воинов в индийском лагере даются различные сведения, которые колеблются от 80.000 до фантастической цифры 1.200.000[7];

[1] Ibid., стр.32.

[2] Док. А.Л.Сривастава, цитируемое произведение, стр.63.

[3] *Siyar*, стр.472.

[4] Ананд Рам, (лист, 168 (b)) замечает, что когда стало известно о приближении Надир Шаха к Инду, индийский военачальник посоветовал Императору выступить против захватчиков.

[5] *Siyar*, стр.472.

[6] Мирза Заман *Journal* (Фрайзер, стр.152). Ханвей (том IV, стр.159) отмечает что «некоторые авторы отмечают, что расстояние было в двадцать миль».

[7] Мирза Мехди, как упоминалось выше, на стр.156-157 оценивает численность этих индийских войск в 300.000 человек. Сер Дж. Саркар (*Nadir Shah in India*, стр.34) снижает эту цифру до 75.000 воинов. Французский авантюрист de Voulton, в своем *Verdadeira e exacta Noticia* (который современный автор перевел с португальского, и опубликовал вместе с введением и сносками в *Bulletin* Школы Восточных Исследований, том IV, часть II, стр.233-243), отмечает, что могольская армия до Карнальского сражения, состояла из 400.000 всадников и 800.000 пехотинцев. Однако, очевидно, что число гражданских лиц, сопровождавших армию, было намного больше, и

первая цифра, возможно, близка к истине. Однако, если учитывать число невоенных людей, общее их количество, по предположению Сэра Дж. Саркара, составляет почти один миллион.

Из Ширхинда Надир направился с войском из 6.000 курдов-кавалеристов под командованием Хаджи Хана разведать индийские позиции.[1] На следующий день армия выступила из Амбала через Раджа Сарай. 19 февраля, оставив свой обоз и гарем в Амбале, Надир направился в Шахабад, расположенный в 35 милях севернее Карнала. Этой же ночью курдские отряды, которые Надир направил из Ширхинда, вступили в бой с индийскими войсками; большая часть индийских отрядов была убита, а остальные взяты в плен.[2] Затем курдские отряды отступили в Сарай Азимабад, деревню, расположенную в двадцати трех милях южнее Шахабада и двенадцати милях севернее Карнала; из этой деревни они послали Надиру эти сведения вместе с несколькими военнопленными. После этого, Шах приказал этим отрядам разведать как восточные, так и западные стороны вражеских позиций[3].

12 Дхул-Гада (21 февраля) Надир направился дальше и, наступая через Тиравари, 13-го числа рано утром добрался до Сарая Азимабада, где правитель Амбалы некоторое время пытался оказывать сопротивление.[4]

От своих разведчиков и от индийских пленных Надир узнал о состоянии императорских позиций и о существовании южнее Сарая Азимабада густых зарослей, пересекающихся одной узкой тропинкой, длиной в восемь миль по направлению к Карналу. Он понял, что единственный выход – это обойти это место с востока, что не только давало ему возможность пересечь фланги врага, но также ему не приходилось входить в густые заросли. Если Мухаммед Шах выступил бы из своих позиций, ему бы пришлось сразиться с ним на равнине, которая была семь милей в ширину и протягивалась на восток от Карнала к Джумне; и если, с другой стороны, Император решил бы ничего не предпринимать, отсиживаясь в своих укреплениях, он мог бы наступить на Панипат, а оттуда в Дели.[1]

13 Дхул-Гада не предпринималось дальнейших наступлений, но на следующее утро (понедельник, 23 февраля) Надир выступил из Сарая Азимабада, проведя свои отряды через Али-Марданский канал и наступив на юго-востоке на несколько милей, он разбил лагерь чуть севернее деревни Кунджпура, которая расположена в пяти с половиной милях востоко-северо-восточнее от Карнала и в полтора милях западнее от Джумны. Шах во главе своей охраны приблизился к индийскому лагерю; внимательно изучив вражеское расположение, он вернулся в свой лагерь.[2]

Вечером персидские разведчики сообщили, что Субадар Одха Саадат Хан, который с 30.000 человек находился в пути для объединения с Императором, прибыл в Панипат.[3] Надир немедленно отправил свои войска остановить Саадат Хана и его людей.[4]

некоторые авторы, в том числе de Voulton, могли ошибочно включить их в общее число боевых войск.

[1] T.N., стр.199; смотри также Фрайзер, стр.153.

[2] T.N., стр.199. Индийские военачальники, как отмечают, были очень небрежны при расстановке охраны.

[3] Ibid.

[4] Ibid., стр.200.

---

[1] Ibid.

[2] Ibid.

[3] Ibid. Смотри также перевод Сера Д.Малколма письма Надира к Рзе Гули Мирзе в *Asiatick Researches*, том X, стр.542 (по причинам, о которых речь пойдет ниже, это письмо следует использовать осторожно). Согласно этому переводу, письмо было написано в Дели 29 Дхул-Гада 1115 (sic) (здесь, очевидно, опечатка в «1151»).

[4] T.N., стр.200. В *Risala-yi-Muhammed Shah*, лист (b), говорится, что Саадат Хан тайно сообщил Надиру о его приезде, но это кажется неправдоподобным.

ГЛАВА XIII. ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ: КАРНАЛ

Утром рокового дня 15 Дхул-Гада (24 февраля) Надир разделил свою армию на три дивизии. Он приказал командующему левым флангом Насруллаху Мирзе наступить из Джумны к Карналу[1], в то время как он сам с частью войск направился на юг дорогой, проходящей между Джумной и Али-Марданским каналом, с целью разведки вражеских позиций и изучения поля битвы. Пока он занимался этим, вернулись отряды, отправленные им прошлым вечером, чтобы преградить путь Саадат Хану, и сообщили, что Субадару удалось, обойдя их уйти от них и в полночь прибыть со своим отрядом в императорский лагерь[2]; но, тем не менее, они преследовали его, захватили часть его людей и большую добычу.

Узнав эти новости, Надир, будучи тогда приблизительно в трех с половиной милях восточнее от индийского лагеря, сделал привал[3]; здесь он объединился с Насруллахом и его армией.[4]

Тем временем, Саадат Хан направился выразить свое почтение Мухаммед Шаху. Во время своей аудиенции Саадат Хан получил сообщение о захвате своего обоза гызылбашскими отрядами.[5] Придя в

[1] T.N., стр.200. Мирза Мехди утверждает, что Надир приказал Насруллаху направиться в Карнал «с северного берега реки Джумны». Сер Дж. Саркер (Nadir Shah in India, стр.37) основываясь на этом, замечает, что молодой принц переправился через Джумну, что справедливости ради следует заметить, было маловероятным. Объяснение этому может быть таким, что Насруллах со своими войсками наступал через или около места, где располагается современная деревня Хираджпур (в 1 миле востоко-северо-восточнее от Хираджпура); чуть более мили на юге-востоке и юге от Хираджпура, Джумна течет с востока на запад, прежде чем повернуть снова на юг; таким образом, когда Насруллах находился близ Хираджпура, Джумна, должно быть, находилась на севере.

[2] T.N., стр.201. Абдул Керим (Bayan, лист16 (а)), Ашуб и другие авторы отмечают, что Саадат хан прибыл в императорский лагерь в это время. Рустам Али (лист 283(а)) отмечает, что его войска состояли из всего лишь 20.000 человек. Из-за ранения, полученного три месяца назад, Саадат Хан не мог ездить верхом на лошади, и его перевозили или переносили на переносном стуле или верхом на слоне.

[3] T.N., стр.201.

[4] Ibid.

[5] Bayan, лист16 (а); смотри также Харчаран Дас «*Chahar Guldhar Shuja'I*», лист 82 (а). Харчаран Дас замечает (лист 81 (а)), что Мухаммед Шах сомневался в верности Саадат Хана и заставил его поклясться в своей верности на Коране.

ярость от этого, он спешно покинул Императора; вопреки всем попыткам задержать его, он призвал своих людей к оружию и попытался вернуть свой обоз стремительной атакой. Его войска, непрерывно участвующие в боевых действиях в течение целого месяца и не привыкшие к форсированным наступлениям, были изнурены, и только небольшая часть отозвалась на его призыв; как отмечают, часть его людей полагала, что он все еще находится у Императора, тогда как остальная часть, заботившаяся в первую очередь о своих лошадях, отказалась выступить. Тем не менее, Саадат Хан, сопровождаемый лишь 1.000 кавалерией и несколькими сотнями пехотинцев, стремительно выступил.[1]

Выступив из индийских позиций, Саадат Хан и его небольшое войско неожиданно столкнулись с частью персидских патрулей, наступающих с противоположной стороны. Персы сделали вид, что отступают, надеясь выманить Саадат Хана и его людей подальше от их позиций.[2] Эта уловка удалась, и Саадат Хан стал спешно наступать вслед за отступавшим противником, отправив в лагерь срочное послание прислать подкрепление, чтобы помочь ему (как он предполагал) продолжить свой успех. Император хотел лично отправиться на помощь Саадат Хану, но Низамул-Мульк и Хан Дауран отговорили его, утверждая, что сражаться в этот день нельзя.[3]

Тогда Император попросил Низамул-Мулька дать ему совет, на что тот ответил, что так как Хан Дауран командует правым флангом и поэтому находится ближе к Саадат Хану, ему и следует отправиться на помощь к нему.[4] Император согласился, и соответственно, Хан Дауран

[1] Bayan, лист 17 (а). Ананд Рам (лист, 169 (b)) отмечает, что Саадат хан «с опрометчивой стремительностью стал командовать, и выступил спешно в сопровождении всего лишь нескольких всадников, которые были в его окружении, не собрав всю свою артиллерию или не дождавшись построения своих воинов в определенном порядке».

[2] Bayan, лист 17 (а).

[3] Ibid., лист 17 (b).

[4] Ibid., лист 18 (а). Согласно Ананду Раму (лист 169 (b) и 170 (а)), Хан Дауран получив этот приказ, сказал, что войско не готово к сражению в этот день, и что будет лучше дождаться утра, когда артиллерия сможет расположиться на передовых позициях. Император остался недовольным этим ответом, тогда Хан Дауран, «который был от всего сердца предан своему господину», взобрался на своего слона и выступил. Ашуб приводит другую историю; Хан Дауран, как он отмечает (Том II, стр.179), сильно завидовал Саадат Хану; узнав, что его соперник успешно наступает на врага,

выступил во главе 8.000 или 9.000 кавалерии.[1] Ашуб, который находился в Карнале, утверждает, что воины Хан Даурана представляли, что сражение будет типа групповых драк на улицах и базарах Дели.[2] Однако, вскоре они убедились в обратном. Как отмечает Мирза Мехди, Надир, который «давно ждал этого дня»[3], надел кольчугу и шлем и встал во главе 1.000 отборных афшарских всадников с готовностью скакать с места на место и лично руководить сражением.[4] Узнав, о наступлении Саадат Хана и Хан Даурана, он расположил 3.000 своих воинов в засаде и отправил вперед два отряда джазаиритов, каждый из которых состоял из 500 воинов, приказав заманить противника в ловушку.[5]

Ханвей отмечает, что Надир с целью напугать индийских слонов приказал привезти несколько пар верблюдов, нагруженных сырой нефтью и другими горючими материалами, которые должны были зажечь во время сражения.[6]

Сражение началось в час дня. Саадат Хан со своим небольшим отрядом, расположенным на правом индийском фланге, вступил в тяжелый бой с персами у Кунджпура. Джазаириты под командованием Фатали Хана Каяни расположились позади стен и сооружений, находившихся там, и вели непрерывный огонь.[7] Чуть позже дивизия Хан Даурана, составлявшая тогда центральную индийскую часть, вступила в бой с персидским центром под командованием Насруллаха. Дивизии Хана Даурана находились на одинаковом расстоянии от отрядов Саа-

---

он решил, что его престиж пострадает, если Саадат Хану удастся добиться победы; поэтому он решил самому выступить, чтобы принять участие в сражении и добиться победы.

[1] Bayan, лист 18 (a).

[2] Ашуб, Том II, стр.181.

[3] T.N., стр.201. Смотри также *Asiatic Researches*, том X, стр.543.

[4] Фразер (ссылаясь на «*Journal*» Мирза Зеки), стр.157.

[5] Ibid.

[6] Ханвей, том IV, стр.166. Тимур, согласно Ибн Арабшаху, использовал такой план, чтобы напугать индийских слонов в 1398 (смотри перевод Дж. Х. Сандерса, Лондон, 1936, стр.98); поэтому Надир хорошо зная историю Тимура, мог подражать ему в этом. Не безинтересно будет сравнить рассказ Фирдоуси о том, как Александр Великий напугал армию Фура (то есть Паруса) (смотри Шахname, Фирдоуси в переводе Ф. Дж. и И. Варнеры, Лондон, 1912, том VI, стр.115 и 116).

[7] Отец J. Tieffenthaler's *Beschreibung des Feldzuges des Thamas Kulichan*, в J. Bernoulli's *Historisch-Geographische Beschreibung von Hindustan*, Берлин, 1785-1787, том II, часть II, стр.50.

дат Хана и левым индийским флангом. По этой причине никто из индийских военачальников не имел представления о том, что делает другой, в связи с этим полностью отсутствовали связь и согласованность действий с их стороны.[1] Кроме того, индийские командующие так поспешно выступили, что взяли с собой лишь незначительное количество артиллерийских орудий.

Первыми стали отступать люди Саадат Хана, понеся тяжелые потери. Он сам в окружении части своих сторонников продолжал храбро сражаться, пока его слон не был напуган слоном его племянника Шир Джанга, взбесившегося от полученного ранения.[2] Так, слон Саадат Хана вышел из-под контроля и перенес своего хозяина на персидскую сторону, где он был взят в плен.[3]

Индийский центр под командованием Хан Даурана сражался храбро, но они так же, как и воины Саадат Хана, понесли тяжелые потери метким огнем джазаиритов, а также зенбуреков. Искусство фехтования, которым так гордились индийцы, было бесполезно при таких методах борьбы; как Абдул Керим заметил: «Стрела не может ответить джазаиру».[4] Когда Император обнаружил, что Хан Дауран в большой опасности, он отправил срочное послание Низамул-Мульку, где интересовался, почему он не отправляется на помощь главнокомандующему и требовал от него безотлагательных действий. Однако Низам поставил личную неприязнь выше патриотизма и продолжал бездействовать, сидя на своем слоне и попивая кофе, вместо того чтобы выполнить приказ своего монарха.[5]

Конец наступил тогда, когда Хан Дауран будучи уже раненым, получил смертельное ранение от мушкетного выстрела и упал без сознания в свою *hawda*[6]; среди убитых были его брат, сын и многие дру-

---

[1] Bayan, лист 18 (b).

[2] Ашуб, стр.182-184, Bayan, лист 19 (b), Гулам Али Нагави *Imadu's Sa'adat*, лист 31(a), и 32 (b).

[3] Как был захвачен Саадат Хан, смотри *Siyar*, стр.473, и письмо Ираклия к сестре, H. De la G., том II, часть II, стр.359.

[4] Bayan, лист 18 (b). Яркое и подробное сообщение о сражении дает Ниджабат в своей балладе *Nadir Var* (смотри перевод Кауласа в Journal Пенджабского исторического общества, том VI, стихи 659-682); смотри также поэму Тилока Даса (в переводе В. Ирвина в J.R.A.S., том LXVI, часть I). Ни одно из этих поэтических стихотворений нельзя считать достоверным.

[5] Ашуб, том II, стр.186-188. Смотри также *Jauhar-i-Şamşam*, лист 34 (a).

[6] Ibid., том II, стр.189.

гие умара.[1] Лишившись своего командующего, остальные индийские части были быстро разбиты, и к пяти часам сражение закончилось. Слугам Хан Даурана с большим трудом удалось донести своего господина в индийский лагерь.[2]

Несмотря на столь успешные действия, Надир не решился напасть на позиции Императора[3]; как позже будет показано, у него были другие планы для подчинения Мухаммед Шаха и его армии.

Самым значительным моментом в этом сражении был, в первую очередь, заметный контраст между командованием Надира и индийских военачальников. Как в тактике, так и в стратегии, превосходство Надира было несомненным; более того, индийские военачальники как было отмечено, не могли забыть свои личные обиды и зависть и объединиться во имя зашиты своей страны. Во-вторых, число воинов, вступивших в этот бой с обеих сторон, составляли лишь малую часть от всех имеющихся. С индийской стороны многие дивизии Хан Даурана и Саадат Хана не вступили в бой, тогда как весь левый фланг бездействовал на протяжении всего сражения из-за отказа Низамул-Мулька вступить в бой (они всего лишь выступили на небольшое расстояние из своих позиций и заняли позиции рядом с Али Марданским каналом).

Индийские потери были сильно преувеличены некоторыми авторами, так Мирза Мехди определял их потери в 30.000 только убитыми.[4] По всей вероятности, индийцы могли потерять около 10.000 человек[5]; потери не могли составить больше, так как общее количество вступивших в бой с индийской стороны не превышало этого числа. Со-

[1] Список убитых и раненых, смотри Ашуб, том II, стр.190-1921, Bayan, лист 19 (a) и 19(b), *Siyar*, стр.473, Фразер, стр.158, и т. д.
[2] Ашуб, том II, стр.162.
[3] T.N., стр.203.
[4] Ibid., стр.202. Надир сам также преувеличивал индийские потери; в своем письме Рзе Гули он отмечает, что потери противника составляли более 20.000 убитыми, и большое их число было захвачено в плен (*Asiatic Researches*, том X, стр.544); так, Надир завершает свое письмо словами: «Сделай копии этого нашего письма и разошли вести о нем во все части нашей империи, чтобы доброжелатели нашего престола смогли порадоваться и быть довольными...» очевидно, он нарочно преувеличивал значение своей победы, чтобы ободрить своих сторонников. Письмо содержит также отдельные подробности сражения, которые не могут быть использованы (несомненно, из-за вышеперечисленных причин) при исследованиях другими авторами.
[5] De Voulton, цитируемое произведение, стр.230.

гласно письму современника, цитируемому Фразером[1], потери с персидской стороны составили 2.500 убитыми и 5.000 ранеными; но эти цифры кажутся сильно преувеличенными.

Как отмечают, после сражения Надир на коленях произнес благодарственную молитву Аллаху; затем он поздравил и наградил своих военачальников; если верить сведениям Мухаммед Казима, то именно по этому случаю Надир назвал своего сына Насруллахом («Победа Аллаха») вместо его прежнего имени Муртаза Гули.[2]

Вечером Низамул-Мульк, Итимадуд Даула и евнухи императорского гарема отправились навестить Хан Даурана. Раненый главнокомандующий, пришедший в себя в этот момент, сказал им едва слышным голосом:

«Мы сделали свое дело... Не позволяйте Императору встретиться с Надиром или Надиру захватить Дели, устраните это бедствие (бала) отсюда всеми возможными средствами».[3]

Этой же ночью Саадат Хан предстал перед Надиром. Тактично ответив на некоторые вопросы, заданные ему Надиром относительно возможностей Императора, Саадат Хан посоветовал Шаху вызвать Низамул-Мулька и обсудить с ним условия мира.[4] Надир последовал его совету, и в результате, Низамул-Мульк получив от Императора все полномочия вести мирные переговоры, отправился в персидский лагерь, куда он прибыл в полночь 25 февраля.[5]

[1] Фразер, стр.158. Ханвей дает эти же цифры. Шейх Хазин (стр.209) идет на другие крайности, утверждая, что персидские потери составляли только 3,000 убитыми и два десятка ранеными (сравни его утверждение о том, что их потери в сражении при Михмандосте составили только пару человек, которые были лишь слегка ранены!).
[2] K.N. стр.430. Эта история об имени Насруллаха, возможно, верна (так как Надир дал шиитские имена двум своим сыновьям, а именно, Рза Гули и Имам Гули), но если это так, то удивительно, что другие авторы не упоминают об этом эпизоде или даже не называют его Муртазой Гули.
[3] *Siyar*, стр.473. согласно Оттеру (том I, стр.381), Низамул Мульк оскорбил Хан Даурана, когда тот лежал умирающим и беспомощным, и таким образом отомстил ему, высказав ему несколько грубых выражений, за то, что Главнокомандующий делал по отношению к нему при дворе (Хан Дауран говорил, по утверждениям Тилока Даса и других, что Низамул-Мульк похож на обезьяну).
[4] *Imadu's Sa'adat*, лист 31 (b).
[5] Шакир Хан находился в это время с Низамул-Мульком, он дает описание встречи с Надиром (смотри перевод, относящийся к этому событию в *Tadhkira* у Элиота и Даусона, том VIII, стр.232-4).

Шах принял Низамул Мулька, и он обсудил с Абдул Баги Ханом условия выплат; было решено, что Надир не будет продолжать завоевание Индии и вернется в Персию, приняв в качестве компенсации 50.000 рупий[1], которые будут выплачиваться частями. Предложив Низамул-Мульку пригласить на обед Императора на следующий день, Надир позволил индийскому уполномоченному вернуться.

Несмотря на предсмертный совет Хан Даурана, Мухаммед Шах принял приглашение Надира. По утверждению Мирзы Мехди, 17 Дхул-Гада (26 февраля) Император официально сложил полномочия и после снятия короны со своей головы отправился в персидский лагерь.[2] Странно то, что несмотря на упоминание автора об отречении Императора, он не отмечает, передал ли он официально свою корону Надиру. По последующим событиям очевидно то, что Император и в самом деле отрекся и Надир на время принял индийскую корону, но ничего не свидетельствует о том, что имела место какая-то церемония инвеституры.

Прибыв в персидские позиции, Мухаммед Шах был принят Насруллахом Мирзой, которого Надир отправил встретить его и проводить в палатку для аудиенции. Когда Император подошел ближе, Надир сам вышел и встретил своего почетного гостя по всем правилам[3], особенно подчеркивая тот факт, что они оба туркменского происхождения. Затем Надир взял Мухаммед Шаха под руку, проводил его в палатку и усадил его на трон рядом с собой. После непродолжительной беседы друг с другом (которая велась на турецком языке)[4], Шаху и

[1] Ашуб отмечает сумму в 1 *crore*, а Гулам Али в (*Siyar*, стр.473) и Оттер 2 *crores*, том I, стр.384, но Сер Дж. Саркар (Nadir Shah in India, стр.50) определяет сумму только в 50.000. Согласно Bayan, (лист 20 (b)), сумма компенсации не была установлена, но это кажется неправдоподобным.

[2] T.N., стр.203. M. de Bussy в своем *Remarques sur l'Histoire de Nader Cha, Rov de Perse* (смотри Orme MSS. В Индийском Офисе, том XXIII, стр.32), замечает что Надир собирался сесть на индийский трон но Низамул-Мульк не посоветовал ему делать это по той причине, что он не сможет держать такую большую страну в зависимости (de Bussy утверждал, что получил вышеупомянутые и другие сведения относительно Надира от персов, которые оставались в Индии после его отъезда).

[3] Ананд Рам, лист (а) отмечал: «Когда они (то есть Мухаммед Шах и Насруллах) подошли близко, Шах сам вышел навстречу и, затем последовал обычный этикет между персидским и могольским дворами». Смотри также письмо Надира к Рзе Гули Мирзе, в *Asiatic Researches*, том X, стр.545.

[4] Низамул-Мульк заранее сообщил Императору, что он будет беседовать с Надиром на турецком языке (Харчаран Дас, лист 87 (а)).

Императору подали еду. Чтобы показать своему гостю, что еда не отравлена, Надир в начале обеда поменял тарелки.[1] Встреча двух монархов прошла без всяких неприятностей и недоразумений; «соблюдались всякие формы вежливости и дружелюбия в ходе беседы, продолжавшейся четверть дня».[2] Затем Императора проводили обратно в собственный лагерь; отмечают, что успешные результаты встречи между Надир Шахом, Низамул-Мульком и Императором возродили мысли о мире в индийских отрядах; теперь у них появилась надежда, что им позволят вернуться домой.

Однако Надир с вечера дня сражения держал индийский лагерь в тесном окружении; никому не позволялось уходить и привозить провизию.[3] Он знал, что такими мерами сможет добиться скорейшего принятия своих условий.

Хан Дауран умер на следующий день после сражения[4], и посты Главнокомандующего и Главного Казначея, которые он занимал, теперь были свободны. В этих условиях излишне говорить[5], что Низамул-Мульк получил пост Мир Бакши (Главного Казначея), должность, которую, как замечают, Саадат Хан сам надеялся получить. Саадат Хан пришел в ярость обнаружив, что Низамул-Мульк опередил его.[6] В этом состоянии он пришел к Надир Шаху и попытался подчеркнуть незначительность дел своего удачливого соперника и убедить Шаха не соглашаться со столь мизерным вознаграждением, которое было установлено по договору, заключенному с Низамул-Мульком. Он заявил, что если Шах направится в Дели, он сможет приобрести бесчисленное количество золота, драгоценностей и другие ценные вещи из импера-

[1] Харчаран Дас, лист 87(b).

[2] Ананд Рам, лист171 (b).

[3] T.N., стр.203; De Voulton, т. 230.

[4] Существует очень много расхождений в источниках в вопросе о дате смерти Хан Даурана. Я предпочел 25 февраля, так как эта дата предложена Мирзой Мехди (T.N., стр.202), Ашуб, том II, стр.193, Ананд Рам, лист170 (b), и сам Надир (смотри *Asiatic Researches*, том X, стр.543), а также Мирза Заман (Фразер, стр.161) и *Siyar* упоминают 27 и 28 февраля.

[5] Подробный отчет об этом смотри Харчаран Дас, лист 88 (а), также *Siyar*, стр.473-474 и Ашуб, том II, стр.275-276. Низамул Мульк также получил пост Амирул-Умара, и известно, что Саадат Хан тоже хотел занять его (смотри *Siyar*, стр.474, Доктор Шривастава, цитируемое произведение, стр.69).

[6] *Siyar*, стр.474; Рустам Али, лист 286 (а).

торской казны и домов знатных людей и купцов.[1] Саадат Хан добавил: «Сейчас в Императорском дворе нет никого значительнее Асаф Джаха, который является хитрецом и философом. Если поймать в ловушку этого хитреца, все будет так, как Ваше Величество пожелает».[2] Надир остался доволен словами Саадат Хана и решил последовать его совету.

Нарочно подождав несколько дней, Надир 24 Дхул-Гады (5 марта) снова вызвал Низамул-Мулька и приказал ему предложить Императору снова посетить лагерь. Низамул-Мульк возразил, утверждая, что это не соответствует договору, но Шах, ответил, что он вовсе не желает ни отменять договор, ни поступать во вред Императору и настоял на необходимости еще одной встречи.[3]

Блокада индийского лагеря не была ослаблена, проблема нехватки еды стала такой острой[4], что Низамул-Мульк был вынужден уступить. Поэтому он написал Императору относительно требования Надира. Получив это письмо, Мухаммед Шах вопреки советам некоторых знатных лиц, пытавшихся убедить его взяться за оружие[5], 26 Дхул-Гады (7 марта) отправился в персидский лагерь в сопровождении свиты из 2.000 человек.[6]

Хотя внешне Надир обращался с Императором с уважением и приказал Абдул Баги Хану выполнять все его желания[7], в действительности же Мухаммед Шах, также как и знатные лица в его свите были пленниками.[8] После прибытия Императора, отряды гызылбашей были направлены в его лагерь, захватили все артиллерийские орудия и задержали тех лидеров и знатных лиц, которые еще находились там.[9] Затем индийскому рядовому составу армии сообщили, что они могут выбрать: остаться ли в Карнале, отправиться ли в Дели или в свои дома.[1] Оставшись без лидеров, обессилившие от голода, индийские воины предпочли бежать в свои дома, но большая их часть была убита в пути, совершей обход гызылбашской кавалерией, грабительскими бандами, а также крестьянами.[2]

1 Дхул-Хаджа (12 марта) Шах и Император отправились из Карнала в Дели; Мухаммед Шах держался (приблизительно в двух милях) за Надиром.[3]

Перед своим отъездом Надир отправил вперед Саадат Хана, которого он назначил Вакилул-Мутлаг («Постоянный представитель») Индии, и Тахмасп Хана Джалаира со свитой из 4.000 кавалерии. Они должны были передать шахский приказ (шига) от Императора правителю Дели, Лутфуллах Хану, а также указ (рагам) от Надира об утверждении Лутфуллах Хана в его положении.[4]

---

[1] *Siyar*, ст. 474; Ашуб, том II, стр.278.
[2] Харчаран Дас, лист 88(b).
[3] *Siyar*, стр.474.
[4] Мирза Заман (Фразер, стр.167); De Voulton (стр.231) отмечает, что индийский отряд из 4.000 человек был уничтожен, когда пытался получить провизию и корм для скота за пределами своего лагеря. Он добавляет, что нехватка еды была столь острой, что то количество пшеницы и риса, которое стоило десятую часть рупии, теперь продавалось за 10 рупий или 100 *sous*». Смотри также Ашуб, том II, стр.266-270.
[5] Ананд Рам, лист, 173 (а).
[6] Bayan, лист 22 (b).
[7] T.N., стр.203.
[8] Ананд Рам, лист 173 (а).
[9] De Voulton, стр.236. Ашуб (том II, стр.288) отмечает, что Надир приказал отправить индийские артиллерийские орудия в Гандахар. Смотри также *Asiatic Researches*, том X, стр.546.

---

[1] *Siyar*, стр.474.
[2] Хазин, стр.296, и De Voulton, стр.231, Ашуб, том II, стр.280-281.
[3] T.N., стр.203 Фразер, стр.177.
[4] Bayan, лист 22 (а). Ашуб, том II, стр.289. Шакир Хан, лист 43 (а). Фразер стр.175.

ГЛАВА XIV. ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ: ДЕЛИ

Когда сведения о Карнальском сражении дошли до Дели, предприимчивый кутвал города Гаджи Фулад Хан предпринял эффективные меры для предотвращения паники и волнений; он также попытался организовать оборону города.[1]

Добравшись до Дели, Тахмасп Хан Джалаир и Саадат Хан обнаружили, что ворота города закрыты перед ними. Тогда они отправили правителю Лутфуллах Хану шигу или приказ от Императора и рагам Надира; в результате, Лутфуллах Хан открыл ворота и передал Тахмасп Хану ключи от крепости, а также от всех сокровищниц и складов.[2]

Затем начались приготовления для торжественного приема Императора и Надир Шаха.

В это время два монарха находились в пути к столице; переправившись через Панипат, Сонепат и Нарелу, 7 Дхул-Гада (18 марта) они прибыли в Шалимарские сады близ Дели. На следующий день Шах «позволил» Императору войти в город, чтобы тот смог подготовиться к его приему.[3] Надир оставался в Шалимарских садах до 9 Дхул-Гада (20 марта), в этот день он торжественно вступил в город. На улицах были выстроены войска[4], а шахская процессия возглавлялась сотней слонов, на каждом из которых было несколько джазаиритов. Сам Надир въехал верхом на лошади, в честь его прибытия был дан залп из пушек.[5]

Император принял Надира с большой помпезностью и пышностью, он преподнес ему ценные подарки. Мирза Мехди дает преувеличенные и искаженные сведения об этих событиях. Согласно его утверждениям, Император «накрыл стол смирения для пира гостеприимства».[1] В ответ Надир поблагодарил Императора за его внимание и сообщил ему, что на основании договора, заключенного в Карнале, он снова будет правителем своей страны.[2] Признав великодушие Надира, Мухаммед Шах предложил своему гостю все императорские сокровища и драгоценности. «Несмотря на то, что все сокровища (других) правителей на земле не могли сравняться с десятой частью этих даров», он долго отказывался принимать их и уступил только после настойчивых просьб Императора.[3] Нет необходимости говорить, что этот отказ был всего лишь притворством со стороны Надира.

После приема и развлечений у Императора, Надир поселился во дворце, построенном Шахом Джаханом близ Дивани-Хаша[4], тогда как Мухаммед Шах занял строения близ Асад Бурджа, или Крепости Льва.[5] Что касается гызылбашских отрядов, часть из них расселилась вокруг крепости, а другая - внутри города.[6]

В субботу 10 Дхул-Хиджа (21 марта), в день, когда отмечались персидский Новруз, а также магометанский праздник Идуз-Зуха (праздник жертвоприношения) в соответствии с уже данными указаниями во всех мечетях города на имя Надира была прочитана хутба на суннитский лад; кроме этого, на отчеканенных в Дели монетах была следующая надпись: «Надир является на Земле Султаном Султанов, Царем Царей, Повелителем удачи».[7] В этот день Надир отпраздновал Новруз и наградил своих военачальников.

---

[1] Ананд Рам, лист 172 (b), в письме из Сурата, которое было опубликовано в Лондонском *Daily Post* за 23 ноября 1739 г. замечено: «Изменник Саадал-Хан (*sic*) был направлен вместе с 24,000 войском в Дели... где закрыли перед ним ворота, но он как всегда схитрил, сказав им, что Могол... разбит Надир Шахом, а за ним погоня, и получил разрешение на вход». В *Jauhar-Samsam* лист 53(b) говорится, что Насруллах был отправлен в Дели с 5,000 всадниками под командованием Саадат Хана, который «являясь их соотечественником, теперь стал сторонником врага и упрочил свое положение».

[2] *Siyar*, стр.474.

[3] T.N., стр.203, Фразер, стр.178.

[4] Ашуб, том II, стр. 295.

[5] Ираклий (H. de la G., том II, часть II, стр.360).

---

[1] T.N., стр.204.

[2] T.N., стр.204. Это были (если честно) пустыми словами, о чем ниже будет идти речь, Надир не восстановил в прежнем положении Мухаммед Шаха вплоть до его отъезда из Дели.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] Tieffenthaler (в книге Диего Мендеса), стр.56.

[6] Ibid.

[7] Ашуб, том II, стр.296. Персидская редакция такая:
"*Hast Sultan bar salatin-i-Jahan*
Shah-i-Shahan Nadir Sahib-qiran."
Употребление одного из тимуровских эпитетов, термина *Sahib-qiran*, не случайно. Смотри также Фрайзер (стр.120), он упоминает о монете с такой надписью на лицевой стороне; на противоположной стороне было высечено на арабском:
"*Khalada Allahu mulkahu duriba fi Ahmadabad* 1152"
(«Аллах наделил его государством; напав на Ахмедабад 1152»).

В тот же самый день умер Саадат Хан; существуют различные мнения о том, умер ли он от ранений, или совершил самоубийство. Кажется весьма вероятным, что он умер от яда, который, как отмечают, принял в приступе депрессии или разочарования после грубого разговора с ним Надира.[1]

Днем 10 Дхул-Хиджа Надир направился в императорскую резиденцию в ответ на вчерашний визит Императора. К концу дня, после возвращения Шаха в свой дворец, в городе стали распространяться слухи о его смерти; по другим сведениям, он был схвачен и заключен в темницу по приказу Императора.[2] Никто не попытался выяснить, были ли какие-то основания для этих слухов[3], которые молниеносно распространялись по улицам и базарам. Стремительно собравшиеся толпы людей, яростно атаковали находящиеся в городе гызылбашские отряды. Эти слухи и беспорядки, которые имели столь ужасные последствия, как отмечают, появились следующим образом[4]; в этот день в середине дня Тахмасп Хан Джалаир отправил несколько всадников насагчи в пахарганджские амбары, расположенные на юго-западе города, чтобы открыть их и установить цены, по которым зерно должно было продаваться. Насагчи выполнили приказ, но цена, установленная ими, а именно 10 сиров зерна за одну рупию, вызвало такое возмущение торговцев, что последние стали собирать толпу. Эта толпа напала на

[1] Док. Сривастава (цитируемое произведение, стр.75) придерживался версии самоубийства и в поддержку этой точки зрения ссылался на статью в *Delhi Chronicle* за 10 Дхул-Хиджа, что Саадат Хан отравился и умер. Рустам Али (лист 289(а)) отмечает, что Низамуль-Мульк предложил Саадат Хану отравиться вместе, после того как Надир в дарбаре или дворе публично говорил с ним грубо. Саадат Хан «так как он был воином и не был знаком с коварством этого пожилого человека, выпил чашку яда и умер, тогда как Низамуль-Мульк залпом осушил стакан шербета и спокойно заснул до следующего утра». С другой стороны, Абдул Керим (Bayan, лист 22 (b)) отмечает, что у хана были сильные боли за день до этого, в то время как *Siyar*, (стр.475) отмечает, что он умер от гангрены (буквально saratan=рак) ноги.

[2] *Siyar*, отмечает (стр.474 и 475), что часть индийцев утверждала, что Надир умер, а остальные говорили, что он был убит двумя галмагскими женщинами из императорской охраны. Согласно de Voulton (цитируемое произведение, стр.237) «четыре молодых *Omhras* (то есть *Umara*) низшего чина (*de nobreza ordinaria*) опьянев к 8 часам вечера, стали распространять слухи, что Император убил Надир Шаха». Смотри также Ананд Рам, лист,174 (а).

[3] Шейх Хазин, стр.298.

[4] Мирза Заман у Фразера стр.180-181. Об этом Bayan также упоминает, что (лист 24 (b)) беспорядки начались в пахарганджском квартале.

насагчи и убила их, а также нескольких персидских воинов, которые пришли купить зерно. Затем одни подстрекатели нападения распространяли слухи о том, что Надир заключен в темницу, а другие – что он был отравлен. Распространяясь по городу, эти слухи становились все более и более искаженными и фантастическими, и «безрассудные люди с оружием и военным снаряжением собираясь создавали беспорядки».[1] Многие гызылбашские воины, прогуливавшиеся по узким улицам поодиночке или парами, были застигнуты врасплох и стали легкой добычей для своих противников. Индийский автор Мухаммед Бахыш («Ашуб») ужинал у себя дома близ Кабульских ворот, когда услышал «шум, напоминающий грохот Последнего Дня»; поднявшись на крышу, для того чтобы посмотреть что там происходит, он стал свидетелем того, как люди из армии Саадат Хана нападали и убивали гызылбашских воинов; основная часть их пришла из Кабула и Пешевара, они жаждали отомстить за массовую резню своих соотечественников в Карнале.[2] Когда персидские солдаты услышали слухи о смерти Надира, они так оцепенели, что почти потеряли способность сопротивляться.[3]

Хотя нет сведений о причастности Императора[4] или кого-либо из его командующих к подстрекательству или разжиганию этих беспорядков, в то же время никто из них не предпринял никаких шагов, чтобы обуздать толпу сразу же после начала беспорядков; кроме того, некоторые из индийской знати услышав слухи об убийстве Надира, устроили резню персидской гвардии, которую он по их же просьбе выделил для охраны их домов.[5]

[1] *Siyar*, стр.474. Согласно Ашубу, беспорядки начались когда «до конца дня оставалось три или четыре чхари», то есть между часом и 12 минутами и часом и 36 минутами до захода солнца. (чхари равносильно 24 минутам).

[2] Ашуб, том II, стр.299-303.

[3] Bayan, лист 22 (b).

[4] Мирза Мехди ясно доказывает невиновность Мухаммед Шаха (Т.N., стр.205). Он также отмечает, что никто не может утверждать, что Надир или его люди нарочно спровоцировали беспорядки, для того чтобы это послужило ему предлогом для разграбления города (в этой связи смотри Bayan, лист 22 (b)).

[5] Шейх Хазин, стр.299; Фразер (ссылаясь на «Journal» Мирзы Замана), стр.182; Ашуб, том II, стр.333.

Число персов, погибших в этих событиях, колеблется от всего нескольких сотен до 7.000[1]; но наиболее допустимой цифрой можно считать 3.000.[2]

Во время беспорядков часть индийских знатных лиц, наиболее известными среди которых были Сеид Нияз Хан, зять Гамаруддин Хана, и Шах Наваз Хан, собрав отряд из 500 человек, напали на шахскую конюшню для слонов, убили надзирателя и увели слонов. Затем они покинули город и захватили форт, расположенный за пределами города.[3]

Когда первые сведения об этих беспорядках дошли до Надира, он отказался поверить в это и гневно воскликнул, что часть его воинов ложно обвиняют жителей в раздувании беспорядков, чтобы иметь оправдания для разграбления города.[4] Затем он приказал одному из своих есаулов выяснить истинное положение дел и сообщить ему. Сразу после выхода из форта, этого человека убила толпа; через некоторое время другого человека, отправленного Надиром, постигла та же участь. Осознав серьезность угрозы, Надир направил отряд из 1.000 джазаиритов подавить мятежников, но из-за темноты и немногочисленности отряда им не удалось восстановить порядок.[5] Тогда Шах приказал своим воинам быть всю ночь начеку, чтобы защититься в случае нападения, но не предпринимать никаких действий без его согласия.[6]

---

[1] Оценки основных авторов следующие:

Мирзы Замана (Фразер, стр.185)	400
Суратские представители ост-инд. компании	500
Siyar,стр.475	700
Bayan, лист 22 (b)	3.000
Рустам Али, лист 287 (b)	5.000
De Voulton, цитируемое произведение, стр.238	5.000
Pére Saignes (Lettres Edifiantes, том IV, стр.253) от	5.000 до 6.000
Шейх Хазин, стр.299	7.000

Оценка сураткých представителей ост-индской компании дается в *Bombay Government Consultations* за 3 апреля 1739. В документе за это же число отмечается, что волнения произошли из-за «бывших частей могольских войск, провоцирующих в Дели вражду из-за счет религиозных дебатов».

[2] Я разделяю взгляды Сэра Дж. Саркара, считавшего наиболее допустимой цифру в 3,000 человек, которую дает Абдул Керим.

[3] T.N., стр.206.

[4] Bayan, лист 22 (b)

[5] Bayan, лист 23 (a), Харчаран Дас, лист 90 (b).

[6] T.N., стр.205.

На рассвете следующего утра Надир взобрался на свою лошадь и с многочисленным сопровождением проехал по улицам города к золото-купольной мечети Раушануд-Даула, расположенной в середине Чандни-Чокского квартала.[1] По некоторым сведениям, когда он приблизился к этой мечети, кто-то выстрелил в него с балкона или окна. Пуля не попала в Надира, но убила офицера, стоящего сзади.[2] Добравшись до мечети, Надир взобрался на ее крышу; выяснив в каких кварталах города совершались нападения на его людей, он приказал своим воинам не оставлять в живых никого там, где был убит хоть один гызылбашский воин.[3] В 9 часов утра персидские отряды начали исполнение этого жестокого приказа. После освобождения улиц от повстанцев, воины ворвались в магазины и дома в отмеченных частях города, убивая хозяев и присваивая все ценное.[4] Базары, где обменивались деньги, ювелирные магазины и торговцы были ограблены, многие здания были сожжены и разрушены, а все жители сгорели в огне; не было сделано никаких различий между виновными и невинными, мужчинами и женщинами, стариками и детьми.[5]

Во время совершения убийств и разрушений Надир находился в мечети с обнаженным мечом на своем боку.[6] Через несколько часов после начала кровопролития, Император направил Низамул-Мюлька и Гамаруддин Хана к Шаху молить его о пощаде.[7] Выслушав эти мольбы, Надир приказал кутвалу Гаджи Фулад Хану пройтись по улицам с отрядом персидских насагчи и передать своим воинам приказ о прекращении дальнейших действий.[8] Факт немедленного исполнения этого приказа свидетельствует о полном контроле Надира над своими людьми. Абдул Керим оценивает их немедленное повиновение как «одну из самых чудесных вещей в мире».[9] Резня, продолжавшаяся

---

[1] Ibid.

[2] Мирза Замана (Фразер, стр.183).

[3] T.N., стр.205. Смотри также Ашуб, том II, стр.307-313, Хазин, стр.300, *Siyar*,стр.475.

[4] Ананд Рам, лист 23 (a).

[5] Ашуб, том II, стр.313-315.

[6] Tieffenthaler, стр.56.

[7] T.N., стр.206. Смотри также de Voulton (стр.238), который отмечает, что Низамуль-Мюлк один отправился к Надиру, которого он нашел кушающим сладости. Однако согласно Ашубу, Гамаруд Дин один отправился просить Надира.

[8] Ананд Рам, лист 174 (b).

[9] Bayan, лист 24 (b).

шесть часов, прекратилась в 3 часа дня. Затем Надир приказал своим войскам вернуть пленных, которых они захватили, в свои семьи.[1]

Точных сведений о том, сколько людей, большинство из которых не было виновно ни в каких преступлениях против персов, погибло в этих событиях, нет; общее число колеблется от 8.000 до фантастической цифры 400.000.[2] Сэр Дж. Саркар полагает, что, учитывая сравнительно небольшой район действий, и сравнительную краткосрочность резни, число убитых не превышало 20.000.[3] К этой цифре следует прибавить еще несколько сотен людей (преимущественно женщин), совершивших самоубийство.

Следующим действием Надира стало направление отрядов под командованием Азимуллах Хана и Фулад Хана задержать двух знатных индийских лиц по имени Сеид Нияз Хан и Шах Наваз Хан и их сторонников, которые, как было отмечено выше, напали прошлой ночью на конюшню для слонов, а затем заняли их форт за пределами го-

[1] T.N., стр.206. Мирза Заман (Фразер, стр.187), замечает, что эти пленные были освобождены лишь на следующий день (12 Дхул-Хиджа = 23 Марта).

[2] Также, как и в случае истребления персидских отрядов, существуют расхождения между авторами относительно общего числа жертв:

Абдул Керим (согласно рукописи, принадлежащей Серу Дж. Саркару)	8.000
Ашуб, том II, стр.299	около 16.000
Абдул Керим (согласно рукописи, Британского Музея, лист 23 (b))	20.000
Мирза Мехди, T.N., стр.206	30.000
Рутам Али, лист 288 (а)	около одного лаха
Харчаран Дас, лист 90 (b)	100.000
Tieffenthaler, стр.56	100.000
Ханвей, том IV, стр.177. (Ханвей отмечает, что еще 10.000 покончило собой)	110.000
Мирза Замана (Фразер, стр.185)	от 120.000 до 150.00
Письмо из Сурата (в *Daily Post* от 23 ноября, 1739)	200.000
Оттер, том I, стр.393	225.000
Письма Maratha	от 50.000 до 400.000

[3] *Nadir Shah in India*, стр.66. Абдул Керим дает сведения о размерах разрушений при этих событиях (Bayan, лист 24 (b)) и Ананд Рам, лист 174 (а). Две христианские церкви и набожный дом христианки-леди были разрушены (Pére Saignes Lettres Edifiantes, том IV, стр.260); двум португальским иезуитам по имени Матиасу Родригеоз и Франциско де Крузу удалось укрыться в отдаленных частях города в ходе резни (Tieffenthaler, стр.57, Saignes, стр.260).

рода. Так этот форт был атакован; двое индийских командующих и их сторонники были захвачены, а на следующий день казнены.[1]

Согласно Мирзе Заману[2], Надир также предпринял серьезные карательные меры против жителей Сараи из Рухуллах Хана и татар-моголов из Могольской Пуры, за то что они убили несколько персидских отрядов, которые он до этого отправил в Сараи, чтобы захватить имеющиеся там артиллерийские орудия.

Восстановив порядок в городе Надир утвердил Гаджи Фулад Хана на посту кутвала.[3]

Даже через несколько дней после резни на улицах оставались трупы; наконец, во благо общественного здоровья, Надир приказал кутвалу собрать и сжечь все тела. Бревна разрушенных домов были использованы в качестве материала для погребальных костров, на которых тела магометан и индусов были сложены в кучу и сожжены вне зависимости от вероисповедания и касты.[4] Несколько тысяч трупов было собрано и брошено в Джумну.

Истребив часть населения, Надир теперь стал требовать выплаты дани деньгами и драгоценностями. Было захвачено имущество Хана Даурана и Музаффар Хана, также был направлен многочисленный отряд гызылбашев в Одх, чтобы забрать и доставить в Дели имущество Саадат Хана.[5] Затем Надир создал комиссию для определения суммы контрибуции, налагаемой на знать, торговцев и горожан.

Все это время город окружал кордон персидских отрядов, никому не позволялось покидать город, хотя людям разрешалось входить.[6] Кроме того, зернохранилища были запечатаны и охранялись персидскими отрядами; очевидно, эти меры были предназначены для облегчения сбора дани.

Кровавые события, произошедшие в Дели, потрясли всю Индию. Как отмечает Ананд Рам[7], Дели не потрясало такое бедствие со времен его опустошения войсками Тимура (в декабре 1398; после восстания

[1] T.N., стр.206. Согласно Ашубу (том II, стр.333), Нияз Хан был также виновным в убийстве гызылбашской гвардии, которая находилась в его доме для его же охраны.

[2] Фразер, стр.187.

[3] Ibid.

[4] *Siyar*, стр.475, Хазин, стр.300.

[5] Мирза Замана (Фразер, стр.188) и T.N., стр.207.

[6] Мирза Замана (Фразер, стр.188).

[7] *Tadhkira*, лист 174 (b).

жителей армия опустошила город и уничтожила несколько тысяч его жителей). В 1739 г. история жестоко повторилась. Ашуб отмечает, что для туранцев, естественно проливать кровь, и что во всех устраиваемых Надиром массовых кровопролитиях он был лишь учеником (шагирд) Чингиз Хана и Тимура.[1] Как отмечает Сэр Перси Сайкс, устроенная Надиром резня все еще не забыта; в Делийском базаре *Надир Шахи* символизирует кровопролитие.[2] Как сообщали в Бомбей суратские агенты, торговля в городе находилась в состоянии застоя.[3]

Пешва Баджи Рао, который не отозвался на призыв Императора о помощи, когда персы были еще далеко, сильно перепугался, узнав о результатах Карнальского сражения, о захвате и разграблении Дели. Заключив перемирие со своим противником в центральной Индии, Пешва заметил: «Теперь в Индостане только один враг». Вероятно, именно присутствие Надира в Индии стало результатом того, что португальцы получили столь необходимую им отсрочку от нападения в Конкан, куда их вытеснили войска Маратхов под командованием Чимнаджи Аппа. Пешва приказал Чимнаджи Аппе отказаться от своей кампании против португальцев и как можно быстрее объединиться с ним, чтобы противостоять персам (которые по слухам, в это время наступали южнее Дели). Однако Чимнаджи Аппа отказался подчиняться приказаниям Баджи Рао до тех пор, пока он не захватит все португальские крепости; к этому времени Надир покинул Дели и отправился в обратный путь.[4]

16 Дхул-Хиджа (27 марта) Надир с чапаром послал в Персию фирман, освобождающий все провинции этой страны от налогов на три года. В то же время он щедро наградил своих офицеров и выплатил своим солдатам жалование, а также наградные; он также наградил гражданских лиц, сопровождавших армию, и слуг, раздав от 60 до 100 рупий в зависимости от занимаемых ими должностей.[5]

[1] Том II, стр.356 и 357.
[2] *History of Persia*, том II, стр.262.
[3] *Bombay Government Consultations*, 3 апреля 1739 г.
[4] J.C. Grant Duff *A History of the Marathas* (пересмотренное и исправленное издание, Лондон 1921), том I, стр.403-405.
[5] T.N., стр.207. Дату, пропущенную Мирзой Мехди, дает Мирза Заман; последний утверждает, что Надир выплатил своим отрядам все их задолженности по зарплате, а денежные награждения были равны шестимесячному жалованию.

В то время как население Дели все еще оплакивало своих погибших, Надир потребовал руки индийской принцессы, дочери Яздана Бакши и правнучки Императора Аурангзиба для своего сына Насруллаха. Сэр Джон Малькольм ссылаясь на персидские рукописи отмечает, что по могольскому этикету, Насруллах должен был представить сведения о своих предках по мужской линии в семи поколениях. Надир ответил на это так: «Скажи им, что он сын Надир Шаха, сын меча, внук меча, и так до тех пор, пока они не дойдут до семидесятого поколения, вместо седьмого».[1] Свадьба состоялась 27 Дхул-Хиджа (6 апреля). В честь этого события Надир приказал устроить иллюминации, фейерверки и другие разнообразные развлечения.[2] В свадебную ночь пятнадцать или двадцать гызылбашских отрядов танцевали и пели на турецком языке и декламировали части из марсии (погребальной песни) Хусейна. Новости об этом сильно рассердили Надира, и он сказал: «Несколько лет я издаю приказы, запрещающие предаваться страстям (*ta'zias*) и погребальным пениям... эти воины пренебрегают Кораном и традициями, они игнорируют свадьбу моего сына. От этого нет другого лекарства кроме как смерть». На следующий день этих несчастных людей схватили и казнили на внешних воротах города[3] (так как должен был начинаться месяц Мухаррам, Надир пытался предотвратить любые шиитские выступления своих людей).

Определение суммы налога, а затем взимание налогов с граждан заняли определенное время. Эмиссары кутвала вместе с персидскими насагчи обходили каждый дом, заставляя хозяев показывать и составлять опись всего своего имуществ, чтобы вычислить налог с них в соответствии с их состоянием[4]; у богатых людей сумма налога составляла 50 процентов.[5] Отмечают, что Надир велел обращаться с горожанами мягко и воздержаться от жестокостей при выполнении этой работы.

[1] *History of Persia*, том II, стр.46 и 47 (Сэр Джон Малкольм не отмечает имени автора или названия этой рукописи).
[2] T.N., стр.206. Ашуб четыре дня работал над организацией иллюминаций и фейерверка и сам зажигал снаряды. Надир остался доволен его работой и в награду дал ему 20 рупий.
[3] Ашуб, том II, стр.382-386; смотри также труд Мирзы Заман *Journal* (Фразейр, стр.199).
[4] Ананд Рам, лист 175 (b).
[5] Bayan, лист 25 (b).

Когда все отчеты были собраны, Дели был обложен данью в два крара; сбор денег Надир поручил Низамул-Мульку, Сарбуланд Хану и другим троим знатным лицам. Для этого Дели был разделен на пять участков, и каждый из этих людей был ответственным за сбор денег на одном из этих участков.[1] В то время как Сарбуланд Хан осуществлял свою задачу по возможности гуманно[2], другие знатные лица действовали крайне жестоко, и в результате этого множество семей было полностью разорено, а большое число людей было доведено до такого отчаяния, что совершило самоубийство. В некоторых случаях применяли пытки, заставляя заплатить налоги.[3]

Общая сумма всех денег, драгоценностей и других ценных вещей, полученных Надиром от Императора, его знатных лиц и населения, по-видимому, составляла по меньшей мере 70 кроров (700.000.000) рупий[4]; как отмечает Ананд Рам[5], «копившиеся в течение 348 лет богатства сменили хозяина в один момент». На павлиньем троне, самом известном и дорогом из трофеев Надира, был огромный Кахи-Нурский бриллиант.[6]

[1] Мирза Замана (Фразер, стр.199). Ашуб, (том II, стр.368) отмечает, что Дели был обложен данью в 2 крора и 12 лахов.
[2] Фразер, стр.217.
[3] Ананд Рам, лист 176 (b) и 177(b); Сам Ананд Рам заплатил 5 лахов. Ашуб (том II, стр.369 и все последующие) подробно описывает пытки.
[4] Мирза Мехди (T.N., стр.207) оценивает стоимость даров, включая павлиний трон, который Надир получил от Императора и знатных лиц, в 15 кроров, вместе с драгоценностями «сверх перечисленного». Ананд Рам, (лист 174 (а)) замечает, что стоимость этих драгоценностей составляла 50 крора. Мухаммед Казим (K.N. стр.445) оценивает общую стоимость в 26 кроров; описывая драгоценности и т. д. Он замечает, что «даже воображение не способно их представить». Мирза Заман (Фрайер, стр.220-221) и Оттер (том II, ст.90) оба оценивают общую стоимость добычи в 70 кроров; Оттер добавляет, что награбленное добро, захваченное офицерами и воинами составляло 10 кроров. Абдул Керим (Bayan, лист 26 (а)) дает цифру 80 кроров, в то время как де Волтон по списку предметов оценивает их стоимость в общем в 111 кроров.
[5] Tadhkira, лист 175 (а). С того времени как Тимур разрушил Дели в декабре 1398 г., прошло 351 лунный год.
[6] Семья Рана Викрамадита подарила этот бриллиант старшему сыну Бабура Хумаяну в 1526 г. в благодарность за его покровительство. После смерти Надира в 1747 г., камень перешел в руки Ахмед Шаха Дурани и принадлежал его семье, пока его внук Шах Шуджа не был вынужден передать его Ранджит Сингху, Сингскому правителю Лахора. Когда Британия аннексировала Пенджаб в 1849 г., ост-индская компания

3 Сафара 1152 (12 мая) Надир устроил большой прием или дарбар, на который пригласил Императора и его самых известных знатных лиц; он собственными руками возложил корону Индостана на голову Мухаммед Шаха и вручил ему пояс и меч, украшенный драгоценными камнями; затем он раздал знатным лицам роскошные халаты из золотой парчи.[1]

Согласно Мирзе Мехди[2], Мухаммед Шах в благодарность за свое восстановление как Императора, стал настаивать, чтобы он принял все территории Империи, расположенные на западе Инда «от границ Тибета и Кашмира до места, где река впадает в океан, а также провинции Тхатта, порты и крепости, относящиеся к ним». Далее Мирза Мехди отмечает:

«так как большая часть страны к северу и западу реки Инда... всегда считалась территорией Хорасана, его Величество согласилось их присоединить..., и был составлен документ[3] Мухаммед Шахом и передан этому благородному Правителю (то есть Надиру), затем этот документ был отправлен на хранение в императорскую сокровищницу».

Затем, как отмечают, Надир дал несколько советов Мухаммед Шаху о том, как управлять государством и призвал индийскую знать подчиниться своему господину[4]; в заключении он сказал, что если Им-

приобрела этот бриллиант, который был подарен Королеве Виктории на следующий год.
[1] T.N., стр.208.
[2] T.N., стр.208. Это было эвфемистическим соглашением, так Мирза Мехди замечает, что, очевидно, это была вынужденная передача территории.
[3] Несомненно, документ или договор о передаче, на который ссылается Ашуб и который, как он отмечает, Надир заставил Императора написать (сравни Дж. Малкольм, упоминает в *History of Persia*, том II, стр.79), «несомненно, был продиктован завоевателем». Вызывает некоторые сомнения дата подписания этого договора; Ашуб том II, стр.405-412, отмечает 29 Сафара, что, несомненно, слишком поздно; в переводе, предлагаемом Фрайером (стр.223-226) и другими, дается число 4 Мухарамма, а это очень рано, конечно, если не учитывать что этот документ был составлен и подписан задолго до начала церемонии передачи власти (Надир мог также отложить церемонию до завершения сбора контрибуции).
[4] T.N., стр.208. Мирза Замана (Фрайер, стр.208), Оттер, том II, стр.90. J.C. Grant Duff, цитируемое произведение, том I, стр.405, замечает, что Надир написал Баджи Бао, что он восстановил в прежнем положении Мухаммед Шаха, и что хотя он (Баджи Бао) был слугой, владеющим большой армией, он не сделал ничего, чтобы помочь

ператору когда-нибудь понадобится его помощь, он отправит войско и сам сможет добраться до него из Гандахара в течение 40 дней. Согласно Мирзе Заману[1], Надир посоветовал Мухаммед Шаху содержать постоянную армию из 6.000 кавалерии, реквизировать джагиры (феодальные поместья или владения) знатных лиц и не позволять им содержать свое собственное войско.

Имя Императора в хутбе и на монетах было заменено именем Надира. Мухаммед Шах еще раз стал монархом, но его государство уменьшилось в размерах, его главнокомандующий и несколько тысяч воинов были убиты. Кроме того, его сокровища перешли в другие руки, его казна опустела, а его престиж был окончательно подорван из-за собственной праздности и трусости.

Осуществив все, что он намеревался сделать, Надир решил покинуть Дели; фактически наступление лета стало причиной начала возвращения назад, но кроме этого, у него были и другие планы.

Перед отъездом из Дели Надир отправил через Кабул и Балх несколько индийских кораблей и плотников к реке Оксас, чтобы построить корабли для перевозки его войск в ходе Туркестанской кампании. Кроме того, он нанял еще некоторое число плотников, каменотесов, каменщиков, ювелиров и других мастеров[2] с целью построить в Персии город наподобие Дели.[3] Некоторые из индийских высших чинов и образованных лиц были также зачислены в шахскую службу; самым известным среди них был Алави Хан, Хаким Баши или Главный врач, которого Надир нанял, чтобы тот вылечил его от водянки, которую он подхватил перед своим походом в Индию.[4] Ходжа Абдул-Керим ибн Агибат Махмуд Кашмирский, автор Баяни-Ваги, также находился в это время на службе у него.

Огромный караван обозов, состоящий из мулов и верблюдов, был готов для перевозки всех сокровищ; награбленным добром также было

Императору. Теперь все должны подчиняться Императору; если они не будут этого делать, он сам придет со своей армией и накажет их.
[1] Фрайер, стр.206-207.
[2] T.N., стр.208.
[3] Ханвей, том IV, стр.197. Смотри также Оттер, том I, стр.402, он отмечает, что Надир собирался построить этот город близ Хамадана и что он назывался бы Надирабадом.
[4] Bayan, лист 66(b).

нагружено несколько сотен слонов и большое число лошадей.[1] Наконец 7 Сафара (16 мая) все было готово, и Надир, взобравшись на шахскую лошадь, проехал по улицам Дели к Кабульским воротам. Ашуб был в числе зрителей среди многочисленной толпы находящихся на улицах людей и имел отличную возможность наблюдать за проездом Шаха. На голове Надира был красный головной убор, украшенный драгоценными камнями эгрет; вокруг его головного убора была намотана белая кашемировая шаль. Ашуб отмечает, что Надир выглядел очень молодо, имел крепкое телосложение и держался очень бодро; его борода и усы были окрашены в черный цвет. Он ехал по улицам, держа голову высоко и смотря прямо перед собой; в ответ на приветствия людей, он обеими руками бросал им рупии.[2]

Прибыв в Шалимарские сады, он сделал привал до следующего дня. Долгий путь назад только начинался.

[1] Ibid, лист 30(b). Мирза Заман (Фрайер, стр.221), отмечает, что число слонов составляло 1,000, в то время как Абдул Керим дает число 500; возможно прав Ханвей, который замечает, что было не более 300 слонов (эту цифру приводит и Рустам Али, лист 291(a)).
[2] Ашуб, том II, стр.401 и 402.

ГЛАВА XV. ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ: ИЗ ДЕЛИ ДО НАДИРАБАДА

Из Шалимарских садов Надир направился дальше к Сирхинду тем же маршрутом, каким он наступал в начале своего похода. Огромный и перегруженный обоз стал несомненной наживкой для дерзких крестьян, которые несколько раз совершали нападение на его западные части; по утверждениям, еще до прибытия в Тханесару, Надир потерял 1.000 вьючных животных вместе с их грузом.[1] Придя в ярость от набегов крестьян, он приказал уничтожать их, где бы они ни встречались; что увеличило опустошения и разрушения, совершенные его людьми на дорогах из Дели.

От невыносимой жары на равнинах воины и гражданские лица, сопровождавшие армию, были совершенно изнурены. Чтобы быстрее добраться до предгорий и тем самым спастись от жары, Надир повернул на север из Сирхинда и через Сиалкот направился в Ахнур по реке Ченаб.[2] Еще одной причиной изменения маршрута было то, что еще в начале похода сельские местности между Сирхиндом и Лахором были столь опустошены, что здесь не хватало провизии ни для войска, ни для корма скота.[3]

Сразу же после своего отъезда из Дели, Надир отправил старшего сына Закарийя Хана, Аятуллах Хана вместе с Абдул Баги Ханом в Лахор с приказом собрать *crore* рупий с этого города. Как только Закарийя Хан узнал об этом приказе, он собрал больше требуемой суммы и лично вручил ее Надиру, которого он встретил на севере-востоке Лахора. Затем Закарийя Хан сопровождал Надира до Ченаба.[4]

27 Сафара (5 июня) войско добралось до Ахнура; здесь оно смогло несколько освежиться в холодных водах Ченаба. Дело в том, что страдания от невыносимой жары также усугублялось тяжелым обмундированием, что увеличивало ежедневную смертность.[5]

---

[1] Ханвей, глава IV, стр.199.
[2] T.N. стр.208, Bayan, лист 27 (b), Ананд Рам лист 179 (a).
[3] Bayan, лист 27 (a).и 27 (b).
[4] Ананд Рам лист 178 (b).
[5] Bayan, лист 27 (b), T.N. стр.208. Ираклий II также упоминает об изнурявшей жаре и огромном числе погибших в связи с этим. (H.de la G. том II, часть II, стр.362).

Обильные дожди в горных реках на севере вызвали значительное повышение уровня реки и сильное течение. Войска переходили через понтонный мост в Ахнуре, но этот мост, не выдержав нагрузки сильного течения и тяжелого груза после того, как часть армии перебралась на другой берег развалился на части и 2.000 человек утонули в реке.[1] Согласно Абдулу Кериму, мост рухнул следующим образом: население Ахнурской области получив предупреждение о наступлении Надира, отступило в труднодоступные районы и порубили там много деревьев, затем они сбросили их в Ченаб, где сильное течение быстро перенесло их к Ахнуру и с такой силой обрушилось на мост, что цепи, соединяющие оба берега, разломались на две части.[2] Так как не было возможности починить этот мост или построить поблизости новый, Надир приказал остальной части своих войск вместе с обозом и артиллерией переправиться через Кулловал, в тридцати милях вниз по течению от Ахнура; этот переход затянулся и продолжался до 7 Раби II (14 июля).[3]

Зная, что его людьми было награблено очень много добычи, перед началом перехода Надир приказал, чтобы каждый человек отдал все награбленное добро, оставив себе ограниченное количество добычи. Многие подчинились и были за это награждены, однако Надир знал, что большая часть не исполнила приказ, поэтому поручил доверенным лицам на месте переправы обыскивать каждого проходящего человека. Часть воинов закопала свои драгоценности в надежде позже вернуться и забрать их, но это было заблуждением; другие, как отмечают, пришли в такую ярость, что бросили в реку все драгоценности и деньги.[4]

---

[1] Ананд Рам лист179 (a).
[2] Bayan, лист 27 (b).
[3] T.N., стр.208.
[4] Bayan, лист 28 (a). K .N., стр.466. В феврале 1740 г. несколько торговцев прибыло в Гомбрун из лагеря Надира, в котором, как они отмечают, было «очень много денег и драгоценностей. Однако впоследствии Надир забрал себе все, запретив воинам держать у себя бриллианты и другие камни. При переходе их через любой проход он перевозил их обоз перед собой и обыскивал, чтобы не допустить им скрыть что-то...» (Gombroone Diary, 22 февраля 1740). В своей History of Persia (глава II, стр.86) Сэр Д. Малкольм после упоминания об этом приказе Надира, замечает: «Я говорил со многими персидскими знатными лицами, которые при обсуждении этой темы объясняют такое поведение Надира больше как проявление благоразумия, чем как жадность. Он опасался, как они утверждали, что богатство испортит его воинов».

Прежде чем покинуть западный берег Ченаба, Надир освободил индийских заключенных и приказал Закарийя Хану помочь им вернуться в свои дома; затем он позволил Хану вернуться обратно в Лахор.[1]

Очевидно, именно в это время Надир приказал Мухаммед Таги Хану, Бейлербею Фарса, доставить по морю дополнительные подкрепления в Синд. Мухаммед Таги Хан получил эти приказы в конце октября или в начале ноября[2]; как он их выполнил или, скорее всего, пытался выполнить, будет описано в Главе XVIII.

В сильный дождь армия наступала из Ченаба в Джехелум; перейдя реку Джехелум через мост[3], войска продолжили свое наступление через Равал Пинди к Хасан Абдалу.[4] Находясь в Хасан Абдале, Надир направил послов в Константинополь и Санкт-Петербург, чтобы сообщить о своем завоевании Индии. Послы начали свой путь 20 Раджаба (23 октября), каждому из них были даны ценные подарки и несколько слонов для преподнесения правителю, к которому они были аккредитованы.[5]

В конце Раджаба (4 ноября 1739) Надир получил из Хорасана сообщение о том, что Илбрас со своей узбекской ордой находится, наконец, в пути к этой провинции (Мирза Мехди неверно отмечает, что области Абиварда и Насы были захвачены).[6] Эти новости придали Надиру еще больше решительности, чем при вторжении в Туркестан.

Покинув Хасан Абдал, Надир перешел на западный берег Инда.[7] Теперь он находился в стране воинственных юсифзаев, которые оказывали ему сильное сопротивление. После ожесточенной битвы Надир пришел к соглашению с этим непокорным племенем, наняв большую их часть в свою армию; если он не добился бы соглашения с ними, это

[1] Bayan, лист 28 (b), T.N. стр.209.
[2] Как становится ясно из T.N. (стр.211), Надир издал эти приказы только когда находился в Кабуле в декабре 1739, но это было невозможно; как видно из гомбрунских сообщений, они добрались до бейлербея в конце октября или начале ноября, поэтому они, должно быть, были изданы на несколько месяцев раньше (Смотри Gombroone Diary, 5 ноября 1739).
[3] Смотри письмо Ираклия, H.de la G. том II, часть II, стр.363.
[4] T.N., стр.209, Bayan, лист 29 (b).
[5] Ibid. Более подробные сведения об этих посольствах будут даны далее.
[6] T.N. стр.210. О действительном ходе событий смотри в Главе XVI.
[7] Маршрут следования Надира был, возможно, тот, который коротко описал Мухаммед Джафар Шамлу в своем *Manazilu'l-Futuh*, лист 7 (a) и 7 (b).

привело бы к задержке, и он не смог бы добраться до высокогорных районов вокруг Кабула, до того как наступление снегов не сделало эти дороги непроходимыми.[1]

Перейдя Инд, Надир направился в Пешевар и оттуда через Хайберский проход и Джалалабад в Кабул, куда он прибыл 1-го Рамазана (2 декабря).[2] Все афганские лидеры и знатные лица провинции прибыли в Кабул засвидетельствовать ему свое почтение. Более 40.000 афганцев Пешевара, Кабула, Хазараджата и других областей вступили в его армию и были отправлены в Герат, где должны были ждать его прибытия.[3]

До этого Надир вызвал могущественного правителя Синда Миян Нур Мухаммед Худаяр Хана встретить его в Кабуле и там выразить ему свое почтение, но глава Калахора проигнорировал этот приказ.[4] Находясь в некоторой удаленности и полагая, что Надир из-за усталости своих войск не будет наступать так далеко на север, Худаяр Хан ничего не опасался. Но не в характере Надира было стерпеть такое пренебрежение своим приказом. Несмотря на то, что была почти середина зимы и стояли холода, 8 Рамазана (9 декабря) он выступил с юга Кабула, чтобы наказать Худаяр Хана.[5] Слоны не сопровождали армию в этом южном походе из-за климатических условий. Вместо этого они были отправлены в Персию через Газну, Гандахар и Герат.

Отсутствуют подробные сведения относительно маршрута, пройденного Надиром между Кабулом и Куррамской долиной. Несомненно, он наступал на юг в пятнадцати милях к Зихидабаду; здесь он направился на юго-восток и переправился в верховье Куррамской долины

[1] T.N., стр.210; Bayan, лист 29 (a) и 29 (b).
[2] Ibid., стр.210.
[3] Ibid., стр.211.
[4] Bayan, лист 31 (b). Согласно *Brief History of Kalat* Лича (J.R.A.S. глава XII, стр.484), когда армия добралась до Инда, Мухаббат Хан старший, сын Абдуллах Хана Брахоя, напомнил Надиру об обещании, данным им во время осады Гандахара, помочь ему в борьбе против Худаяр Хана, убийцы его отца. О междоусобной борьбе между Худаяр Ханом и Абдуллах Ханом смотри стр.64 выше.
[5] Согласно Оттеру (глава II, стр.97 и 98), после выступления из Кабула в Гандахар, Надир направил Абдул Беги Хана с 5,000 отрядом подчинить Худаяр Хана. Получив сообщение от Абдул Беги Хана об отказе Худаяр Хана подчиниться и его приготовлениях для оказания сопротивления, Надир, находившийся в это время «близко к Гандахару», «вернулся, чтобы образумить Худаяр Хана». Это утверждение (которое было взято у Ханвея, глава IV, стр.202) несомненно, не имеет основания.

через Али Хел и Ахмед Хел, или же он мог наступать к югу от Зихидабада к Хак Хазару; от Хак Хазара идет почти прямая дорога восточнее Хазар Даракта близ верховья Куррама. Из этих двух маршрутов последний был более проходимым зимой, и поэтому он, вероятно, придерживался именно этого маршрута. Как всегда, он наступил еще дальше на юг, прежде чем повернуть на восток и вошел в страну Банну через долину Даур.[1] Как отмечают, Надир полностью подчинил себе племя Даур, так что до прихода к власти Заман Шаха Дуррани они платили властям Кабула ежегодную дань в Rs.12.000.[2] Сведения других источников о пересечении Бангашата[3] и времени, проведенном персидской армией в Куррамской долине служат доказательством того, что они прошли именно по этой дороге, а не по Даурской долине, но все же существует некоторая вероятность, что Надир, провел свои войска по последнему маршруту.

Наступление с этих сторон было крайне трудным, и многие из тех, которые выдержали изнуряющую летнюю жару на равнинах, теперь умирали от холода в высокогорных районах в середине зимы. Армия и огромный обоз должны были перейти реку Куррам не меньше, чем 22 раз; во время перехода течение унесло огромное количество вьючных животных, и одна четвертая часть индийских трофеев была потеряна.[4]

Наконец, 1 Шаввала (1 января 1740) армия выступила из страшного и неприступного прохода Куррама, называемого людьми «долиной демона», и спустилась в низовье страны, где наслаждалась видом зеленых полей и возможностью дышать теплым воздухом.[5]

Хотя воины и радовались, что Куррамская долина осталась позади, но еще не пришел конец их бедам. Местные заминдары отступили в свои крепости и стали оказывать сопротивление[6], а некоторые баннучиские племена напали на персидские колонны.[1] Однако отмечают, что некоторые баннучи пришли в ужас при виде персов, одетых в красное, даже их платки были того же цвета. Надир жестоко расправился с теми племенами, которые напали на него; из рода Гарри, как отмечают, состоявшего из 1.000 человек, после его ухода осталось только два человека.[2]

---

[1] Hayat-I-Afghani, стр.628 и С.С.Тхорбурн *Ваппи*; или *Our Afghan Erontier* , Лондон, 1876, стр.24. Сер И.Д.Маклаган любезно рассказал местное предание о том, что источник Звох между Точи и Баранским проходом у входа в Даурскую долину, был осквернен некоторыми воинами Надира и их верблюдами, которые вошли в нее.

[2] Hayat-I-Afghani, стр.418.

[3] Смотри Bayan, лист 31 (b) и 32 (a), T.N. стр.211.

[4] Bayan, лист 32 (a).

[5] Ibid., и 32 (b).

[6] Ibid., лист 32 (b).

Как было отмечено выше, большая часть вьючных животных утонула в Курраме; многие погибли из-за недостатка корма, и поэтому транспорта становилось все меньше и меньше. С наступлением дальше на юг обнаружилось, что по приказу Худаяр Хана, население отступило и укрылось, унеся с собой сколько можно было зерна, а остальное уничтожило; поэтому войскам пришлось направиться дальше, чтобы достать необходимое количество продовольствия.[3]

Находясь близ Базар Ахмед Хана, Надир, вероятно, направился на юг от Куррама к реке Точи, он переправился через или близ города Бхарта и Каки и пересек область Нар[4] и пустыню Марват.[5] Должно

---

[1] Сэр И. Д. Маклаган сообщил мне, что согласно местному преданию горожане Каки и Бхарса ошибочно приняли персидские войска за компанию купцов, путешествующих как повиндахсы, и сдались без боя. Они дорого заплатили за свою ошибку. Надир всех их перебил. Так как повиндахсы всегда путешествуют полностью вооруженными и многочисленными группами в опасную страну, не удивительно, что баннучи ошиблись, приняв персидские войска за них.

[2] Hayat-I-Afghani, стр.628.

[3] Bayan, лист 33 (а).

[4] Сэр И.Д.Маклаган отмечает: «У местного населения есть удивительная история о бедном Банучи в Наре, который при приближении Надира взобрался на очень большое дерево; место под этим деревом было выбрано *Khalasis* Надира, чтобы разбить там палатки гаремов; женщины неожиданно обнаружили человека на дереве. и только когда появился сам Шах, бедняга упал вниз сильно испугавшись. но Надир, вместо того чтобы наказать его, сказал с царственным презрением, что так как гарем теперь не представляет никакой ценности. он может взять его себе, так, Банучийский пахарь обзавелся обременительным императорским гаремом и всеми слугами и личными вещами. Взяв с женщин всего несколько рупий, он позволил им вернуться в Хорасан». Это местное предание интересно, но подтверждения ему нет. К примеру, Сэр Х.Б.Эдвард (цитируемое произведение, глава II, стр.20) отмечает, что население Мултана верило, что окружающий город густые рощи финиковых пальм обязаны своим происхождением множеству драгоценных камней, оставленных на земле воинами Надира, «захваченному наследию, красоту которого иногда забывают». Однако точно неизвестно, направлялся ли Надир через Мултан или нет.

[5] Тхобурн, цитируемое произведение, стр.24, отмечает, что Надир полностью усмирил мавратов так же, как и банучи, и что он обложил налогом оба племени.

быть, он перешел проход Пезу между Бхитани и марватскими областями, а затем наступил в южном направлении к Дере Исмаил Хану, куда прибыл 5-го Шаввала (15 января 1740).[1] Глава племени Даутпутра Адиг Хан[2] пришел засвидетельствовать свое почтение Надиру у Дере Исмаил Хана и пообещал помочь ему в борьбе против Худаяр Хана. Усилившиеся незадолго до этого власть и богатство даутпутров вызвали зависть у Худаяр Хана, и он напал на них, что стало причиной их вражды.[3]

В Дере Исмаил Хана Надир погрузил основную часть своей армии на корабли и направился по реке к Дере Гази Хану, куда прибыл 15 Шаввала (15 января).[4] Из этого города он отправил еще один ультиматум Худаяр Хану о сдаче, но Хан опять ничего не ответил.

Принудив к повиновению все племена по соседству, Надир снова направился на юг и прибыл в Ларкану 14 Дхул-Гада (12 февраля); здесь он получил сообщение о том, что Худаяр Хан бежал в район Гуджарата. Оставив свой обоз у Ларканы, Шах немедленно стал преследовать его.[5] Прибыв в Шахдадпур, он обнаружил, что здесь его ожидают подарки от Хана[6] и мольбы о прощении; однако, последний бежал через пустыню к своей крепости Умаркут (место рождения Акбара), где укрылся, считая это место безопасным.

28 Дхул-Гада (26 февраля) Надир покинул Шахдадпур и прошел тридцать фарсаков по пустыне в Умаркут, куда он прибыл на следующий день. Спрятав свои драгоценности, Хан стал готовиться к продолжению отступления, но обнаружив, что слишком поздно,[7] он выразил желание подчиниться при условии, что жизни его и его семьи будут сохранены; Надир охотно согласился, так как он не мог позволить себе задерживаться здесь, из-за нехватки воды и продовольствия.[8]

[1] T.N., стр.212.
[2] О происхождении и истории даудпутров смотри Пир Ибрагим Хан *History of Bahawalpore* Breif, Лондон, 1848, стр.24 и Махун Лал *Account of the Origin of the Daudputras and of the Power and Birth of Bahawal Khan, their Chief*, в J.R.A.S. глава VII.
[3] Пир Ибрагим Хан, цитируемое произведение, стр.18.
[4] T.N., стр.212.
[5] Ibid.
[6] Ibid.
[7] Ibid. Ананд Рам, лист 183 (а), Bayan, лист 34 (а).
[8] Bayan, лист 34(а).

Существуют различные истории о встрече Надира с Худаяр Ханом и о том, как последнему пришлось расстаться со своими сокровищами. Согласно Абдул Кериму, часть именных предметов, в прошлом принадлежавших сефевидской династии, была обнаружена среди них; при проведенных исследованиях выяснилось, что гильзаи, афганцы из Гандахара после подчинения их Надиром, бросили свою добычу, награбленную со всей Персии, и что часть этой добычи была приобретена Худаяр Ханом.[1] Стоимость всего золота, драгоценных камней и жемчуга, которые Хан был вынужден отдать, составила более одного крора рупий.[2]

Проведя некоторое время в Умаркоте, Надир вернулся в Ларкану, взяв с собой Худаяр Хана в цепях. Через пять дней после прибытия в Ларкану, он пышно и помпезно отпраздновал здесь Новруз.[3]

Видимо, именно в это время Закарийя Хан в ответ на ультиматум Надира о сдаче, прибыл в Ларкану, где Шах отнесся к нему даже с большей вежливостью, чем раньше.[4]

Так как Надир был доволен поведением Худаяр Хана после его подчинения, он простил его и назначил Ханом Тхата и части Синда, что составляло приблизительно одну треть часть его прежних владений; Надир также присудил ему звание Шах Гули («Раб Шаха») Хана. В ответ Худаяр Хан взял на себя обязательство выплачивать ежегодную дань в 10 лахов, и он предоставил отряд из 2.000 кавалерий под руководством одного из своих сыновей.[5] Затем Надир разделил остальные земли Худаяр Хана, отдав Качи, часть Синда, граничившую с Белуджистаном, правителю этой провинции Мухаббат Хану и наградил главу даутпутров Садиг Хана, пожаловав ему области Шикарпура и высокогорные районы Синда.

В то время как Надир находился в Ларкане, к нему прибыл посол от Мухаммед Шаха[6] с письмом и ценными подарками. Надир, соответ-

[1] Ibid., лист 34 (b). Смотри также отчасти противоположные сведения, которые дает Лич в своей *Brief History of Kalat* в J.R.A.S., глава XII, стр.485, и Сэр H. Pottinger's *Travels in Beloochistan*, стр.352 и 353.
[2] T.N., стр.213, Постана, цитируемое произведение, стр.169.
[3] Bayan, лист 34 (b).
[4] Ананд Рам, лист 183 (b).
[5] T.N., стр.215. Смотри также Лич, в J.R.A.S. глава XVII, стр.485.
[6] Ibid., стр.215, Bayan, лист 34 (а). Как отмечают, Мухаммед Шах забеспокоился, получив известие о кампании Надира в Синд и его ультиматуме о сдаче Закарийя Хану, опасаясь неминуемости второго завоевания Индии.

ственно, отправил Императору в подарок несколько великолепных скакунов и 200 верблюдов, навьюченных балхскими дынями, что было незначительной компенсацией за павлиний трон и другие индийские драгоценности, которые ему «давали»![1]

Приказав Закарийя Хану и его сыну Аятуллаху верно служить Императору, Надир позволил им обоим уехать.[2]

Направив указания Рзе Гули Мирзе (находившемуся в это время в Тегеране) выступить в Герат[3], 13 Мухарамма 1153 (10 апреля) Надир направился из Ларкана в Надирабад, взяв с собой двух сыновей Худаяр Хана в качестве заложников.[4] Следуя по маршруту через Гандаву и Сиби и пройдя затем около 54 мили по Боланскому проходу, опасной Дашти-би-Даулаткой пустыне, Шал (Квита) и Фушандж (Пишин), 7 Сафара (4 мая)[5] Надир и его армия прибыли в Надирабад через два лунных года, после того, как он выступил отсюда для завоевания Индии.

---

[1] Мирза Мехди осознавая незначительность подарков Надира Мухаммед Шаху, уделил основное внимание описанию того, что Надир очень любил арбузы из Балха и Герата, а также и красивые лошади (T.N., стр.215). Из этого он делал вывод, что Надир посылал Императору две вещи, от которых сам получал удовольствие.

[2] T.N., стр.214.

[3] Ibid., стр.215.

[4] T.N., стр.215; Bayan, лист 35 (a).

[5] Ibid., стр.215; Bayan отмечает дату 3 Сафара (30 апреля).

ГЛАВА XVI. ЗАВОЕВАНИЕ ТУРКЕСТАНА РЗА ГУЛИ МИРЗОЙ. ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ ИБРАГИМ ХАНА

Во время отсутствия Надира в связи с афганской и индийской кампаниями произошло несколько важных событий в Хорасане, Туркестане, Азербайджане и Персидском Заливе.

Как было уже отмечено[1], непосредственно перед своей коронацией в марте 1736 г. Надир назначил своего старшего сына Рза Гули Мирзу правителем Хорасана и поручил ему направиться в Андхунд и наказать там непокорного правителя Али Мардан Хана Афшара. Таким образом, весной 1736 г. Рза Гули отправился в Мешхед, но он не выступал в Андхунд в следующие двенадцать месяцев, по-видимому, из-за недостаточной подготовленности. Между тем, он получил от Надира приказ направиться из Андхунда в Балх, в связи с тем, что правитель этой области по имени Абул Хасан Хан также восстал.[2]

При выступлении Рза Гули из Мешхеда для осуществления этой экспедиции, его сопровождал Тахмасп Хан Джалаир, которому Надир поручил командование над военными операциями, принимая во внимание молодость сына (ему было всего семнадцать лет) и его импульсивный характер[3]; Баба Хан Чаушлу, другой командующий высокого ранга, также участвовал в экспедиции. У Маручага к войскам принца присоединился контингент, подошедший из Герата.

Когда войска Рза Гули прибыли в Андхунд, некоторые местные афшары отошли от правителя Али Мардан Хана, несмотря на то, что он принадлежал к их племени; тем не менее, ему удалось оказывать сопротивление в течение шести месяцев, пока ему не пришлось подчиниться.[4] После назначения нового правителя на место Али Мардана

---

[1] Смотри 124-125 выше.

[2] K.N., стр.226.

[3] Согласно Мухаммеду Казиму (K.N., стр.197), Надир направил эти приказы Рза Гули в то время, когда он направлялся из Исфагана в Гандахар.

[4] K.N., стр.197-201. Мирза Мехди (T.N., стр.183) отмечает, что город сдался после более, чем трехдневной осады; так как Мухаммед Казим дает об этой кампании более полные сведения, основанные на лучшее знание фактов, я не сомневаясь, отдаю предпочтение его версии, при наличии расхождений между ними.

(который был послан в Герат и там казнен), подчинив области Чачакту и Шибарган (по Марко Поло «Сапурган»), Рза Гули со своей армией наступил на Балх. Подчинив узбекские войска близ Агчи и взяв этот город, войска продолжили наступление на Балх и дошли до его окраин 3 Раби I (1 июля 1737 г.).[1] Правитель Абул Хасан, последний из потомков Чингиз Хана, хотел немедленно подчиниться, но глава узбеков по имени Саяд Хан настоял на оказании сопротивления. После короткой, но ожесточенной стычки персы разбили узбеков наголову, а затем пробились сквозь оборонительные сооружения Балха. После непродолжительного сопротивления в крепости, Абул Хасан подчинился Рзе Гули, который хорошо с ним обращался из-за его родословной, но отправил его во дворец Надира в Гандахар[2] вместе с его военачальниками и знатными лицами.

Рза Гули послал Шах Гули Бека Каджара, командующего Мервским контингентом в погоню за Саяд Ханом и его людьми; глава каджаров настиг и нанес узбекам тяжелые потери, затем он продолжил их преследование. Учитывая вероятность получения Саяд Ханом подкрепления от других узбекских глав, Баба Хан Чаушлу был направлен с многотысячным войском для объединения с Шах Гули Беком. Саяд Хан бежал в Гундузкую область, где ему удалось ускользнуть от своих преследователей, которые упустив свою жертву, вернулись в Балх.[3]

Тем временем, Рза Гули потребовал от главы Гунгратского[4] племени Даньял Бека подчиниться, на что тот дал уклончивый ответ. Принц в некоторой растерянности обратился к Тахмасп Хану за советом; на что последний посоветовал ему предпринять серьезные меры. «Победа», – сказал он, – «требует стараний и усилий».[5] Последовав его совету, Рза Гули выступил в Оксас с частью своих войск, но без артиллерии; перейдя реку, они дошли до Гунгратского лагеря за сорок восемь часов и быстро заставили Даньял Бека подчиниться.[6]

Несмотря на то, что Рза Гули не был уполномочен своим отцом предпринимать какие-то действия на другой стороне Оксаса, он смело

[1] T.N., стр.182.
[2] K.N., стр.207 и 208.
[3] Ibid., стр.208-212.
[4] Гунграт это род или ветвь Казахов (смотри М.А.Кзаплика *The Turks of Central Asia in History and at the Present Day*, стр.38).
[5] K.N., стр.214.
[6] Ibid., стр.216.

наступил на Гарши, отправив в Балх приказ доставить его артиллерию.[1]

Мухаммед Рахим Би, Хаким Аталыг, который был главным министром и советником[2] правителя Бухары Абул Фейза, получив сообщения о персидских военных операциях в Трансоксиане и угрожающей атаке на Гарши, собрал значительное войско и добрался до Гарши раньше Рза Гули и его армии. Когда персы появились у стен города, произошло решающее сражение, в котором узбеки потерпели поражение, потеряв многих своих лидеров. Хаким Аталыг немедленно отправил в Бухару послание о том, что если не будет обеспечено подкрепление, то город будет сдан. Абул Фейз немедленно направил послания племенам Андичана, Самарканда, Ходжента, Ташкента и других областей прислать помощь; он также обратился за помощью к хану Хорезма[3] Илбарсу и попросил каралпаков и казахов прислать людей.

Собрав достаточно крупный контингент войск, Абул Фейз покинул свою столицу и смог наступить сквозь персидские позиции вокруг Гарши и вступить в город. Через несколько дней войска вышли из Бухары, чтобы дать бой.

Увидев, что его люди боятся, Рза Гули созвал своих военачальников на совещание (*kingash*) и сказал: «Для такого незначительного сражения неразумно рисковать столь многим, давайте вернемся в Балх». Тогда Тахмасп Хан заметил, что если они отступят, то узбеки будут их преследовать и нанесут им серьезные потери, и если бы Надир был здесь, он бы атаковал несмотря на численное превосходство противника. Как только прибыли пушки из Оксаса, принц последовал совету Тахмасп Хана, но операцией руководил Тахмасп Хан, а не он, потому что при решение военных вопросов Надир поручил ему.[4]

В начале сражения перевес был на стороне узбеков, но персы не пали духом несмотря на свое отступление. Когда, наконец, их пушки

[1] Ibid., стр. 216; T.N., стр.183.
[2] Он принадлежал к известной магитской (или макитской) семье, и (как многие из известных людей этого края) был потомком Чингиз Хана. Абул Фейз Хан, безвольный правитель Бухары, был марионеткой в его руках (смотри А. Вамбери *History of Bokhara*, Лондон, 1873, стр.338).
[3] Илбарс (или Йолбарс, как его иногда называли), хан казахов, также как и Абул Фейз, заявлял, что он потомок Чингиз Хана; он был, как будет ниже показано, глупым, амбициозным и вероломным человеком.
[4] K.N., стр.226.

вступили в бой и вызвали большие разрушения во вражеских рядах, события приняли иной оборот. Были убиты глава племени Аг Ялан Адина Бек, и правитель Ходженда и Ташкента, а также другие знатные люди. Все узбекские войска были вытеснены обратно в Гарши, осада которого возобновилась.[1] Оставив значительное количество воинов, чтобы держать Гарши в тесном кольце, Рза Гули, Тахмасп Хан и Баба Хан Чаушлу наступили на соседнюю крепость Шулук[2], которая сдалась после осады, продолжающейся больше месяца. Во время этой осады персы понесли серьезную потерю: Баба Хан Чаушлу был убит узбекским стрелком.[3]

Тем временем, Илбарс из Хорезма, слишком поздно выступивший на помощь Абул Фейзу, прибыл в окрестности Бухары, но обнаружил, что правитель уже направился в Гарши. Тогда вероломный глава решил в отсутствие Абул Фейза самому захватить Бухару. Для этого он послал в город сообщение о том, что правитель схвачен гызылбашами, пытавшимися захватить Бухару; поэтому он попросил разрешения вступить в город, чтобы помочь жителям противостоять им. Однако, когда стало известно о наступлении персов, испугавшийся Илбарс отказался от своих намерений и спешно вернулся в Хиву.[4]

Сумев взять Шулук, Рза Гули вернулся в Гарши, захвату которого он придавал большое значение. Однако в это время Надир получил известие о первых военных действиях против гунгратского племени и затем против Гарши и Шулук. Он знал, что, будучи большой страной, Туркестан еще со времен Чингиз хана и Тимура всегда поставлял большое число воинов, и опасаясь того, что узбеки могут объединиться, а затем разгромить и уничтожить относительно малочисленные войска его сына, до того как он сможет добраться до Оксаса;[5] поэтому он сразу же написал Рза Гули письмо, где упрекал его за его действия и

---

[1] Ibid., стр.225-232. Мирза Мехди также упоминает об этом сражении (T.N., стр.183 и 184), но он не был так хорошо осведомлен, как Мухаммед Казим. Он восхвалял храбрость Рзы Гули, цитируя (несомненно, с целью доставить удовольствие Надиру) арабское выражение: *as-shibln yakhbaru' an al-asad* («детеныш похож на льва»).

[2] Руины древнего города Накшаб окружал холм, называющийся Шулюк-тяпя, в двух с половиной фарсаках от Карши, который, как Бартольд показал в своем труде *Туркестан*, стр.136, берет свое название от дворца (Карши на монгольском или уйгурском значит «дворец»), который Чагатай Хан Кабак построил здесь в XIV веке.

[3] K.N., стр.235 и 236; T.N., стр.184.

[4] K.N., стр.232.

[5] Ibid., стр.240.

приказал ему немедленно отвести войска в Балх, где тот должен был оставаться, дожидаясь дальнейших указаний. Надир написал Тахмасп Хану в следующих выражениях:

«Ты старый сводник (*galtaban-i-fartut*)! Я приказал тебе остаться в Балхе после его взятия... но ты вместо этого вынашивал намерения завоевателя. И ты вовлек в это зло и тщеславные планы моего любимого сына Рзу Гули Мирзу, который по молодости лет далек от предусмотрительности и известен своим бесстрашием; ты повлек за собой и моего сына и победоносную армию в океан бедствий... Не дай бог объединится войскам узбеков, казахов, калмыков, чагатаев, русских (*sic*) и аланов и вступить в бой с малочисленным контингентом победоносных отрядов, которые находятся под твоим командованием... Получив этот приказ, ты должен без промедления вернуться в Губатул-Ислам (Балх), и я прикажу, чтобы твою голову отделили от твоего тела и послали во дворец всемирных украшений».[1]

Согласно Мирзе Мехди, Надир одновременно направил Абул Фейзу послание о том, что он признает его власть над Бухарой как потомка Чингиз Хана и как туркмена, и что он приказал своему сыну прекратить военные действия против него.[2]

Гонец, принесший это послание, прибыл в Гарши как раз тогда, когда Хаким Аталыг уже оставил надежду продолжать сопротивление. Естественно, эта новость обрадовала его настолько, насколько она опечалила Рзу Гули и Тахмасп Хана; думая, что приказ Надира своему сыну отвести войска обусловлен поражением, которое Надир понес, Хаким Аталыг приготовился напасть на гызылбашей, как только те начнут отступать. Предвидя возможность нападения, Тахмасп Хан укрепил тыл; и когда это произошло, он ответил такой сильной контратакой, что вынудил узбеков отступить к воротам Гарши. Затем войска направились прямо в Оксас, хотя они были изнурены из-за сильных холодов (тогда была зима 1737-38 гг.). Перейдя реку, они безопасно добрались до Балха.[3]

Затем Рза Гули и Тахмасп Хан направились в Гундузскую область, потому что восстал правитель, подстрекаемый узбекским лидером Сеид Ханом. Операция прошла успешно и завершилась гибелью

---

[1] Ibid., стр.241 и 242.

[2] T.N., стр.184 (Мухаммед Казим не упоминает об этом послание Надира к Абул Фейзу).

[3] K.N., стр.244 и 245.

обоих восставших правителей и Сеид Хана.[1] Принца завершившего дела в Гундузе, одолело тщеславие, и он вступил в Бадахшан, но добравшись до Кулаба и находясь в западной части этой области, он получил приказ от Надира немедленно вернуться в Балх и дожидаться дальнейших его распоряжений; он вынужден был подчиниться.[2]

В прошлом году, когда Рза Гули покинув Мешхед направился в Андхунд и Балх, его кузен Али Гули Хан, старший сын Ибрагим Хана, был назначен правителем Мешхеда. Будучи в том же возрасте, что и Рза Гули, Али Гули был распутным молодым человеком, который больше предавался развлечениям, чем своим служебным обязанностям.[3]

Так как основная часть населения была призвана в войска Надира и Рза Гули, для защиты Хорасана, в городе осталось только небольшое их число. Мухаммед Амин Михтар, высокопоставленный чиновник службы Илбарса, оказавшийся в это время в Мешхеде, обратил внимание не только на характер Али Гули Хана, но и на малочисленность гарнизонов в Хорасане. Вернувшись в Хиву, этот чиновник сообщил Илбарсу обо всем; в результате, он решил собрать крупный контингент войск и осадить Хорасан. После своего возвращения из Бухары в Хиву, Илбарс собрал все отряды из пяти крепостей («Беш Гала») Хорезма и попросил казахов, аралов, текке, ямутов, сарыгов, эрсари и другие туркменские племена прислать войска. Собрав многочисленное войско (согласно Мухаммеду Казиму, 100.000 человек, но это число, вероятно, сильно преувеличено), он стал хвастаться, что захватит Хорасан, нанесет поражение Надиру в Индии, а затем присоединит эту страну к своим владениям.[4]

Шпионы, прибывшие из Хивы, сообщили Али Гули о намерениях Илбарса, во что тот в начале отказался поверить. Однако последующие сообщения убедили Али Гули и его советников в неизбежности надвигавшейся опасности, и тогда он направил послание Надиру. Услышав новости, Шах направил гонца в Балх к Рза Гули и Тахмасп Хану и приказал немедленно объединиться с ним, чтобы принять меры для обороны Хорасана; между тем, он решил наказать Илбарса при возвращении из Индии. Как уже было отмечено, принц и Тахмасп Хан направились через Гундуз и Кабул и присоединились к Надиру у Бахар Суфлы. Шах встретил своего сына дружелюбно, но полностью проигнорировал Тахмасп Хана, который испугался, что он выполнит свое обещание и обезглавит его. Позже Надир вызвал Тахмасп Хана к себе и стал строго отчитывать за его действия, но увидев искреннее раскаяние, простил его.[1]

Затем последовало назначение Рза Гули наместником Шаха в Персии. В честь этого события было организовано большое празднество, в котором важным особам были вручены халаты из золотой парчи. После праздника Надир вызвал Рза Гули к себе и наедине дал ему следующие указания и советы:

«Когда ты станешь во главе персидского государства, назначь охрану для Шаха Тахмаспа, находящегося в тюрьме в городе Сабзавар, из верных тебе людей, которые не будут допускать, чтобы другие люди могли иметь к нему доступ, и в любом месте страны, куда бы ты ни назначал правителей, управляющих городов, заместителей правителей, ты должен уделять им внимание и не делать никаких изменений и замещений; ты должен оказывать необходимое внимание жителям равнины (сяхра-нишин, то есть узбекам). И если не дай Бог, войска Туркестана, Турции или Европы доберутся до Персии, ты должен посоветоваться со старейшинами и племенными вождями относительно ведения с ними войны, в таких вопросах учитывай их советы, и не будь глупцом, вступая в войну, если все можно решить миром. Наказывай воров, бандитов и негодяев, хорошо обращайся с торговцами и караванами из-за границ, чтобы слава о твоей справедливости, великодушии и великолепии распространилась по всему миру. Не расточительствуй деньгами… но если государству грозят бедствия, не колеблясь делай подарки из сокровищницы. Не допускай знаков внимания и почтения Сефевидкой семье и Шаху Тахмаспу…».[2]

Завершая наставления, Надир поручил своему сыну следовать следующему правилу: «даже в мыслях не допускай, чтобы, не дай Бог шесть месяцев от нас не было никакого следа или знака». Затем он приказал Рза Гули не нападать на Илбарса, а продолжать обороняться

---

[1] Ibid., стр.248.
[2] Ibid., стр.249 и 250.
[3] Ibid., стр.272. Надир приказал некоторым надежным чиновникам помогать и направлять молодого человека.
[4] K.N., стр.273 и 274.

---

[1] K.N., стр.265 и 267.
[2] Ibid., стр.270 и 271 (Мухаммед Казим не объясняет, как ему удалось воспроизвести дословно этот разговор, так как Надир беседовал со своим сыном наедине).

и подробно информировать его для того, «чтобы я мог наказать его так, чтобы это стало примером для всех повстанцев и преступников». Вскоре принц вышел и спешно направился в Герат, где объединился с 6.000 человек, посланных из Балха. Отправив послание в Мешхед Али Гули Хану объединиться с ним, он направился к реке Теджен, чтобы выяснить есть ли здесь какие-то признаки Илбарса и его людей (которые медлили, не предпринимая никаких атак). После сообщения разведчиков о приближении крупного контингента узбекских войск, Рза Гули посовещавшись со своими военачальниками, как ему было, приказано, отступил в Абивард. Добравшись до Теджена, Илбарс посовещался со своими военачальниками и решил разделить войска и совершить нападение на Мешхед одновременно с различных направлений. Однако на этом этапе возникли разногласия каракалпаков с аральскими туркменами с одной стороны, и с текколитами - с другой, которые Илбарс с большим трудом смог уладить. В самом разгаре этих разногласий из Хорезма прибыл гонец с сообщением, что глава казахского племени по имени Тохтамыш Хан собирается воспользоваться отсутствием Илбарса и совершить набег на его страну.[1] Эти известия вынудили Илбарса отказаться от всех намерений завоевания Хорасана и спешно вернуться в свои владения. Рза Гули сразу отправил гонцов в Индию, чтобы сообщить Надиру об устранении угрозы Хорасана, а затем он направился дальше из Абиварда в Мешхед.

Прежде чем рассказать о том, как Рза Гули исполнял свои обязанности наместника Шаха, необходимо на время вернуться к событиям на северо-западе Персии и описать, как Ибрагим Хан встретил там свою смерть.

На северо-западе Персии Ибрагим Хан занимал аналогичную позицию той, что занимал на северо-востоке его племянник Рза Гули; однако Ибрагим из-за возраста и опыта имел полный контроль над военными силами в этой области.

Северо-западу Персии не угрожала никакая опасность ни из Турции, ни из России, так как между последними были напряженные отношения в течение всего периода правления Ибрагима; были некоторые опасения восстания грузин, но комендант Тифлиса Сафи Хан Бугхаири, доказывая свою преданность Надир Шаху, захватил Теймураза и других известных грузин и отправил к Шаху в качестве заложников.

[1] K.N., стр.281-284.

Единственная реальная угроза была со стороны лезгин; хотя многие их лидеры были подчинены, но этот непокорный народ всегда был готов использовать любую возможность для внезапного нападения на своих богатых соседей на юго-востоке и юге.

В октябре 1736 г. лезгины совершили внезапное нападение, но объединенные грузинские и персидские силы отбросили мародеров назад.[1]

Примерно осенью или в начале зимы умерла одна из жен Ибрагима; она была дочерью Шаха Султана Хусейна и, очевидно, вышла замуж за Ибрагима примерно пять лет назад.[2] Ибрагим Хан приказал отцу Мухаммеда Казима, который был «одним из его близких друзей»[3], отвезти ее тело в Мешхед для похорон. Он выполнил свою задачу и привез с собой обратно в Азербайджан своего сына Мухаммеда Казима; Ибрагим отнесся к юноше доброжелательно, и по его собственной просьбе назначил его одним из своих ясаулов.

Той же зимой по просьбе Надира Ибрагим послал своего старшего сына Али Гули Хана в Мешхед, правителем которого, как уже было сказано, он стал. Вскоре дочь Теймураза Гетеван была отправлена в Мешхед, где была пышно и помпезно отпразднована ее свадьба с Али Гули.[4]

С политической точки зрения 1747 г. был спокойным на северо-западе, однако этот год был трагичным из-за вспыхнувшей близ Гянджи эпидемии чумы, которая распространялась с угрожающей быстротой. Ибрагим немедленно отправился в Тифлис, так как очень боялся чумы, но, приблизившись к этому городу, он узнал, что болезнь уже проникла сюда; тогда он направился в Эривань, но эпидемия снова опередила его. Мухаммед Казим, сопровождающий Ибрагима, дает страшные описания разрушительного действия чумы в Нахичевани, близ которой они расположили лагерь.[5] В надежде спастись от чумы

[1] Секхина Чкхеидзе, H. de la G., том II, часть II, стр.151.
[2] Ибрагим Хан мог жениться на ней в декабре 1729 г., когда Надир женился на Разие Бегим, или спустя год, когда поженились Рза Гули Мирза и Фатима Бегим (смотри стр.51 и 63 выше).
[3] K.N., стр.310: *az jumla-yi-ahlas-kishan*.
[4] Согласно Мухаммеду Казиму (K.N., стр.316), ее сопровождал эскорт из 2.500 грузинских воинов; однако этот автор дает очень ограниченные сведения о ее помолвке, на которую Вакушт (H. de la G., том II, часть II, стр.195), должно быть, ссылается.
[5] K.N., стр.324 и 325.

они вернулись в Тебриз; вскоре после прибытия сюда, отец Мухаммеда Казима внезапно умер, но видимо, не от чумы. Ибрагим провел какое-то время в Тебризе, предаваясь развлечениям, но спешно уехал оттуда, когда страшная болезнь появилась и в этом городе (согласно Мухаммеду Казиму, там за два месяца погибло не меньше, чем 47.000 человек). Проведя некоторое время в Ардебиле, Ибрагим вернулся в Тебриз, после того как сообщили, что там уже нет чумы (очевидно, это было в начале 1738г.).[1]

Ибрагим очень расстроился, получив известия весной или в начале лета 1738 г. о военных подвигах Рза Гули в Туркестане. Говоря о кампании Рза Гули, он заметил: «Он будучи юным, захватил весь Мавара ан-Нахр (Трансоксиану); мы должны захватить страну Дагестан».[2] Соответственно, главам племен в Азербайджане и соседних областях были даны приказы собраться вместе со своими войсками в Тебризе. Когда прибыли эти отряды, Ибрагим отправился в Гарабаг, где к нему присоединились отряды из Ширвана, Эривани, Грузии и других мест; среди грузин был Теймураз из Кахетии, недавно вернувшийся из Гандахара. Наступая через Барду, Ибрагим переправился через Аракс и Куру и вызвал «Малого Уцмия» (глава Кахской и Ганигской областей), «Большого Уцмия», Ахмед Хана (Гарагайтага), Шамхала (очевидно, имеется ввиду Сурхай, а не Хасбулад), сына Сурхая Муртазу Али, который унаследовал непокорный дух своего отца, и других племенных лидеров присоединиться к нему. За исключением «Малого Уцмия» все отказались, Муртаза Али открыто восстал.[3]

Ибрагим, который теперь стоял во главе 32.000 человек, переправившись через Агри Чай, направился в Ках, где он провел совещание со своими военачальниками. Было решено построить сильный форт у Каха, где можно было оставить тяжелый обоз; затем основные войска должны были направиться на запад к месту под названием Аг Бурдж («Белая Башня»)[4], где Шах Аббас построил резиденцию. Другой форт должны были построить у Аг Бурджа, который служил бы опорным пунктом для военных действий против Джара и Талы.[5]

---

[1] Ibid., стр.336.
[2] Ibid., стр.337 и 338.
[3] K.N., стр.339 и 340.
[4] Я не смог установить это место, но очевидно, оно близ Джара.
[5] K.N., стр.342.

В это время прибыло два гонца от Надира с приказом вернуться мервским главам и войскам; такие же приказы были направлены и в другие части страны. Несмотря на то, что Мухаммед Казим был старательным молодым человеком, он попросил остаться с Ибрагимом, который дал на это согласие. Было решено, что люди из Мерва, примерно шестьдесят человек, должны уехать на следующий день. Той же ночью Мухаммеду Казиму приснилось, что лезгины нападают и наносят персам поражение, а также он увидел во сне «почерневший» флаг Ибрагима и самого хана на лошади, покрытого грязью и землей. Считая этот сон плохим предзнаменованием, он на следующее утро направился к Ибрагим Хану и, не упоминая о своем сне, сказал, что так как все его товарищи возвращаются домой, ему трудно будет оставаться без них. Видя страдания юноши, Ибрагим позволил ему уехать вместе с остальными.[1] Отправившись через Тебриз, где был временно похоронен его отец, Мухаммед Казим взял с собой тело и похоронил его в Мешхеде.

Затем Ибрагим Хан направился к Аг Бурджу, где был спешно построен форт и была проведена подготовка к нападению в Джар и Талу. Тем временем, лезгины получили предостережение о намерениях Ибрагим Хана; кроме сбора всех имевшихся в распоряжении людей из соседних районов, они направили срочное обращение лезгинам и каракайтагам в Дагестане за помощью, на которое откликнулось 20.000 человек. Двое джарких лезгин по имени Ибрагим Дивана и Халил, которые входили в состав объединенных войск, расположили войска у узких проходов, через которые должны были пройти персы. Ибрагим Хан предпринял контрмеры для предотвращения этого действия, направив ширванские и грузинские отряды в горы, чтобы напасть на этих воинов с фланга или тыла. Исход ожесточенной битвы оставался неопределенным до тех пор, пока совместные действия хорасанских джазаиритов не привели к победе над горцами. Затем персы совершили успешное нападение на обоз лезгин, но попытка штурма укрепленных позиций на вершине холма, удерживаемого Ибрагимом Диваном и Халилом, была ими отражена и завершилась большими потерями. Ибрагим Хан хотел нанести лобовую атаку в полном составе, но военачальники отговорили его, сказав, что эти позиции неприступны. Поэтому они решили добраться до врага другим путем, который включал пере-

---

[1] K.N., стр.344 и 345.

сечение высокогорных скал с крутой тропинкой, на каждой стороне которой были густые леса. Узнав о намерениях Ибрагим Хана, лезгинские владетели вызвали добровольцев и расположили их в засаде на обеих сторонах этой тропинки. Когда появились войска Ибрагима, лезгины открыли огонь по проходящим ширванским, курдским и грузинским отрядам, а затем обрушили разрушительный огонь по Ибрагим Хану, его личному составу и эскорту джазаиритов. Персы, не имевшие возможности видеть своих противников и застигнутые врасплох, были в очень невыгодном положении и понесли крупные потери. Ибрагим Диван, который находился с лезгинскими добровольцами, узнав Ибрагим Хана, выстрелил, ранив его в голову; персидский знаменосец был застрелен, то же произошло и с Угур Ханом, правителем Гянджи, когда тот пытался спастись вместе с Ибрагимом. Видя растерянность персов, Ибрагим Дивана и Халил вместе с войсками начали атаку. Ибрагим Хан был задет пулей, которая раздробила его руку; сразу после этого Ибрагим Дивана выстрелил в него еще раз и убил его на месте. Последовала отчаянная рукопашная схватка, и только некоторым из сторонников Ибрагима удалось сбежать и сообщить новости остальным войскам.[1] Со смертью Ибрагим Хана командование перешло родственнику Надира Мухаммед Хану Афшару, которому хотя и с большим трудом, но удалось добраться до Аракса; Теймуразу удалось спастись вместе со своим грузинским отрядом.[2]

Хотя вначале к телу Ибрагима отнеслись почтительно, поместив его в гроб, однако позже тело было вынуто некоторыми джарскими лезгинами, которые повесили его на дереве и сожгли.[3] Можно понять

[1] Вышеупомянутые описания смерти Ибрагим Хана являются кратким переводом версии битвы Мухаммеда Казима (K.N., стр.351-353); хотя он не упоминает об источнике его сведений, его сведения так ярки и подробны, что не остается ни малейших сомнений в их точности. Другие авторы дают очень скудные сведения; Секхина Чкхеидзе отмечает (H. de la G., том II, часть II, стр.53), что Ибрагим покинул Тебриз в 1738 г., вызвав картлийцев встретить его у Каха, а затем, когда они туда прибыли, он опустошил Джар и Талу. В то время как Ибрагим со своей армией возвращался домой, лезгины напали на них, разгромив войска и убив самого Ибрагима, Угхоули (Угур) Хана, а также многих других.

[2] Секхина Чкхеидзе, H. de la G., том II, часть II, стр.53.

[3] K.N., стр.355-357. Н. Ф. Дубровин в его работе *История войн и владычества русских на Кавказе* (том I, стр.582), упоминает об этой традиции, присущей этому региону, наподобие которой был обнаружен курган, где были найдены останки Ибрагим Хана, сожженного населением Джаро-Белокана.

ту сильную ненависть Надира к лезгинам и то сильное желание отомстить, когда он узнал, что эти люди сделали с телом его брата.

Хотя Ибрагим Хан и был достаточно мужественным человеком, но ему не хватало одаренности брата; как полководец, он был очень заурядным. Судя по стандартам этого времени, он не был бессмысленно жестоким, хотя временами был несправедливым. Его отношение к Мухаммеду Казиму показывает, что он был добр к своим подчиненным. С другой стороны, он был, как Таги хан Ширази, жадным и любил получать подарки; однажды, когда правитель Ширвана отправил ему дары, состоящие из 100 туманов, нескольких скакунов и изящных одеяний, и пообещал в скором времени прислать еще более значительные дары, Ибрагим к изумлению правителя немедленно отправил гонцов, чтобы собрать оставшиеся подарки.[1]

Невозможно установить точную дату смерти Ибрагима. Согласно Мухаммеду Казиму[2], эта трагедия произошла в месяце Шабан, 115...(последняя цифра пропущена, но это должно быть 1151). Это значит, что он погиб между 14 ноября и 12 декабря 1738 г.; если это произошло даже в начале Шабана, то слишком мало времени прошло, чтобы новости дошли до Надира в Пешавар в январе. Поэтому, вероятно, Ибрагим был убит где-то в октябре.

[1] K.N., стр.352.

[2] Ibid., стр.353. Новости также дошли до Гомбруна в январе 1739 г.

ГЛАВА XVII. НАМЕСТНИЧЕСТВО РЗА ГУЛИ МИРЗЫ

Обстоятельства, при которых Рза Гули Мирза был назначен наместником шаха, и предпринятые им меры для отражения угрожающей атаки Хорасана со стороны Илбарса, были описаны в Главе XVI.

После того как стало вполне ясно, что Илбарс и его разнородная орда отказались от планов захвата Хорасана и возвратились в Хорезм, Рза Гули выступил из Абиварда в Мешхед и отправил своему отцу послание с этими новостями.

Расположив свое правительство в Мешхеде, принц вскоре начал показывать первые признаки того, что он пропустил мимо ушей многие советы своего отца. Рассматривая поведение Рза Гули во время его правления, следует учитывать следующие факты. Во-первых, он не нес ответственности ни перед кем, кроме своего отца, который находился очень далеко, на расстоянии нескольких сотен миль, на другой стороне Хинду Куша. Как отмечают, при назначении Рза Гули наместником Шаха, Надир предполагал, что его брат Ибрагим будет контролировать его в некоторой степени[1], однако Ибрагим, как вскоре Шах и его сыновья узнали, в то время когда проходило это назначение, был уже убит. Во-вторых, как стало ясно, юный принц был импульсивным и временами неблагоразумным человеком. Наконец, у него долгое время не было никаких достоверных сведений о своем отце; этот период длился, как отмечают[2], не меньше десяти месяцев, то есть с мая 1739 г. до марта 1740 г., но, видимо это не совсем точно.

В течение первых трех месяцев своего пребывания в Мешхеде, Рза Гули сформировал специальный военный корпус из 12.000 человек хорасанских джазаиритов, которых он экипировал в пышную форму из золотой парчи и оружием, покрытым инкрустацией из золота и серебра; все эти люди, как Мухаммед Казим причудливо, но выразительно отметил, были «украшены как китайская картинная галерея».[1]

В окружении шахского наместника были интриганы и карьеристы, которые с помощью лести стремились подлизаться к принцу и таким образом добиться своих целей. Рза Гули был слишком неопытен, чтобы понять, что от таких людей нельзя ждать верных советов, и когда те стали внушать ему, что правители, назначенные его отцом, могут восстать, если долгое время от него не будет новостей, он охотно с ними согласился. В связи с этим он отстранил часть этих чиновников и заменил их своими собственными кандидатами.[2] К тому же, он стал очень деспотичным и самодержавным и часто отдавал приказ казнить людей за незначительные нарушения.[3] Ханвей,[4] описывая поведение принца в это время, отметил что:

«...широко применяя жестокость и вымогательство, он вскоре навлек на себя ненависть людей. Чтобы скрыть свою хищническую алчность, он прикрывался номинальным именем купца».

Затем Ханвей отмечает о монополии Рзы Гули на торговлю шелком. Элтон и Грем[5] (которые, как будет отмечено в Приложении I, прибыли в Гилян в июне 1739 г., перевозя пробную партию товаров, принадлежащих некоторым членам российской компании) отмечали, что у Рза Гули были:

«Купчины[6], являющиеся в некотором смысле единственными купцами или торговцами во всей Персии, так как шахским купцам не позволялось покупать ввозимые товары. Что касается шелка-сырца, который получали не только из Гиляна, но и всех других провинций, производящих шелк, торговля им была полностью монополизирована шахом. Следовательно, мы как и все остальные, были обязаны предоставить наши товары шахским купчинам».

---

[1] Это утверждение сделано, ссылаясь на В. Братишева, который в то время служил переводчиком у Калушкина, русского резидента; смотри его *Narchricht von deven Traurigen Begebenheiten die sich zwishen dem Persichen Schache Nadir und Allesten Sohne Resa-Kuli-Mirsa in den Jahren 1741 und 1742 zugetragen haben*, в труде Дж. Ф. Мюллера *Sammlung Russischer Geschichte* (Санкт-Петербург, 1763 г.), том VIII, стр.465.

[2] K.N., стр.482.

---

[1] Ibid., стр.284; персидское выражение: *chun surat-khana-yi-Chin arasta*. Мухаммед Казим только прибыл в Мешхед и поступил на службу к принцу, поэтому его сведениям относительно действий Рзы Гули в этот промежуток времени можно верить.

[2] K.N., стр.483.

[3] Ibid., стр.285.

[4] *Travels*, том IV, стр.180.

[5] Смотри труд Элтона и Грема, *A Journey through Russia into Persia, by Two English Gentlemen who went in the year 1739 from Petersburg, in order to make a Discovery how the Trade from Great Britain Might be carried on from Astracan over the Caspian*, Лондон, 1742, стр.26 и 27.

[6] *«Купечин»* искажение русского слова *купчина*, что означает «купец».

Однако Элтон и Грем впоследствии отметили, что не Рза Гули, а купец Исфагана (которого он назначил своим казначеем) «монополизировал» все ввозимые из Европы товары.[1] Несмотря на эти ограничения на торговлю, принц в ответ на петицию от Элтона и Грема, предоставил им значительные торговые привилегии в августе 1739г.[2] Так они заметили:

«что он (Рза Гули) готов удовлетворить жалобы и поддержать торговлю. Мы могли предоставить несколько примеров; заверив указ... он также охотно позволил нам вести торговлю, и как утверждают, недавно позволил армянам перевозить свои товары в любой рынок в Персии, не принимая во внимания шахских купчин; это позволяет надеяться, что планы его казначея близки к концу».[3]

Далее следует отметить, что эта монополия на торговлю, если она и существовала в центре и на юге страны, не вступала в противоречие с торговыми привилегиями ост-индской компании.

Хотя Рза Гули временами был жесток и несправедлив, он мог при случае показать, что заботится об интересах и благосостоянии людей. Когда однажды в 1739 г. бейлербей Фарса Таги Хан приказал Калантару (меру) Кирмана собрать и отправить ему 1.500 туманов в качестве налогов[4], чиновник обратился с жалобой к Рза Гули, в результате чего последний дал указания об отмене этого приказа. Однако тем временем бейлербей заставил Калантара собрать деньги; несчастный чиновник, не сумев получить от населения всю необходимую сумму, был вынужден занять остальную сумму у представителей английской и голландской компаний в Кирмане. Тогда Калантар снова обратился к Рза Гули, который немедленно приказал бейлербею вернуть деньги, из которых европейцам была возвращена сумма, одолженная у них.[5]

---

[1] Элтона и Грема, цитируемое произведение, стр.29.
[2] Ibid., цитируемое произведение, стр.45.
[3] Ibid., стр.32.
[4] Глава X *Bombay Government Public Consultations,* ссылаясь на письмо из Гомбруна от 20 марта 1739г., в котором утверждалось, что бейлербей только сообщил Агенту о его намерении собрать 20.000 туманов, чтобы возместить себе расходы, которые он понес в связи с экспедицией в Мускат.
[5] Подробности, данные выше, взяты из *Bombay Government Public Consultations,* том XI, 1740 г., запись, которая основывается на письме из Гомбруна от 28 февраля, 1740г. В *Gombroon Diary,* нет подробностей этого инцидента, но есть следующие комментарии к действиям Рза Гули: «Следующие нелестные отзывы о царствовании принца сделаны его подданными: «принц больше интересуется собой, чем нами».

Это был не единственный случай, когда Рза Гули вмешивался, чтобы отменить произвольные действия Таги Хана. Осенью 1738 г. бейлербей совершил еще несколько подобных действий в ущерб ост-индской компании. Гомбрунский агент сообщил об этом президенту в Бомбей, который вслед за этим написал Надиру жалобу на действия бейлербея. Письмо пришло в Персию во время отсутствия шаха и было рассмотрено Рза Гули. Принц:

«в ответ на это написал агенту, что он выразил наше недовольство бейлербею, который будет отныне действовать справедливо: они (то есть представитель и Совет в Гомбруне) были проинформированы о том, что бейлербея очень расстроило это письмо».[1]

В октябре 1739 г. сын Таги Хана находился в Исфагане по дороге ко двору Рза Гули. Отмечают, что принц, подстрекаемый некоторыми врагами бейлербея, отнял у его сына экипаж, лошадей и оружие. Несомненно то, что Рза Гули и Таги Хан питали сильную неприязнь друг к другу, и возможно, что бейлербей мог позже использовать свое влияние на Надира во вред юному принцу.

Самым важным событием во время пребывания Рза Гули на должности наместника шаха была казнь несчастного экс-шаха Тахмаспа и его семьи. Этот жестокий акт, за который принц непосредственно нес ответственность, является, несомненно, огромным пятном на его репутации.

С начала весны 1739 г. в Персию стали проникать слухи о поражении, постигшем армию в Индии, и о смерти шаха[2]; впоследствии такие слухи неоднократно повторялись; при отсутствии достоверных сведений в течение продолжительного времени, этим слухам повсюду верили.[3] Особенно настойчивые сведения о смерти Надира стали распространяться в Персии в конце 1739 г. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как были получены последние достоверные сведения о Надире, и Мухаммед Хусейн Хан, Йохарыбашский Каджар из Астрабада, находившийся на службе у принца, убедил его для предосторож-

---

[1] *Bombay Government Public Consultations,* том X, 1739.
[2] Когда эти слухи дошли до Исфагана, персидские друзья Оттера опасаясь начала беспорядков, посоветовали ему покинуть страну. Оттер последовал их совету и направился из Исфагана в Багдад, 12/23 апреля (том II, стр.2). Братишев отмечает (цитируемое произведение, стр.470), что индийцы специально распространяли ложные слухи в Персии.
[3] Братишев, цитируемое произведение, стр.470.

ности убить экс-шаха Тахмаспа и двух его сыновей по той причине, что если сообщения о смерти Надира подтвердятся, то возможно, в Сабзаваре произойдут восстания сторонников арестованных сефевидов; он утверждал, что это восстание может распространиться и привести к опасным для него последствиям. Некоторые знатные лица, такие как Рахим Султан из Мерва, поддержали этот совет Мухаммед Хусейн Хана, и в конце концов, принц после двухдневных размышлений, дал свое согласие. Тогда Мухаммед Хусейн Хан направился в Сабзавар для исполнения приговора. Отмечают, что когда он вошел в здание, где были заключены экс-шах и его семья, Тахмасп, догадавшись о его намерениях, зашел в свой гарем, где вскоре послышались крик и плач. Затем Мухаммед Хусейн зашел в гарем, схватил Тахмаспа и задушил его куском веревки, который принес с собой. Сын Тахмаспа Аббас, которому тогда было восемь лет, бросился на труп, горько его оплакивая, тогда жестокий Каджар убил его тоже, а затем бросил младшего сына Исмаила в колодец. Кто-то вытащил Исмаила из колодца, но он вместо того, чтобы бежать, кинулся туда, где лежало тело отца, и как и его брат Аббас, бросившись на безжизненное тело Тахмаспа, заплакал над ним. Тогда безжалостный убийца схватил мальчика и отрезал ему голову.[1] Отмечают, что эти ужасные события сильно потрясли население Сабзавара; особенно скорбили о гибели Исмаила[2], так как он был красивым мальчиком и был очень популярен среди населения. Затем тела жертв были отправлены в Мешхед для похорон.

Рза Гули оставшись довольным смертью Тахмаспа и его сыновей, и подстрекаемый льстецами из своего окружения, собирался провозгласить себя шахом. Однако его грезы быстро рассеялись, так как внезапно из Дели прибыли гонцы с новостями о победах Надира и захвате им столицы Индии.[1]

Мухаммед Казим отмечает, что узнав эти новости Рза Гули стал сожалеть о своем неподобающим поведении; он приказал украсить и осветить улицы и базары Мешхеда и провел несколько дней, предаваясь развлечениям.[2] Этот же источник далее отмечает, что Фатима Султан Бегим, жена Рза Гули, в начале ничего не знала о смерти своего брата и племянников. Во время празднеств она заметила, что ее старая нянька плачет; расспросив ее о причине ее слез, она узнала правду. Она была так убита горем, что наложила на себя руки, повесившись или приняв яд, который находился в одном из ее колец. Когда Рза Гули узнал о самоубийстве своей жены, он поборов горе, похоронил ее рядом с ее братом в гробнице Имама Рзы[3]; через несколько дней он направился в Тегеран, где отпраздновал Новруз. Поэтому кажется вероятным, то что убийство Тахмаспа и двух его сыновей произошло в конце февраля 1740 г.[4]

Прежде чем созвать совет, принц, несомненно, получив указания от своего отца, сделал официальное объявление в Исфагане (и возможно, во всех важных местах)[5]:

«таким образом, каждый должен принести в шахский монетный двор все серебряные монеты, являющиеся старой валютой, такие как аббаси, мамуди и надири, и получить взамен рупии, которые он (Надир) отчеканил в Индии той же стоимости, каждый из которых весил десять шахи серебром».

---

[1] Выше дается сокращенная версия Мухаммеда Казима об этой трагедии (смотри K.N., стр.484-488). Его сообщения более подробны и, видимо, более точны (так как автор находился в это время в Мешхеде в близком контакте с принцем и имел возможность знать факты). Что касается экс-шаха Аббаса, невозможно поверить в историю, рассказанную Мухаммедом Мехди ибн Мухаммед Рза Исфаганским, в его *Nisf-i-Jahan fi tarikh-I-Isfahan* (Рукопись Брауна OR. Рукопись 1,3 в Кембриджской Университетской Библиотеке, листы 194 (a)-199 (b)), о том, что он тогда не погиб, а скрывался в надежном месте двенадцать лет; затем он, согласно этому автору, отправился в Исфаган, где предстал перед своими тетями (сестрами Тахмаспа), которые признали его по родинке на его плече.

[2] Не путайте сына Тахмаспа Исмаила с марионеточным шахом Исмаилом III, которого глава бахтиаритов Али Мардан Хан посадил на трон через двенадцать лет. Исмаилу III было только восемь лет, когда он стал шахом, и он был правнуком Шаха Султана Хусейна по женской линии (смотри *Fars-Nama*, стр.205).

[1] K.N., стр.489. Удивительно, что потребовалось так много времени, чтобы эти новости дошли до Мешхеда.

[2] Ibid., стр.490.

[3] Ibid., стр.492-495. Сведения Мухаммеда Казима о смерти Фатимы Бегим кажутся наиболее правдоподобными чем история, отмеченная Братишевым (цитируемое произведение, стр.468), а именно та, что когда она узнала об убийстве своего брата, то стала упрекать Рзу Гули так яростно, что он «резко обрубил поток ее слов своим мечом» (Братишев приводит в кавычках произнесенные якобы тогда слова, хотя они были произнесены наедине в гареме!).

[4] Первое упоминание о трагедии Гомбрунский Агент делает в письме в Лондон, датируемом 3/14 июня, 1740 г.

[5] *Gombroon Diary*, 5/16 февраля, 1740 г. (на основании письма от Джозефа Хермата, «переводчика» компании в Исфагане).

Представитель Гомбруна считал, что если этот обмен продолжался бы здесь, то оказал бы положительное воздействие на торговлю.[1] В продолжение он замечает, что он еще не слышал о каких-то изменениях в золотой монете: «мы считаем, что никакая из других монет не будет в таком изобилии (*sic*), чтобы быть на руках у каждого».

В Исфагане и других местах распространялись преувеличенные слухи о цели принца в проведении собрания; говорили что[2]:

«он вызвал всех Каунов и Правителей Персии сопровождать его (в Тегеран), как Надир в Чуламагоне (Чули-Муган), и затем по приказу своего отца возьмет на себя всю Верховную власть монарха Персии…».[3]

Однако впоследствии стало ясно, что целью Рзы Гули было просто тщательно разобрать ежегодные отчеты.

Весной 1740 г. в Басре ходили слухи о том, что Ахмед Паша надеется завладеть персидским троном, если подтвердятся слухи о смерти Надира.[4] Неизвестно, были ли какие-то основания для этого, но так как Ахмед Паша был очень амбициозным человеком и завоевал большую часть западной Персии при беспорядках, последовавших за афганским вторжением, он, возможно, считал, что сможет повторить свой успех при беспорядках, которые почти непременно последуют за смертью Надира, и создаст государство, охватывающее персидские провинции Кирманшаха, Ардалана, а также два турецких вилаята, Багдад и Басра.

Хотя Надир неоднократно направлял приказы Рзе Гули прибыть в Герат (куда он сам должен был прибыть в июне 1740 г.), принц откладывал выполнение приказа некоторое время, по причине того, что государственные дела в Тегеране все еще вынуждали его находиться здесь; трудно определить было ли это настоящей причиной или, как предполагалось[5], это было лишь отговоркой, чтобы отсрочить встречу со своим грозным родителем. Рза Гули был столь неблагоразумен, что выступил из Тегерана помпезно в сопровождении своего корпуса «китайской картинной галереи»; более того, он так медлил со своим выступлением из Тегерана, что опоздал и не смог встретить Надира в Герате, и ему пришлось пересечь позиции своего отца следом из Герата в Маручаг. Встреча состоялась у Гара Тепе в Бадгисе 27 июня, 1740 г.[1] Мухаммед Казим, сопровождавший шаха из Герата, отмечает, что он ехал верхом на слоне, и что Рза Гули и его воины слезли с лошадей, приблизившись к нему на расстояние 50 шагов от него. Надир, как он замечает, затем осмотрел охрану принца и поразился их пышной одеждой и снаряжением, но скрыв свое удивление, дружелюбно поздоровался со своим сыном. Тем не менее, он понял, что в сообщениях о поведении его сына, которые он получал во время своего отсутствия в Индии, и его притязаниях на трон есть доля правды. Собрав своих военачальников, он приказал немедленно распустить помпезную гвардию своего сына; через полчаса Рза Гули вместо того чтобы стоять во главе 12.000 человек, имел не более тридцати или сорока слуг.[2]

Принц был сильно расстроен роспуском своей любимой гвардии. В конце дня Надир вызвал его в свою палатку и стал расспрашивать относительно его дел, стараясь утешить и успокоить его, но затем он сказал:

«Я был обеспокоен, узнав об увеличении армии. Так как народ Персии не может видеть два шахских двора, мы должны сделать один, и это правительство, эта армия и эти помпезность и великолепие не для тебя. Устраивай свой образ жизни так, чтобы никто не мог сказать о тебе дурного».

Затем Надир выразил недовольство убийством Шаха Тахмаспа. Позже он сказал своим военачальникам и знатным лицам:

«Меня встревожило убийство Шаха Тахмаспа моим сыном, и по этой причине, я отстранил его от правления (аялят) Персией».[3]

После назначения Насруллаха на место Рзы Гули наместником Шаха он отправился в Мешхед вместе с Имамом Гули, своим гаремом

---

[1] *Gombroon Diary*, 5/16 февраля, 1740 г. (на основании письма от Джозефа Хермата, ссылаясь на сноску 5 на стр.213).
[2] Ibid., 23 декабря, 1739 г. /3 января, 1740 г.
[3] Ibid., 1/12 апреля, 1740 (на основании письма от Джозефа Хермата).
[4] Письмо резидента компании в Басре Томаса Дорила в Лондон, датируемое 5/16 марта, 1740 г.
[5] Братишев, цитируемое произведение, стр.468.

[1] K.N., стр.510; Мирза Мехди (T.N. стр.217) отмечает дату (1-го Раби II), место встречи и замечает, что Надир осмотрел войско своего сына, но он не дает других подробностей. Братишев (цитируемое произведение, стр.478) отмечает, что Надир принял своего сына «больше со строгостью (*Ernsthaftigkeit*) могущественного правителя, чем с доброжелательностью отца».
[2] K.N., стр.511.
[3] Ibid.

и взяв с собой Рзу Гули в поход на Туркестан[1], о чем речь пойдет в Главе XIX.

О положении основной массы простых людей и крестьян в этот период имеется недостаточно сведений, но имеющиеся сведения вызывают ужас. Чрезмерные налоги Таги Хана на юге стали причиной обнищания масс, а многие молодые новобранцы, зачисленные или скорее силой завербованные в Оманскую экспедицию (смотри следующую главу), никогда не увидели своих домов снова. Что касается центральных и западных районов, у Оттера есть интересные сведения о своем путешествии из Исфагана в Багдад через Кангавар и Кирманшах в апреле и мае 1739 г. Оттер дает мрачную картину положения крестьян; положение крестьян было незавидным, когда он направлялся в Исфаган с Абдул-беги Ханом в 1737 г., но при возвращении в Багдад через два года он обнаружил, что оно еще более ухудшилось.[2]

12/23 марта 1740 г. Гомбрунский агент заметил в своем дневнике:

«Освобождение своих подданных от налогов Шахом Надиром и большие ожидания после некоторых справедливых действий, предпринятых правительством молодого принца, радовали народ».

Однако надежды населения не оправдались, поскольку налоги были восстановлены; что касается Рза Гули, то периоду его правления пришел конец.

[1] Bayan, лист 38 (b).
[2] Оттер, том II, стр.13 и 14.

ГЛАВА XVIII. ПЕРВАЯ ОМАНСКАЯ КАМПАНИЯ И ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ, 1737-1740 гг.

Образование и развитие персидского военно-морского флота были описаны в Главах VII, VIII и X. Свою неудачу при попытке взятия Басры флот возместил захватом Бахрейна, а его амбициозный военачальник Латиф Хан стремился показать, что имея благоприятную возможность, флот смог бы достичь куда больших результатов. Желанный случай не заставил себя ждать, так как примерно в 1736 г., Имам Саиф ибн Султан Омана спровоцировав восстание своих подданных из-за своих распущенных действий, был вынужден обратиться за помощью к Надиру.[1] Узнав об этих событиях, Латиф Хан убедил Надира воспользоваться ситуацией в Омане, чтобы отправить экспедицию из объединенных сил морского флота и наземных войск под предлогом оказания помощи Имаму, а в действительности, для захвата его страны.[2] Надиру нужен был лишь незначительный предлог, чтобы согласиться, так как имея в руках Мускат и весь Оманский берег, а также Бахрейн, было бы легче установить морское превосходство в Персидском Заливе и Заливе Омана.

14 мая 1737 г., персидский флот, состоявший из четырех кораблей (два из которых были приобретены у англичан), двух грабов и нескольких сравнительно небольших судов, прибыл в Гомбрун из Бушира под командованием Латиф Хана, «который поднял свой флаг, на котором на белом фоне по середине был окровавленный меч».[3] 12 апреля погрузив 5.000 человек и 1.500 лошадей, флот отплыл в Хор Факкан, труднопроходимый залив с надежным оплотом на оманском берегу, в 74 милях южнее Рас Мусандама; через четыре дня он прибыл в Хор

[1] Смотри перевод Бадгером труда Салима ибн Разига *History of the Imâms and Seyyids of 'Omân*
[2] *Gombroon Diary*, 2/13 февраля, 1738 г.
[3] Письмо Гомбрунского Агента и Совета в Лондон, датируемое 6/17 мая, 1737 г. (персидский флаг не менялся в течение предшествующих шести лет, Док. Фрайер описывает его как: «Окровавленный меч на белом фоне с обеих сторон на белом фоне»; смотри *Travels into Persia*, Лондон. 1698, стр.356).

Факкан.[1] Высадив здесь часть своих отрядов, адмирал отплыл обратно на север Рас Мусандама и высадил остальных воинов в Джульфаре (Расул-Каима), где он встретил Имама Латиф Хана, который с Саифом ибн Султаном направился во внутренние районы страны и у Фалджус-Самини нанес поражение Баларабу ибн Химьяру ал-Ярибу, который несмотря на свое родство с Саифом, был лидером восставших.[2] Затем персы и сторонники Имама захватили города аль-Джауф и Ибру, но в последний момент между Саифом и Латиф Ханом появились разногласия из-за того, что персы уже начали вести себя как хозяева всей страны. Союз между Имамом и персами был разорван, и Латиф Хан вместе со своими войсками вернулся в Джульфар.[3]

В течение лета и осени 1737 г. не было предпринято никаких дальнейших шагов для установления контроля над Оманом, но в ноябре бейлербей Фарса Таги Хан получил безоговорочный приказ от Надира продолжить кампанию.

В январе 1738 г., после присвоения всех английских и голландских транкеев в Гомбруне бейлербей и Латиф Хан направились в Джульфар с 6.000 человек. Таги Хан отплывал, имея тревожные предчувствия и разругавшись с Латиф Ханом, потому что последний убедил Надира предпринять это рискованное предприятие. Тем не менее, Бейлербей и Адмирал уладили свои разногласия и объединили свои войска с Саифом ибн Султаном, чьи неудачи против своих мятежных подданных заставили его вновь обратиться к Персии за помощью. Объединенные войска снова нанесли поражение Баларабу ибн Химьяру и захватив города Бахлу и Назву[4] наступили на Мускат. Персы без труда захватили город, но не смогли взять восточные и западные форты[5], несмотря на то, что осаждали их пять недель. У Муската Имам разругался с Таги Ханом, несомненной причиной этого стало то, что персы пытались захватить эти форты. Тогда Саиф ибн Султан отвел

[1] C. Guillain *Documents sur l'Histoire, la Geographie, et le Commerce de l'Afrique Orientale*, (Париж, 1856), том I, стр.529.
[2] C. Guillain, цитируемое произведение, том I, стр.529.
[3] *Gombroon Diary*, 21июля/1 августа, 1737 г.
[4] Салим ибн Разиг, цитируемое произведение, стр.142, Guillain, том I, стр.529, *Gombroon Diary*, 8/19 апреля, 1738 г.
[5] Эти форты известны также как ал-Джалали и Марани; они были построены португальцами.

свой флот и свои войска, и пришел к соглашению с Баларабом, который пообещал помочь ему в борьбе против персов.

Не сумев захватить форты Муската, Таги Хан направился в Барку в конце мая, но и там он не смог осуществить намеченное. В Барке вновь вспыхнули разногласия между Таги Ханом и Латиф Ханом, в результате чего первый отравил Адмирала.[1] Так погиб многообещающий командующий военно-морского флота Надира, унаследовавший мореходный дух опытных персидских мореплавателей из Сирафа.

По всей видимости, затем Таги Хан и его люди, оказавшиеся в очень затруднительном положении после неудачной попытки захватить город Шохар, были вынуждены вернуться на свои корабли и отплыть в Джульфар. Тем временем, персидский гарнизон потерпел поражение у Бахлы.

Теперь, когда не было Латиф Хана, чтобы помешать бейлербею, он стал проявлять скупость к арабским морякам (большинство из которых были из Хувалы); не выплатив им все жалование и не выдав им необходимого продовольствия, он спровоцировал серьезный мятеж, в результате которого персы временно лишились господства в Заливе. Мятежники и их союзники арабы Хувала и Омана совершили набег на Басиду, а затем напали на Бахрейн, где осадили гарнизон; на время их контроль на море был таким, что продовольствия переправлялись войсками на английских судах.

Однако арабы не смогли надолго сохранить согласие между собой, и вспыхнувшая к концу 1738 г. между двумя группировками междоусобица дала возможность персам вернуть три корабля, бригантину, пару грабов и несколько транкеев. В конце января 1739 г. произошло морское сражение, во время которого был вызван арабский Адмирал; мятежники и повстанцы, удрученные этим прекратили сопротивление.[2]

В марте бейлербей прибыл в Гомбрун «с приказом сравнять с землей Мускат»[3], но вспыхнувшее в провинции Кухгилу восстание заставило его вернуться, прежде чем он смог предпринять какие-то действия в Омане. После подавления восстания в Кухгилу, Таги Хан в октябре или начале ноября получил от Надира, находившегося в Ченабе, приказ направиться в Синд.[4]

[1] *Gombroon Diary*, 26 июня/7 июля, 1738 г.
[2] Письмо из Гомбруна в Лондон, датируемое 31 марта/11апреля, 1739 г.
[3] Ibid.
[4] Смотри стр.190 выше

Получив большое голландское судно в ссуду и приобретя продовольствие от англичан, Таги Хан 3 декабря по суше отправился из Гомбруна в Сеид через Макран во главе 2.000 кавалерии. Флот, на борту которого находилось несколько тысяч персидских отрядов, отплыл в тот же день.[1] Объединение произошло у Гвадара, откуда Таги Хан направился во внутренние районы страны в Кеш, где примерно в феврале 1740 г., он понес сокрушительное поражение от белуджских племен Макрана, руководимых Малик Динаром.[2] В связи с нехваткой продовольствия как на берегу, так и на флоте, большая часть людей погибла от голода. 5/16 апреля Таги Хан вернулся из своей неудачной экспедиции в Гомбрун, «где пришлось вести себя определенным образом».[3] Через два дня прибыл Адмирал Мир Али Хан, который выглядел «очень расстроенным»; он сообщил о больших потерях из-за недостатка воды и еды. К концу апреля Таги Хан получил строгий приказ от Надира направиться в Надирабад, куда последний сам должен был вскоре прибыть. К 1/12 мая весь флот снова собрался в Гомбруне, но, по сообщениям, он был «непригоден для каких-то предприятий» и даже не был готов к атаке в случае нападения арабов.[4]

Что касается Таги Хана, то ему при прибытии было сделано строгое замечание, и он лишился своего поста на некоторое время.

История второй Оманской кампании и последующие операции в Персидском заливе будут описаны в Главе XXI.

[1] *Gombroon Diary*, 19/30 ноября, 1739 г. Смотри также Оттер том II, стр.87 и 88.
[2] T.N., стр.214.
[3] *Gombroon Diary*, 5/16 апреля, 1740 г.
[4] Ibid., 1/12 мая, 1740 г.

ГЛАВА XIX. ТУРКЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Как уже было отмечено, при выступлении из Кабула в Дели Надир решил захватить Туркестан на обратном пути из Индии. К принятию этого решения его отчасти побуждало желание наказать Илбарса Хорезмского за его дерзость, и отчасти его очевидная страсть к завоеваниям; нет доказательств того, что он уже задумал план (которого затем придерживался) расширить свою империю к востоку и северо-востоку не только за счет таких центрально-азиатских властителей, как Илбарс, Абуль Фейз и ханы Ташкента и Ходженда, но также и Китайской Империи. Если даже у него и были какие-то планы, он предпочел отложить их осуществление до тех пор, пока не отомстит за смерть своего брата, наказав лезгин, и пока не разобьет оттоманских турков. Поэтому, предполагается, что на этот раз планы Надира в Туркестане были ограничены.

Что касается Илбарса, то он стремился свести счеты. В начале 1735 г., в то время как Надир был занят проблемой вытеснения турков из Азербайджана, Илбарс направил два отряда ямутских туркмен на северо-запад Хорасана, чтобы совершать набеги и грабежи. Несмотря на то, что местные курды отразили натиск мародеров, нанеся им тяжелые потери, Надир не забыл об этом инциденте.[1] Впоследствии, через три года, Илбарс предпринял крупную экспедицию против Хорасана, в то время как шах находился в Индии; эта экспедиция как мы знаем, завершилась неудачно, но тот факт, что Илбарс вторгся в Персию, особенно в родную провинцию Надира, Хорасан, был более чем достаточным, чтобы побудить шаха отомстить.

С другой стороны, не было никаких причин для недовольства Абуль Фейзом Бухаринским, который несомненно имел все основания выступить против Рза Гули и Тахмасп Хана Джалаира, когда те напали на его государство. Более того, узнав о приготовлениях, предпринимаемых для туркестанской кампании Надира, он отправил шаху послание, где выражал свою готовность подчиниться; он также, подчеркивая свое древнее происхождение, замечал, что с его стороны не будет оказано сопротивление и выразил надежду, что Надир станет его гостем.[2]

[1] T.N., стр.155.
[2] Ibid., стр.209.

Как было отмечено в конце Главы XV, Надир прибыл в Надирабад 4 мая 1740 г. Во время своего короткого восьмидневного привала там, он приказал бейлербею провинции Абдул Гани Хану направиться в Ширван в начале осени, чтобы наказать лезгин за убийство Ибрагим Хана. Глава абдалисов должен был выступить против лезгин, как только зимние снега в горах преградят им путь для отступления в Аварию. Шурин Надира Фатали Хан и 15.000 воинов из хорасанского войска должны были направиться в Ширван с Абдулом Гани для участия в кампании, где им предстояло объединиться с военными и гражданскими властями Азербайджана и Грузии.[1]

Покинув вскоре Надирабад, Шах приказал правителям, заместителям правителей, главам городов и старейшинам Хорасана встретить его в Герате, где он и принял их при своем прибытии туда 10 июня. Среди этих знатных лиц был и Калб Али Хан, бейлербей Мерва Шахиджан, к чьей свите присоединился Мухаммед Казим.[2]

Надир приказал разбить огромную палатку в Герате. Мухаммед Казим отмечает, что когда завершилась установка палатки, внезапный порыв ветра обрушил ее, вопреки усилиям нескольких тысяч людей, которым было поручено ее установить; этот случай повторился и на следующий день.[3] Когда, наконец, палатка была разбита, в ней были выставлены павлиний трон и другие сокровища из Индии; населению Герата, войскам и путешественникам, проходящим через город, было позволено входить и рассматривать их.[4]

Через несколько дней после прибытия Надира, его племянник Али Гули и его внук Шахрух (которому тогда было шесть лет) прибыли в Герат. Приняв Али Гули, Надир выразил ему соболезнование в связи со смертью его отца и пообещал отправиться в Дагестан и отомстить за него, как только вернется из Туркестана.[5] В честь Шахруха Надир отчеканил в монетном дворе Герата монеты с его именем, точно

[1] T.N., стр.216.
[2] K.N., стр.498.
[3] Ibid., стр. 499 и 500.
[4] Ibid., стр.505 и 506; смотри также T.N., стр.216 и Bayan, лист 37 (a)-38 (b). Абдул Керим дает очень подробное описание этой палатки, которая была вся чрезмерно украшена драгоценными камнями и жемчугами, привезенными из Дели. По приказу Надира, была сделана копия павлиньего трона (T.N., стр.216).
[5] K.N., стр.508.

так же, как 300 лет назад здесь были отчеканены монеты с именем его тезки, третьего сына Тимура.

После пятнадцатидневного привала в Герате, Надир отправился в поход в Туркестан; после встречи со своим сыном (Рза Гули) у Гара Тепе, он как было отмечено в Главе XVII, отправился вместе с ним в Балх через Маручаг[1], Чачакту и Андхуд. Близ Герата Шах построил форт; на вопрос, зачем он здесь построил форт, когда вся Персия, Афганистан и Индия под его властью, он ответил: «Я делаю это на случай вражеского нападения… враг внутри более опасен, чем враг извне».[2]

В соответствии с приказами, полученными из Индии, командующий войсками гарнизона в Балхе приобрел 1.000 судов, построенные на берегах Оксаса индийскими плотниками и кораблестроителями, направленных Надиром для этой цели. Каждое из этих судов весило от 200 до 400 маундов (5 ¾ до 8 ¾).[3] Когда шахские войска добрались до берегов Оксаса в районе близ небольшого города Килифа, флотилия уже ждала их там в полной готовности; продовольствие и зерно, так же как и артиллерийское оружие, были размещены на борту. Часть войск переправилась в Килиф через Оксас; когда основные силы направились по левому берегу вниз по течению, этот отряд последовал за ними по другой стороне. 27 Джумади I (20 августа 1740 г.) войска добрались до Керки и через десять дней прибыли в Чарджуи.[4] После переправы на плотах и лодках 12.000 джазаиритов, Надир приказал построить понтонный мост, через который переправились остальные части войск. Затем были построены укрепленные форты в каждом конце этого моста.[5]

Узнав о том, что Надир со своей армией добрался до берегов Оксаса, Абуль-Фейза из Бухары охватил страх, и он отправил Хакима Аталыга Мухаммеда Рахима Би выразить почтение завоевателю от его имени; если, заявил посланник при прибытии, Шах захочет направить-

[1] Джордж Томпсон, управляющий российской компанией, посетил Хиву зимой 1740/1 гг. с коллегой по имени Рейнолд Хогг, пересек Маручаг в сентябре 1741 г.; он описывает его как «очень укрепленное место, украшенное двойной стеной, управляемой Ханом; гарнизон состоял из 500 человек и был защищен несколькими артиллерийскими орудиями». (Ханвей, том I, стр.354).
[2] K.N., стр.509.
[3] T.N., стр.217.
[4] Ibid., стр.218.
[5] K.N., стр.514.

ся до Каракула, Абуль-Фейз станет его гостем и заключит с ним соглашение о союзе. Надир выслушал эти слова с кажущимся удовлетворением, но когда Хаким Аталыг завершил речь, он заметил: «Сущность мира заключается в том, чтобы правитель (Абуль-Фейз) с пышностью Афрасияба прибыл сюда к моему двору».[1]

Когда Хаким Аталыг вернулся к Абуль-Фейзу и передал это послание правителю, он выступил из Бухары навстречу к Надиру, но вернулся назад в город, узнав о том, что несколько тысяч соплеменников из районов Миян Кала, Аг Ялу, Ходженда, Андиджана, Гунграта и других мест выступили на помощь ему, желая отомстить за тех своих соплеменников, которые погибли при сражении против Рза Гули Мирзы. По прибытии главы племен убедили Абуль-Фейза не подчиняться Надиру, а оказать ему сопротивление; несмотря на старания Хакима Аталыга убедить его не слушать их, правитель решил принять их помощь. Соответственно, Абуль-Фейз и его союзники направились к месту близ Бухары и стали ожидать прибытия сюда персидских войск.[2]

После двухдневного тщетного ожидания послания Аталыга, Надир направил разведчиков выяснить что произошло; узнав о том, что Абуль-Фейз получил крупное подкрепление и готовится к сражению, он стал спешно готовиться к бою. Сражение началось на следующий день. Узбекские войска атаковали, но в ужасе отступили, когда персидские артиллерийские орудия и зенбуреки открыли по ним огонь; многие из них до этого никогда не слышали и не видели артиллерийских орудий. Однако они вновь объединились и атаковали. Надир предпринял усиленную контратаку, глава Аг Ялу вместе со своими людьми в страхе бросился бежать с поля битвы. Его побег расстроил Абуль-Фейза, и он отступил в свою столицу; основная часть узбеков пала в бою, многие погибли или были ранены при отступлении с поля битвы.[3]

Горько жалея о том, что не последовал мудрому совету Хакима Аталыга, Абуль-Фейз вызвал его к себе и приказал ему еще раз направиться к Надиру и попытаться умиротворить его. Хакиму Аталыга удалось выполнить это поручение, и точно так же, как Мухаммед Шах поступил после Карнала, Абуль-Фейз прибыл в Каракул к Надиру,

---

[1] Ibid., стр.515.
[2] Ibid., стр.516 и 517.
[3] Ibid., стр.517-522. Об этом сражении не упоминается у Мирзы Мехди.

чтобы выразить свою покорность. Отмечают, что Надир отнесся к Абуль-Фейзу дружелюбно и сделал ему несколько ценных подарков. Тем не менее, Надир повел себя так, как вел в Индии; при его прибытии в Бухару, была прочитана хутба, и были отчеканены монеты с его именем. Правитель и население Бухары ежедневно обеспечивали персидские войска продовольствием, но с другой стороны, последним не разрешалось грабить или как-то иначе досаждать населению; по приказу Надира, части насагчи патрулировали город и окрестности, чтобы следить за выполнением приказа.[1] Как отмечают, Надир, одержимый богатствами Индии, смотрел на незначительные сокровища Бухары с презрением.[2]

Вся Трансоксиана к востоку и северо-востоку от Бухары до Самарканда и дальше находилась теперь в руках Надира. По совету Хакима Аталыга, он отправил своего шурина Лутф Али Хана с 2.000 отрядом в Самаркандскую область, чтобы подчинить племя Юз, которое по утверждению Аталыга, было непокорным и всегда угрожало Бухаре. После покорения юзов, Лутф Али Хан по приказу Надира переправил из Самарканда и разместил в Мешхеде надгробную плиту Тимура и бронзовые ворота Мадрасы.[3]

---

[1] Ibid., стр.527.
[2] Bayan, лист 42 (b).
[3] K.N., стр.532 и 533. Мухаммед Казим отмечает, что надгробная плита была из одного блока агата (или яспер; *yashm* имеет то же значение). Вамбери, в своем труде *Travels in Central Asia* (Лондон, 1864), стр.207 и 208, отмечает, что Турбати-Тимур в Самарканде «под куполом... расположены две могилы, головою в сторону Мекки. Одна из них покрыта очень красивым камнем темно зеленого цвета, два с половиной пядей в ширину и десять в длину, и около шести пальцев в толщину. Они были ровно помешены с двух сторон над могилой Тимура; другая... могила Мир Сеид Берка, учителя и духовного руководителя Тимура». Согласно Абдул Кериму Кашмири (Bayan, лист 45 (b)), камень был расколот надвое в ходе перевозки. О перевозке надгробной плиты упомянуто в *Gombroon Diary*, 27 января/ 7 февраля 1741 г. Кроме этой надгробной плиты, воины унесли с собой большую часть страниц Корана, который написал Baisonghur *Chiyathu'd-Din*, сын Шахруха, а затем положил на могилу деда (Baisonghur, умер в 1433 г., он был талантливым каллиграфистом и рукописцем). Дж. Б.Фразер в Кабушане обнаружил несколько этих листов (которые были размером от 12 до 18 фунтов) в *Имамзаде* или усыпальнице Ибрагима ибн Али (*Narrative of a Journey into Khorassan in the years 1821 and 1822*, стр.574). В 1883 г., по приказу Насируд-Дин Шаха, два из этих листов были перенесены из этой гробницы в Музей в Тегеран.

Во время отсутствия Лутф Али Хана в связи с этой экспедицией, Надир зачислил в свою армию 30.000 узбеков и передал их под командование сына Аталыга.[1]

15 Раджаба (6 октября 1740 г.) Надир преподнес Абуль-Фейзу великолепный халат и сам возложил на его голову корону Бухары, дав ему титул Шаха. Однако в то же самое время он официально присоединил Чарджуи и все остальные территории Бухары к югу от Оксаса.[2] Затем он вызвал Хакима Аталыга и Гушбеги[3] и приказал им сообщить Абуль-Фейзу, что он хочет, чтобы тот выдал одну из своих дочерей за Рза Гули, а другую за его племянника Али Гули. Так как ничего не оставалось, кроме как согласиться, монарх дал свое согласие, после чего Надир отправил несколько дам из своего гарема во дворец в Бухаре, чтобы официально просить выдать замуж двух принцесс, старшую за Рза Гули, и младшую за его кузена. Вернувшись, эти дамы сообщили, что младшая дочь Правителя Турана «девушка блестящего ума, прелестна, красноречива и красива»; услышав эти похвалы в адрес младшей дочери, Рза Гули сказал матронам, чтобы они попросили Шаха разрешить ему взять в жены младшую дочь вместо старшей. Когда Надиру передали эту просьбу, он сказал, что невежливо по отношению к Абуль-Фейзу делать какие-то изменения, и Рза Гули должен жениться на старшей дочери. Когда Рза Гули сообщили об этом решении, он очень расстроился, и отчасти потому, что недолюбливал своего кузена Али Гули; он воскликнул:

«Если ситуация такова, что у меня нет выбора, Бог сжалится надо мной. Я собираюсь вскоре жениться на дочери правителя Китая».

Когда матроны сообщили Надиру об этих словах, он расстроился и еще больше поверил в то, что его сын стремится занять трон. Он публично заявил, что если Рза Гули откажется жениться на старшей из двух принцесс, он женится на ней сам, и выполнил свое обещание.[4]

Еще в Бухаре Надир по предложению Абуль-Фейза направил гонца вместе с двумя ходжами из Джуибара[5] в Хорезм к Илбарсу с

[1] K.N., стр.533.
[2] T.N., стр.219.
[3] После Аталыга, Гушбеги был самым влиятельным министром Правителя Бухары.
[4] K.N., стр.833-535.
[5] Смотри труд Каникова *Boukhara, its Emirs and People*, (Лондон, 1845), стр.234, где дает сведения о ходжах из Джуйбара (которые составляли одну из двух религиозных классов Бухары).

письмом, где требовал от него, чтобы он явился и попросил прощения за свои грехи. Получив это послание, Илбарс пришел в такую ярость, что казнил гонца и двух ходж.[1]

Через три дня после своей и Али Гули свадеб, Надир отправил последнего с Насруллахом Мирзой и с гаремом в Мешхед. Примерно в это же время он назначил Тахмасп Хана Джалаира правителем и главнокомандующим своих индийских владений и приказал ему отправиться к Шикарпуру.[2]

Пообещав направить отряды на помощь Абуль-Фейзу в случае необходимости, Надир со своими войсками отправился из Бухары в Чарджуй, зайдя по пути в Хорезм. Узнав о том, что Илбарс послал из Хивы крупный контингент узбеков и туркмен с целью разрушить до его прибытия туда форты и понтонные мосты, ведущие в Чарджуй, он спешно выступил вперед основных частей войск, во главе отборного отряда. Прибыв в Чарджуй раньше узбеков и туркмен, он переправился через левый берег и приготовился к сражению; когда на следующий день появились хорезмские войска он стремительной атакой обратил их в бегство.[3] Остановка у Чарджуя на несколько дней позволила остальным частям войск и обозу прибыть сюда и перейти Оксас. Находясь в Чарджуе, Надир позволил своему сыну Рза Гули отправиться в Мешхед. Таги хан Ширази, который был вызван ко двору, попав в опалу из-за своего некомпетентного руководства макранской экспедицией, сумел укрепить свое положение в качестве бейлербея Фарса; в Чарджуе он получил от Надира другие знаки благосклонности и затем был отправлен в Мешхед, откуда направился в Фарс. Если принять во внимание его ненависть к Рза Гули, можно предположить, что он использовал свое необъяснимое влияние на Надира во вред принцу.

Погрузив продовольствие и артиллерийские орудия на речное судно и отправив их вниз по течению, Надир выступил из Чарджуя в ущелье Деве Боюн («Верблюжья Шея»), где река сужалась на одну

[1] Абдул Керим Бухари, стр.48.
[2] T.N., стр.219. Пир Ибрахим Хан (цитируемое произведение, стр.27-30) отмечает, что Тахмасп Хан, когда хотел подавить восстание даудпутров, потерпел поражение от них и потерял основную часть своей армии.
[3] K.N., стр.538-542; T.N., стр.211. Как утверждается в Bayan, (лист 47 (b)), гызылбашские войска страдали из-за нехватки воды в этих условиях, и что когда шаху сообщили об этом, он приказал казнить двух главных носильщиков воды, из-за того, что они не выполняли свои обязанности должным образом.

треть от своей обычной ширины. В этом походе войска были разделены на четыре дивизии; одна из этих дивизий шла впереди обоза, другая следовала за ней, а две другие охраняли фланги. Еще 6.000 кавалерий находилось близ реки, чтобы защитить флотилию. Как отмечают, поднимавшаяся пыль от проходящих войск была такой густой, что ничего не было видно, и от этого у многих появились глазные болезни.[1] Прибыв в Деве Боюн, Надир построил здесь укрепленное хранилище для своего обоза и затем к концу октября 1740 г. со своими людьми выступил в Фитнак. Близ этого места персы неожиданно столкнулись с войсками Илбарса, в результате чего произошло ожесточенное сражение. Контингент из 6.000 ямутских туркмен отчаянно сражался, но ни они, ни какой-нибудь другой отряд с узбекской стороны не смогли оказать сопротивление серии атак, предпринятых самим Надиром.[2] Илбарс со своими войсками был вынужден отступить и укрыться в укрепленной крепости Хазарасп, расположенной в 13 милях к северо-западу от Фитнака; Хан заранее приказал потопить несколькими каналами низкорасположенные земли, окружающие крепость. В результате, приблизившись к Хазараспу, Надир обнаружил, что невозможно продвинуть артиллерию в пределы дальности действия огня[3] и совершить лобовую атаку; в таких условиях, он осадил крепость, разгромив другую часть ямутских туркмен. Ожидалась длительная и тяжелая осада, так как было известно, что Хазарасп обеспечен продовольствием, и более того, приближалась зима. К своему счастью, Надир узнал, что семья Илбарса и сокровища находятся в крепости Ханга, расположенной в пяти милях западнее Оксаса и 20 милях восточнее севера Хивы. Он сразу перевел свои войска к Хиве, надеясь, что такое передвижение вынудит Илбарса выйти и поспешить на защиту своей семьи и драгоценностей. Его замысел удался; Илбарс той же ночью покинул Хазарасп и спешно наступая, прибыл в Хангу в то самое время, когда персидские войска приближались туда с другой стороны.[4] Вновь собрав свои войска, он попытался перейти в наступление, но потерпел поражение и был осажден в Ханге. Гарнизон отчаянно сопротивлялся два или три дня, но когда персы начали готовиться к решающей атаке 24 Шабана (14 ноября) после взрыва нескольких мин у стен крепости, Илбарс испугавшись, стал просить пощады; Надир согласился простить его, и он сдался. Шах дал Илбарсу палатку около палатки Фатали Хана, а затем созвал инагов[1] и глав; подарив им халаты и другие подарки, он поручил им убедить население Ханги в том, что они не будут наказаны.[2]

[1] Bayan, лист 51 (b).

[2] K.N., стр.544 и 545; на полях книги на стр.544 отмечено, что эта битва произошла 11 Шабана (1 ноября 1741 г.).

[3] K.N., стр.547; T.N. стр.211, Bayan, лист 52 (а). После затопления окружавшей местности, единственным способом приблизиться в Хазарасп была одна единственная узкая тропинка.

[4] K.N., стр.551.

Узнав, что Надир пообещал простить Илбарса, родственники двух убитых ходж из Джуйбара пришли к нему и попросили казнить хана.[3] Вопреки своему обещанию шах послал за Илбарсом и (цитируя Ханвея):

«расспросил его об убийстве своих гонцов. Тот оправдываясь сказал, что убийство совершили узбеки без его ведома. Тогда персидский король заметил: «Если ты не умеешь управлять даже небольшим населением, живущим на своей территории, то ты не заслуживаешь жизни; а за то, что ты нанес мне оскорбление убийством моих гонцов, у тебя нет права умереть, как умирают люди; ты умрешь как собака.' Затем он приказал палачам перерезать хану горло; это наказание считалось самым позорным у персов. Узнав о гибели хана, все города и деревни за исключением столицы, сдались».[4]

Так как в Бухаре Надир запрещал своим войскам тревожить население, он казнил несколько своих чиновников и солдат, вызвавших беспорядки в городе.[5]

Завершив дела в Ханге, Надир направился в Хиву, которая, как уже было отмечено, находилась на расстоянии в 20 милях. Томпсон и Хогг, находившиеся в это время в Хиве, описывают ее как:

«расположенная на возвышенной местности, она имела три входа и была обнесена по земле мощной, очень широкой и высокой, даже выше домов, стеной; башни были расположены близко друг от друга,

[1] Инаги были пожилыми членами племени и военными главами (статья Бартольда о Хорезме в И.И., том II, стр.110). Вамбери отмечает, что инагов Хорезма было четверо, двое были близкими родственниками хана, а другие были также членами его семьи, но не такими близкими родственниками; один из первых двух всегда был Правителем Хазараспа (*Travels in Central Asia*, стр.335).

[2] K.N., стр.554-556.

[3] Абдул Керим Бухари, стр.49.

[4] Ханвей, том IV, стр.206 (по сведениям Томпсона и Хогга).

[5] K.N., стр.557.

там был еще и глубокий ров, заполненный водой. Место большое, но дома низкие, большая их часть была построена из грязи; крыши плоские и покрыты землей. Там открывался красивый вид на соседние равнины, которые благодаря трудолюбию населения стали очень плодородной».[1]

Когда, наконец, Илбарс понял, что действительно его положение опасное, он послал к главе Малой Орды казахов Абул Хеир Хану, за помощью. В ответ на эту просьбу Абул Хеир вместе с объединенными войсками казахов и аральских узбеков направился в Хиву и вошел в город. Решив отправить гонцов к Надиру, он выбрал для этой цели русского офицера, инженера по имени Муровин, которому, как отмечают, он доверял больше, чем кому-нибудь из своих собственных командующих.[2] При встрече с Надиром Муровин сообщил ему о том, что глава казахов готов подчиниться и хочет стать ханом Хивы. Шах отнесся к Муровину весьма любезно и приказал ему предложить Абул Хеиру лично прибыть к нему, где его примут и наградят как подданного Императрицы России, с которой он (Надир) хотел сохранить дружеские отношения. Муровин вернулся к Абул Хеиру с этим убедительным посланием, но то ли последний не доверял словам Надира, то ли из-за заговора населения Хивы, он со своей ордой сбежал в казахские степи.[3]

Несмотря на бегство Абул Хеира, хивинцы, поддерживаемые своим командующим Абдурахман Беком Гушбеги, решили не подчиняться, и когда Надир направил к нему послов, они отказались вести переговоры. Вследствие этого, войска Шаха окружили город, который продолжительно бомбардировали из восемнадцати пушек и шестнадцати минометов; с другой стороны, у хивинцев было всего несколько орудий, захваченных ими у несчастного Бековича Черкесского около двадцати трех лет назад. Осушив воду изо рва, окружавшего местность, персы сделали несколько отверстий в стенах с помощью мин. На третий день осады они приготовились предпринять решительный штурм. Понимая, что дальнейшее сопротивление бесполезно, хивинцы сдались, раскаявшись в своем упорстве.[1]

В городе Хива и в других районах Хорезма Надир обнаружил не меньше 12.000 хорасанцев[2], заключенных в тюрьму или превращенных в рабов; освободив всех этих людей, он приказал предоставить им лошадей, вьючных животных, продовольствие и поручил им отправиться на проживание в новый город, расположенный в Чешмейи-Каланджан[3] (в 15 милях к югу от Абиварда), который он приказал своим индийским строителям и мастерам построить по типу Дели, но в гораздо меньших масштабах[4]; впоследствии, этот город был переименован в Хивагабад.[5] Отмечают, что он отправил большую часть населения Хивы в эту местность в качестве рабов, чтобы подвергнуть их такому же обращению, которому они подвергали своих персидских пленных.[6]

Надир приказал составить опись всего имущества в Хиве и заставил всех иностранцев прийти к нему. Среди них были Томпсон и Хогг; Ханвей[7] отмечает, что:

«Надир спросил у них, чем они занимаются. Узнав, что они купцы, он сказал, что они могут свободно торговать во всех его владениях и если столкнутся с какой-нибудь несправедливостью и не получат помощи от его чиновников, то могут обратиться к нему; затем они были отпущены, и им был выдан паспорт. Эти люди сообщали, что мно-

---

[1] Ханвей, том I, стр.351.

[2] Смотри, стр.194 Феи де Пигнеса, в переводе с французского Левшина *Описание Киргизо-казахских, или Киргизо-Каисатских орд и степи.* Муровин и двое русских инженер-офицеров по имени Гладишев и Назимов по просьбе Абул Хеира были отправлены русским правительством исследовать расположение крепости у устья Сыр Дарьи (Джакартес); смотри труд Ховорта *History of the Mogols*, том II, стр.913 и 914. На карте Центральной Азии (Калькутта, 1873), секция I, часть VI, указан путь Муровина из Оксаса в Хиву и его исследование восточного берега Аральского моря.

[3] Левшин, стр.194 и 195.

[1] Ханвей, том IV, стр.207 (по сведениям Томпсона и Хога). Смотри также T.N., стр.223 и K.N., стр.558 и 559.

[2] T.N., стр.223. Согласно Томпсону и Хоггу, Надир увел с собой из Хивы около 20.000 персов, которых он освободил.

[3] Точное прочтение этого названия трудно установить; так, оно дается в моей рукописи, как «Кеилиджан» в бомбейском издании T.N. (стр.223), и как «Геленджах» у Джонеса (том XII,стр.28).

[4] Bayan, лист 57 (b). Этот город составлял лишь четверть размеров Дели.

[5] Это название часто пишется как Хива-абад (это форма от неправильного прочтения Хивагабада которую Гладвин дает в его «Джейхокабад»). И.О'Доновал, который посетил руины Хивагабада в 1880 г., дает описание их в своей книге «*The Merv Oasis*», том II, стр.78 и 80.

[6] Ханвей, том IV, стр.207.

[7] Ibid.

гие, даже низкие по званию воины в персидской армии, имели одежду из дорогого шелка и много индийских денег».[1]

Кроме этих двух англичан, были еще десять русских, которые были рабами. Надир освободил этих людей и дал каждому из них по 50 рублей и по одной лошади, чтобы те смогли вернуться на родину; в результате, они безопасно добрались до Самары под руководством русского татара по имени Жанаев.[2]

Надир провел две недели в Хиве, занимаясь организоцией правительства для управления Хорезмом после своего отъезда. Проведя показное совещание инаков и знатных лиц страны, он назначил ханом Хорезма потомка Чингиз Хана по имени Тахир Бек, который прежде находился в Герате и сопровождал его в туркестанской экспедиции. Когда часть узбекских лидеров отказалась признать Тахир Бека своим правителем и попыталась оказать вооруженное сопротивление, Надир после некоторого кровопролития силой заставил их подчиниться и поклясться в верности своему новому правителю.[3] Он отправил всего лишь небольшое число войск для поддержки Тахир Бека; согласно Мирзе Мехди, причиной того, что он не оставил крупного контингента войск, было то, что он понимал, что население Хорезма не сможет их содержать.[4]

Так как не было необходимости больше оставаться в Хиве, 9 декабря 1740 г. Шах со своими войсками выступил в обратный путь. Тахир Бек, инаги и знатные лица сопровождали его до Фитнака. Надир взял с собой, возможно в качестве заложника, Абуль Гази Хана, младшего сына Илбарса.[5]

Прибыв в Чарджуй 4 Шаввала (23 декабря), Надир отправился по пустынной дороге в Мерв; так как воды на этом пути было недостаточно, он предварительно позаботился об обеспечении необходимым количеством провизии.[1]

[1] Это утверждение показывает, что когда обыскивали драгоценности в Ченабе (смотри стр.187-188 выше) персидским войскам разрешили сохранить незначительное количество награбленного ими добра.

[2] Левшин, стр.195; этот источник утверждает, что Жанаев написал отчет об осаде Хивы, который следует искать (возможно) в Архивах Оренбургской Пограничной Комиссии.

[3] K.N., стр.560 и 561. Кроме этого случая неизвестны другие случаи жестокости Надира во время своего пребывания в Хиве.

[4] T.N., стр.224. Томпсон и Хог в своем дневнике отмечают, что торговля была на низком уровне; единственным местным продуктом был хлопок, бараний мех низкого качества и незначительное количество необработанного шелка.

[5] K.N., стр.562.

В Мерве Надир вел себя несколько жестоко. Он отстранил правителя Мухаммед Рза Хана Гырыглу, назначив вместо него каджарского главу Шах Гули Хана; несколько человек были казнены; среди них был Рахим Султан, который, по утверждениям, подстрекал Рза Гули в его стремлении взойти на трон.[2]

Покинув Мерв 16 Шаввала 1153 (4 января 1741 г.), Надир направился в Абивард, а отсюда на свою родину в Дастгирд, где он построил свой Молуд-Хана (дословно «место рождения»); Абдул Керим Кашмири описывает это строение как имевшее величественный купол, увенчанный золотым мечом.[3] Из Дастгирда Шах направился в Келат, где он оставил на хранение свои индийские сокровища и построил для себя гробницу из черного камня. Многое было сделано для улучшения внутренней стороны огромной естественной крепости; улучшилось снабжение водой, были разбиты сады. Затем он посетил Хивагабад и передал вновь прибывшему населению большое количество одежды, продовольствия и денег.[4] Из Хивагабада Надир вернулся в Абивард и оттуда направился в Мешхед, куда он прибыл в конце Шаввала (17 января 1741 г.).

[1] Детали этих мероприятий описаны у Bayan, лист 48 (a).

[2] K.N., стр.565 и 566. Рахим Султан также был одним из тех, которые подстрекали Рзу Гули убить Тахмаспа и его сыновей (смотри стр.214 выше).

[3] Bayan, лист 57 (b). Абдул Керим путает Дастгирд с Хивагабадом.

[4] K.N., стр.569-571.

ГЛАВА XX. ДАГЕСТАНСКАЯ КАМПАНИЯ

Около двух месяцев Надир находился в Мешхеде, который он теперь считал своей столицей;[1] по мере быстрого расширения своей империи на восток, Мешхед, расположенный больше в центре, чем Исфаган, более того, был главным городом его родной провинции Хорасана. К тому же, Мешхед не имел ассоциаций с Сефевидами, в отличие от Исфагана. Надир прилагал усилия, пытаясь увеличить значимость города, который с этого времени стал процветать; было подсчитано, что в нем находилось тогда 60.000 домов и около 200.000 или 300.000 населения.[2] Джордж Томпсон, вернувшись туда из Бухары в сентябре 1741 г. отмечает[3]:

«в мирное время это было местом большой торговли, сюда ежедневно приходили караваны из Бухары, Балха, Биддухшана, Гандахара и Индии, как и со всех частей Персии. Большие и хорошо построенные базары или рыночные площади заполнены дорогими товарами и часто посещались большим числом людей разных национальностей. В городе насчитывается около девяноста караван-сараев, и все они в хорошем состоянии. Большая часть населения была направлена сюда Надир Шахом из всех областей Персии, а также из вновь завоеванных владений; кроме того, использовались и другие средства, способствующие процветанию города».

Так Надир, вопреки своей анти-шиитской политике сделал многое для украшения гробницы Имама Рзы; среди его даров, преподнесенных туда, было множество шелковых ковров и четырнадцать ламп из чистейшего золота (*tamam-i-'iyar*)[4]. Во дворе Шахны он построил

[1] Хотя Мешхед был любимым городом Надира, он не чувствовал себя хорошо даже здесь; он всегда нервничал когда из-за острой необходимости приходилось заниматься государственными делами, проводя время в городах. Так, Мухаммед Мехди ибн Мухаммед Рза точно замечает, что: «Поистине реальной столицей его империи были седло и спина лошади»; смотри его *Nisf-i-Jahan fi Ta'rikh-i-Isfahan*, лист 193 (а); Персидское выражение:

walakin dar haqiqat daru's-saltanat-i-u khana-yi-zin va pusht-i-asp bud.

[2] Смотри Малколм, том II, стр.218 и G. Stratil-Sauer's *Meshhed eine Stadt baut am Vaterland Iran* (Лейпциг, 1937), стр.140.

[3] Томпсон «*Journal*», у Ханвея, том I, стр.356 и 357.

[4] K.N., стр.572.

фонтан из целого блока белого мрамора около трех футов в высоту и восемнадцать футов в ширину. Согласно рассказу, который дается в «Великолепии шиитского мира»[1], он договорился с поставщиком доставить каменный блок из Герата за двенадцать дней. Поставщику удалось привезти блок за девять дней, и он отправился сообщить об этом шаху, надеясь на щедрую награду. Надир, вместо того чтобы наградить этого человека, ослепил его по причине не выполнения условий контракта.

Несмотря на то, что Надир дал указание построить для себя величественную усыпальницу в Келате, он воздвиг другую в Мешхеде в Хиябани-Бала или Верхней Площади. Отмечают, что когда эта вторая усыпальница была завершена, какой-то остряк написал на стене: «Твой знак на каждом ключе; весь мир принадлежит тебе, но твое настоящее место пусто». Эти строки вызвали много смеха, но они были быстро стерты, чтобы шах не узнал о них и не устроил резню.[2]

В это время из Самарканда были доставлены надгробная плита Тимура и ворота Медресы. Очевидно, Надир собирался разместить их в этом мешхедском мавзолее, но взглянув на надгробную плиту Тимура, он на какое-то время задумался. Уважение к своему великому предшественнику и кумиру взяло вверх и вынудило его приказать вернуть надгробную плиту Тимура обратно в Самарканд и расположить на его могиле; ворота Медресы также были отправлены назад.[3]

Следуя своей политике периодически проверять провинциальные отчеты, Надир внимательно разобрал все хорасанские отчеты во время своей остановки в Мешхеде. Очевидно, он остался многим недоволен, так как казнил нескольких государственных казначеев.[4] Во времена Надира должность сборщика государственных налогов не была безопасной; и при обнаружении какой-то ошибки или погрешности на ответственного человека налагалось суровое наказание.

Завершив дела в Мешхеде, Надир решил, наконец, отомстить за смерть своего брата. Поручив управление Хорасаном Насруллаху, Шах вместе с Рза Гули и своим третьим сыном Имамом Гули выступил из Мешхеда 26 Дхул-Хиджа (14 марта 1741 г.) и через неделю отпраздновал Новруз в Хабушанской области. Когда завершились празднества,

[1] Сайкс (Sir P.M.) и Бахадур Ахмад Дин Хан, Лондон, 1910 г., стр.248.

[2] Bayan, лист 60 (а).

[3] K.N., стр.573.

[4] Ibid.

он и его армия направились через Сималган в местность Гираили и затем в проливной дождь спустились вниз долины Кургана. Условия здесь были очень похожи на предыдущий опыт в Куррамской долине; Курган пришлось пересекать не меньше, чем двадцать три раза, и как в прошлый раз, многие утонули при этом. Однажды река внезапно поднялась и уничтожила несколько тысяч человек и вьючных животных; вода поднималась до тех пор, пока не окружила противоположную сторону шахской палатки, разбитой в середине долины. Несколько палаток по обоим берегам, множество слуг и охранников унесло волной, но Надир, несмотря на просьбы своих придворных подняться на холм, отказался сделать это; сидя в торжественной манере на Тахти-Надири, он спокойно созерцал угрожающее наводнение. Словно трепеща от его взгляда, волны не поднялись выше, а затем стали медленно убывать[1]; Надир победил там, где Канут потерпел поражение.

Наступление было возобновлено, как только наводнение несколько стихло, и таким образом, они прибыли в Астрабад, откуда Надир продолжил свой поход через Ашраф, Сари, Алиабад и Зираб по направлению к Гадукскому проходу. 28 Сафара 1154 (15 мая 1741 г.) он в сопровождении своего гарема и гуругчи (охраны гарема) направился по узкой дороге через густой лес Савад-Кухской области; войска, как обычно, находились на несколько отдаленном расстоянии. Внезапно стрелок, скрывающийся за деревом примерно в двадцати шагах от дороги, выстрелил в шаха, когда тот проезжал; пуля слегка задела его руку, ранив его в большой палец, и вошла в шею его лошади. Животное упало на землю, сбросив с себя шаха; отмечают, что он с удивительной силой духа лежал на земле, притворяясь убитым, и таким образом спасаясь от второй пули. Какое-то время все были в замешательстве, но когда стало ясно, что рана не серьезная, евнухи и гуругчи во главе с Рза Гули Мирзой (который поспешил туда с арьергардом) провели продолжительные поиски в соседних лесах. Однако никаких следов предполагаемого убийцы не удалось обнаружить[2], и наступление было продолжено после небольшой задержки.

---

[1] K.N., стр.581 и 582; смотри также T.N., стр.226 и 227 и Bayan, лист 61 (b).

[2] T.N., стр.228. Я выбрал версию Мирзы Мехди, предпочтя ее версии Мухаммеда Казима, которая основывалась только на слухах (так как, в это время он принимал участие в небольшой кампании в районе Гунграта), которые кажутся отчасти фантастичными и неточными в определенных отношениях (например, место, где было совершено покушение, находилось согласно его версии, между Сари и Ашрафом). Абдул Карим Кашмири, который как и Мирза Мехди, находился с армией Надира, отмечает (лист 64 (a)), что было два предполагаемых убийцы.

Для Персии и для репутации Надира было бы лучше, если бы пуля попала в предназначенную цель. Он находился в это время на вершине своей славы. Кроме освобождения своей страны от афганского ига, он усмирил турков, вынудил русских вернуть все персидские территории, которые оставались в их власти после добровольного освобождения Гиляна, также подчинил бахтиаритов, абдалисов и гильзаев; кроме того, он опустошил Индию и завоевал Туркестан, в то время как его войска захватили часть Аравии, а его флот, несмотря на некоторые препятствия, добился господства в Персидском заливе. Однако его амбиции не знали границ, и каждая новая победа только разжигала его аппетит еще больше. До сих пор судьба была к нему в основном благосклонна, но предстояли перемены, и Надиру было предназначено принести страшные бедствия и своему народу, и себе из-за дерзских стремлений осуществить свои планы.

Из Гадукского прохода Надир направился дальше в Тегеран, где он принял русского резидента Калушкина, только что получившего приказ из Санкт-Петербурга заверить его в дружеских намерениях России. Это было необходимо, потому что Хулафа, персидский посол в Санкт-Петербурге, по-видимому, направил своему правительству неблагоприятные для России ложные сведения. Калушкину также было дано указание выяснить и сообщить об истинных намерениях Надира.[1]

Калушкин сообщил в Санкт-Петербург, что шах очень независим и что вести с ним переговоры стало очень трудно. Он отмечал:

«Новый Небучаднезар производит впечатление совершенно обезумевшего от своих побед. Он говорит: «Я без труда покорил всю Индию….Если я отправлюсь только с одной ногой, я завоюю всю Индию, если я вступлю с двумя ногами, я покорю весь мир!».

Несмотря на то, что Калушкин знал о враждебном отношении Надира к Турции, он не мог быть уверенным, что тот всегда будет в дружеских отношениях с Россией.[2]

После кратковременной остановки в Тегеране, Надир отправился в Газвин. Заслуживает внимания тот факт, что Рза Гули не сопровождал своего отца дальше Тегерана. Мирза Мехди очень осторожно упоминает лишь о том, что принцу было приказано оставаться в Тегеране,

---

[1] Соловьев, том XXI, стр.84 и 85.

[2] Ibid., стр.84-86.

«получая годовой доход с этой провинции»[1]; это, очевидно, был эвфемистический ход, означающий лишение Рза Гули милости. Не совсем ясно, считал ли уже шах своего сына инициатором покушения на его жизнь или посвященным в него, или он только хотел наказать его за неблагоразумное поведение когда он исполнял обязанности наместника и в некоторых последующих событиях.

Когда Надир находился в Газвине, Гив Амилахор и другой грузинский глава прибыли с новостями о том, что лезгины разгромили Картли; Надир пришел в ярость и стал, если это возможно, даже более решительно, чем прежде, стремиться наказать лезгин. Он снова назначил Гив Амилахора Эристовом Ксана и отправил крупный контингент войск афганцев и другие части в эту область, где происходило ожесточенное сражение.[2]

Во время своего пребывания в Газвине, Надир был вынужден (выполняя обещание, данное в Дели) позволить своему одаренному индийскому врачу Алави Хану оставить свою службу, чтобы совершить паломничество в Мекку; Абдул Керим Кашмири, автор *Bayan*, оставил шахскую службу в то же самое время и сопровождал своего соотечественника. Лишившись медицинских услуг Алави Хана, физическое и психическое состояние Надира вскоре заметно ухудшилось, а его жестокие вспышки гнева, которые появлялись только время от времени, теперь угрожающе участились.[3]

Через пятнадцать дней после своего прибытия в Газвин, Надир отправился в Дагестан через Гараджа Даг, Барду и область Габала.

Следует напомнить, что еще в мае 1740 г. находясь в Надирабаде, Надир приказал главе абдалисов Абдул Гани Хану и своему собственному шурину Фатали Хану отправиться в Ширван и объединится с армейскими военачальниками в Грузии и Азербайджане, чтобы наказать лезгин Джара и Талы в течение осени и зимы.[4] По некоторым неупомянутым причинам, Абдул Гани Хан и другие командующие не стали предпринимать нападений на лезгин до марта 1741 г. Глава абдалисов, более искусный и опытный военачальник, чем Ибрагим Хан, предпринял крупный поход против джарских и талских лезгин; нанеся им тяжелые потери, он заставил большую часть подчиниться.

[1] T.N., стр.229. Братишев (цитируемое произведение, стр.487) отмечает, что Надир обращался ласково со своим сыном в Тегеране, но не поручил ему командование и оставил там, потому что хотел освободить его от трудностей предстоявшей кампании. Однако, Шах приказал двум своим доверенным евнухам остаться с принцем для того, чтобы они могли под видом заботы о его здоровье следить за ним.

[2] Папуана Орбелиана, H. de la G., том II, часть II, стр.58-61.

[3] Bayan, лист 66 (b) и 99 (b).

[4] Смотри стр.224 выше.

Когда Надир прибыл в Ширван, часть лезгин пришла выразить свою покорность. Несомненно, урок, данный племенам Джара и Талы, и последующее прибытие шаха во главе своей армии из 150.000 человек[1], вынудили лезгин пойти на это.

Надир отправился на север и к 1 Джумади I (14 августа) он вошел в город или деревню Гази Гумыг в центре Дагестана. Именно там он получил сообщение (которое впоследствии оказалось сильно преувеличенным), что объединенные войска узбеков, аральских татар, казаков вторглись в Хорезм, захватили Хиву, а также казнили Тахир бека и его сторонников.[2] Однако Тахир бек не был убит тогда.[3]

В начале Раджаба (12 сентября) Надир покинул Гази Гумыг с намерениями разведать границы Аварии. Учитывая, что была зима, вызывает сомнение, в самом ли деле он собирался пройти в это время через горы и захватить всю страну. Тем не менее, возможно, суровость погоды, а также упорное сопротивление горцев вынудили его отказаться от всех мыслей продвижения дальше на север и заставили его повернуть на восток и направиться к Каспийскому берегу.[4] Если бы Надир начал свое наступление на Аварию примерно месяц назад или еще раньше, он, возможно, смог бы проложить себе дорогу в Кунзак, столицу Нутзала через труднопреодолимые горные проходы; таким образом, у него в руках оказались бы ключи Дагестана. С Шамхалом Хасбулатом, Сурхаем и Уцмием и другими лидерами, которые все были в боевой готовности, а также с огромным войском, еще не подвергшимся трудным испытаниям и потерям от долгой кампании в проблемной стране, он имел гораздо больше шансов на победу, чем в по-

[1] Базин, который находился в Дербенте, в октябре 1741 г., когда Надир прибыл туда, оценивает численность его войск примерно в 150.000. Он замечает, что войска состояли в основном из индийцев, узбеков, татаров и афганцев и что здесь было всего несколько персов: «il (то есть Надир) sçavoit que les peoples naturellement attachés à leurs Souverains, ne suivent qu'a regret un Usurpateur, et qu'ils ont pour le trahir l'exemple que lui-même leur a djnné». (Смотри Lettres Edifiantes, том IV, стр.288).

[2] T.N., стр.229.

[3] Смотри стр.252 ниже.

[4] T.N., стр.230; Братишев, стр.489. Бутков не упоминает о попытке добраться до Аварии в 1741 г.

следующий год. Последствия начального этапа улаживания дагестанской проблемы могли бы иметь существенную важность. Со своей безупречной военной репутацией и вновь набранным войском, ободряемый успехами в Индии, Туркестане и Дагестане Надир мог бы добиться более удачных результатов в войне со своим грозным противником – турками, чем в 1743 г. Вполне возможно, если бы он внезапно напал на Россию тогда, ему удалось бы отнять у нее Кизляр и Астрахань[1]; это застало бы Россию врасплох, так как основная часть ее войск была отведена от южных границ, чтобы укрепить силы для войны со Швецией, и ей было бы очень сложно отразить его внезапное нападение. Как ниже будет указано, позже он серьезно размышлял о нападении на своего северного соседа, но к этому времени уже не было возможности сделать это со значительным шансом на успех.

Находясь в Чираге на своем обратном пути к Каспийскому берегу, он узнал, что каракалпакское племя напало на часть его отрядов в лесу, перебив большинство их и захватив часть их обоза.[2] Отважные татары также находились вблизи от его войск,[3] перестреливая и нападая на конвои; однажды ночью они даже напали на ставку Надира и похитили некоторых из его женщин. Он был так взбешен этим случаем, что казнил некоторых из своих собственных чиновников и воинов[4]; затем он поклялся, что не покинет Дагестан до тех пор, пока не подчинит всех мятежников.[5]

Надир прибыл в Дербенд 5 Шабана (16 октября); оставив свой обоз в городе, он поспешил напасть на каракайтагское племя. Чтобы противостоять набегам лезгин, он повсюду в шамхалской местности построил форты, разместив их на расстоянии в двух или трех фарсаков друг от друга.[6] 10 Рамазана (19 ноября) он вернулся из этой экспеди-

[1] Калушкин уже отправил несколько тревожных сообщений в Санкт-Петербург относительно намерений Надира к России; в этой связи, смотри стр.246 ниже.

[2] T.N., стр.230. Базин (стр.290) отмечает, что лезгины только в начале собирались подчиниться; однако когда они увидели, что после подчинения их люди были изгнаны в Хорасан и лишены всех своих владений, а их семьи подверглись жестокой резне Надиром, когда у него возникали подозрения, они стали оказывать ему сопротивление с отчаянной храбростью.

[3] Ханвей, том IV, стр.224.

[4] Базин, стр.290.

[5] T.N., стр.230.

[6] Ibid.

ции, очевидно, не достигнув своей цели.[1] Так как воды и фуража в Дашти-Кафари было в достатке, Шах расположил свою зимнюю стоянку там, в трех фарсаках северо-западнее Дербента.[2]

Обеспечение столь огромной армии в стране, состоящей большой частью из лесов и горных скал, представляло большую сложность. Из соседней провинции Ширвана доставлялось недостаточно продовольствия из-за частых опустошений, которым она подверглась; Картли[3] и Кахетия были в таком же положении. Единственным выходом была доставка продовольствия морем. Уже имея флот в Персидском заливе, Надир решил построить флот на Каспии; приобретение кораблей, конечно, вызвало большие трудности. Он уже имел несколько судов в распоряжении, но они были небольшими и примитивной конструкции и строения.[4] Кроме того, персы были почти совсем неопытны в судоходстве. Отмечают, что Надир отправил в Сурат кораблестроителей и матросов для исправления этого недостатка.[5]

До приобретения своих собственных кораблей Надир почти полностью был зависим от российских судов в транспортировке морем продовольствия; многие из этих торговцев зарабатывали огромные деньги.[6] Когда Калушкин сообщил шаху о вступлении Елизаветы Пет-

[1] Так Мирза Мехди умалчивает об исходе этой экспедиции, возможно, это подтверждает неблагоприятный ее исход.

[2] T.N., стр.230, Бутков, том I, стр.212.

[3] Папуана Орбелиана утверждает, что в 1741 г., население Картли было обложено столь тяжелым налогом, что часть его бежала в Турцию, в то время как остальные намеренно опустошали свои собственные земли. (H. de la G., том II, часть II, стр.57 и 58).

[4] Капитан Вудруф «*Journal*», у Ханвея, том I, стр.149. Суда, которыми владели Персы, были построены большей частью русскими перебежчиками или изменниками. Джон Белл из Антермона, который посетил Персию на четверть века раньше, замечал что: «Судоходство на Каспии принадлежало исключительно русским, персы и другие жители не имели ничего кроме рыболовных лодок». (*Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia*, Лондон, 1764 г., стр.47).

[5] Смотри до сих пор неопубликованное письмо Ханвея из Астрахани к своему начальству, датируемое 7/8 ноября, 1744 г. и записку Лорду Картеру из Российской компании, датируемую 13/24 января, 1744 г. (S.P. 91, том XXXVI). В этой записке отмечается, что Надир предпринял это действие «задолго до того, как Мистер Элтон прибыл в Персию» (то есть предполагается, что Элтон прибыл в Персию во второй раз в июне, 1742 г.).

[6] Ханвей, очевидно, заблуждался, утверждая (том IV, стр.225) что этим русским купцам не позволялось продавать продовольствие шаху по заказу, хотя Бутков (том I,

ровны на престол в результате государственного переворота 6 декабря 1741 г. он выразил удовлетворение этой новостью, заметив, что трон России по праву принадлежит ей как дочери Петра Великого. Затем Надир подарил Калушкину халат из золотой парчи, тысячу рублей и попросил его договориться о найме десяти русских судов, часть которых предназначалась для использования в операциях против дагестанских повстанцев, а другая часть для транспортировки продовольствия из Астрахани. Калушкин, передавая эту просьбу, предупредил свое правительство о том, что если Надир получит эти корабли, он никогда их не вернет, так как он мечтает иметь свой собственный флот. Вследствие предостережений Калушкина, правительство отказалось выполнить просьбу Надира.[1] Однако, как ниже будет сказано, позже ему удалось создать ядро своего Каспийского флота с неожиданной стороны.

Праздник Новруза был отпразднован как обычно в лагере.

Согласно Мирзе Мехди, в это время Надир решил после прихода к окончательному урегулированию отношений с Турцией сложить все полномочия в пользу одного из своих сыновей и удалиться в Келат.[2]

Перед началом своей кампании весной 1742 г., Надир послал своих представителей на север в Эндери и Костек, в страну кумыков, для приобретения продовольствия и лошадей, но эти люди разгневали шаха, устанавливая чрезмерно высокие цены, участвуя в грабежах, а также помогая лезгинам.[3]

В конце мая 1742 г., Надир выступил против повстанцев Табасарана, которых он со значительным войском атаковал три раза, но каждый раз неудачно, а в последний раз он чуть не лишился жизни.[4] Сурхай и Шамхал Хасбулад проводили с шахом много времени, и «выполняли свои обязанности не допуская ошибок»[5]; тогда как Уцмий Ахмед Хан отказался подчиниться шаху и удалился в свою укрепленную крепость Гураиш.

Отношения между капитаном Элтоном и персидским правительством, которым было суждено иметь такие неудачные последствия для

стр.212 и 510) отмечал, что российское правительство позволяло только купцам русской национальности посылать продовольствие к персидским портам на Каспии.

[1] Соловьев, том XXI, стр.200.

[2] T.N., стр.234. Трудно сказать, были ли серьезными его намерения.

[3] Бутков, том I, стр.212.

[4] Ibid., стр.213. Смотри также Соловьев, том XXI, стр.200.

[5] T.N., стр.235.

российской компании и закончиться для самого Элтона катастрофой и смертью, начались в июле 1742 г.

В конце июня того же года судно, построенное Элтоном в Казани для перевозки товаров британских купцов между Астраханью и персидскими портами на Каспии, прибыло в Энзели на свой первый рейс.[1] Этот экипаж состоял как из русских, так и британских моряков, а командовал им капитан Вудруф; капитан Элтон также был на борту. Когда груз судна, состоящий из английских товаров, был разгружен в Энзели для размещения в Персии, судно перешло на службу персидского правительства и два раза использовалось для перевозки риса в Дербент в 1742 г.; проблемы, возникшие с русскими, и другие действия Элтона после этого рейса будут описаны в Приложении I. Используя это британское судно для транспортировки риса из Персии, Надир смог, в какой-то степени прорвать монополистическое кольцо, созданное русскими торговцами для транспортировки морем продовольствия для его войск в Дагестане; несомненно, это стало почвой для возникновения кризиса между русским правительством и русской компанией, а также стало причиной враждебности, которой Элтон и Вудруф подверглись со стороны русских офицеров в Реште и Дербенте в 1742 г.

Из-за частых нападений на дагестанцев, в июле 1742 г. Надир построил укрепленный лагерь на севере Табасарана близ Губдена, где по утверждениям, он собирался основать город.[2] Продовольствие доставлялось в этот лагерь с большой трудностью; кроме нехватки продовольствия, персидские войска и конвои подвергались частым нападениям лезгин, каракалпаков и других враждебных племен. Потеряв огромное количество своих людей убитыми и ранеными, Надир цинично назвал свой новый лагерь «Иран Хараб» или «разрушенная Персия».[3] Сильная жара и непригодность воды для питья в этой местности стали причиной вспышки определенной формы чумы, которая больше всего заразила афганские отряды; вспышка болезни стала такой серьезной, что Надир переправил пострадавших в другой лагерь, расположенный в 30 милях к северу близ Буйнага, и запретил всем упоминать об эпидемии.[4]

[1] Обстоятельства, при которых были установлены связи между Великобританией и Персией через Россию, описаны в Приложении I.

[2] Бутков, том I, стр.213.

[3] Ibid., том I, стр.213, Лерх, Büsching's *Magazin*, том X, стр.399.

[4] Ibid., том I, стр.213 и 214.

Калушкин несколько раз пытался убедить шаха в том, что Дагестанская кампания может иметь неблагоприятные последствия для Персии[1], но он не придал значения его словам. Опасаясь того, что он вторгнется на российскую территорию, Калушкин убедил правительство укрепить свои войска на границе. Российское правительство последовало его совету, тем самым заставив Надира, как будет отмечено ниже, умерить свои намерения. Вскоре после своей рекомендации Калушкин умер; в качестве резидента его сменил переводчик Василий Братишев.[2]

Персидские отряды постепенно добивались господства над племенами в Табасаране, поэтому Надир решил еще раз попытаться захватить Аварию и наказать кумыков, хотя последнее повлекло бы за собой пересечение российской границы. Узнав, что крупный контингент российских войск прибыл в Кизляр, он отказался от мысли нападать на кумыков, но настоял на своих планах против аваров.[3]

Потерпев в начале поражения, персы затем захватили Аг Гуша в августе 1742 г. и наступили на Аварию и города Кафир Гумуг и Газаниш.[4] Передовые отряды, численностью в 6.000 человек, в теснине попали в засаду лезгин и были вынуждены отступить после больших потерь. Шах в порыве гнева приказал казнить некоторых офицеров отрядов, потерпевших поражение. В сентябре он сам, командуя наступлением, взял с собой не меньше чем 3.000 человек с топорами, чтобы расчистить тропинку, проходящую через густые заросли.[5] У одной деревни, которая, видимо, находилась близ Авар-Гойсу, персы столкнулись с ожесточенным сопротивлением и были вынуждены отступить.[6] Авария оставалась незавоеванной, и следовательно, ключ к Дагестану оставался вне досягаемости Надира. Это было, видимо, в тот момент,

[1] Ханвей ссылается на следующую персидскую пословицу, «Если какой-то персидский шах глупец, дай ему выступить против лезгин» (том IV, стр.223).
[2] Соловьев, том XXI, стр.201.
[3] Бутков, том I, стр.220. Братишев сообщал, что Надир умерил свой пыл, когда узнал о прибытии российского подкрепления к границе (смотри Соловьев, том XXI, стр.201).
[4] Бутков, том I, стр.215. Подробности того, как Кафир Гумуг получил это оскорбительное имя, смотри в статье Бартольда о Дагестане в И.И., том I, стр.890.
[5] Бутков, том I, стр.215.
[6] Весьма вероятно, что это деревня Аракани, где, как Мистер Д.Ф.Бадлей говорил мне, есть местное предание, что Надир никогда не мог наступать дальше этого места из-за отчаянного сопротивления, оказываемого населением.

когда другое персидское войско поднималось на гору Гураиш, на которой была расположена крепость Уцмия, и взяло ее штурмом. Однако Ахмед Хану, удалось бежать до падения своей крепости и скрыться в Аварии.[1] Потеряв свою главную крепость и лишившись своего лидера, каракалпакское племя подчинилось персам.[2]

В октябре Надир отступил от границ Аварии и направился через Тарху и Башли в Иран-Хараб, где остановился на зиму.

Очевидно, именно в Иран-Харабе[3] осенью 1742 г., произошло событие, которому было предназначено омрачить последние несколько лет жизни Надира; это событие было ослепление Рза Гули Мирзы из-за подозрения его в организации покушения на жизнь своего отца в Мазандаране в прошлом году.

Некоторые авторы, как современные, так и в последующее время пытались изложить историю этого трагического события; в то время как одни из них утверждали, что принц был невиновен, другие выражали мысль о его виновности; эти мнения также отличаются друг от друга и в менее существенных деталях. В ниже описанных сведениях факты взяты по возможности из наиболее заслуживающих доверия источников.

Несмотря на то, что прошло достаточно времени после покушения, все усилия выследить и поймать предполагаемого убийцу и отдать его под суд были безрезультатны, в конце концов, этот человек был найден близ Обы в провинции Герата. Его звали Ник Гадам, и он находился на службе в охране Дилавар Хана Таймани.[4] После его ареста, он был отправлен в Дагестан под охраной и был доставлен в шахский лагерь примерно во время лета 1742 г. Когда его привели к Надиру, тот допросил его лично; согласно Абдул Кериму Бухари, этот человек на требования шаха раскрыть имя человека, заставившего его выстрелить, смело ответил, что никто этого не делал, и что он выстрелил, потому что хотел избавить мир от тирана. Однако согласно Мухаммеду Казиму, Надир в начале этого частного разговора обещал оставить ему жизнь в случае, если он заявит имя того, кто заставил его выстрелить; вслед за этим Ник Гадам назвал имя Рза Гули. Он объяснял, что был

[1] T.N., стр.235.
[2] Ibid.
[3] Смотри Базин, стр.292, и Лерх «*Nachricht*» (Büsching's *Magazin*, том X, стр.400). Однако согласно Братишеву *Nachricht*, стр.465, ослепление было совершено в Башли.
[4] T.N., стр.231.

членом личной охраны принца, и его меткая стрельба часто привлекала внимание Рза Гули; однажды находясь в компании Мухаммед Хусейн Хана Каджара и Рахим Султана из Мерва, он спросил Ник Гадама о том, сможет ли он выстрелить в шаха. Ник Гадам согласился и специально для этой цели направился в Герат в июне 1740 г., но благоприятной возможности для этого не оказалось. После расформирования личной охраны Рза Гули в Гара Тепе, он снова склонил Ник Гадама убить своего отца. Он несколько раз устраивал засаду, но ему удалось выстрелить только тогда, когда Шах наступал из Сари в Ашраф; однако его выстрел не достиг цели. Враги принца уже неоднократно замечали, что он замешен в этом, и эти утверждения, как и предполагалось, дошли до Надира; естественно, он расстроился, услышав эти заявления (по-видимому верные), решил послать за Рза Гули и обвинить его в преступлении. Что касается Ник Гадама, шах, как и обещал, сохранил ему жизнь, но лишил его зрения.[1]

Вышеупомянутые события кажутся правдоподобными, но следует иметь ввиду, что Мухаммед Казим в это время находился в Туркестане и поэтому не имел достоверной информации об этом. Он неверно (как уже было отмечено) утверждал, что покушение на Надира было совершено между Сари и Ашрафом, и он не объясняет, как ему удалось узнать такие подробности о частной беседе между Надиром и Ник Гадамом.[2] Он также ошибочно утверждает, что Ник Гадам находился на службе у Рза Гули.

Конечно возможно, что Ник Гадам действительно обвинил принца, но это не означает, что он говорил правду. В главе *Ta'rikh-i-Nadiri*, относящейся к событиям в Дагестане между 1741 и 1742 гг., Мирза Мехди не упоминает об ослеплении принца, но в заключительной части своей книги, которую он написал после смерти Надира, когда у него уже не было никаких мотивов для утаивания и искажения правды, он открыто замечает, что мнение шаха о своем сыне было испорчено из-за «злостных слухов и обвинений» (*wasawis wa tawahhumat*) недоброжелателей[3]; в начале своей книги он утверждал, что инициатором поку-

[1] K. N., стр.583-588.

[2] Сравни его сведения о конфиденциальном совете, данном Надиром Рзе Гули в Бахар Суфле

[3] T.N., стр.263. Малколм (том II, стр.97) отмечает, что Надир «верил, что нет доказательств виновности сына, но у него были подозрения»; в сносках на этой странице он

шения был Ага Мирза, сын Дилавар Хана из Таймани.[1] Пьер Базин[2] и доктор Лерх[3] были хорошо информированы и не имели причин для искажения событий, они твердо верили в невиновность принца.

Когда, наконец, Надир пришел к заключению, что Рза Гули виновен, он вызвал его из Тегерана и обвинил в этом преступлении. Принц настойчиво отрицал свою вину, но его мольбы были тщетны. После раздумий некоторое время и совещания со своими советниками, Надир решил наказать своего сына, ослепив его. Приговор был осуществлен в его присутствии и при участии части его знати, многих из которых он впоследствии казнил, за то, что они не предложили подвергнуться наказанию вместо принца.[4] Отмечают, что после этой сцены Надира охватила такая печаль, что он удалился в свою палатку и не появлялся три дня. Малколм, ссылаясь на какую-то неуказанную рукопись, отмечает, что Надир после ослепления своего сына сказал ему, что его преступление стало причиной ужасного наказания, которому он подвергся. Принц горько ответил «Ты ослепил не мои глаза, а глаза Персии».[5]

Подводя итог, можно заключить, что Рза Гули был в действительности невиновен; его крайне безрассудное поведение, однако, давало несомненный повод для намеков и заявлений против него, и на его беду эта тяжелая участь (если это можно так назвать) произошла

заметил: «Я беседовал с потомками некоторых глав *omrahs* при Надире (то есть умара), которые все сходились во мнении в верности этого утверждения Мирзы Мехди».

[1] T.N., стр.230.

[2] Цитируемое произведение, стр.2921; Базин после утверждения своей веры в невиновности Рзы Гули, замечает: «Mais au Tribunal d'un Usurpateur le soupçon vaut la preuve».

[3] Цитируемое произведение, стр.400. Ханвей (том IV, стр.210), Братишев (стр.477 и 478), Абдул Керим Бухари (стр.49) и (как видно выше) Мухаммед Казим считали принца виновным.

[4] Базин, стр.292. Согласно Мухаммеду Казиму (K. N., стр.611), Надир после двухдневного уединения сел на трон и вызвал свою знать; он стал бранить их за то, что они не попытались вступить за его сына. «В племени персов, кричал он, нет ни одного верующего или благородного человека... Когда я справлюсь с гневом, я прикажу казнить 3 или 4 из вас, но досада останется навсегда».

[5] Малколм, том II, стр.97 и *Matla'u'sh-Shams*, том II, стр.17. Мухаммед Казим дает несколько отличную версию; через несколько дней после совершения ослепления, Надир навестил своего сына. Оба заплакали; затем Рза Гули сказал: «Хотя ты лишил меня зрения, но не забывай, что ты лишился и собственных глаз и разрушил свою судьбу».

тогда, когда Надир был сильно озлоблен из-за своих поражений в борьбе с лезгинами и когда возле него не было Алави Хана, чтобы обуздать его. Если бы Ник Гадам был пойман на месте сразу же после того, как он выстрелил в Надира, возможно, что принц смог бы избежать наказания, и не был бы обвинен вообще.[1]

Когда Рза Гули достаточно оправился, он был послан в Мешхед по собственной просьбе.

В ноябре 1742 г., Надир отправился на север, вероятно, с целью перейти замерший Терек и направиться в Кизляр, где он потребовал земли, в прошлом принадлежавшие Персии.[2] На принятие этого решения повлияло письмо, полученное им в это время от правителя Чечни, в котором последний утверждал, что хочет стать подданным Персии, и предлагал показать ему маршруты, по которым он смог бы вторгнуться в Россию. Очевидно, он также хотел проложить себе дорогу через Кабарду и Кубань прямо в Крым.[3]

Какое-то время казалось, что война между Персией и Россией неизбежна.[4] Братишев, сообщая в Санкт-Петербург о военных намерениях шаха, отметил, что Элтон предложил ему воспользоваться его кораблями в случае начала войны.[5]

---

[1] В Bayan отмечается (лист 99 (b)), что Надир был совершенно спокоен после покушения на его жизнь, и что он решил не наказывать никого, пока не будет проведено полное расследование.

[2] Бутков, том I, стр.220. Согласно письму из Санкт-Петербурга, датируемому 2 февраля 1743 г., опубликованному в лондонской газете Daily Post 21 числа этого месяца, в бывшей столице были получены сведения о том, что Капитан Селенски, Комендант крепости Кизляра, был доставлен в кандалах в Москву, потому что «оказал помощь повстанцам Дагестана против Шаха Надира, при наступлении монарха к нашим границам, что привело к угрозе порвать отношения с этим правительством если не будут его удовлетворять действия этого Главы».

[3] Бутков, том I, стр.220, замечает, что Надир приказал изучить маршрут из Эндери в район Черкаса и Крыма.

[4] В донесении Лорда Картера от 15/26 февраля 1743 г., Сер Кюрил Виш замечает между прочим: «Франция тешит себя, что здесь скоро начнется война с Персией (то есть, между Персией и Россией) и очень радуется этому. Она считает что Софий имеет аппетит на российские владения, так, в прошлом он просил руки Принцессы, а теперь Императрицы, за себя или сына, но, получив отказ и разочаровавшись в успешном разрешении вопроса этим путем, он попытается получить свое завоеваниями» (S.P. 91, том XXXVI); в отношении упомянутого предложения Надира к Императрице Анне (не Елизавете), смотри сноску 3 на странице 112 выше.

[5] Соловьев, том XXI, стр.202. Ни Вудруф, ни Ханвей не упоминают об этом предложении, но возможно, оно было сделано. У Элтона в это время (декабрь 1742 г./январь

Через некоторое время, после того как стали очевидны вражеские намерения Надира, Россия значительно увеличила численность своих войск на южных границах. Кроме этого, учитывая желание Турции и Персии напасть друг на друга, наступая через Южный Кавказ, Россия предприняла специальные меры для развития дружеских отношений с народом Кабарды.[1] Однако напряженное отношение Турции к Персии мешали последней напасть на Россию. Шах уже получал несколько сообщений о перемещении крупного турецкого контингента войск к персидским границам; прибытие турецкого посла в персидский лагерь в начале 1743 г. с сообщением от Султана, в котором он категорически отказывался признать джафаритский толк или соорудить дополнительную колонну или столб в Каабе, вынудило его воздержаться от своих планов вторжения в Россию и вместо этого решиться на войну с Турцией.[2] 15 Дхул-Хиджа 1155 (10 февраля, 1743 г.) он начал свой южный поход,[3] оставив для командования дербендским гарнизоном абдалиского главу Абдул Гани.[4]

Отважные горцы Дагестана благодаря своим лесам и горным цепям оказывали сильное противостояние завоевателю и его опытным солдатам. Все что ему удалось сделать, это подчинение долины Дагестана и захват нескольких отдельных крепостей вроде Гураиша. Цена с точки зрения людских ресурсов, а также материальных ресурсов была огромной для Надира, а его репутация, естественно, сильно пострадала из-за неудачных попыток добиться каких-то реальных успехов.

В снежную бурю и сильный холод персидское войско волочилось на юг к Муганкой степи. Войска страдали как от голода, так и от холода и были доведены даже до того, что ели пирожки из человеческого мяса. На дороге из Самура в Шабран погибло так много людей и животных, что она была вся покрыта трупами и тушами.[5] О встретивших-

---

1743) была несомненная причина выражать недовольство обращением, которому Вудруф и он подвергались со стороны русских официальных лиц в Персии.

[1] Подробности этих мероприятий смотри Бутков, том I, стр.224.

[2] T.N., стр.236. Решение Шаха, естественно, стало облегчением для русского правительства. 12/13 марта, 1743 г. Сер К.Виш сообщал в Вайтхолл: «Доказательством недогадливости русского правительства является то, что девяти полкам, отправленным к Астрахани, теперь было приказано вернуться назад в Петербург. Петербург».(S.P. 91, том XXXVI).

[3] T.N., стр.236.

[4] Бутков, том I, стр.226.

[5] Ibid., стр. 227.

ся трудностях и тяжелых испытаниях свидетельствует тот факт, что не меньше чем 30 дней понадобилось, чтобы добраться из Дербента до Куры.[1]

Тем временем, серьезные волнения произошли в Хорезме, где известный Нур Али Хан, поссорившись с Тахир Беком, нашел убежище у аральских туркменов и склонил их напасть на своего врага. С помощью этих туркменов и своих сторонников в Хорезме, Нур Али после захвата Ени (Нового) Ургенча и города Хивы осадил Тахира Бека в крепости Хивы. Тахир Бек отправил срочное послание о помощи в Мешхед к Насруллаху, но принц не смог прийти к нему на помощь. После осады, продолжавшейся несколько недель, Тахир Бек был вынужден сдаться; он был казнен Нур Али в отместку за казнь Илбарса. Затем Нур Али Бек взошел на престол Хорезма.[2] Итак, и на крайнем северо-западе, и на крайнем северо-востоке своей империи Надир потерпел поражение, но его неудача более всего была заметна в Дагестане, а его большие потери здесь принесли больше вреда его репутации, чем поражение и смерть Тахир Бека.

---

[1] T.N., стр.237.

[2] К. N., стр.625-628. Из-за сильного голода, появившегося через шесть месяцев, Нур Али был брошен туркменскими сторонниками, а затем был выслан из Хивы верноподданной частью общества. Насруллах, который тем временем направлялся в Мерв, наступая оттуда в Хиву и действуя по приказу Надира, посадил на трон сына Илбарса Абул Гази, которому тогда было только 14 лет, назначив инага по имени Иртаг его главным министром.

ГЛАВА XXI. ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ В 1740-1747 гг. И ВТОРАЯ ОМАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В Главе XVIII ход персидских операций в Персидском Заливе и в Омане описан до начала мая 1740 г., когда после неудавшейся макранской экспедиции флот вновь собрался в Гомбруне.

В это время положение арабских моряков было тяжелым, так как их жалование отдавалось за долги и они не получали достаточного продовольствия. Положение обострилось в начале сентябре 1740 г., когда повсеместный мятеж вспыхнул в Лафте, где в это время находился флот; мятежники убили адмирала, Мир Али Хана и всех остальных персов, оказавших сопротивление, и затем переместили весь флот в Хор Факан[1]; некоторые из судов были позже доставлены к острову Гаис. Гомбрунский агент комментирует этот мятеж так:

«.....пока арабов не призвали к повиновению, мы считали, что полностью сорвали крупный проект его величества о создании флота, так как только эти люди могли осуществить его планы; персы были совершенно неумелыми, а также несведущими в морских делах, что было связано с Расположением и Характером их страны. Если что-то не является необходимым для какого-то результата, то оно запрещается».[2]

Через несколько дней в Гомбрун прибыл новый адмирал по имени Махмуд Таги Хан. После предложения агенту договориться о продаже больших судов, адмирал написал главарю мятежников, убеждая его и его союзников подчиниться ост-индской компании. Агент написал письмо такого же содержания и транкеи перевезли эти письма под английским знаменем.[3]

Не дожидаясь ответа, адмирал заставил голландцев одолжить ему два их судна, которые затем стали на якорь в Гомбруне. Адмирал сел на один из этих кораблей и отплыл вместе с другими небольшими судами для наступления на арабов. Между этим флотом и двумя неболь-

---

[1] Gombroon Diary, 26 августа/ 6 сентября, 1740 г.; Оттер, том II , стр.130.

[2] Ibid.

[3] Ibid., 14/25 сентября, 1740 г.

шими арабскими судами, бригантинами, несколькими транкеями произошло сражение. После выстрелов пушечными ядрами с обеих сторон, арабы попытались взять на абордаж одно из голландских судов, но их атака была отражена; другое голландское судно с адмиралом на борту находилось на определенном расстоянии и вело перестрелку с арабами на большем расстоянии. Когда наступила ночь, голландские суда и небольшие корабли, преследуемые арабами, отплыли назад.[1] Ни адмирал, ни голландцы не могли гордиться ролью в этом сражении, но причин для оправдания у адмирала было больше, чем у голландцев, так как он никогда раньше не был в море.

В конце месяца адмирал поссорился с голландцами и поместил на их судах вооруженную охрану. Тем временем, хувалские арабы и мятежники свободно плавали и совершали набеги в заливе; в ноябре они появились в Конго, а на следующий месяц предприняли еще одну попытку захватить Бахрейн.

Когда Надир узнал о мятеже и восстании хуваланцев, он отправил приказ набрать 6.000 человек и собрать 15.000 туманов, а также попытаться приобрести несколько судов в Сурате, где он, как отмечали, получил не меньше, чем двенадцать судов в 1741 г.[2]; одно из этих новых судов прибыло из Сурата в мае 1741 г. Тем временем, арабы как всегда, рассорились между собой, и часть их начали вести переговоры с правительственной властью. Таким образом, это привело к определенному улучшению ситуации в Заливе.

Летом 1741 г. Надир задумал и спешно проводил в жизнь новые проекты, а именно строительство своих собственных кораблей в Бушире. В связи с отсутствием точной информации, можно только предполагать какие причины толкнули Надира на принятие этого решения. Возможно, его главной целью было сделать Персию самостоятельной в плане судостроительства; из-за своего стремления к независимости и неограниченной власти ему, должно быть, надоело быть зависимым от ост-индской компании, которая кроме предполагаемых денег за каждое

---

[1] Английский артиллерист, находившийся на борту персидского кеча, стал очевидцем этого боя (хотя его судно, видимо, не принимало участия в сражении); на обратном пути в Гомбрун, он дает подробные сведения агенту об этом событии (смотри Saldanha's Selections from State Papers стр.55 и Gombroon Diary, 12/23 октября, 1740 г.).

[2] Смотри сноску Х. Додвела, в *A Calendar of the Madras Records*, 1740-1744 (Мадрас, 1917, стр.235, письмо от Стефана Лоу в Бомбее в Форт Святого Георга, датируемое 9 октября 1741 г.)

поставленное судно, как правило, требовало пожаловать в качестве дополнительной компенсации несколько новых привилегий или восстановить части прежних. Во-вторых, он понимал, что самому строить суда, используя своих собственных рабочих, и свой материал, обойдется ему дешевле, чем их покупать; суда Сурата, как уже отмечалось, были очень дорогими.[1] К несчастью для себя, когда Надир задумывал этот план, он не учитывал те огромные трудности, которые всплыли, как только были сделаны первые попытки для осуществления этого плана.

Одним из самых больших препятствий, которое предстояло преодолеть, была полная нехватка необходимых материалов на берегах Залива; Надир нашел решение этой проблемы характерным для себя способом: рубкой строевого материала в мазандаранских лесах и посланием его прямо через окрестности Бушира, на расстояние около 600 милей. Как отмечают, в начале сентября 1741 г. Надир приказал приготовить телеги для перевозки этого лесоматериала[2], но в действительности, из-за отсутствия дорог и наличия горных местностей, которые следовало перейти, большую часть пути лесоматериалы должны были перевозиться на плечах людей; таким образом, транспортировка материалов так же, как и перевозка огромных мраморных блоков из Мараги в Мешхед и Келат причиняла невыносимые страдания несчастным подданным Надира. После получения приказа от Надира о предоставлении плотников и поставки продовольствия и материалов, Гомбрунский агент сделал следующую заметку о честолюбивом шахском проекте:

«Но какова была вероятность осуществления столь огромного проекта. Может быть предполагалось сделать это частично средствами, которые использовались для доставки лесоматериалов, привозя их

---

[1] Кроме того, возможно Надир полагал, что будет удобнее управлять выплатой государственных денег в Бушире чем в Сурате; незадолго до этого, согласно Мухаммеду Казиму (K.N., стр.370), персидские агенты в Сурате присвоили 8.000 туманов, которые были посланы туда для закупки судна.

[2] Gombroon Diary, 25 августа/5 сентября, 1741 г. Смотри также Базин, стр.318 и K.N., стр.378; в последней работе говорится, что Надир приказал правителям Решта, Лахиджана, Мазандарана, Фарса Гармсирата и т. д. отправить «к морю Гулзум (предположительно Персидский Залив) искусных плотников, которые умели бы строить «grabs» и другие типы судов».

из Мазандарана на плечах людей в течение шестидесяти дней; и любой другой материал доставлялся с такими трудностями».[1]

Время подтвердило мудрость этих слов.

Как отмечено в Гомбрунском Дневнике от 27 ноября/ 8 декабря 1741, Надир приказал построить в Бушире несколько судов:

«…..сто *Guz Shaw*[2] или более трех сотен английских футов длинного килья и пропорциональных размеров; каждый в отдельности должен иметь 500 орудий и носить его (то есть Надира) имя, а рабочими и припасами их должны были обеспечивать европейцы».

Для поставки оружия, в Гомбруне был построен пушечно литейный завод, в котором предполагалось отливать 300 артиллерийских орудий; в сентябре 1741 г. там были отлиты две медные пушки.[3] На следующий месяц Гомбрунский «переводчик» в Исфагане сообщил о прибытии туда первой партии мазандаранских лесоматериалов; предположительно, материалы прибыли в Бушир в конце этого года или начале 1742 г. Несчастным крестьянам приходилось перевозить эти материалы на себе, и многие из них погибли от изнеможения.[4] О том, как эти материалы использовались, речь пойдет ниже в этой главе.

В июне 1741 г. Имам Верди Хан, Сардар или Генерал Гармирата, который по должности был выше адмирала, поссорившись с последним, заключил его в тюрьму в Конге. Затем Сардар стал вести переговоры с английским агентом, во время этих разговоров он «говорил о

[1] Gombroon Diary, 27 ноября/ 8 декабря. Агент отмечает, что Надир издал рагам, требуя от компании прислать:
«трех опытных людей-плотников, чтобы построить суда в Бушире, и мы в свою очередь обязались поставлять этим людям продовольствие, при получении которого они будут давать расписку, на основе которой бейлербей будет делать выплаты… Но если мы не выполним эту обязанность, он даст нам почувствовать свое недовольство». Такой же рагам был отправлен голландцам.

[2] «Guz Shaw» имеется в виду gaz-i-shah или shah gaz (более точно, qaz); qaz или shah gaz было равносильно примерно 14 дюймам. Видимо в этих цифрах есть ошибка, потому что это нигде не получило осуществления, даже в западных верфях не строились деревянные суда такой длины, как это, так как корпусы не могли сделать достаточно твердо. Мой друг адмирал Баллард сообщал мне, что средневикторианские фрегаты Орландо и Мерсей были в длину 300 футов, но они, «хотя и строились из качественного дуба по установившимся правилам морской архитектуры, но так плохо прогибались из-за естественной упругости длинных бревен, что в итоге их нельзя было использовать».

[3] Gombroon Diary, 13/24 сентября.

[4] Базин, стр.319.

больших планах, которые планировалось осуществлять этим флотом, однако ход беседы показал его невежество в таких делах».[1] В октябре Имам Верди Хан попросил голландского агента предоставить ему два судна, на которых он должен был отплыть из Гомбруна для принятия участия в новой экспедиции против восставших арабов. Голландский агент чинил такие препятствия, что Сардар, наконец, захватил два судна, отправив голландских капитанов и других офицеров и людей на берег, и выступил, чтобы напасть на врага в Гаисе. После того как Персидский флот высадил около 500 человек на острове, появились арабские суда и открыли огонь.

Судно Сардара открыло огонь и потопило одно из судов мятежников, нанеся ему большие потери, затем принялись топить другое судно. Недовольный, очевидно, короткой досягаемостью своих орудий, Имам Верди Хан приказал одно из них зарядить в два раза больше; в результате, когда орудие выстрелило, оно взорвалось, убив множество людей и смертельно ранив самого Сардара. Хотя он не разбирался в военно-морских делах, но, несомненно, знал как надо умирать. «Не дайте врагу узнать» – сказал он, и вскоре умер.[2] Обе стороны несли большие потери, поэтому сражение прекратилось; преимущество осталось за арабами, если учесть смерть Сардара и многих людей, которых персы вынуждены были высадить на острове Гаис перед началом военных действий.

В начале января 1742 г. два новых 14-орудийных судна прибыли в Гомбрун из Синда, и еще одно судно, к большему недовольству английских агентов было приобретено в Бушире путем «неразрешенной покупки» у частного лица по имени Пикок.[3] Это было в то время, когда Таги Хан Шираз, восстановленный в прежнем положении бейлербея, прибыл в Гомбрун. На следующий месяц киль большого судна проложил курс в Бушир[4]; в это время Персидский флот состоял из 15 судов (часть из которых находилась еще в Сурате, или в пути из этого места). События в Омане теперь снова вели к персидскому вторжению. После

[1] Gombroon Diary, 25 июля/ 5 августа, 1741 г.

[2] K.N., стр.367, и Gombroon Diary, 26 октября/ 6 ноября; согласно Мухаммеду Казиму, у Имам Верди Хана оторвало маунд ($6\frac{1}{2}$ фунтов) мяса , когда взорвалось орудие. Оттер (том II, стр.156 и 157) упоминает об этом сражении, но неточно замечает, что погиб в этом сражении персидский адмирал.

[3] Gombroon Diary, 27 января /7 февраля 1741 г.

[4] Письмо гомбрунского агента в Лондон, датируемое 18 февраля/ 1марта 1742 г.

того как персы были, как отмечалось в Главе XVIII, вынуждены отступить из Муската в Джульфар в 1738 г., некоторое время у власти находился Имам Саиф ибн Султан. Однако его распущенное поведение вскоре возмутило многих его подданных, и в результате, в феврале 1742 г. они снова начали восстание[1], сместили Саифа и присудили Имамат его кузену, Султану ибн Муршиду.[2] Саиф, как и раньше, обратился за помощью к персам, на что Таги Хан ответил положительно. Тем не менее, сопротивление было упорным, потому что хувальские арабы присоединились к сторонникам Султана ибн Муршида.

Так как, арабы Хувалы захватили Хасаб, близ Рас Мусандама, персидский гарнизон в Джульфаре продолжал наступление в Хувалас в апреле 1742 г. и нанес им сокрушительное поражение. Один из главных хувальских лидеров Шейх Рама был убит в сражении, а около 500 арабов были взяты в плен.[3] 10/21 июня персидский флот отплыл в Джульфар, перевозя подкрепление и припасы[4], но только в ноябре Калб Али Хан (назначенный Сардаром Гармсирата после смерти Имам Верди Хана) переправился через арабский берег. Через три недели за ним последовал Таги Хан. К этому времени персидский флот был еще больше усилен за счет приобретения четырех новых судов из Сурата.

Таги Хан на встрече с Саифом ибн Султаном в Джульфаре заключил договор, таким образом взяв на себя обязательства восстановить его в Имамате, если он в ответ признает сюзеренитет Персии. Затем союзники возобновили атаку против Султана ибн Муршида и его сторонников.[5] В то время как часть персидской армии, под руководством Калб Али Хана осаждала Шохар, бейлербей и Саиф ибн Султан направились по морю к Мускату, который еще удерживался сторонниками экс-Имама.[1] Персидские войска могли направляться в любое место в городе, но Саиф ибн Султан отказал им в доступе к фортам аль-Джалали и Марани. Тогда Таги Хан решил, что если он не сможет честным войти в эти форты, то он сделает это обманом. Зная слабость Саиф ибн Султана к выпивке, он привез бочку ширазкого вина из Персии. Получив приглашение с некоторыми своими офицерами на празднества в форт Марани, Таги Хан принес с собой эту бочку вина и сумел полностью напоить Саифа и его офицеров; после этого ему, очевидно, было не трудно связать Саифа. В то время как Саиф и его офицеры лежали без чувств, Таги Хан и его персы овладели фортами без кровопролития. Затем бейлербей украл печать Саифа и поставил ее на приказе, который он написал от имени последнего, где командованию форта аль-Джалали было поручено впустить персидские войска. Арабский командующий, ничего не подозревая, выполнил приказ. Когда Саиф пришел в чувства, он к своему ужасу обнаружил, что оба форта находятся во власти персов.[2]

Так как были бесполезны попытки вернуть форты, Саиф решил продолжить войну против Султана ибн Муршида.

Шохар весьма искусно защищал правитель Ахмед ибн Саид, который, как ниже будет сказано, позже основал Ал-Бу Саидскую династию Муската. Таги Хан и Саиф ибн Султан выступили против Султана ибн Муршида, который приказал своим численно превосходящим войскам отступить к Шохару, где он надеялся, что сможет прорваться через персидские позиции и объединится с Ахмедом ибн Саидом. Очевидно, Султану ибн Муршиду удалось вступить в Шохар, но он был убит вскоре во время вылазки.[3] Однако Ахмед, продолжал отчаянно сопротивляться персам до июля; когда продовольствие и снаряжения стали заканчиваться, он решил, что будет лучше прийти к соглаше-

[1] Согласно Шейх Абу Сулейману (смотри Guillain, том I, стр.535), дата возвышения Султан ибн Муршида была 10 Дхул Хиджра 1154 (16 февраля 1742 г.). Салил ибн Разиг очевидно ошибается, отмечая, что Султан ибн Муршид становится Имамом в 1151г.(1738/9); как ясно из Гомбрунского Дневника, мятеж произошел в начале 1742 г., потому что агент ост-индской компании получил письмо в начале апреля этого года от бейлербея, где тот просил корабли для перевозки войск на помощь Саифу ибн Султану. Смотри также Оттер, том II, стр.163.

[2] Мать Султана ибн Муршида была дочерью Саифа ибн Султана I (смотри *Guillain*, том I, стр.535).

[3] Gombroon Diary, 19/30 апреля, 1742 г.; Оттер, том II, стр.169.

[4] Ibid., 10/21 июня 1742 г.; Оттер, том II, стр.168, отмечали, что Таги Хан отправил 6,000 человек в Джульфар в ответ на призыв о помощи свергнутого Имама.

[5] Guillain, том I, стр.536; Оттер, том II, стр.163.

[1] Guillain, том I, стр.537.

[2] Это история упоминается у Neibuhr в *Beschreibung von Arabien* (стр.300); *Guillain* дает несколько отличную версию. Агент ост-индской компании в Гомбруне получил письмо от персидского правительства 18 февраля 1743 г.; в нем отмечалось, что бейлербей захватил Мускат. Сообщения об отговорках Таги Хана, должно быть, распространились повсюду за границей, так как агент добавляет, что предположительно это место было захвачено «по тайной договоренности с коварными рабами Имама, предавшими ему форты».

[3] Guillain, том I, стр.538. Есть некоторая неопределенность о том, так ли был убит Султан ибн Муршид, или же, он погиб, когда пытался пробиться через персидские позиции.

нию.[1] Осада продолжалась семь или восемь месяцев, потери персов составили примерно 3.000 человек.[2]

Вскоре после смерти Султана ибн Муршида, Саиф ибн Султан, подавленный положением страны, к которому привели его собственное поведение и действия, оставил персов и отступил в Рустаг, где умер через несколько дней. Таким бесславным образом ярибская династия Омана завершила свое существование.[3]

Следует отметить, что если бы Саифу ибн Султану удалось с помощью персов добиться своего восстановления как Имама и если бы он затем признал, как он согласился это сделать, сюзеренитет Персии, то тогда Занзибар и зависимые от Омана земли на Африканском материке были бы, по крайне мере теоритически, частью империи Надира.[4]

Хитрому Ахмеду ибн Саиду удалось войти в доверие к Таги Хану до такой степени, что он не только получил утверждение в должности правителя Шохара, но также присоединил Барку к своим владениям.[5]

Как отмечено в Гомбрунском Дневнике, 3.500 новобранцев должны были быть отправлены в Арабию заменить погибших в Шохаре и в других местах:

«Когда они были хозяевами морского побережья, шах приказал направиться во внутренние части страны, и это предполагало его намерение завоевать всю страну, но в то время, как он это осуществляет, он уничтожает все свои владения, и ничего кроме страданий, тирании и гнета не увидит и не узнает народ, живущий в этих районах; люди выплачивали ежедневный налог так, что пока собирался один налог вновь налагались новые».[6]

Тем временем, война между Персией и Турцией, которая уже давно назревала, наконец, началась. Тем не менее, Надир не дал приказ

---

[1] Gombroon Diary, 21 июля 1743 г. Новости о капитуляции были получены в этот день в Гомбруне через транкеи из Шахора; смотри также Neibuhr в *Beschreibung*, стр.301.

[2] Gombroon Diary, 21 июля. Сведения Салил ибн Разига об осаде сильно преувеличены, а утверждения Оттера неточны (том II, стр.181).

[3] Guillain, том I, стр.538.

[4] Внутренние беспорядки в Омане, однако, привели к ослаблению власти Омана в Восточной Африке, в результате чего была потеряна Момбаса (которой временно завладели португальцы) в 1733 г.; смотри О.Керстен *Tabelarische Uebersicht der Geschichte Ostafrikas*, стр.17 и 18, в том III Baron von der Decken's *Reisen in Ost-Afrika*, Лейпциг, 1879 г.

[5] Guillain, том I, стр.538, Neibuhr т. 301, Салил ибн Разиг, стр.149 и 150.

[6] Gombroon Diary, 21 июля/1 августа 1743 г.

вывести свои войска из Омана, за исключением нескольких судов в Шохаре, которые, видимо, он собирался использовать против Басры для общевойсковых операций на суше и в реке.[1]

Спустя некоторое время начались серьезные трения между Таги Ханом и Калб Али, которые направляли Надиру обвинения один против другого. Шах был очень недоволен и приказал обоим вернуться; он назначил Мухаммед Хусейн Хана Гырыглу, недавно вернувшегося с миссией из России, на должность Сардара Гармсирата,[2] вместо Калб Али. В начале октября новый Сардар выступил из Гомбруна по направлению в Шохар.

Таги Хан и часть флота прибыли в Гомбрун 20 ноября/ 1 декабря, а через несколько дней прибыл Калб Али Хан; последний тайно сообщил «переводчику» компании, что в самом деле Таги Хан восстал, и что он несколько дней пытался убедить его присоединиться к восстанию. Через несколько дней Таги Хан задушил экс-сардара, а затем приказал сбросить его тело в колодец[3]; затем он публично поднял знамя восстания и направился в Шираз. О мерах, предпринятых Надиром для подавления этого восстания речь пойдет в Главе XXIV; здесь необходимо отметить лишь то, что Надир был так занят подавлением этого восстания, что не мог уделять внимание Оману. Следовательно, персидский гарнизон, находящийся здесь, не получал подкрепления. Умный Ахмед ибн Саид воспользовался этой ситуацией. Одним из условий его соглашения с персами в Шохаре было то, что он должен был регулярно платить им дань, но после смерти Таги Хана он не стал выплачивать дань в назначенные сроки, ссылаясь на то, что у него нет средств, чтобы посылать деньги в Мускат. В результате военачальники в этих местах стали испытывать недостаток в средствах и не могли больше платить своим воинам, многие из которых поэтому стали дезертировать.[4] Пригласив этих командующих в Барку под предлогом того, чтобы договориться о выплате этой дани, Ахмед захватил их и сопровождавших их воинов; затем он отправился дальше в Мускат и вызвал персов туда, предложив им деньги, если они сдадутся; но, если

---

[1] Ibid., 24 августа/ 4 сентября. Эти корабли, должно быть, прибыли слишком поздно для участия в операциях (подробные сведения об осаде Басры смотри в следующей Главе).

[2] *Autobiography* Мирзы Мухаммеда Ширази, стр.16.

[3] Gombroon Diary, 30 декабря 1743 г. / 10 января 1744 г.

[4] Neibuhr в *Beschreibung* стр.302, Guillain, том I, стр.539.

они этого не сделают, то им грозит тюремное заключение. Оставшись без своих лидеров, нехватка продовольствия и вдобавок не имея никакой возможности сопротивляться, большая их часть сдалась. Отмечают, что Ахмед казнил часть этих отрядов, но позволил другим вернуться в Персию.[1] Таким образом, он стал хозяином побережья от Муската до Шахора, и позже распространил свою власть на всю страну за исключением Джульфара и небольшой полосы соседней территории, на которой персы несколько лет удерживали управление.[2] Изгнав захватчиков и восстановив порядок в Омане, он без труда убедил главного газия подготовить его избрание Имамом; таким образом, он основал Ал-Бу Саидскую династию, которая правит в Мускате до сегодняшних дней. Избрание Ахмеда Имамом, как отмечают, произошло в последней четверти 1744 г.[3]

Для Персии оманская кампания оказалась дорогим и неудачным предприятием. По крайне мере 20.000 человек погибло или в сражении, или от опасных болезней[4], но эти многочисленные жертвы не принесли к успеху. Также как и дагестанская кампания, но в меньших масштабах, оманская операция была продолжением бесполезного истощения ресурсов Надиром, а усилия, направленные на обеспечение воинов и их материальное содержание вызвали разорения и бедствия в Южной Персии.

Тем не менее, успеха, несомненно, можно было добиться, если бы Надир вместо поручения верховного командования испорченному и неумелому Таги Хану, передал бы командование честному и способному военачальнику, такому как Тахмасп Хан Джалаир.

Для Омана результаты были совсем другими. Хотя временное персидское вторжение повлекло большие потери и тяжелые испытания на население, им удалось объединить противоречивые интересы и сме-

[1] Ibid., стр.303. Сведения Салила ибн Разига (стр.153 и 154) о предательстве Ахмеда персам и его последующей резне кажутся сильно преувеличенными.

[2] Запись в Gombroon Diary показывают, что позже в 1748 г., корабли перевозили людей и провизию, отправляясь временами из Джульфара.

[3] Guillain, том I, стр.542, Керстен *Tabelarische Uebersicht*, т. 18, Салил ибн Разиг отмечал, что (стр.152) Ахмед ибн Саид стал Имамом в 1154 (1741/1742 гг.), но это, очевидно, неточно.

[4] В Gombroon Diary, есть несколько упоминаний о больших потерях от болезней в персидских войсках в Омане.

нить на высшем собрании пришедшую к упадку династию Яриба на династию Ал-Бу Саидскую.[1]

В течение всего этого периода Надир упорно продолжал усилия для создания своего флота, частично покупая и частично строя собственные суда. На какое-то время благодаря его стараниям удалось достичь некоторого прогресса в строительстве судов в Бушире, но невозможно было сделать много без компетентного человека в руководстве над делами. Для того чтобы преодолеть эту трудность, Надир, очевидно считая, что все европейцы должны понимать в судостроительстве, решил поручить управление над операциями фламандцу по имени де ла Портери, который был в это время резидентом в Исфагане. Что получилось в результате, коротко, но точно описано монсеньером А. Мартиню, который дает подробные описания в архивах Compagnie Française des Indes at Pondichery[2]:

«Il (Nadir) s'imagina que cet homme (de la Porterie) devait tout savoir et il l'incita à descendre à Bouchir pour presider à la construction du navire. La Potterie (*sic*) ne connaissait rien aux affaires navales et s'excusa sur son incompetence Ses excuses ne furent pas admises; bon gré, mal gré il dut venir à la côte, et le voilà ingénieur. L'incident eû été simplement burlesque, si le malheureux n'était mort à la peine. Les tribulations qu'il éprouva pour accomplir ce travail improvise altérèrent profondément sa santé. Lorsqu'on lui permit de retouner à Isfahan, il était trop tard. La Potterie mourute à Chiraz, au mois d'août 1742…».

Все труды несчастного де ла Портери оказались напрасными, потому что Надир приказал остановить работы на судне в августе 1743 г., видимо, после отъезда де ла Портери, руководящего этими работами; он был обвинен в хищениях.[3] Работа на этом корабле никогда не возобновлялась, и спустя много лет в Бушире было обнаружено неза-

[1] Р. Саид Руит, в своей лекции в Центрально-Азиатском обществе в 1929 г., обратил внимание, на то, что династия Ал-Бу Саид пришла к власти, вытеснив персов, также как династия Яриба до этого изгнала португальцев. Смотри Journal of the C. A. S., том XVI, часть IV, стр.419.

[2] Смотри его статью, озаглавленную Le Premier Consulat de France à Bassora (1739/1745), в Revue de l'Histoire des Colonies Fracaises (Париж), 191? том V, стр.411 и 412. М. Мартини называет этого человека М. де ля Потери.

[3] Gombroon Diary, 24/4 сентября 1743 г.

конченное большое судно.[1] Результаты строительной политики Надира, несомненно, были бы совсем другими, если он оставил на службе такого человека, как капитан Джон Элтон[2] или одного из Парси (Parsee), строителей Сурата надзирать за работой в Бушире.

Понимая невыполнимость создания своего флота таким образом, Надир стал прибегать к дорогому, но эффективному способу, то есть закупать корабли из Сурата, и таким образом, он смог постепенно создать флот, состоящий не меньше, чем из 30 судов и большого числа небольших судов в Заливе.[3] В начале 1745 г. Гомбрунский агент сообщал в Лондон о том, что[4]:

«его величество, кажется, еще не оставил своего решения иметь большой флот, для поддержки которого он в последнее время приступил к развитию торговли и приказал ежегодно отправлять в Сурат два судна (которые были на стадии готовности) с грузом лучших товаров на сумму 5.000 туманов для приобретения продовольствия и строительства еще двух судов. Они приобретали у торговцев товары за собственную цену, от которых его величество, должно быть, получал значительную прибыль, но мы надеемся, что это не соблазнит его заниматься торговлей и дальше».

Часть флота, которая в это время находилась в Гомбруне, переправила войска в Джульфар; остальная часть была в Бушире.

В течение последних лет своего правления Надир был так занят войной с Турцией и часто вспыхивавшими в Персии восстаниями, что был вынужден забросить свой флот. Несколько судов были потоплены в кораблекрушениях, в то время как состояние остальных постепенно портилось, а дисциплина со временем стала еще больше и больше слабеть.[5]

[1] Остатки этого судна были еще видны, когда Сер Вильям Оуселей высадился в Бушире в марте, 1811г. (смотри его *Travels in Various Countries of the East, more particularly Persia*, Лондон, 1819 г., том I, стр.188).
[2] Некоторые упоминания об этом известном англичанине уже были сделаны (смотри Главу XVII и XX); подробно о его попытках построить флот для Надира на Каспийском море, сказано в Приложении I.
[3] Письмо из Гомбруна в Лондон, датируемое 20 февраля /3 марта 1745 г.
[4] Ibid.
[5] Два персидских судна находились в Бомбее в начале 1747 г.; смотри *Bombay Government Consultations* за январь этого года, в котором отмечается: «Так как команды, принадлежавшие к двум суднам Надира, последнее время причиняют большое беспокойство беднейшим слоям населения, президент сообщил Совету, что для предостережения неблагоприятных последствий, которые иначе произойдут, он приказал значительной части этих людей выйти из городских ворот». Вышесказанное наводит на мысль, что на борту этих двух судов не было строгой дисциплины.

По-видимому, примерно через год или около этого после его убийства флот прекратил свое существование как боевой силы.[1]

Стремление Надира установить господство в Заливе, также как и его попытки захвата Омана, завершилось провалом. Тем не менее, энергия и упорство, с которыми он стремился восстановить морское господство Древней Персии[2], служит доказательством широты его взглядов и других его замечательных талантов. Так в течение нескольких коротких лет, даже такой автократ как Надир, каким могущественным бы он ни был, не смог превратить в моряков людей, которые до этого не имели навыков и совсем не были обучены морскому делу. Для укомплектования личного состава своих судов, он обращался к арабам и в меньшей степени белуджам и индийцам, никто из которых не питал верноподданических чувств ни к нему, ни к Персии; это и есть действительная причина, почему, в конечном счете, несмотря на его прогрессивные стремления, не удалось достичь прочного успеха. Интересно, каких результатов он добился бы, если бы отправил Элтона в Персидский Залив в 1743 г., чтобы управлять там его флотом. Если бы он это сделал, у него не было бы Каспийского флота, но его суда в водах Залива имели бы более эффективный надзор; кроме того, удалось бы избежать разногласий между российским правительством и британскими купцами, занимавшимися рискованной транзитной торговлей в Персии через Россию.[3] Тем не менее, конечный результат был бы таким же; в период анархии, последовавший после убийства Надира в 1747 г., даже Элтон не смог бы предотвратить упадок флота.[4]

[1] Тем не менее, флот еще мог поддерживать связи между персидскими портами и Джульфаром в 1748 г.; смотри выше, стр.261-262
[2] Тема персидского флота в позднее сасанидское и раннее магометанское время рассматривалась профессором Хади Хасаном в его работе *A History of Persian Navigation* (Лондон, 1928 г.), и Монсеньером Д. Ферранд L'Elément Persan dans les Textes Nautiques Arabes , том CCIV Journal Asiatique, апрель/июнь 1924 г.
[3] Подробные сведения о Каспийском флоте Надира и британской торговле с Персией через Россию смотри в Приложении I.
[4] Заключительные слова этой главы почти дословно взяты из лекций о флоте Надир Шаха, которые я предоставил в Иранское Обществе 9 декабре 1936 г.

ГЛАВА XXII. ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ: МЕСОПОТАМСКАЯ КАМПАНИЯ

Турция, также как Россия и сама Персия, не получала достоверных сведений о Надире во время его нахождение в Индии. Отношения между Турцией и Персией оставались в таком подвешенном состоянии, какими они были с 1736 г. Говоря юридическим языком, здесь реального мира не было; было просто состояние затянувшегося прекращения военных действий, потому что договор от 28 сентября 1736 г. никогда не был ратифицирован.[1] Естественно, Султан и его советники были несколько обеспокоены, как бы Надир не возобновил войну в случае возвращения из Индии с победой. Они хорошо понимали, что при первой же возможности он без колебания использует разногласия в достижении соглашения по религиозным вопросам как предлог для возобновления военных действий. Однако пока шах находился очень далеко, и особенно когда распространялись упорные слухи о его поражении и смерти, Порта считала, что опасность если не полностью удалена, то хотя бы отдалилась. Облегчение, которое почувствовала Порта в этом плане, отразилось на его отношениях с Россией и Австрией. Белградский договор был подписан 18 сентября 1739 г., но когда возникли сложности в связи с выполнением определенных условий соглашения, поведение Турции было далеко не примечательным. Однако когда в Константинополе стало известно, что Надир, наконец, возвращается из Индии, наметилось внезапное улучшение в отношениях Порты к России и Австрии, и в результате, разногласия с двумя христианскими государствами разгладились.[2]

В январе 1741 г. персидский посол Гаджи Хан Чамишгазакский с огромной свитой помпезно вступил в Алеппо.[3] Через три месяца он прибыл в Константинополь, где его принял Главный Визирь. «Надменный и презрительный экипаж» Гаджи Хана, а также его настойчивый отказ обсуждать цели своей миссии с кем-либо кроме Султана дал повод возникновению острого недовольства.[1]

[1] Смотри стр.123 и 129 и выше.

[2] Вон Хаммер, том XV, стр.36.

[3] Смотри *A Relation of what passed at Aleppo on the occasion of the arrival of Hadjy Khan, the Persian ambassador to the Ottoman Porte*, в S.P. 97, том XXXI.

После приема у Султана, посол обсудил религиозные вопросы с турецкими министрами и улемой. Позиция Порты оставалась неизменной в этом отношении, но она не считала благоразумным в этот момент открыто отказывать на требования Надира. Поэтому Порта дала уклончивый ответ, отметив, что она предпримет действия в соответствии с заповедями истинного закона.[2]

Так как послу не были даны все полномочия, а также не совсем было ясно из доставленного им послания, хочет ли Надир войны или мира, было решено не приходить к соглашению с ним, но отправить посольство в Персию. Послами были выбраны Муниф Эфенди, главный казначей и Назиф Мустафа Эфенди, глава константинопольской таможни.[3] Посольство прибыло в лагерь Надира (примерно в 11 милях на севере от Дербента) в январе 1742 г.[4] Турецкие эмиссары доставили послание от Султана, в котором последний извинялся в связи с невозможностью принятия религиозных требований. Надир ответил, что хотел бы, чтобы Султан признал джафаритское течение, так как его (Надира) основная цель – это протянуть веревку дружбы. В продолжение он заметил что, так как вопрос этой пятой секты включает в себя элементы умиротворения мусульманской позиции и так как Султан является Халифом Ислама, он лично отправится в Турцию, чтобы окончательно решить этот вопрос. «Я надеюсь, что если Аллах захочет, этот вопрос будет улажен там к моему прибытию». С этой угрозой он завершил свой ответ.[5]

Понимая, что было бы неплохо придать своей религиозной политике, по крайне мере, видимость поддержки духовенства, Надир созвал собрание улема под руководством Муллы Баши Али Акбара. Улема знала, что ожидают от нее, и послушно поддержала фетву от 1736 г. относительно основания джафаритского течения, сооружения пятого столба в Каабе и отказа от шиитской ереси.[6]

[1] Подробно, смотри официальное донесение Сер И.Фавкенерса от 23 марта/3 апреля 1741г., *Daily Post* от 21 мая.

[2] Вон Хаммер, том XV, стр.41.

[3] Ibid., стр.42.

[4] T.N., стр.231. Имя Назифа ошибочно дается как Латиф в Бомбейском издании.

[5] Ibid., стр.231.

[6] Ibid., стр.231 и 233.

Несмотря на то, что Надир этим бросал вызов Турции, но он не смог привести свои угрозы в исполнение в следующие тринадцать месяцев, так как был полностью занят подчинением лезгин и их союзников в Дагестане.

Неоднократные сообщения о персидских неудачах в Дагестане встревожило Порту, когда в начале апреля 1742 г. в Константинополь вернулись Муниф Эфенди и Назиф Эфенди с ответом Надира и личными впечатлениями о его угрожающей позиции. Сообщения турецких командующих на границе подтвердили сведения, доставленные послами, и началась активная подготовка к войне.

В сообщениях об этих событиях в Вайтхолл Сер И.Фокнер замечает, что существовала острая нехватка продовольствия близ границы.

«Эта война, говорил он, является во всех отношениях очень несвоевременной для турков, еще не оправившихся от последней войны с христианами и еще со свежими воспоминаниями о сложностях и опасностях прошлой персидской кампании; страна еще ощущала ее тяжелые последствия, и была так истощена, что не могла поставлять продовольствия для армий. Кроме того, все слои населения были недовольны этим, что усложняло достижение каких-либо результатов при поддержке Армии».[1]

В течение года приходили новые сведения о трудностях Надира в Дагестане, в результате чего Порта стала тревожиться значительно меньше.

Мухаммед Казим в своем *Nadir-Nama*[2] отмечает, что когда лезгины захватили часть персидских отрядов в Дагестане и отправили их в Трабизонд и Константинополь, турки посчитали это признаком слабости Надира. Впоследствии они начали взимать большие пошлины с персидских купцов и караванов на турецкой территории, а также наказывали, пытали и отправляли обратно в Персию официальных лиц, назначенных персидским правительством, присматривать за теми своими соотечественниками, которые совершали паломничество в Мекку. Когда Надир узнал об этих действиях турков, он стал еще решительнее, чем раньше, готовиться к возобновлению военных действий.

[1] Официальное донесение Сера И.Фокнера от 8/19 апреля 1742 г.
[2] *Nadir-Nama*, стр.11 (в качестве частой ссылки в этой работе будет использоваться третий и заключительный том его работы о Надире, поэтому впредь будет даваться сокращение N.N.).

В Гомбрунском Дневнике отмечен интересный случай от 24 мая/ 4 июня 1742 г., там говорится:

«Шах Надир отправил посольство английскому королю для того, чтобы создать с ним твердый союз; так он, т.е. король, сообщал нашему королю (которого видимо он ошибочно называл Императором), что часть его территории отнята у него турками, поэтому он предлагал объединиться с ним против них и хотел знать сможем ли мы убедить нашего короля выслушать его предложения».

Агент ответил, что этот вопрос «дело Королевства и чужд нашим намерениям», что это касается другого правителя и что, кроме того, турки являются друзьями Британии. В завершении агент сказал «Мы считаем что они (то есть персы), полностью игнорируют то, что является для них нетрадиционным».[1]

Порта имела веские основания сомневаться в верности Ахмеда Паши Багдадского, и отмечают, что его враг Али Паша сделал все возможное, чтобы очернить его репутацию.[2] На самом деле Надир, несомненно, уделял большое внимание Ахмед Паше[3], на что последний отвечал взаимностью, но нет доказательств того, что Ахмед в самом деле изменил своей стране и стал сторонником Персии[4]; он был так горд своим положением Паши Багдада, где из-за отдаленности от Константинополя он правил почти как монарх; при Надире власть престола в Багдаде была бы в тени.

Многие турки и арабы в Месопотамии не брезгали зарабатывать крупные суммы денег на обеспечении персидских агентов лошадьми,

[1] Тем не менее, посредством своих многочисленных посольств, Надир был хорошо осведомлен о положении как в Константинополе, так и в Санкт-Петербурге.
[2] Оттер, том II, стр.359.
[3] Оттер, том II, стр.184; Оттер отмечает, что один перс сообщил ему, что однажды Надир спросил своих придворных о том, кто по их мнению, является могущественнее его. Придворные ответили, что не знают никого, кто был бы ему даже ровней. Тогда Надир ответил «Вы не правы, Ахмед Хан, правитель Багдада, несомненно, могущественнее, чем я, так как он так долго находится между двумя такими могущественными врагами, как Я и Султан Махмуд, и делает с нами, что хочет».
[4] Лонгригг, в своем труде *Four Centuries of Modern Iraq* (1610) отмечает, что по имеющимся фактам «нет основания для отвратительного прозвища Нидхамул-Мульк, данное его клеветниками». (Оттер, стр.365, он во втором томе отмечает, что Кахья Мосула, во время беседы с ним в июне 1743 г., упоминает об Ахмед Паше, как о «втором Низамул-Мюльке» и утверждает, что Паша был настоящим виновником всех бедствий, которые затем обрушились на страну).

мулами и верблюдами, хотя они, должно быть, понимали, что эти животные будут использованы персами, при возобновлении военных действий с Турцией.[1]

В начале 1743 г., сразу же после отъезда Надира из Дагестана, еще одно турецкое посольство прибыло в его лагерь и вручило письмо от Султана, в котором последний еще раз извинялся за невозможность согласиться признать джафаритское течение и разрешить сооружение пятого столба в Каабе. В ответ Надир сообщил Султану о предстоящем наступлении его «завоевавшей весь мир армии».[2]

Затем последовал губительный поход в Муганскую равнину[3], где была сделана остановка на двадцать дней, чтобы люди и вьючные животные могли восстановить силы. После этой передышки поход был продолжен через Хаштаруд и Гара Чаман; приблизившись на четыре фарсака от Тебриза, войска продолжили наступать на север в Мериван, где 24 Раби II (18 мая) принцы Насруллах, Имам Гули и Шахрух объединили войска у Мешхеда. Посол от Мухаммед Шаха прибыл вместе с принцами и привез с собой несколько ценных даров.

После короткой остановки у Меривана, Надир продолжил свой поход в Синандидж.

Возобновление угрозы войны с Персией побудило Турцию быть более дружелюбной или, во всяком случае, менее враждебной к России. Новости об укреплениях Астрахани и Кизляра, приходившие из России, на время встревожили Турцию, так как она в начале опасалась, что эти силы вместе с войсками Надира будут использованы против нее. Эти опасения оказались беспочвенными, но Турция продолжала действовать с осторожностью по отношению к России.[4]

Прежде чем покинуть Дагестан, Надир отправил гонцов к Ахмед Паше с требованием сдать Багдад. Получив это послание, Паша, стремясь выиграть время ответил через своего Кахью Мухаммед Агу, что

[1] Оттер отмечает (том II, стр.247 и 248), что все время, когда он находился в Исфагане и Басре примерно 6 лет, эта торговля была в разгаре.
[2] T.N., стр.237.
[3] Смотри стр.251-252 и выше.
[4] Станхоп Аспинвел (который после отъезда Сера И.Фокнера из Константинополя в ноябре 1742 г. стал поверенным в делах) сообщал от 8/19 июля 1743 г., что турки не осмелятся воевать с Россией, «которая все меньше и меньше боится их и, в конце концов, она может отомстить им за это, объединившись с персами, что было уже не фантастикой» (S.P. 97, том XXXI).

он хочет сохранить дружеские отношения с ним, но не может сдать Багдад до окончания срока своих полномочий; его назначил Султан, и он должен исполнять свои обязанности. В завершении он просил повременить.[1]

Мухаммед Ага доставил это послание Надиру в Синандидж; Шах воспринял его благосклонно, но отправил несколько отрядов захватить Саммару, Хилу, Наджаф, Карбалу и другие районы Месопотамии. В то же самое время он назначил Гаджи Хана Шейханлу из чамишказакского племени командовать войсками, которые должны были осаждать Басру, и приказал правителям Ширвана, Хавиза, Шуштара и Дизфула и арабам из этих мест объединиться с ним.[2] Об осаде Басры этими войсками речь пойдет ниже в этой главе.

1 июля Надир отправил Насруллаха и других принцев в Хамадан. Затем он позволил могольскому послу вернуться и передал ему множество даров для Императора.

Так как Надир намеревался провести зимнюю стоянку близ Багдада, он дал указания собрать большое количества зерна в Шахризурской области для отправки в его лагерь.[3]

Существуют спорные моменты относительно передвижений Надира на этом этапе. Как явствует из официальных записей Мирзы Мехди, он, покинув Синандидж, направился обратно, откуда отправился до Меривана и затем направился на запад и после пересечения турецкой границы близ Панджвина вступил в богатые и плодородные области Шахризура[4]; видимо, так действительно и произошло, но Мухаммед Казим отмечает[5], что Надир перед вступлением в Месопота-

[1] T.N., стр.239. Сулейман Саиг в своем *Ta'rikhu'l-Mousil* (Каир, 1923 г.) стр.279 отмечает, что Ахмед Паша решил применить хитроумную политику и отправил послание Надиру о том, что ему следует сначала захватить Мосул и что он при возвращении найдет ворота Багдада открытыми. Согласно вон Хаммеру (том XV, стр.57), Ахмед Паша написал одному из советников Надира, что он предложил Порте назначить двух влиятельных советников для разрешения сложного вопроса о джафаритской секте; если Ахмед Паша на самом деле сделал такие предложения, то он, несомненно, заранее знал, что оно будет отвергнуто; все что ему было нужно в данное время, это выиграть время, чтобы собрать урожай и запасы продовольствия.
[2] T.N., стр.239.
[3] Ibid.
[4] Ibid.
[5] N.N., Мухаммед Казим не был очевидцем этих событий и мог допустить ошибку, потому что, во-первых, Надир, несомненно, намеревался идти через Кирманшах, ко-

мию направился в Кирманшах, где заложил фундамент новой большой крепости и арсенала, а затем осмотрел свою армию; согласно этому автору, войска, которые были собраны со всех частей империи, были численностью 375.000 человек.[1] Мухаммед Казим дальше отмечает, что Надир приказал своим генералам готовиться к трехлетней войне с турками.

Правитель Шахризадской области Халид Паша[2], бежал, как только персидские войска вступили на его территорию. Надир продолжил свое наступление на запад и 14 Джумади II (5 августа 1743 г.) появился перед Киркуком. Гарнизон покинул город, но отступил к крепости, где приготовились оказывать сопротивление. Учитывая, что крепость была достаточно укреплена, Надир не предпринял попыток захватить ее штурмом без предварительной бомбардировки. Когда через неделю прибыла его тяжелая артиллерия, он стал обстреливать крепость со всех сторон, в результате, гарнизон сдался до наступления сумерек.[3]

гда он считал Багдад своей непосредственной целью; во-вторых, он отправил свою тяжелую артиллерию через Кирманшах и Зохаб (T.N., стр.240).

[1] Видимо, нет причин сомневаться в том, что этот осмотр был проведен, но скорее всего, это произошло в Синандидже, а не в Кирманшахе. Мухаммед Казим отмечал (T.N., стр.12), что он получил подробные сведения о численности войск от артиллерийского писаря (*lashkar-navis*); эти данные такие:

Отряды из Хорасана	65.000
Персидский Ирак	45.000
Луристан, район Бахтиари, Хузистан и Фарса	50.000
Азербайджан, Грузия, Армения, Ширван, и т. д.	60.000
Хамадан и Кирманшах	25.000
Туркестан и Туркменские степи	60.000
Газна Кабул, Пешевар, Кашмир, Мултан, Лахор, и т. д.	70.000
Итого	375.000

Это число кажется преувеличенным (если не было включено число нестроевых солдат), но соотношение может быть верное. Заслуживает внимания большое количество неперсидских отрядов.

[2] T.N., стр.239. Халид Паша принадлежал к известной Бабаской семье; правителем Шахризура Надир назначил вместо него его кузена Селим Бека.

[3] T.N., стр.239. согласно другим сведениям, гарнизон держался два дня после начала бомбардировок. Смотри французский перевод M. H. Pognon's *Chronique Syriaque Relative au Siège de Mossoul par les Persans en 1743*, сирийской рукописи, оригинал которой был написан неким Habèche (? Habash) в 1746 г. Сирийский текст вместе с

Мирза Мехди отмечал[1], что Надир решил не идти дальше Киркука, надеясь, что послания, которые он отправил Порте через посредничество Ахмеда Паши и его Кахьи, получат положительный ответ, что сделает ненужным дальнейшее наступление. Однако, его планы терпят неудачу, так как, во время пребывания Надира в Киркуке он получил от Султана письмо, где говорилось, что Шейхул Ислам издал фетву, которая объявила законным убийство и взятие в плен персов, религия которых, как отмечалось, противоречила Исламу. Одновременно Порта отдала приказ Гаджи Хусейн Паше[2] из Мосула подготовить этот город к обороне.

Из-за провокационных условий в письме Султана, Надир 3 сентября покинул Киркук с намерением захватить Мосул. Арбильская крепость пыталась оказать сопротивление, но персидская артиллерия быстро заставила их сдаться. Затем Надир спешно направился к Мосулу, где его войска опустошили и разрушили деревни и разорили население сельской местности: среди разрушенных местностей был Карамлес, бывший Кармелис[3], где Александр Великий одержал блестящую победу над Дариусом Кодаманнусом в 331 до н. э. Никаких различий не было сделано между мусульманами и христианами, а в некоторых деревнях церкви и монастыри были стерты с лица земли, а священники и монархи взяты в плен.[4]

Около Алтын Кепри население вышло поприветствовать Надира и выразило свою готовность подчиниться; они сообщили ему, что есть племя почитателей сатаны[5], распространяющее зло. Надир отправил 12.000 человек под руководством своего племянника Али Гули Хана

переводом М.Погнонса был опубликован в Florilegium Melchior de Vogüé, Париж, 1909 г., стр.489-503.

[1] T.N., стр.239.

[2] Дед Хусейна Паши, Абдул-Джалил, который был христианином, долгое время находился на службе у Паши Мосула. Подробности о семье Джалила, смотри Neibuhr's Reisebeschreibung, том II, стр.362 и 363, и Лонгригг, цитируемое произведение, стр.138 и 347.

[3] В арамейском языке это известно, как Гаугамала, что означает «Шею Верблюда» (сравни с турецким *деве боюн*).

[4] Habèche, стр.499, и Сулейман Саиг, стр.278.

[5] Используемый персидский термин Шейтан-пяряс буквально означает «почитатель сатаны», и очевидно, под этим подразумевались езиды; следует отметить, что эти люди в действительности были больше умиротворители черта, чем почитатели сатаны.

против этих езидов, которые собрали всех умеющих сражаться людей. Состоялся бой, в котором это племя сражалось очень храбро, но в конце концов, потерпело поражение от более опытных хоросанских и других отрядов. После этого сражения Али Гули наступил дальше и продолжил осаду горной крепости езидов, полностью уничтожив их. Затем Али Гули и его воины присоединились к основным частям армии.[1]

Тем временем, Хусейн Паша из Мосула занимался приготовлениями к надвигавшейся осаде; к прибытию его тезки, правителя Алеппо и его отрядов численность его гарнизона превышала 30.000 человек. Ободряемый этим своевременным подкреплением, Хусейн Паша решительно отказал на требования посланцев от Надира сдаться и отправил своего брата Абдул Фатих Бека с частью своих войск выступить против персидской наступательной гвардии. Этот турецкий отряд столкнулся с персами под командованием Али Гули на востоке от Тигра; турецкий отряд был разбит и едва избежал засады при отступлении в Мосул.

25 Раджаба (14 сентября) Надир со своей армией разбил лагерь в Яримдже, близ усыпальницы пророка *Jonah*; по приказу шаха были наведены мосты через Тигр как выше, так и ниже Мосула; большая часть людей была переправлена через западную сторону реки, для того чтобы полностью окружить город.

Новости о вторжении Надира в Месопотамию, его угроза Багдаду и захват Киркука вызвали оцепенение в Константинополе. Опасения восстания населения заставили Гизлар Агу добиться отставки Главного Визиря Али Паши, и назначить на его место Хасана Пашу, бывшего янычара. Несомненно, Али Паша стал козлом отпущения, и на этот пост был избран Хасан Паша, потому что его назначение было одобрено в армии.[2] Когда дошли новости об осаде Мосула, в турецкой столице усилились опасения; турки обратились за советом к графу Боневалу, который в свою очередь взялся успешно завершить персидскую войну в одну кампанию, но его план не был одобрен.[3]

Вернемся к осаде Мосула. Полностью окружив город, персы соорудили редуты и разместили там четырнадцать батарей, в которых

[1] T.N., стр.20-40.
[2] Станхоп Аспинвел в Вайтхолл, 5/16 октября 1743 г. (S.P. 97, том XXXXII), и Вон Хаммер, том XV, стр.69.
[3] Письмо из Константинополя корреспондента *Daily Post*, опубликованное в этой газете 3 ноября 1743 г.

были установлены 160 пушек и 230 мортир.[1] Бомбардировка из этих батарей была начата 8 Шабана (27 сентября) и без остановки продолжалась восемь дней и ночей.[2] Стены были пробиты в нескольких местах, но защитникам, работавшим с отчаянным упорством, всегда удавалось восстанавливать их до того, как персы могли бы проникнуть внутрь. Продолжались ведение множества подкопов и минирование[3], осаждавшая сторона предприняла около семи обширных штурмов и пяти дополнительных атак. Однажды, когда миной была пробита в стене большая брешь, персы совершили стремительную атаку, взяв с собой 17.000 лестниц, но отчаянно сражавшимся защитникам удалось их вытеснить, нанеся им большие потери.[4] Христианская часть населения сыграла очень важную роль в защите города, и впоследствии, в награду за их службу им были предоставлены специальные привилегии.[5] Впоследствии ходили легенды, что персидские войска были вытеснены благодаря сверхъестественному вмешательству Святого Георгия, Святого Метью и пророка *Jonah*, «которые внезапно появились среди них вооруженные и верхом на лошади».[6]

22 Шабана (11 сентября) Надир получил опасные сведения о том, что самозванец безвестного происхождения, называвший себя Самом Мирзой,[7] и сын Сурхая, Мухаммед, с помощью лезгин захватили, а позже казнили правителя Ширвана, между Шамахой и Шабраном.[8] Вскоре после получения сведений об этом восстании, он получил еще

[1] Вон Хаммер, том XV, стр.70 и 71.
[2] Число пушечных ядер и мин, выпущенных в Мосул во время осады подсчитано Neibuhr (Reisebeschreibung, том II, стр.367) как 40.000, турецким официальным источником как 60.000, а Сулейманом Саигом (цитируемое произведение, стр.284) не меньше 100.000.
[3] По причине отсутствия у них мастерства, персидские инженеры в целом причинили себе значительно больший вред, чем туркам; так, большинство их мин взрывалось в обратную сторону. Как отмечают, у турков были способные инженеры из Константинополя (смотри С.Д. Рич *Narrative of a Residence in Koordistan and of the Site of Ancient Nineveh*, Лондон, 1836 г., том II, стр.46).
[4] Турецкий официальный источник.
[5] Neibuhr, цитируемое произведение, том II, стр.361, Сулейман Саиг, стр.289.
[6] Рич, цитируемое произведение, том II, стр.46.
[7] Этот самозванец утверждал, что является одним из многочисленных потомков Шаха Султана Хусейна, но Мухаммед Мухсин не упоминает о сыне монарха по имени Сам в обширных генеологических данных последних сефевидов, которые он дает в своем *Zubdatu't-Tawarikh*.
[8] Подробнее об этом восстании смотри в следующей главе.

более тревожные новости о том, что еще один претендент, самозванец «Сафи Мирза» (вымышленное имя Мухаммед Али Рафсанджани), с помощью турков наступает к персидской границе из Эрзерума через Карс.[1]

Очевидно, во время осады Мосула, в персидский лагерь прибыли посланцы из Туркестана, сообщившие, что купцы из Ташкента, а также из Китая (Chin va Ma-Chin) прибыли в Чарджуи с новостями о том, что «Мангу Гаан, Король Китая» услышав о возвышении и успехах Надира, собирает войска и готовится к войне против него.[2] Король, по их утверждениям, отправил гонцов к правителям Котана и Кхитаии, предлагая им подготовиться к войне для оказания сопротивления Надиру, в случае если он попытается вступить на их земли. Так как Надир, согласно Мухаммед Казиму, намеревался захватить Китай, после того как завоюет Турцию, он приказал собрать и отправить в Мерв огромное количество военного орудия всех видов[3] с тем, чтобы быть готовым к экспедиции в Китай, когда придет подходящее время.

Новости о деятельности Сама Мирзы и Сафи Мирзы вместе с осознанием того, что в его войсках падает боевой дух из-за их больших потерь и неудач, вынудили Надира начать переговоры с Хусейн Пашой о прекращении военных действий.[4] Сначала турецкий командующий отверг эти предложения, но после новых попыток к примирению, он согласился вести переговоры. Затем состоялся обмен ценными подарками, и Надир согласился снять осаду, в случае если Хусейн Паша отправит свои мирные предложения в Константинополь. В этот момент прибыл Мухаммед Ага с письмом от Султана, где заявлялось, что он

---

[1] Вон Хаммер, том XV, стр.71. О прошлом этого самозванца смотри стр.58 выше.

[2] N.N., стр.49. Профессор Минорский, с которым я консультировался об этом эпизоде в *Nadir-Nama*, считает что «Мангу Гаан» правил после Тиен Тзу, «Сына небес» (=Chien-Lung), который правил с 1735 г. до своего отречения через 60 лет. Так, Мухаммед Казим отмечает в следующем отрывке, что Император отправил послания к правителям Котана и Китая, то, очевидно, что Китай не вел военные действия с ними (только в 1758 г., китайцы вступили в Дзунгарию, и их оккупация страны завершилась через четыре года).

[3] Ibid., стр.49 и 50. Среди заказанных материалов было большое количество свинца для производства пуль и некоторое количество меди для литья пушек и минометов. В Мерве не было топлива для литья, уголь привозили из Верхнего Мугхаба и из Мурачага.

[4] Согласно Мирзе Мухаммеду (T.N., стр.241), Хусейн Паша отчаявшись продержаться дольше, первым сделал попытку к примирению но, по-видимому, это неверно.

не доверяет дружбе и братским чувствам Надира, потому что последний нарушил турецкую границу; однако если он отступит к персидской границе, он может там обсуждать с Ахмед Пашой спорные вопросы.[1]

Согласившись на это предложение, Надир 2 Рамазана (20 октября) со своими войсками отправился из Мосула в Киркук и Гара Тепе; он еще раз показал свое неумение ведения продолжительных штурмовых операций. Оставив большую часть своей армии и весь свой обоз у Гара Тепе, он выступил только с небольшим эскортом для посещения почитаемых святынь Месопотамии.[2] Так началась новая фаза неопределенных отношений между Персией и Турцией; все это время, как будет ниже сказано, продолжалась осада Басры.

После встречи с Мухаммед Агой и другими знатными лицами, которые преподнесли ему подарки от Ахмед Паши, Надир отправился дальше в Казимейн, где посетил святыни Имама Мусы ал-Казима и Мухаммеда Таги[3], так почитаемую шиитами. Затем он вновь переправился через Тигр на барже, предоставленной Ахмед Пашой, и направился в Муаззам к могиле Абу Ханифа.[4] 1 Шаввала (18 ноября) он отправился дальше в Карбалу, где совершил обряд обхода вокруг (таваф) святыни. Его жена, Разия Бегим, дочь Шаха Султана Хусейна, передала 20.000 надирия для восстановления священного строения.[5]

В конце месяца Надир отправился через Хилу в Наджаф, где он созвал большое собрание улемы Персии, Афганистана, Балха и Бухары с одной стороны и священных городов Месопотамии, с другой, для того чтобы обсудить и решить религиозный вопрос.[6] Он отдал приказ

---

[1] T.N., стр.241. Абдуллах ибн Хусейн ас-Суведи из Багдада (который был современником Надира) в своем *Kitab al-Hujjaj al-Qat'iyya li ittifaq al-Firaq al-Islamiyya* (которое было опубликовано в Каире в 1906 г.) упоминает об этом послании и добавляет, что Султан сказал, что требования относительно джафаритского течения должно быть пропущено. Смотри А.И.Шмидта *Из истории Суннитско-Шиитских отношений* в Сборнике статей В.В.Бартольда, называющейся Игдул-Джуман, Ташкент, 1927 г., стр. 83.

[2] T.N., стр.241.

[3] Соответственно седьмой и девятый из Шиитских имамов.

[4] T.N., стр.241.

[5] Согласно Мирзе Мехди, Надир посетил Карбалу 1 Шаввала, после посещения Наджафа (T.N., стр.246), но как отмечает ас-Сувейди (Шмидт, цитируемое произведение, стр.95), встреча в Наджафе произошла 24 Шаввала. Посещение Карбалы, должно быть, предшествовала встрече.

[6] T.N., стр.241.

позолотить купол святыни Али в Наджафе несомненно с целью расположить к себе местных духовных лиц.[1]

Более полные и интересные сведения об этих религиозных дискуссиях даются Абдуллахом ибн Хусейн ас-Сувейди – турецко-арабским богословом. Ахмед Паша отправил Абдуллаха к Надиру, чтобы принять участие в работе по согласованию противоречивых религиозных вопросов в Персии.[2] На приеме у Надира Абдуллах, беседовал с шахом на туркменском диалекте (видимо, турки или восточно-турецкий). Надир предложил Абдуллаху помочь в ликвидации «неверности» (то есть неподчинения суннитским законам) и предложил ему не участвовать в качестве участника дискуссии, а выступить посредником, обращать внимание на все и затем сообщать обо всем Ахмед Паше. В конце аудиенции, Абдуллах встретился с Али Акбаром, персидским Муллой Баши, с которым он провел продолжительное неформальное обсуждение текста Корана и традиций. Будучи верным суннитом, Абдуллах нашел Али Акбара непримиримым в определенных доктринных вопросах. На следующий день (24 Шавала=12 декабря 1743 г.) собралась улема, где присутствовало 70 персидских богословов, группа афганцев и еще одна группа бухаринцев. Абдуллах ас-Сувейди, согласно договоренности, выступал посредником, а Али Акбар и бухаринский мулла были основными ораторами. Вскоре стало ясно, что Надир относительно всех вопросов тщательно подготовил Али Акбара и других персов, потому что на перекрестный вопрос относительно «неверности» персов, Мулла Баши был очень почтителен и выразил совершенно ортодоксальные взгляды. В заключение было достигнуто соглашение между персами и двумя группами бухаринских и афганских богословов. На следующий день все улема вместе с улема Наджафа подписали документ, излагающий условия обязательств персидской стороны, а затем Абдуллах ас-Сувейди подписал и запечатал его как посредник. В этом документе порицалась религиозная политика шаха Исмаила и его преемников, признавалась законность первых трех халифов. Также было признано происхождение Джаффару-Садига от Пророка. Наконец, было подтверждено право персов на официальное признание принадлежности к джафаритскому толку.[1]

[1] Согласно Мухаммеду Казиму (N.N., стр.72), Надир пожелал украсить купол святыни Али в Наджафе так же, как святыню Имама Рзы в Мешхеде. Работы по золочению купола не завершились когда Вильям Бивес посетил Наджаф в августе, 1745 г. «Он удивленно отметил поведение турков в этом городе, которые несмотря на ведение военных действий с Персией и всегдашнюю ненависть к этой секте (шиизму), тем не менее, из за страха или из за религиозных предрассудков воздерживались от каких то попыток присвоить так неосмотрительно хранящиеся богатства. Правитель Персии имел здесь *Chan* как для почитания так и для исследовательских работ которые еще не завершены...». Смотри Бивес *Narrative of a Journey from Aleppo to Basra in 1745* (Hakluyt Society, Лондон, 1928 г. No. LXIII, стр.23).

[2] Шмидт, цитируемое произведение, стр.83-100.

После того как улема завершила свои дискуссии и издала манифест, жена Надира Гехар Шад, мать принцев Насруллаха и Имама Гули, передала сумму в 100.000 надирия для восстановления стен и черепичных работ святыни и подарила украшенную драгоценными камнями курильницу и еще одну курильницу из золота для пользования там.[2]

Тем временем, Надир и Ахмед Паша обсудив все условия, в конце ноября или начале декабря пришли к соглашению.[3] Полный текст этого договора не сохранился, но несомненно то, что там не было и речи ни о каких-либо послаблениях религиозных требований Надира; с другой стороны, Мирза Мехди отмечал, что это соглашение обеспечивало Турции возвращение Киркука, Арбила, Гурна и других крепостей, которые находились в руках у персов. Можно только предполагать каковы были действительные намерения Надира, когда он составлял этот договор с Ахмед Пашой; скорее всего, его главной целью было просто «занять»[4] Порту и так выиграть время до тех пор, пока не будут подавлены восстания на северо-западе Персии; тогда он смог бы бросить все свои силы против турков на границе Анатолии. Принимая во внимание свой предыдущий опыт относительно турецкого отношения к джафаритскому течению, у него почти не было надежд на то, что этот договор будет полностью принят Портой. О том, как этот договор был воспринят в Константинополе, и о последующих действиях Турции речь пойдет в Главе XXV.

[1] T.N., стр.246.

[2] T.N., стр.246.

[3] Ibid., стр.247.

[4] Это выражение взято из официального донесения Станхопа Аспинвела из Константинополя в Вайтхолл, датируемого 14/25 января 1744 г.; до турецкой столицы уже дошли сведения о «проведении переговоров между Шауфом и Ахмет Башем ...которые завершились согласием Шауфа снять блокаду (Багдада) и немного отступить, что от него требовал Башоу, как первый шаг его участия в процессе...» (S.P. 97, том XXXII).

Прибыв в свою временную резиденцию с Ахмед Пашой, Надир сразу отдал указания снять осаду Басры; теперь несколько слов об этой осаде.

Операции на юге Месопотамии не велись с такой же силой, как на севере. Когда Надир начал свой поход против Киркука и Мосула, он, как уже отмечалось, назначил Годжа Хана Шейкханлу из чамишгазакского племени командующим войсками, которые должны были наступать на Басру.[1] Годжа Хан вместе с правителем Хавиза и Салмана (который также был известен как Сулейман), хорошо известным главой каабских арабов[2] (которые недавно были направлены на персидские территории в обход Даурага и стали персидскими подданными), готовились совершить совместное наступление из Хавиза на Басру.

16 июня в Басру прибыли два гонца от правителя Хавиза с требованием сдать город и предупредить в случае отказа, что персидские войска придут и устроят массовую резню.[3] Мутасаллим (представитель правительства) Рустам Ага после обсуждений несколько дней со своими советниками, отказался выполнить это требование, и тогда персидские войска начали наступление к границе. Их приближение к турецкой земле вдохновило Мунтафига и бани ламских арабов, которые несколько лет периодически поднимали восстания против турков, вновь восстать и объединиться с войсками врага. Рустам Ага направил галеру и несколько транкей, чтобы помешать персам и их союзникам пересечь западные берега шаттул-арабов, но несмотря на это, захватчикам удалось перебраться на лодках, построенных ими в Хавизе.[4] 28 августа /8 сентября персы начали осаду города.[5]

[1] T.N., стр.239.

[2] Смотри Сеид Ахмед Кесрави Ta'rikh-i-Panj Şad Sala-yi-Khuzictan (Тегеран, 1931/1932 гг.), стр.119. В 1740 г. Каабское племя переселилось в чисто персидские территории, около Даурага и реки Джарахи, где они заняли земли, которые до этого принадлежали хузистанской ветви афшарского племени.

[3] Письмо Резидента ост-индской компании в Басре Томаса Дорила, датируемое 20/31 августа 1743 г. Лондон.

[4] T.N., стр.239.

[5] Эта дата дается Дорилом в следующем письме в Лондон, датируемом 7/18 апреля, 1744 г. М. Мартини, на основании документов из персидского архива дает другую дату 29 августа (Старым стилем), в то время как в данных кармелитов эта дата помещается еще дальше на четыре дня (смотри *Continuatio domesticæ Bassorensis historiæ ab anna 1733*, в *Analecta Ordinis Carmelitarum Discalceatorum*, том VIII, Fasc. I стр.66 Рим, 1933 г.).

Как только резидент ост-индской компании в Басре Томас Дорил узнал об угрозе нападения персов, он приказал небольшой бригантине компании, стоявшей на якоре у города, отплыть незаметно ночью и направиться в Гатиф. Он опасался того, что если судно останется, турки захватят его и используют против персов, как они поступили с двумя судами компании в Басре в 1735 г. Узнав об отплытии бригантины, мутасаллим обвинил Дорила в союзе с персами. К несчастью, судовая команда (которая в основном состояла из матросов из Басры) подняла мятеж, прежде чем судно успело отплыть далеко, и вынудила капитана вернуться. Мутасаллим был рад этому столько, сколько Дорил был, наоборот, разочарован и потребовал передать судно им. На отказ Дорила, Рустам Ага схватил его и поместил на сорок восемь часов в палатку, стоящую у стен города, под охраной янычар, а затем стал распространять слухи о симпатиях Дорила к персам, в результате чего его жизни и жизни его помощника Данверс Греваса угрожала большая опасность со стороны разоренных солдат.[1] Понимая, что смерть будет его неминуемой участью, если он не согласится уступить судно, Дорил, наконец, дал свое согласие, но сумел передать сообщение капитану, чтобы он привел судно в негодность, во что бы то ни стало. Капитан соответственно просверлил отверстие на дне бригантины, представив это так, как будто судно дало течь. Когда турки поняли что судно в негодном состоянии, они позволили ей встать на мель. Дорил был освобожден, но его беды отнюдь не завершились, потому что он и остальные европейцы в Басре должны были снабжать армию, набирать солдат и обеспечивать их лошадьми за свой собственной счет.

Персы, численностью 12.000 и 15.000[2], установили несколько дивизий вокруг города, но они испытывали трудности в первую очередь потому, что не имели тяжелой артиллерии. Они обратились к Надиру прислать несколько орудий большего калибра, которые, однако, при-

[1] Дорил и Гравес в письме в Гомбрун, датируемом 7/18 декабря 1743 г., отмечают, что когда персидский Сардар и бейлербей узнали, какому дурному обращению они подверглись, приказали своим воинам сказать мутасаллиму «не стыдно ли ему таким образом обращаться с иностранцами, которые приехали в их страну как купцы, а не для того, чтобы принимать участия в бою» Gombroon Diary,17/28 января 1744 г.

[2] Письмо Дорила в Лондон от 7/18 апреля и Мартини, цитируемое произведение, стр.422. В кармелитской хронике, однако, отмечается что персы численностью 30,000 «non numeratis tribus valisimis Montefic ac Beni Lam nationibus».

были только 27 ноября.[1] Было предпринято несколько небольших атак, но все они завершились неудачно, а более серьезный штурм был отражен 18 октября. Некоторые повреждения были нанесены артиллерийским огнем, а несколько пушечных ядер попало во французское консульство и кармелитский караван-сарай; в течение последних одиннадцати дней осады, когда персы получили тяжелую артиллерию, бомбардировка города продолжалась день и ночь. В ночь на 6 декабря пушечная стрельба еще больше усилилась, и персы предприняли новую атаку, но туркам вновь удалось дать им отпор.[2] Кармелиты полагали, что если бы был предпринят решительный штурм[3], то город пал и можно было бы достичь успешных результатов, если бы персидский флот мог взаимодействовать с наземными войсками.[4]

Вечером 8 декабря прибыли гонцы от Надира и Ахмед Паши, которые приказали прекратить вести бой, так как был подписан договор. Тогда ворота Басры открылись настежь, и произошел обмен приветствиями и подарками между турецким командующим и официальными лицами с одной стороны, и Сардаром (Годжа Ханом) и правителем Хавиза, с другой. Правитель Хавиза отправил Дорилу «Почтительное Послание» «за его страдания из-за них» и пригласил его и Гревеса посетить персидский лагерь, но Дорил решил, что будет благоразумным извиниться и вместо этого прислать подарок.[5] 16 декабря персидская армия направилась в Хавиз, в то время как командующие офицеры направились в Наджаф доложить Надиру.[6]

Придя к соглашению с Ахмед Пашой и отправив приказы своим командующим на юге снять осаду Басры, Надир направился дальше в Шахрабан, несомненно, намереваясь дожидаться там, пока Порта не выразит свое отношение к договору. Ахмед Паша послал своего Кахью

[1] Письмо Дорила в Гомбрун, датируемое 7/18 декабря 1743 г. (опубликованное в Gombroon Diary через десять дней).
[2] Мартини, цитируемое произведение, стр.423.
[3] *Continuatio domesticæ Bassorensis historiæ*, стр.66 и 67.
[4] Как отмечают, Надир хотел использовать свой флот при атаке на Басру (смотри Мартини, цитируемое произведение, стр.422); неизвестно, действительно ли он отправил приказы о том, чтобы флот, или во всяком случае, часть его покинула Шахор, где тогда находился флот. Если даже были даны такие приказы, то они были проигнорированы Таги Ханом, который был, тогда на грани восстания (смотри Главу XXIV).
[5] Письмо Дорила в Лондон за 7/18 апреля.
[6] Gombroon Diary, 17/28 января 1744 г.

Мухаммед Агу в Константинополь с документом, сразу после того, как только он был подписан, но до того, как он смог выполнить свою миссию (он прибыл в турецкую столицу в середине февраля 1744 г.), Надир получил тревожные сообщения о восстаниях в различных областях Персии. Поэтому Шах решил безотлагательно пересечь границу и 30 января выступил из Шахрабана в Махидашт и Кирманшах.[1]

[1] T.N., стр.249.

ГЛАВА XXIII. ВОССТАНИЯ В ПЕРСИИ, 1743-1744 гг.

Надир совершил большую ошибку, отменив трехлетнее освобождение от налогов, которое он предоставил своему многострадальному народу; он начал отбирать деньги и продовольствие у них даже более жестоко, чем раньше, вместо того чтобы использовать свои сокровища в Келате для финансирования своих военных действий против лезгин и турков. Кроме того, угнетение его народа было не только финансовым и экономическим, к этому следует также причислить людские потери. Пока Надир вел войну за освобождение своего народа, такие жертвы делались охотно, но произошли естественные изменения в их чувствах, когда он вернув все потерянные персидские территории, продолжал вести военные действия только для удовлетворения своих амбиций.

Несколько тысяч персов погибло, не достигнув ощутимых результатов в долгой и напряженной дагестанской кампании. Затем началась война с Турцией, которая стала причиной сбора огромной суммы и стоила жизни еще нескольких тысяч подданных Надира. Очень трудно представить, что чувствовали персы, отказываясь от религиозных верований из-за совершенно искусственно созданного джафаритского толка, который был костью в борьбе между двумя государствами; все что было нужно народу, это мир, чтобы он смог оправиться от военной усталости и возобновить свои сельскохозяйственные и торговые дела. Поэтому совсем неудивительно, что долгое время накапливавшееся недовольство, наконец, вспыхнуло в пламя в 1743 г. и в последующие годы проявилось в серии восстаний в различных частях страны.

Первое восстание вспыхнуло в непокорных областях Дербенда и Табасарана. Предварительно в Ардебиле появился самозванец Сам Мирза[1], но его попыткам собрать сторонников быстро был положен конец племянником Надира Ибрагим Ханом[2], командующим в это

[1] Смотри стр.276 выше.
[2] На самом деле. его звали Мухаммед Али Бек, но Надир после смерти брата в 1738 г. дал ему имя Ибрагим; смотри N.N., стр.257 и T.N., стр.247. Ханвей, упоминая об этих событиях ошибочно принимает молодого Ибрагима за его отца; смотри том IV, стр.241, в его *Travels*.

время войсками в Азербайджане; он схватил самозванца и, отрезав ему нос, освободил его; затем Сам сбежал в Дагестан.

Так как весной и в начале лета 1743 г. мухассилы шаха были особенно активны в северо-западных провинциях, недовольство в этой части было как более опасным, так и более распространенным. Понимая, что настал его час, и не сомневаясь, что его претензии на сефевидское происхождение привлечет на его сторону много сторонников, Сам вышел из своего укрытия и стал побуждать население Дербенда и Табасарана к восстанию. Он также написал письмо недовольным силам в Ширван, убеждая их объединиться с ним. Правитель Дербенда Мухаммед Али Хан сообщил Надиру об активности Сама; Надир приказал правителю Ширвана Гейдар Хану отправиться на север для оказания помощи Мухаммед Али Хану. Тем временем, Сам объединился с сыном Сурхая Мухаммедом, который скрывался в Аварии; затем два лидера выступили против Гейдар Хана, с которым они неожиданно столкнулись близ Шабарана, прежде чем он смог объединиться с войсками Мухаммед Али Хана. Восставшие одержали победу и сумели схватить Гейдар Хана, которого казнили; затем они захватили Аг Су, административный центр Ширвана.[1] Этот успех, естественно, привел к расширению восстания, и Сам и Мухаммед вскоре оказались во главе около 20.000 человек. Ободряемый этими новостями, несколько воинов из Муганлы, которые находились на службе в гарнизоне Губы, перебили верное войско (состоявшее из афшаров) и сдали город Саму и Мухаммеду.[2] Когда Надиру сообщили об этих серьезных событиях, он приказал командующему азербайджанскими войсками Ашур Хану Афшару объединиться с правителями Урмии и Гянджи для подавления восстания и также отдал приказ своему сыну Насруллаху и своему шурину Фатали Хану выступить против восставших. Значительный контингент войск под командованием этих лидеров столкнулся с восставшими у Баг-и-Шах близ Шамахи 4 Дхул-Гада 1156 (20 декабря 1743 г.), и нанес им сокрушительное поражение. Шахская армия захватила в плен тысячи людей и все орудия восставших, но Мухаммеду, хотя он и был ранен, удалось бежать в Дагестан, в то время как Сам бежал в Гру-

[1] T.N., стр.247 и 248; N.N., стр.257-263.
[2] T.N., стр.247. Муганлинцы были племенами, населяющими Ганигскую область близ Джара и Тала.

зию.[1] Тем временем, Мухаммед Али Хан предпринял активные меры против муганлинцев из Губы; он перебил основную их часть; захватив в плен и ослепив оставшихся в живых, он отправил их в свои дома, сделав предупреждение.[2] Завершив подчинение областей Ширвана и Дербенда, Насруллах отправился для объединения со своим отцом; когда принц пересекал Гарабахскую область, один из последователей Мухаммеда, сына Сурхая, предпринял неудачную попытку покушения на его жизнь.[3]

В то время как развивалось это восстание, восстал Эристав Ксана Гив Амилахвари. В Грузии, как и Ширване, и во всех остальных провинциях Персии, были волнения[4], и Гиву Амилахвари без труда удалось собрать большое число недовольных людей; он объединился также с черкесскими и осетинскими народностями Северного Кавказа. Через какое-то время Гив и его сторонники серьезно угрожали Тифлису, но к счастью для Надира, Теймураз и его сын Ираклий остались верными ему и выступили против Гива. Через несколько дней после его поражения у Баг-и-Шаха, беглый Сам Мирза добрался до грузинских восставших, но неудачи все еще преследовали его, так 14 Дхул-Гада (30 декабря 1743 г.) Теймураз разгромил Гива и его сторонников у Акхал-Калаки («Новый Город») в Верхней Картлии и захватил в плен самозванца, когда он пытался бежать к туркам[5]; о том, что произошло с ним впоследствии, речь пойдет в следующей главе.

Когда Надир добрался до Гасри-Ширина в своем походе из Шахрабана в Курдистан, к нему прибыли чапары из Хорезма с новостями о вспыхнувших там серьезных беспорядках. Как уже было отмечено,

[1] Ibid., стр.248 (в бомбейском издании, месяц неверно дается как Дхул Хиджа). Смотри также N.N., стр.266.
[2] Ibid., стр.248. Мухаммед Казим отмечает (N.N., стр.261) что Мухаммед Али Хан отправил глаза несчастных людей, весившие 14 тебризких маундов (91 футов) с ними как еще одно предостережение для их сторонников в племени, чтобы те не поднимали восстания.
[3] N.N., стр.263.
[4] Подвергнувшись опустошениям со стороны лезгин, грузины затем были вынуждены уступить безжалостным мухассилам Надира большую часть своего оставшегося имущества.
[5] Папуана Орбелиана (в H. de la G., том II, стр.80); T.N., стр.251; N.N., стр.266. Мухаммед Казим, видимо, взял большую часть сведений из *Tarikh-i-Nadiri*, потому что есть поразительное сходство между изложением аналогичных эпизодов в двух работах.

Надир назначил молодого Абул-Гази, сына Илбарса, правителем Хорезма, а Иртаг Инага своим главным министром.[1] Некоторое время все было спокойно, но йомудские туркмены, которым Надир нанес сокрушительное поражение, и которые бежали в мангышлагские и гыпчагские равнины, позже вернулись в Хорезм и вновь стали нападать на узбеков. Иртаг Инаг выступил против йомудов и сумел прийти к соглашению с ними; как только опасность ослабла, он позволил уехать многим своим аральским сторонникам, после чего получив доступ к Абул Гази ненадежные йомуды стали настраивать его против своего главного министра. В это время восстали салорские туркмены, и они также пытались посеять разногласия между Абдулом Гази и Иртаг Инагом; в результате доверчивый юноша приказал своей галмугской охране убить министра.[2] В Хорезме вспыхнули крупные беспорядки из-за стремления к власти салорских и йомудских лидеров; хотя местные узбеки объединились с салорами, они не были способны помешать йомудам грабить страну и совершать набеги в Хиву, Кхангу, Хазарасп и Енги Ургенч. Такое положение оказывало неблагоприятное влияние на сельское хозяйство, и так как продолжались набеги, Абул Гази был вынужден обратиться за помощью к Надиру. Шах отдал приказ своему племяннику Али Гули Хану направиться в Мешхед, где он затем должен был оказать помощь Абул Гази.[3] Только на следующий год (1745 г.) Али Гули Хану удалось восстановить порядок в Хорезме, подробности его военной операции будут описаны ниже.[4]

Еще более опасным, чем восстание в Дагестане и Ширване и переворот в Хорезме, было восстание Таги Хана Ширази. Бейлербей, как отмечают, стал очень самоуверенным после захвата Муската[5]; зная, что шах был недоволен им и подозревает его, он при получении приказа, отзывающего его из Омана, решил восстать. Он считал, что с влиянием, которым по его мнению он обладает в Фарсе и на берегу Залива, а также с поддержкой флота, он будет достаточно силен, чтобы противостоять своему грозному господину.

[1] Смотри стр.252, сноска 2.
[2] N.N., стр.85-87. Мухаммед Казим добавляет (стр.87 и 88), что два официальных лица, служащих у Абул Гази сообщили ему, что Иртаг Инаг был убит после пьяной оргии во дворе Абул Гази.
[3] N.N., стр.91.
[4] Смотри стр.292-293 ниже.
[5] Niebuhr's Beschreibung стр.301.

Как уже было отмечено, Таги Хан, прибыв в Гомбрун из Муската в начале декабря 1743 г., убил Калб Али Хана, когда тот отказался принять участие в восстании.[1] Затем он попытался склонить на свою сторону Рустам Хана, командующего частью флота, находившегося в это время на некотором расстоянии от Гомбруна (который как раз пополнился прибытием восьми новых судов из Сурата), но командующий отказался объединиться с ним и увел флот.[2]

16 января 1744 г. Таги Хан открыто восстав, выступил во главе 2.500 человек из своего лагеря близ Гомбруна в Шираз.[3] Когда новости о восстании стали известны в Фарсе, население восстало, убив мухассилов Надира, когда они попытались применить силу против них и объединились с Таги Ханом.

Когда Надир получил сообщение об этом восстании, он срочно отозвал Мухаммед Хусейн Хана Гырыглу, командующего персидскими войсками в Омане. Собрав войска, Мухаммед Хусейн Хан спешно направился за Таги Ханом и застиг его близ Фаса; однако, вместо того чтобы атаковать восставших, Сардар отступил назад в Казарун, видимо, обнаружив их численное превосходство.[4] Теперь путь был свободен, Таги Хан наступил в Шираз, где провозгласил себя независимым правителем.

Тем временем, войска, которые Надир спешно направил на юг, прибыли к Мухаммед Хусейн Хану, в то время к нему еще присоединились люди из Кустана, Кирмана и Хорасана[5]; эти подкрепления состояли из джазаиритских отрядов и имели несколько артиллерийских орудий и зенбуреков, поэтому Сардар вскоре стал во главе значительного числа войск, численностью, как отмечают, примерно 40,000 человек.[6]

[1] Смотри стр.261 выше.
[2] Gombroon Diary, 20/ 31 декабря 1743 г.
[3] Ibid ., 30 декабря 1743 г./ 10 января 1744 г.
[4] Мирза Мухаммед Ширази *Ruznama*, стр.18.
[5] Генри Саведж, представитель ост-индской компании в Кирмане, писал в Гомбрун от 25 марта/ 5апреля 1744 г., что 3.000 отряд из «Корасуна» (Хорасана) прошел через город, чтобы объединиться с шахскими войсками, осаждающими Шираз. Саведж добавляет, что в районах вокруг Кирмана усилились беспорядки из-за восстания, и что на дорогах было так много разбойников, что его гонцы боялись рисковать; смотри Gombroon Diary, 4/15 апреля 1744 г.
[6] Мирза Мухаммед Ширази *Ruznama*, стр.18.

Отмечают, что Надир, несмотря на гнев на Таги Хана за убийство его шурина и за его последующие вооруженные выступления, отправил Садрул-Мамалика Мирзу Мухаммеда Али успокоить его, объяснив, что однажды Надир дал клятву не убивать его.[1] Так как эта примирительная тактика не принесла успеха, Мухаммед Хусейн Хан продолжил усиленную блокаду Шираза. Восставшие стойко и упорно сопротивлялись, и хотя осаждающая сторона численно превосходила во много раз, они держались четыре с половиной месяца. Согласно Мухаммеду Казиму, осаждающая сторона предприняла решительную атаку 20 Джумади I 1157 (21 июня 1744 г.) и вынудила восставших сдаться[2]; затем город был отдан на разграбление, все дома были опустошены, а большая часть населения предана мечу. Из человеческих голов были построены две башни, также были разрушены прекрасные сады, окружавшие город; вдобавок к этим ужасам, после осады вспыхнула эпидемия чумы, унесшая 14.000 жизней.[3]

В беспорядках, которые последовали при вступлении шахских войск в Шираз, Таги Хану и его старшему сыну удалось сбежать, но вскоре их поймали и отправили в Исфаган вместе с остальными членами его семьи под усиленным конвоем.[4] Мухаммед Казим отмечает, что по приказу Надира было организовано осмеяние *istiqbal*[5], когда преступники прибыли к окрестностям Исфагана, Таги Хан был посажен на осла, а лисий хвост был привязан к его голове, он и его семья были встречены толпой бьющих в барабан и произносящих насмешливые крики людей.[6]

Если бы не клятва, Надир, несомненно, казнил бы Таги Хана немедленно; но его обращение со своим бывшим фаворитом было намного ужаснее. Он отправил приказы в Исфаган убить трех сыновей хана и одного из его братьев, а членов его семьи продать в рабство. Затем этот несчастный был кастрирован и ослеплен на один глаз, а его любимая жена была отдана воинам в его присутствии; вероятно, ему

[1] Ibid., стр.19. Ханвей (том IV, стр.244) также отмечает, что Надир дал клятву не убивать Таги Хана.
[2] N.N., стр.122.
[3] Мирза Мухаммед Ширази, цитируемое произведение, стр.19 и 20; автор был очевидцем этих событий.
[4] Ibid.
[5] Церемония выступления из города навстречу различным гостям.
[6] N.N., стр.132 и 133.

оставили один глаз, чтобы он мог видеть эти последние оскорбления.[1] Больше всего удивляет то, что Таги Хану вскоре удалось вновь обрести непостижимое влияние над Надиром и снискать себе шахское расположение, в результате этого, он был назначен Мустауфи ал-Мамаликом (Главный Казначей Страны) и бейлербеем провинции Кабул, в то время как оставшиеся в живых члены его семьи были освобождены из рабства.[2]

Так как войска Мухаммед Хусейн Хана не получали жалование уже в течение нескольких месяцев, следовало немедленно собрать деньги, чтобы заплатить им. Гонцы были направлены из Шираза в Гомбрун с указанием собрать 4.000 туманов в течение трех дней. Эти люди «немедленно стали избивать баньянов и торговцев, которые отказывались платить им налоги»[3], многие люди сбежали из города, для того чтобы избежать этих преследований. Подобные чрезмерные налоги взимались и в Исфагане; «переводчик» и посредник ост-индской компании были заключены в тюрьму, посредник был вынужден выдать в долг 2.000 туманов. Затем мухассилы потребовали 3.000 туманов от Пейрсона, находившегося там в качестве резидента компании, и грозили ему заключением в тюрьму, если он откажется заплатить; в конце концов, ему удалось избежать ареста, заплатив 460 туманов. Подобное давление оказывалось и на голландцев, в то время как армян заставили заплатить 1.000 туманов.[4] Впоследствии, Пейрсон сообщал, что эти обременительные поборы довели до полного обнищания население, и что стало еще труднее собирать деньги, причитающиеся компании; эти торговцы должны были, говорил он, передать не меньше чем 4.500 туменов мухассилам.[5]

Практически в то же самое время как восстал Таги Хан, эшегбаши Каджар Мухаммед Хасан Хан, который был одним из сыновей покойного Фатали Хана, поднял восстание в провинции Астрабад. С помощью 1.000 йомудских туркмен и около 2.000 каджаров и других восставших на его стороне, он сумел завладеть городом Астрабадом 28

[1] Ханвей том IV, стр.243; Мирза Мухаммед Ширази, цитируемое произведение, стр.20; Niebuhr's Beschreibung стр.302.
[2] N.N., стр.132 и 133; смотри также Базин, цитируемое произведение, стр.297.
[3] Gombroon Diary, 1/12 июля, 1744 г.
[4] Ibid., 6/17 июля (цитируется из письма Пейрсона из Исфагана, датируемое 11/22 июня).
[5] Ibid., 5/16 октября (цитируется из исфаганского письма от 24 августа / 4 сентября).

января 1744 г.[1] Мухаммед Заман Хан, представитель правительства, который был сыном юхарыбашского каджарского главы Мухаммед Хусейн Хана, сбежал из города, посчитав свои войска неспособными оказать сопротивление. Если бы он попал в руки Мухаммед Хасан Хана, он почти непременно был бы убит, потому что его отец сыграл заметную роль в убийстве Фатали Хана в 1726 г.

В начале восставшие поддерживали контакты с правителем соседней провинции Мазандарана, но он в ответ на просьбу поддержать восставших в Астрабаде ответил, «что они могут спать в постели, которую они сами застелили».[2] Ханвей отмечает, что Мухаммед Хасан Хан также переписывался с Самом Мирзой, но это ничему не привело, потому что самозванец был разгромлен и схвачен до того, как вспыхнуло восстание в Астрабаде.[3]

Получив сведения о восставших в Астрабаде, Надир дал указания Бехбуд Хану, Сардару Атака (области, граничащей с горами, расположенными близ Келата и Ашхабада), предпринять немедленные действия для подавления восстания. Бехбуд Хан, имевший в своем расположении только 1.500 человек, был вынужден подчиниться этому приказу, но Нашир Ага, который был товарищем Надира в дни, когда он занимался разбоями, и который вместе с Мухаммед Заман Ханом бежал из Астрабада, убедил его выступить. Войска Бехбуд Хана столкнулись с восставшими в нескольких километрах к востоку от Астрабада; в начале шахские войска потерпели поражение, однако, восставшие проиграли сражение, когда один из каджарских глав, которого они вынудили объединиться с ним вместе со своими отрядами, перешел на сторону Бехбуд Хана. Мухаммед Хасан Хан с сотнями каджарских сторонни-

[1] Подробные сведения об этом восстании были взяты в основном из первоисточника, из очень подробных и интересных сведений, данных Ханвеем, который к несчастью прибыл в Астарабад через несколько дней после начала восстания. Хотя с ним не плохо обращались Мухаммед Хасан Хан и другие лидеры восстания, ему угрожала опасность быть захваченным в рабство йомудскими туркменами, и все его товары были захвачены. Проведя несколько дней в неизвестности относительно своей судьбы, Ханвею удалось покинуть Астарабад и с трудом добраться до Гиляна, где он встретился с Элтоном и другими европейцами.
[2] Ханвей том IV, стр.202. Один из лидеров восстания позже проник в Мазандаран и захватил Барфоруш, но его успехи были непродолжительными.
[3] Ibid ., том I, стр.301 и том IV, стр.245.

ков и большим числом туркмен бежали на север в пустыню.[1] Бехбуд Хан и отец Мухаммед Заман Хана Мухаммед Хусейн Хан, прибывшие в Астарабад, жестоко наказали тех несчастных восставших, которые попали в их руки.[2] В Ширазе были сооружены две башни из человеческих голов; Ханвей, который проезжал около этих башен сразу же после их сооружения описывает их так:

«из белого камня, заполненные нишами, эти пирамиды были около 60 или 20 футов в диаметре у основания, постепенно поднимаясь доходили до верхней точке около 40 футов в высоту; на каждой вершине была одна голова. К концу резни, большая часть ниш была наполнена человеческими головами, из которых некоторые имели бороду и были пренебрежительно брошены, что придавало еще больше ужаса этой сцене».[3]

Через несколько месяцев Мухаммед Хасан Хан с некоторыми своими йомудскими сторонниками появился в Хорезме для того, чтобы поднять волнения в этой беспокойной стране. Племянник Надира Али Гули Хан, которого поддерживали Бехбуд Хан и некоторые другие опытные лидеры, занимался тогда подчинением некоторых племен в этих частях.[4] В сражении с шахскими войсками Мухаммед Хасан Хан вызвал Бехбуд Хана на поединок и ранил своего противника; некоторое время перевес был на стороне йомудов; но в конечном счете, мервский контингент разгромил их. Мухаммед Хасан Хан был вынужден снова бежать, спасая свою жизнь, и оставался скитальцем в пустыне, пока не умер Надир.[5]

Затем Али Гули отправил некоторых своих людей против каракалпаков и аральских узбеков; эти операции прошли успешно, и племена из этих районов и из Хорезма около 500 и 600 хоросанских семей были переселены шахскими войсками; часть из них была направлена в Хивагабад. Опасаясь наказания Али Гули, восставшие, виновные в убийстве Тахир Бека и последующих беспорядках, подчинились и были помилованы. После назначения брата покойного Иртага Инага, Хараса Инага Аталыгом Хорезма, чтобы Абул Гази своим опытом мог приносить пользу в управлении страной, в конце 1745 г. Али Гули вернулся в Хорасан.[1]

Угроза власти Надира отчасти отпала, потому что восстания не были согласованы между лидерами и отчасти потому, что ни один из этих лидеров не обладал достаточной популярностью и влиянием, чтобы объединить вокруг себя достаточно людей для успешного противостояния огромным силам, все еще находившимся в распоряжении Надира. Нельзя не учитывать, что хотя недовольство его правлением стало таким широко распространенным в Персии, но основную часть его армии составляли афганцы и туркмены, которые не очень симпатизировали персидскому населению.

Эти восстания, кроме того, что привели к еще большему озлоблению шаха и еще больше ожесточили его характер, также послужили тому, что он стал действовать еще более жестоко по отношению к своим персидским подданным.

---

[1] Ibid., том I, стр.302 и 303. Смотри также N.N., стр.136-140, том I, стр.136-140; сведения Мухаммеда Казима нужно читать с осторожностью, потому что они содержат несколько неточностей, и он излишне преувеличивает число восставших и людей Бехбуд Хана, участвовавших в сражении.

[2] Ханвей, том IV, стр.297-303. Мирза Мехди (T.N., стр.249) отмечает, что Мухаммед Хусейн Хан наказал невиновных и виновных одинаково, потому что существовала наследственная вражда между ним и его противниками эшегбашскими каджарами.

[3] Ханвей том IV, стр.295; на обороте этой страницы есть гравюра, изображающая эти две башни.

[4] Смотри стр.287 выше.

[5] Подробные сведения о скитаниях Мухаммед Хусейн Хана в пустыне и попытках Надира схватить его, смотри стр.9 и 10 Тарихи Каджария, Мирза Таги Сипхира (Lisanu'l-Mulk).

---

[1] Мухаммед Казим дает очень подробные сведения об этих операциях в Хорезме; смотри N.N., стр.146-165. этот автор отмечает (стр.165), что Али Гули отравил одного из своих военачальников по имени Аллахверди, близ Мерва на обратном пути. Ходили слухи, что Али Гули намеревался восстать и предлагал Аллахверди объединиться с ним; услышав отказ военачальника, он убил его.

ГЛАВА XXIV. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ, 1744-1746 гг.

В конце Главы XXIII было отмечено, что после ожидания несколько недель в Шахрабане, Надир в конце января 1744 г. отправился оттуда в Персию в связи с получением тревожных новостей о восстаниях в различных частях страны. Наступая через Махидашт, Кирманшах и Кангавар, он остановился на некоторое время на севере Хамадана.[1] Вон Хаммер основываясь на два очень сомнительные французские донесения, отправленные австрийским резидентом в Константинополе Пенклером в Вену, отмечал, что турецкие войска, каждое численностью в 100.000 человек, один под командованием Сараскера Багдада (Ахмеда Паши), а другой – Сараскера Мосула (Хусейна Паши) атаковали войска Надира близ Синандиджа и нанесли им сокрушительное поражение.[2] Кажется неправдоподобным, что какая нибудь крупномасштабная атака произошла в это время; Ахмед Паша, несомненно, не мог предпринимать никаких вражеских действий тогда, принимая во внимание его договор с Надиром, а Хусейн Паша со своими сравнительно небольшими войсками вряд ли мог отважиться один перейти в наступление. По-видимому, какая-то атака курдов на персидскую наступательную гвардию или аванпост перешла в большую атаку.

В Главе XXIII была высказана такая точка зрения, что возможно целью Надира в предложении Порте условий соглашения, неприемлемость которых он наверняка понимал, было выиграть время, пока ситуация в Персии не улучшится. Подтверждением этого служит тот факт, что даже когда вспыхнуло опасное восстание на юге, он не отправился лично подавить его, а остался поблизости к турецкой границе.

Кахья Ахмед Паши Мухаммед Ага доставил договор Порте в середине февраля 1744 г. Несмотря на то, что турки хотели мира, они подумали, что не могут ради этого выполнить религиозные требования Надира; поэтому они отказались ратифицировать договор, но тем не менее, не сделали немедленных заявлений, что следует продолжить

[1] Ханвей, посетивший лагерь в этом месте, отмечает (том I, стр.240), что Хамадан находился на расстоянии в лье севернее от лагеря.
[2] Вон Хаммер, том XV, стр.71.

военные действия.[1] К концу февраля Порта отправила Мухаммеда Агу назад в Багдад с сообщением, что она не может признать договор и что она не доверяет Надиру. Еще раз верность Ахмед Паши подверглась сомнению в Константинополе, но несмотря на это, в марте он был назначен Сараскером южных войск.[2] Паше Карса были направлены приказы оказать дальнейшую поддержку сефевидскому претенденту на трон Сафи Мирзе; в соответствии с этими приказами Паша отправил несколько писем главам племен и другим знатным лицам на персидской границе, побуждая их восстать на стороне претендента.[3]

Надир отпраздновал Новруз в своем лагере близ Хамадана; Джонас Ханвей, прибывший в лагерь в конце марта, чтобы получить компенсацию за свои потери в связи с восстанием в Астрабаде, дает интересные сведения об этом.[4] Так, о численности шахских войск, Ханвей отмечает[5]

«... он имел лишь 30.000 отборных воинов, хотя их число было в три раза больше вместе со слугами воинов и обслуживающим лагерь персоналом; большая часть войска была направлена к Эривани; почти 30.000 человек находилось в Ширване, 25.000 в Ширазе; кроме того, имелись воинские части в Хорасане и значительные войска на берегах Инда. Многочисленные восстания, происходившие тогда, отнимали все внимание Надира, и он предпринимал меры для подавления их всех одновременно».

Из этого лагеря Надир отправился в Абхар, где узнал о действиях, которые Паша Карса предпринял в интересах Сафи Мирзы; он отправил правителя Эривани выяснить, почему он ведет такую пропаганду, в то время как идут мирные переговоры. Паша ответил, что он не осведомлен об этих переговорах и что он получил приказы оказывать поддержку Сафи Мирзе. Шах отправил Паше резкий ответ, что он вскоре выступит навстречу ему и самозванцу.[6]

Теперь, когда Надиру стало ясно, что Порта не собирается ратифицировать договор, он предпринял свой северо-западный поход к Турецкой границе. Еще в пути он получил хорошие новости о том, что

[1] Станхоп Аспинвел в Вайтхоле, 10/21 февраля 1744 г. (S.P. 97, том XXXII)
[2] Ibid., 24 марта/4 апреля.
[3] T.N., стр.250. Смотри также выше стр.275-276
[4] Смотри том I, стр.240-259.
[5] Том I, стр.242.
[6] T.N., ст. 250.

Теймураз и Ираклий схватили Сама Мирзу. Он приказал ослепить самозванца на один глаз и отправить его вместе с турецкими пленными к Паше Карса с посланием, что «так как Сафи Мирза еще там, незнакомые братья могут увидеть друг друга».[1] Прибыв в Гори, Надир снова узнал приятные новости, что Теймураз и Ираклий вместе с персидскими войсками под командованием правителя Тифлиса Али Хана, нанесли сокрушительное поражение турецким войскам под командованием Юсуфа Паши из Акхал Циха («Новый Замок») в Руисе на Лиакви; огромная сумма денег, которые турки переправляли для лезгин, перешла в руки к грузинам.[2] Надир очень обрадовался этим успехам и наградил своих грузинских сторонников, пожаловав Картли Теймуразу, а Кахетию его – сыну.[3]

Из Гори Надир направился в Карс и в конце мая разбил лагерь прямо на юге от крепости. Турецкий гарнизон, состоявший из лучших отрядов, упорно старался вытеснить персидские войска, но встретил решительный отпор после нескольких часов ожесточенного сражения.[4] Затем персы подошли совсем близко к крепости, вокруг которой они построили укрепление; в течении месяца 4.000 рабочих, которых Надир привез из Тифлиса, пытались отвести направление реки, которая обеспечивала водой Карс, но турки каждый раз расстраивали эти планы.[5] Непрерывная перестрелка продолжалась до 24 августа, когда начался бой, но результаты этого боя были неокончательными.[6]

Как обычно, Надир какое-то время делал мирные предложения Сараскеру, однако он отказывался отвечать на них до вышеупомянутого сражения. Ахмед Эфенди Кесрели, один из гонцов из Карса, убедил Шаха обратиться прямо к Султану (возможно, потому что Сараскер не был уполномочен вести переговоры) и в компании с другими турецкими делегатами передал мирные предложения Надира в Константинополь.[1] Несмотря на это соглашение, Надир продолжал усиленную осаду Карса, пока холода, предвещающие наступление зимы, не вынудили его снять осаду 9 октября.[2]

[1] Ibid., стр.251; N.N., стр.266.
[2] Мухаммед Казим отмечает (N.N., стр.268), что турки преподносили подарки Уцмию Ахмед Хану, сыну Сурхая Мухаммеду, и главам аварских и табасаранских племен, для того чтобы убедить их объединится с Сафи Мирзой.
[3] T.N., стр.251; N.N., стр.268; Вакхушт, в *H. de la G.* том II, част I, стр.198.
[4] Вон Хаммер, том XV, стр.82; невозможно полностью согласовать версии, данные в T.N., стр.250.
[5] Папуана Орбелиана, *H. de la G.* том II, часть I, стр.89; смотри также вон Хаммер, том XV, стр.86.
[6] Вон Хаммер, том XV, стр.83 (на основании сведений турецкого историка Иззи); Мирза Мехди не упоминает об этом сражении.

В то время как продолжалась осада, в Константинополь прибыл гонец от Мухаммед Шаха, доставив письмо Султану с предложением заключить союз между двумя странами против Персии. В ответ Султан дал Императору неопределенные заверения в дружбе.[3]

Покинув Карс, Надир отправился к Арпа Чаю, а оттуда к Акхал Калаки; отсюда он намеревался вторгнуться вместе с отрядами в турецкую область Акхал Цих.[4] Тем временем, для него в Барде была подготовлена зимняя стоянка, и 6 декабря он добрался до этого места.[5] Однако вместо того чтобы провести зиму в Барде, через три недели он отправился в Дагестан, для того чтобы еще раз наказать лезгин. Перейдя Куру через мост у Джавада, он разделил свои войска на четыре части и спешно повел их на север несмотря на суровую погоду. Лезгины, застигнутые врасплох, подчинились, после этого персы захватили большое число их скота и овец.[6] В день празднества Адха (10 Дхул-Хиджра 1157=14 января 1743 г.) Надир отправился в Дербенд, откуда он вернулся в Барду, но обнаружив, что район на севере Куры больше изобилует водой и продовольствием, он спустя три недели направился через Ареш в Шеки.[7] Три месяца, с марта по июнь, Надир находился в Шеки, а затем отправился дальше к Гёкче на яйлаг в Эривань. Еще в пути к Гёкче он серьезно заболел, и некоторое время его перевозили на

[1] Ibid., том XV, стр.83 и 84; этот источник утверждает, что недовольство гарнизона и интриги Кесрели вынудили Сараскера вести переговоры.
[2] Ibid., том XV, стр.87; T.N., стр.252.
[3] Ibid., том XV, стр.87. Вон Хаммер считал, что, возможно, эта индийская миссия является результатом интриг Боневала, так как еще около 3 лет назад он предложил французскому послу в Константинополе договориться о союзе между Индией и Турцией против Персии.
[4] Папуана Орбелиани, *H. de la G.* том II, част I, стр.89; смотри также T.N., стр.252.
[5] T.N., стр.252.
[6] T.N., стр.253.
[7] Ibid., «В прошлом году недовольное население Шеки под руководством Гаджи Челеби ибн Гурбан выступило против персидских войск в этой области, и крепость Гялясян Гёрясан успешно выдержала осаду шахских войск».

носилках. Его лечением занимались его способные врачи, и он вскоре выздоровел.[1]

Летом 1745 г. на турецкой стороне новый Сараскер северного фронта Йеген Паша, направился в Карс через Эрзерум. Он приказал удерживать оборонительные позиции, но по-видимому, опасность голода и угроза мятежа среди его людей при его бездействии вынудили его покинуть Карс и перейти персидскую границу; его войска состояли из 100.000 кавалерии и около 40.000 янычаров. В начале все складывалось удачно; Йеген Паша разгромил несколько небольших персидских отрядов и ободряемый этими незначительными успехами направился в Эривань. Между тем, Надир решил атаковать Карс еще раз, и 3 августа он вступил из Гёкчи к этой крепости. 9 Раджаба 1158 (7 августа 1745 г.) узнав о приближении турков, он направился через Эривань к Мурад Тепе (в прошлом известный как Багхвард) и разбил лагерь на месте, где десять лет назад нанес сокрушительное поражение армии под командованием Абдуллаха Кёпрюлю.[2] На рассвете следующего дня турецкая армия, наступая с противоположных направлений, остановилась на расстоянии в двух фарсаках от персидских позиций; остальное время дня турки провели, укрепляя свой лагерь.

Решительное сражение произошло 11 августа, обе стороны совершили неоднократные атаки и контратаки.[3] Согласно Мухаммеду Казиму, турки выстроили свои отряды и сражались в этом бою по европейской манере[4]; если это действительно было так, то это, несомненно, следует приписывать к обучению Боневала. Очевидно, исход стал ясен, когда Надир внезапно бросил свои резервы численностью

[1] Ibid., Пейрсон писал из Исфагана в Гомбрун, 5/16 октября 1745 г., что Надира лечил иезуитский врач; этим иезуитом мог быть Пьер Дамиан из Лиона, который согласно Пьеру дес Вигнесу (Lettres Edifiantes, том IV, стр.401) до этого лечил шаха от неизвестной формы болезни печени.

[2] T.N., стр.254; N.N., стр.288 и 289. описывая перемещение персов и турков перед сражением, Мухаммед Казим позаимствовал предложения целиком из T.N.; утверждая, что Надир отправился из Эривани в Мурад Тепе 9 Раджаба, он упоминает 1157 год, вместо 1158 (N.N., стр.288). Вон Хаммер совершает здесь две ошибки, он отмечает, во-первых, что первое сражение произошло двенадцать лет назад, а во-вторых, что полководец, понесший поражение в этом сражении был Топал Осман. Он, очевидно, путает первое сражение у Багхаварда с одним из сражений у Аг Дербента в 1733 г.

[3] T.N., стр.254.

[4] N.N., стр.290.

40.000 человек на турецкий фланг[1]; в ходе этой атаки войска Йеген Паши понесли такие большие потери, что отступили к своему укрепленному лагерю. Надир не предпринял попыток вытеснить турков из этих позиций, но через несколько дней, узнав о значительных успехах, которые его сын Насруллах добился над турками близ Мосула, он отправил гонца к Йегену Паше с этими новостями.[2] Когда этот гонец приблизился к турецкому лагерю, он услышал доносящиеся оттуда сильный шум и крики; как вскоре стало ясно турецкие отряды подняли мятеж, и несчастный Йеген Паша лишился жизни. Точно неизвестно, был ли он убит одним из мятежников, или умер, не перенеся своё поражение.[3] Турецкая армия теперь была полностью деморализована и после смерти своего военачальника отступила в полном беспорядке, бросив всю свою артиллерию и обоз. Турецкие потери в сражении и в их последующем поспешном отступлении составили около 28.000 человек, из которых от 10.000 до 12.000 были убиты; среди убитых были три паши, и много офицеров низших чинов.[4] Поле Багхаварда стало несомненным предвестником несчастья для Турции.

Надир показал большую сдержанность после этой блестящей победы; возможно, он понимал, что, несмотря на его победу, его страна слишком истощена, чтобы позволить ему перенести военные действия на турецкую территорию с реальной надеждой на успех. С другой стороны, победа, которой он только что добился, давала ему возможность добиться почетного мира.

Шах приказал освободить и отправить в Карс раненых и беспомощных турецких пленных[5]; в то же самое время, он отправил гонцов к турецкому Сараскеру в Карсе Гаджи Ахмеду Паше с новыми мирными предложениями, в которых не настаивалось на первое время при-

[1] Этот маневр Надира упомянут в сведениях об этом сражении (очевидно, из турецких источников), которые Аспинвел отправил в Вайтхол 30 августа/ 10 сентября 1745 г. (S.P. 97, том XXXII); Мирза Мехди умалчивает об этом, но Мухаммед Казим (N.N., стр.295) упоминает о фланговых атаках абдалисов.

[2] Узнав, что еще одна турецкая армия наступает на восток через Диярбекир и Мосул, Надир отправил своего сына Насруллаха навстречу ей; принц одержал блестящую победу над турками близ Мосула (смотри T.N., стр.254 и 255).

[3] Мирза Мехди (T.N., стр.255) отмечает, что Йеген Паша был убит; Вон Хаммер (том XV, стр.96 и 97) отмечает, что он умер или не перенеся своё поражение, или от рук мятежника.

[4] Смотри сведения о сражении, данные выше в сноске 1.

[5] T.N., стр.256.

знание джафаритской секты или воздвижение пятой колонны в Каабе в Мекке. С другой стороны, он все еще требовал передачи Вана, Турецкого Курдистана, Багдада, Наджафа, Карбалы и Басры.[1]

Посчитав эти предложения неприемлемыми, Порта начала активно готовиться к новой кампании. Али Паша Хакимоглу был назначен Сераскером Карса на место Гаджи Ахмеда Паши и стремился сохранить активные связи с Сурхаем и Уцмием Ахмед Ханом в Дагестане.[2]

Пока продолжались эти приготовления, персидский посол по имени Фатали Хан Туркоман неожиданно прибыл в Константинополь; он проезжал через Багдад, где был задержан на некоторое время.[3] Султан издал указ (*khatt-i-sharif*) обсудить на собрании совета условия, которые Фатали Хан принес; собрание совета произошло 1 февраля 1746 г. Оказалось, что хотя шах больше не настаивал на религиозных вопросах, но его территориальные требования все еще были чрезмерными. Совет, тем не менее, объявил, что с того момента, как Надир отказался от своих религиозных требований, основные условия мира были выполнены; однако совет отметил, что никакие турецкие территории не могут быть уступлены Персии. После долгих обсуждений было решено отправить прежнего посла в Персии Назифа Эфенди туда с еще одной миссией, для обсуждения условий мира. Послу дали указания настойчиво добиваться отказа от всех требований относительно джафаритской секты и пятой колонны в Каабе; что касается границ, он был уполномочен согласиться на возвращение демаркационной линии, установленной по договору в Зохабе в 1639 г.[4]

Надир тем временем покинул Азербайджан и отправился коротким путем через Хамадан и Фарахан дальше в Исфаган, куда он прибыл 28 декабря 1745 г. Еще в пути он принял послов от правителей Кхитаи и Кхотана, которые преподнесли ему в дар мускус, серой амбры, камфары и т. д. (эти подарки были присланы в ответ на дары, отправленные им этим правителям во время турецкой экспедиции).[5]

Пребывание Надира в Исфагане стало тяжелым испытанием и несчастьем, в особенности, для богатой части населения; отмечают, что для него был приготовлен список всех богатых людей в Исфагане и

[1] Вон Хаммер, том XV, стр.98.
[2] Вон Хаммер, том XV, стр.99.
[3] Донесение Аспинвела в Вайтхол, 9/20 января, 1746 г. (S.P. 97, том XXXII).
[4] Вон Хаммер, том XV, стр.102.
[5] N.N., стр.314 и 315; смотри также T.N., стр.256.

других местах.[1] От правителя города он потребовал 10.000 туманов и приказал избить его палками:

«Король под угрозой наказания приказал сказать какие армяне должны ему, последние были немедленно вызваны, а мухассилы отправились к ним забрать деньги, ни в чем не разбираясь».[2]

Никакого сопротивления не оказывалось. Позже на козлов был наложен налог, но многие из тех, у кого были эти животные, истребили их, чтобы избежать уплаты налога.

Пейрсон, резидент ост-индской компании, преподнес шаху щедрый подарок, и в то же самое время подал ему петицию о восстановлении всех прежних привилегий компании. Надир любезно принял подарок, но отказался восстановить какие-то привилегии под предлогом того, что они уже предоставлены через посредничество Мирзы Мехди, и талиги Таги Хана были освобождены от таможенных пошлин.[3]

10 Мухаррама 1159 (2 февраля 1746 г.) Надир отправился из Исфагана в Хорасан; направляясь через Ардкан и Табас, он в начале следующего месяца прибыл в Хасанабад в районе Мешхеда. Где бы ни останавливался в этом походе, он очень жестоко обращался с чиновниками; после рассмотрения их отчетов и допроса, он обвинял многих в предательстве и наказывал пытками и увечьями, а в некоторых случаях казнил их. В Хасанабаде он обвинил Шах Гули Хана Каджара, правителя Мерва, в интригах с Мухаммед Хасан Ханом Каджаром, освободил его с поста, поставил его к позорному столбу, а затем надел кандалы. Рассмотрение мервских отчетов усилило гнев шаха, и он приказал ослепить главного чиновника казначейства этого места; затем он отправил мухассилов туда, приказав собрать крупную сумму «до последнего динара».[4]

Из Хасанабада Надир отправился в Мешхед, где он принял правителей и других официальных лиц Герата, Туна, Табаса, Гейна и других городов, которых наказал. Очень серьёзно пострадали чиновники и знатные лица Священного Города, не меньше чем 100 из них были

[1] Gombroon Diary, 28 января/ 8 февраля 1746 г.
[2] Ibid.
[3] Gombroon Diary, 8/19 марта 1746 г. (ссылаясь на письмо от Пейрсона, датируемое 31 января/ 11 февраля).
[4] N.N., стр.334.

казнены по шахскому приказу. Надир приказал, чтобы в течение года горожанами была собрана сумма в один алфи (500.000 туманов).[1]

Мухаммед Казим, который тогда был ответственным за отчеты об арсенале и артиллерии в Мерве, был лично принят грозным шахом, но (говоря его словами)[2]:

«С помощью Божественного и Вечного, ум не в состоянии вообразить, как один из чиновников и писцов, который, имевши незначительную сумму в 10 туманов, предстал перед пагубным взглядом его и стал объектом шахского гнева и наказания, но отчеты этого презренного, которые составляли более 500.000 туманов, были с милостью и помощью создателя одобрены».

Этот источник отмечает, что всякий раз, когда чиновник выходил целым и невредимым из таких опасных аудиенций, он декларировал стихи, выражая свою радость, что остался в живых.[3]

После одобрения отчетов Мухаммеда Казима, Надир приказал продолжить подготовку артиллерии в Мерве, «потому что, если позволит Аллах, после того как я вернусь из похода в Ирак, я отправлюсь в Туркестан».[4]

Новруз был отпразднован в Мешхеде с обычным великолепием; отмечают, что 12.000 халатов из золотой парчи, колебавшихся в цене от 10 до 100 туманов, были вручены военным лидерам и знатным лицам; однако за каждого награжденного пострадало большое количество людей.[5]

Это было в то время, когда началось восстание в Систане, которому было предназначено привести к очень серьезным последствиям. Лидером восстания был правитель провинции Фатали Хан Систани (или Каяни). За зачисление в армию Надира Фатали Хан отплатил хорошей службой в Афганистане и Индии; Надир относился к нему хорошо и позже назначил его правителем своей провинции в Систане. Во время зимы 1745-1746 гг., Фатали Хан получил от правительства рагам, приказавший ему собрать и отправить в шахскую казну столь огромную сумму денег, которую невозможно было полностью собрать; все, что он мог сделать, это послать только то, что он смог отнять у

[1] Ibid., стр.335.
[2] Ibid., стр.335.
[3] T.N., стр.336.
[4] Ibid., стр.336.
[5] Ibid., стр.339.

итак уже доведенного до нищеты населения. Когда шахские мухассилы увидели, что эта сумма намного меньше всей суммы, они убедили Надира, что правитель умышленно скрыл остаток денег. Разгневанный Надир вызвал Фатали Хана и некоторых знатных лиц Систана к себе, и приказал им вернуть оставшуюся часть подати. Понимая, что нельзя будет собрать больше денег и не сомневаясь в том, что будет с ними, если придут к нему с пустыми руками, они решили, что нет другого выхода, кроме как восстать.[1]

Как отмечалось выше, восстание началось в марте; кроме большого числа систанцев, к Фатали Хану присоединилось большое число белуджев, и распространялись слухи о том, что население Гандахара и Кабула также восстало. В начале для восставших все складывалось удачно, они захватили один из караванов Надира из Индии, совершили успешный набег в Бам.[2] Ободряемый многочисленностью своих сторонников и этими победами, Фатали Хан решил провозгласить себя независимым правителем Систана и части окрестных местностей.[3] О последующих этапах этого восстания и их последствиях, как прямых, так и косвенных, речь пойдет в следующей главе.

По точно таким же причинам, вызвавшим восстание в Систане, в июне 1746 г. началось восстание в Кирмане, но оно было в меньших размерах и было быстро подавлено.[4]

Из Мешхеда Надир отправился в Келат, где он остановился на несколько дней осмотреть здания, которые его рабочие из Индии построили здесь для хранения его сокровищ. Огромные блоки мрамора из Мараги, некоторые из которых весили 50 и 60 харваров (143/4 и около

[1] Ibid., стр.479-481; Мухаммед Казим отмечает, что «барабан мятежа бил» в месяц Дхул Гада 1159 (ноябрь/декабря 1746 г.), но это неточно, так как из записей в Gombroon Diary, в мае 1746 г., основанных на письмах из Кирмана, становится известно, что восстание могло вспыхнуть в марте или даже раньше.
[2] Gombroon Diary, 28 апреля/11 мая и 15/26 мая 1746 г.
[3] N.N., стр.480.
[4] Так, в Систане правитель возглавил восстание, потому что не смог собрать всю сумму налога, наложенного на город и область. Верные части гарнизона отступили в крепость и изгнали местных афшаров, которые были недовольны и присоединились к восставшему правителю. Саведж и Гревес, местные представители ост-индской компании, спрятав свои конторские книги и деньги, незаметно покинули свои дома и нашли убежище в форте, на некотором расстоянии от города, где находились до прибытия подкрепления и помощи гарнизона, восстановившего порядок. Смотри Gombroon Diary, 10/21 июля 1746 г.

171/2 тонны примерно) использовались при строительстве этого здания и еще одного здания в Мешхеде. Мухаммед Казим отмечает, что здесь было 3 особенно больших блока, которые были известны как Ирани Хараб («Руины Персии»), Хараджи Алям («Награда мира») и Алями Хараб («Руины мира»).[1]

Золотые и серебряные монеты, стоимостью в 9 кроров рупий или 4.500.000 (равносильно 9.000.000 фунтам того времени) были помещены в сокровищницу. Драгоценности, ковры и другие вещи хранились отдельно. Как отмечалось, после осмотра главной сокровищницы с некоторыми надзирателями рабочих и евнухами, Надир стал опасаться, как бы один из них позже не раскрыл местонахождение сокровищ; поэтому он казнил двух или трех надзирателей и всех евнухов.[2]

По его приказу было сделано многое для усиления естественной прочности крепости: построены стены и сторожевые башни, была разглажена их итак крутая внешняя сторона соседней отвесной скалы, и это сделало восхождение еще более трудным.[3]

Затем Надир посетил Абивард и область Дарагтаз; в Дастагирде он осмотрел свое мовлуд-хана («месторождения») и остался очень доволен им; возможно, это и является причиной его доброжелательного отношения к беднякам в этой области.[4]

Затем Шах вернулся в Мешхед, но отсюда он почти сразу выступил в Персидский Ирак, для того чтобы встретить турецкого посла.

Сразу после того как Надир прибыл в Курдан, в районе Саудж Булага, около 37 милях западо-северо-западнее Тегерана, в шахский лагерь прибыли Назиф Эфенди со свитой, где он был принят с особыми церемониями и помпезностью; Надир принял посла сидя на павлином троне и надев свои великолепные драгоценности.[5] Затем начались переговоры между Назифом Эфенди и персидскими министрами; после проведенных пяти совещаний было достигнуто соглашение по каждой статье. Договор был подписан в Курдане 17 Шабана 1159 (4 сентября 1746 г.), и таким образом, официально был положен конец продолжительным разногласиям между Персией и Турцией.[6]

---

[1] N.N., стр.339 и 340.
[2] Ibid., стр.341.
[3] Ibid., стр.342. В этом контексте смотри Керзон, том I, стр.135.
[4] Ibid., стр.342.
[5] Вон Хаммер, том XV, стр.117 и 118.
[6] Ibid., стр.118; T.N., стр.258.

Договор, который состоял из Преамбулы, трех статей и приложения, содержал следующие условия:

Преамбула. Условия мирного договора, заключенного (в Зохабе) во время Султана Мурада IV (в 1639 г.) должны быть соблюдены, а границы между двумя государствами определялись на основе этого документа. Во-вторых, каждая сторона воздерживалась «от тех вопросов, которые вызывали разногласия (*Kadurat*) и которые приносили вред заключению мира».

Статья I. Турецкие власти обязывались разрешать свободный проход персидским паломникам в Мекку через Багдад или Сирию и оказывать им покровительство в пути.

Статья II. Обмен дипломатическими представителями должен был происходить через каждые 3 года.

Статья III. Все пленные с обеих сторон освобождались, и им позволялось вернуться в свои дома, а покупка или продажа пленных в качестве рабов объявлялись незаконными.

Приложение. (i) Правители пограничных провинций должны были воздерживаться от действий, приносящих вред дружеским отношениям. (ii) Персидское население, отказавшееся от «тех непристойных взглядов, которые были введены во время сефевидов, и следовавшее в своих основных верованиях лишь суннизму» с этого времени должны относиться к правоверным халифам (то есть, Абу Бекру, Омару и Осману) с уважением. В будущем этим людям так же, как турецким паломникам и паломникам других исламских стран должно позволяться проходить через турецкую территорию в Мекку, Медину и другие исламские страны; они могут также посещать Священные города в Месопотамии. Если эти паломники не будут перевозить товары, правитель и чиновники Багдада не должны взимать с них налога. (iii) Такие же привилегии должны были предоставляться турецким паломникам на персидской территории. (iv) В заключении предусматривалось, что договор должен навсегда оставаться в силе.[1]

Вернувшись в Константинополь, Назиф Эфенди вместе с договором также привез письмо от Надира к Султану. В этом письме, которое начиналось славословием и восхвалением Мухаммеда и правоверных

---

[1] T.N., стр.260 и 261; Габриэль Эфенди *Норадунгейн* дает французский перевод договора (из турецкого текста) в его *Recueil d'Ates Internationaux de l'Empire Ottoman* (Париж, 1897 г.) том I, стр.306-308.

халифов, Надир упоминал о ереси Шаха Исмаила, о вреде, причиненном Персии ею и противоречиях, возникших между этой страной и Турцией из-за этой ереси; затем повторялось, что он принял престол Персии при условии, что персы откажутся от шиитской веры, он специально отказался от своего требования признания джафаритского толка, и в завершение он отметил, что отказался от своих требований на одну вторую часть территорий, которые были уступлены Турции во время Шаха Исмаила.[1]

Когда Турция получила сообщение, что договор был заключен, и что эти условия являются удовлетворительными, она направила посла к Персидскому двору с беспретендентной помпезностью. Послом был назначен Ахмед Паша Кесрили, чья свита состояла не меньше, чем из 1000 человек, а дары, которые он преподнес, в великолепии и стоимости превосходили все те, которые Порта до сих пор отправляла азиатским или европейским правителям.[2] Этой миссии, однако, не было суждено выполнить своей задачи, потому что, как пойдет речь в следующей главе, Надир был убит до того, как они смогли добраться к нему.

Надир, со своей стороны, отправил послом в Порту своего личного друга и советчика Мустафу Хана и своего историографа Мухаммеда Мехди; они взяли с собой в качестве подарков для Султана золотой трон, усыпанный драгоценностями (несомненно, награбленными из Дели), жемчуга из Омана и двух танцующих слонов (*fil-i-raqqasi*).[3]

---

[1] T.N., стр.259 и 260; ни в этом письме, ни в этом договоре точно не установлено каких двух районов это касалось.

[2] Вон Хаммер, том XV, стр.119 и 120; он отмечает стоимость этих подарков в 700 кошельков.

[3] T.N., стр.259.

ГЛАВА XXV. КУЛЬМИНАЦИЯ ТРАГЕДИИ

Несмотря на то, что подписание договора с Турцией означало окончательный отказ Надира от своей мечты наступления к Босфору или захвата Багдада, но он почувствовал облегчение, что соглашение с Турцией, наконец-то, было достигнуто; он несколько дней пировал и пьянствовал, отмечая это событие. Однако его веселье было прервано прибытием тревожных сообщений о восстании в Систане и локальных выступлениях в Хорасане.

Внутренняя ситуация в Персии была достаточна серьезна в 1743 и 1744 гг.; произошло несколько изолированных восстаний, но уже к этому времени население было очень недовольно страшными репрессивными мерами, которые предпринимались для подавления восстаний, жестокостью и жадностью шаха. Угрюмое недовольство шаха фактически оборачивалось в жестокое безрассудство.

В связи с получением тревожных новостей с востока, Надир решил вернуться в Мешхед через Исфаган и Кирман. В начале декабря 1746 г. он прибыл в Исфаган и находился там семь недель. Уже в этом городе у него усилились признаки психического расстройства; цитируя Ханвея[1]:

«Из-за непрерывной утомительной работы и умственного труда, сопровождаемых определенными физическими недостатками тела, у него появилась склонность, которую большинство людей называют раздражительностью, но у него это сопровождалось жестоким неистовством с абсолютным безразличием к человеческим страданиям. Вдобавок к обшей болезни рассудка его жадность усиливалась с годами, и для того чтобы удовлетворить ее, он решил совершить несколько особых актов жестокости. Во время своего нахождения в Исфагане он совершил больше жестокостей, чем за все время своего правления».

Иезуит Пьер Базин, который в это время был назначен главным лекарем шаха с помощью Пейрсона, резидента ост-индской компании[2], описывает Исфаган как город, взятый штурмом, а затем отданный на власть завоевателям. Всякий раз выходя из дворца, он видел трупы от двадцати пяти до тридцати человек, задушенных по приказу Надира

---

[1] Том IV, стр.258.

[2] Подробнее об этом смотри Приложение I

или убитых воинами. Однажды когда составлялась опись мебели дворца, было обнаружено, что недостает небольшой ковер; хранитель шахских драгоценностей был обвинен в воровстве и немедленно избит палками. Во время своего избиения он кричал, что невиновен и что его предшественник продал ковер восьми купцам, четверо из которых были евреями, а остальные армянами и индийцами. Узнав имена этих людей, их всех схватили, а затем даже без видимости судебного разбирательства каждый из них был лишен глаза, вслед за тем, они в цепях были брошены в огонь. Базин отмечает, что все те, которые были свидетелями этой ужасной сцены, включая палачей, были ошеломлены.[1]

Очевидно, в то время, когда Надир находился в Исфагане, он отправил своего племянника Али Гули Хана в Систан, для того чтобы завершить подавление восстаний. Несколько месяцев Фатали Хан Систани успешно оказывал сопротивление всем попыткам разгромить его, но в конце концов, войска из Хорасана под руководством военачальника по имени Мухаммед Рза нанесли сильное поражение его войскам, а его самого захватили в плен. Затем Мухаммед Рза отправил Фатали Хана в цепях к Надиру; о судьбе лидера нет сведений, но нетрудно представить, что стало с ним. Однако, победа Мухаммеда Рзы не была окончательной, так как большая часть систанских и белуджских восставших сбежала, затем они объединились вокруг одного из военачальников Фатали Хана по имени Мир Кючик, который привел их к хорошо укрепленной старой Арсакиданской крепости Кухи-Ходжа[2], расположенной на обособленном обрыве в западном конце Хамуна. Для подчинения Мир Кючика и его последователей Надир отправил Али Гули Хана; он также направил Тахмасп Хана Джалаира ему на помощь[3]; о том, что произошло затем, речь пойдет позже в этой главе.

Тем временем, Шах наложил огромные налоги или скорее контрибуцию не только на население Исфагана, но практически на все

---

[1] Базин, цитируемое произведение, стр.300; смотри также T.N., стр.264 и Лютф Али Бек *Atash-Kada*.

[2] Профессор Херзферд описывает Кухи-Ходжа в своем *Archaeological History of Iran*, стр.50 и 58/74; эта работа содержит в себе также несколько фотографий и схем крепости.

[3] Более подробные сведения даются в N.N., стр.480/489; согласно Мухаммеду Казиму, Али Гули Хан добился столь незначительных результатов в осаде Кухи-Ходжи, что у Надира усилилось нетерпение, и он отправил Тахмасп Хана ускорить операцию. Однако из T.N., становится ясным, что Тахмасп Хан сопровождал Али Гули. T.N., стр.265.

части своей империи; даже как ниже будет видно, члены его собственной семьи не были от них освобождены. Он конфисковал имущество своего племянника Ибрагим Хана и отправил приказы Али Гули в Систан заплатить 100.000 туманов; Тахмасп Хан Джалаир должен был выплатить половину этой суммы[1]. Пейрсон и *Бленди*, исфаганские представители ост-индской компании, сообщили в Лондон о последствиях таких огромных налогов[2]:

«Нет предела ростовщичеству, и вследствие этого во многих местах вспыхнули восстания; не делая исключения ни для кого, шах наложил даже на своих сыновей и племянников огромную сумму налогов; его безрассудная жестокость убивать около сорока или пятидесяти людей каждый день и совершать жестокие наказания, давало все основания опасаться, что он сошел с ума».

Уже было сказано о результатах этой безрассудной политики в Систане и Кирмане в предыдущем году. В Грузии, обложенной огромным налогом, Теймураз и его сын Ираклий приготовились оказать вооруженное сопротивление, но Теймураз, вместо того чтобы поднять восстание, принял смелое решение отправиться лично к шаху, чтобы постараться убедить его уменьшить требуемую сумму. В мае 1747 г. Теймураз отправился к шахскому двору, но до того, как он смог прибыть туда, произошло убийство Надира.[3] В Азербайджане недовольное население восстало и провозгласило шахом самозванца Сама Мирзу когда тот прибыл в Тебриз.[4]

10 Мухаррама 1160 г. (23 января 1747 г.) Надир отправился из Исфагана в Йезд и Кирман; где бы ни останавливался, он подвергал население пыткам и казням, а из их голов сооружал башни. Он проявил особую жестокость в Кирмане из-за восстания, которое произошло здесь прошлым летом. Капитан Поссейт, член миссии принца Михаила Михайловича Голицына в Персии[5], который путешествовал по стране

---

[1] T.N., стр.265.

[2] Письмо из Исфагана в Лондон, датируемое 16/27 мая 1747 г.

[3] Папуана Орбелина, в H. de la G., том II, часть II, стр.117 и 118 и 119-123.

[4] Ibid. Смотри также стр.10 работы Гюлистана *Das Mujmil et-Tarikh-I-Ba'dnâdirfje* (Лейденское издание, под редакцией Оскар Манна).

[5] Принц Голицын был родственником принца Сергея Дмитриевича Голицына, который был российским послом в Персии с апреля 1734 г. до июня 1735 г. Подробные сведение о миссии принца М.М. Голицына дает Лерх (Büsching's Magazin, том X, стр.367 et seqq). Доктор Д. Кук (Voyages and Travels through the Russian Empire, Tartary and part of the Kingdom of Persia, том II стр.242-260), и Ханвей том I, часть LIV и

и находился в Кирмане в это время, увидел там две очень высокие башни из человеческих голов.[1] Переводчик голландской фактории был избит до смерти, потому что подозревалось, что некоторые персидские знатные лица хранили большую сумму денег у него[2]; англичане не бежали, поэтому они были вынуждены вручить шаху много подарков в Исфагане.[3]

Праздник Новруза был проведен близ Кирмана, но праздник принес больше печали, чем веселья. В конце марта Надир отправился в Мешхед через беспокойный Дашти-Лат, где большая часть его людей погибла от голода и жажды, в то время как другие ели сырую землю.[4]

В Табасе, в первом городе на отдаленной стороне пустыни, Надир принял своих сыновей и внуков, около шестидесяти человек, которых он предварительно вызвал встретить его здесь. После проведения с ним некоторого времени, он предложил свой трон каждому из трех старших сыновей по очереди, но молодые люди опасаясь ловушки, отказались, ссылаясь на неспособность, молодость и неопытность.[5]

Прибыв в Мешхед в конце апреля, Надир вел себя, если только это возможно, даже более жестоко и бесчеловечно, чем в Исфагане и Кирмане. С шахом в его безумном состоянии никто не мог чувствовать себя в безопасности, все боялись не только за свои имущества, но также за свои жизни. Побуждаемые инстинктом самосохранения, все, включая даже собственных родственников Надира, входили в заговоры и стремились присоединиться к восстаниям, которые уже начались, или были готовы начаться.[6]

Почти ежедневно в лагерь Али Гули в Систане приходили гонцы, доставляя новости о новых налогах и казнях шаха. Когда Али Гули узнал о конфискации имущества его брата и наложении на него налога в 100.000 туманов, он решил восстать. Тахмасп Хан, несмотря на новости об обложении его налогом в 50.000 туманов, оставался верным Надиру и старался отговорить Али Гули Хана от восстания; когда Али Гули отказался слушать его, он показал ему приказ от Надира на его казнь; в ответ Али Гули показал ему другой приказ на смерть хана с шахской печатью.[1] Хотя вид приказа о его собственной казни, по видимому, на время вынудил Тахмаспа заколебаться в своей верности Надиру, но в конечном счете, как будет ниже показано, он доказал свою преданность ему.

глава LVIII. Голицын и другие участники его посольства прибыли в Решт в апреле 1747 г. и были в пути к лагерю Надира, когда получили известия о его убийстве.

[1] Лерх, цитируемое произведение, стр.421, и Кук, том II, т.499. Капитан Поссейт был зятем Лерха.

[2] Ханвей, том IV, стр.259.

[3] Смотри Приложение I.

[4] Базин, стр.307 и 308.

[5] Базин, стр.308. Мухаммед Казим отмечает, что (Т.N., стр.501), что Надир имел 5 сыновей и 15 внуков (смотри генеалогическое древо, составленное в Приложение II).

[6] Ibid., стр.309.

Первым действием восставшего Али Гули было объединиться с Мир Кючиком и его людьми, которые все это время успешно оказывали ему сопротивление. Всеобщий страх, который Надир внушал, больше чем любовь к Али Гули, вынудила большую часть систанских, белуджких и афганских племен присоединиться к восстанию. Ободряемый широкомасштабной поддержкой, Али Гули начал строить планы о захвате престола; с все увеличивающимся войском он направился из Систана в Герат, куда прибыл в середине Раби II (26 апреля 1747 г.); здесь он принял многих лидеров из соседних областей, которые поклялись оказывать помощь в борьбе против Надира. Еще раз Тахмасп Хан попытался удержать Али Гули, но он отказался слушать его. Когда хан стал упорствовать, он порцией яда заставил его замолчать навсегда.[2]

Новости о восстании Али Гули быстро распространялись и сильно стимулировали растущие противостояния жестокой тирании Надира. Среди этих восставших на стороне Али Гули были курды Хабушана, которые отметили свое восстание набегом на шахскую конюшню в Радкане.[3] Надир, сильно расстроенный восстанием своего племянника Али Гули, для которого он так много сделал в прошлом, пришел в ярость этим курдским набегом в Радкан и выступил из Мешхеда во главе 16.000 человек, чтобы наказать преступников. Он, по-видимому, осознавал быстро растущую угрозу для себя и своей семьи судя по тому, что он принял меры предосторожности, отправив, до своего выступления из Мешхеда в Хабушан, своих сыновей и своего внука Шахруха в Келат для обеспечения их безопасности.[4]

[1] N.N., стр.488-490.

[2] Ibid., стр.491.

[3] Т.N., стр.265; согласно Мухаммеду Казиму (N.N., стр.495), курды восстали, потому что Надир отправил своих мухассилов в Хабушанскую область собрать сумму в 1.400 альфов (то есть 7.000.000 туманов), что являлось невероятно огромной суммой.

[4] Базин, стр.311.

С приближением шаха часть курдов укрылась в крепости Хабушан и подготовилась к осаде, в то время как остальные сбежали к горам Ала Дага. Вечером 19 июня Надир со своей армией разбил лагерь на возвышенности[1] у Фатхабада, в двух фарсаках от Хабушана; Базин, находившийся на службе у шаха, отмечает,[2] что:

«по-видимому, у него было какое-то предчувствие о несчастье, ожидавшем его в этом месте. В течение нескольких дней, которые он провел в своем гареме, он держал при себе оседлую лошадь. Он пытался сбежать в Келат. Гвардия удивила его; указав на зло, которое его бегство может повлечь за собой, она заявила, что является его верной слугой, и она будет сражаться за него против всех врагов и что ни один из них не покинет его. Затем он позволил себя уговорить и вернулся. Он, очевидно, понимал, что какое-то время составляются покушения на него. Из всех знатных лиц в его дворе его родственник Мухаммед Гули Хан и Салих Хан были больше всех недовольны и более опасны. Первый был командующим гвардией, второй руководил его домашним хозяйством. Последний вызывал у него меньше опасения, потому что его пост не давал ему возможности руководить над войсками; но он опасался первого, который был человеком решительных действий, считался отважным и пользовался уважением у его офицеров. На него пало подозрение. Он (Надир) решил опередить его.

Он имел в своем лагере корпус из 4.000 афганцев; эти иностранные войска были полностью преданы ему и враждебно настроены к персам. В ночь на 19/20 июня он собрал всех лидеров. «Я не доволен своей гвардией», сказал он им. «Мне известны ваша верность и ваша храбрость. Я приказываю вам арестовать всех своих офицеров завтра утром и заключить их в кандалы. Не щадите никого из них, если они осмелятся оказать вам сопротивление. Это вопрос моей безопасности, я доверяю охрану своей жизни вам».[3]

Военачальником афганцев был Ахмед Хан Абдали, второй сын Мухаммед Заман Хана Садозаи: он был тогда молодым человеком около двадцати трех или двадцати пяти лет[4]; своему быстрому продвижению он был обязан своим военным способностям и рвению, которое привлекло внимание Надира и помогло ему добиться шахского расположения. После обещания выполнить приказы Надира Ахмед Хан и его офицеры удалились и стали немедленно предпринимать меры, для выполнения этого приказа. Однако шпион, подслушав беседу шаха с афганскими лидерами, передал эту тайну Мухаммед Гули Хану, который рассказал это Салих Хану. Тогда эти два человека решили «не оставлять друг друга и убить этой ночью общего врага, решившего убить их на следующий день».[1] Используя персидское выражение, они решили «съесть его на завтрак, прежде чем он съест их на ужин».[2]

Мухаммед Гули Хан и Салих Хан доверили свою тайну только тем своим товарищам, которым, по их мнению, можно было полностью доверять. После обсуждения было решено, что Мухаммед Гули Хан, Салих хан, Мухаммед Хан Каджар Эриванский, Муса Бек из эйерлинских афшаров, Годжа Бек Гоюнлу, афшары Урмии и около семидесяти других людей убьют шаха этой ночью, прежде чем он сможет приказать начать массовые казни персов.[3]

Через несколько часов после наступления ночи заговорщики осторожно подошли к палатке Чуки, дочери Мухаммед Хусейн Хана Каджара, с которой Надир проводил вечер. Так силен был их страх перед Надиром, что большая часть заговорщиков не осмелилась войти в палатку, и только Мухаммед Хан Каджар, Салих Хан и еще один решительный человек осмелились войти, задушив стражу, охраняющего вход. Этот шум разбудил Чуки, которая заметила тень от приближавшейся фигуры Салих Хана и разбудила шаха. Надир вскочил с постели в раздраженном изумлении и осыпал оскорблениями Салих Хана, когда тот стал наступать на него; обнажив свой меч, он бросился на убийцу, но споткнулся на одной из веревок от палаток, и упал на землю; прежде чем он смог подняться, Салих Хан напал на него с мечом и отсек ему руку. После этого удара, Салих Хана внезапно охватил ужас, и он остановился как прикованный к земле; однако Мухаммед Хан Каджар сохранив самообладание, довел атаку до конца, отрубив резким ударом голову Надира.[4]

---

[1] Это возвышенность впоследствии стала известна как Надир Тепе.
[2] Базин, стр.311-313.
[3] Из других отчетов также видно, что Надир намеревался устроить массовые казни персидских офицеров.
[4] Ему было около 14 или 16 лет, когда Надир освободил его от плена, забрав в Гандахар в 1738 г.

[1] Гюлистана, цитируемое произведение, стр.14.
[2] Эта цитата взята у профессора И.Д.Брауна, Persian Literature in Modern Time, стр.137.
[3] Гюлистана, цитируемое произведение, стр.14.
[4] Ibid., цитируемое произведение, стр.19.

Вслед за тем, убийцы и их сообщники захватили все имущество Надира, которое попадалось в их руки, а затем вошли в женские палаты и завладели их ценностями, но не стали иначе досаждать им. Из гарема они поспешили к палаткам трех близких к Надиру министров; они убили двух министров, но пощадили третьего.[1]

Эти действия вызвали беспорядки и ужас в лагере. Ахмед Хан со своими 4.000 афганцами сначала не мог поверить в то, что Надир действительно умер; направившись спешно к шахским покоям, чтобы защитить его, они обнаружили, что путь им преграждает гызылбашская гвардия из 6.000 человек, которая вскоре объединилась с другим отрядом из 4,000 человек. Несмотря на значительное численное превосходство, афганцы проложили себе путь через ряды своих противников и вошли в палатку Чуки. Когда они увидели отрубленную голову Надира, отделенную от туловища, лежащего в лужи крови, их охватил ужас. Оплакав свое горе, они отступили, и хотя гызылбаши их атаковали, они снова проложили себе дорогу через них, и таким образом, без препятствий добрались до Гандахара; по пути они остановили и захватили конвой с сокровищами из лагеря Надира.[2]

Спешно направляясь из Герата в Мешхед, Али Гули Хан посчитал, что у него не будет шансов добиться и сохранить престол, если хотя бы один из сыновей Надира останется в живых; поэтому он направил огромный контингент войск бахтиаритов под руководством грузина по имени Сухраб Хан захватить крепость Келат, куда, как выше было отмечено, Надир отослал принцев для их безопасности. После шестидневной осады бахтиаритам удалось войти в крепость с помощью лестницы, которую заложники из-за халатности или преднамеренно оставили однажды ночью висящей по другую сторону скалы.[3]

Когда бахтиариты вошли в Келат, Насруллах, Имам Гули, Шахрух и другие принцы, взяв лошадей, бежали по направлению к Мерву,

[1] Базин, стр.323; это источник упускает имена двух министров, которые были убиты; один из них был, возможно, Мирза Зеки. Базин дает имя одного, который, спасся, как «Mayer Kan»; это был предположительно Хасан Али Хан Mu'ayyiru'l-Mamalik (известно, что он остался в живых).

[2] Базин, стр.324; T.N., стр.265; Гюлистана, стр.20 и 21; должно быть при этом событии Ахмед Хан завладел Кохи-Нурским алмазом (смотри стр.184 выше).

[3] Мирза Мехди (T.N., стр.266) отмечает, что однажды ночью какой то гарнизон, после взятия воды из реки за пределами крепости халатно оставил лестницу висеть по другую сторону неприступной скалы; Мухаммед Казим также отмечает (N.N., стр.500) их халатность. Однако, Базин (стр.328) говорит о предательстве.

но их немедленно стали преследовать и вскоре поймали. Насруллах храбро сопротивлялся, но все было напрасно, он, его братья и племянник были затем доставлены обратно в Келат. По приказу Али Гули, несчастный Рза Гули и 15 его родственников были убиты в Келате, а Насруллах и Имам Гули были убиты, когда их доставили в Мешхед, в то время как остальные их братья (трехлетний Чингиз Хан и Мухаммед Аллах Хан, который был еще младенцем) были отравлены.[1]

Али Гули решив покончить со всем родом Надира, даже убил тех вдов и женщин, которые были беременными.[2] Он пощадил только Шахруха, внука Надира. Гюлистана отмечает, что Али Гули (или Адил Шах, как он стал называться после коронации) не убил его, потому что он посчитал, что народ Персии может захотеть иметь монархом человека, принадлежавшего к древнему сефевидскому роду.[3]

Что до останков Надира, то его голова и тело были со временем доставлены в Мешхед и похоронены в могиле, которую он построил там в Хиябани-бала несколько лет назад; тело Рза Гули было позже похоронено в той же самой усыпальнице. Ага Мухаммед Шах, взойдя на трон, выкопал останки Надира (а также останки Керим Хана) и доставил в Тегеран, где они были помещены у порога его дворца, так всякий раз выходя он топтал прах гонителей его и его семьи.[4]

Такому позору были подвергнуты останки одного из величайших фигур персидской истории. Следует отметить, что в современное время были предприняты некоторые меры для почтения памяти Надира в

[1] T.N., стр.266. Чингиз Хан возможно был сыном дочери Абдуллы Фейза, на которой Надир женился в Бухаре (смотри стр.235 выше), в этой связи смотри также Приложение II.

[2] Базин, стр.329.

[3] Гюлистана, цитируемое произведение, стр.24; T.N., стр.266; смотри также N.N., стр.500. Шахрух являясь сыном Фатимы Бегим, был внуком Шаха Султана Хусейна.

[4] Керзон, том I, стр.165. Керзон ошибается, утверждая на той же странице, что Ага Мухаммед «помня, кому он был обязан за все свои бедствия, разрушил до основания усыпальницу Надира». Во-первых, Адил Шах, а не Надир, был виновен в несчастьях Ага Мухаммеда. Во-вторых, усыпальница Надира была разрушена мушдахидами Мешхеда в 1802 г. после казни Надира Мирзы, который был одним из сыновей Шахруха, а следовательно, правнуком Надира (Надир Мирза со своим братом Насруллахом вызвал враждебность мушдахидов, ограбив гробницу Имама Рзы, а позже он навлек на себя их смертельную враждебность, убив одного из них). Здесь Керзон совершает ту же ошибку, что и Джеймс Баили Фразер (*Narrative of a Journey into Khorasan in the year 1821 and 1822*, стр.462,и де Каникофф, цитируемое произведение, стр.107).

городе, который он сделал своей столицей, благодаря в основном усердию принца Афсара, который руководил государственным образованием в Мешхеде около 20 лет назад; дома и магазины, появившиеся на участке усыпальницы Надира были разрушены, для восстановления первоначального вида строения использовались близкие к оригиналу материалы; возможности восстановить мавзолей в прежних размерах и в прежнем стиле не было, поэтому было построено более скромное здание, а на остальном участке был разбит сад. Около трех лет назад новые власти полностью обосновавшись начали использовать это здание под офис.

* * *

Прежде чем завершить эту главу, следует сказать несколько слов относительно Адил Шаха (Али Гули Хан) и его непосредственных преемников. Адил Шах был скорее номинальным главой, чем лидером движения против Надира, и он поставил перед собой непосильную задачу восстановить порядок и спокойствие, что еще больше изводило страну. Он правил только год, а затем был смещен и ослеплен своим братом Ибрагимом, который был впоследствии разгромлен и убит сторонниками Шахруха, внука Надира; Адил Шах также был казнен при этих событиях. Затем был коронован Шахрух, но он вскоре был смещен и ослеплен Мухаммедом Мирзой, который утверждал, что ведет свое происхождение от Шаха Сулеймана по женской линии. Через два месяца узурпатор был разгромлен и убит, а Шахрух был восстановлен на троне еще раз. Ахмед Хан Абдали вторгся в Хорасан и сместил Шахруха, признав его власть только в Хорасане над афганцами. Тем временем, Керим Хан Зенд укрепил свою власть в остальной части Персии и предпринял меры для закрепления власти, что дало стране передышку от беспорядков и кровопролития, которым она так долго подвергалась.

ГЛАВА XXVI. ДОСТИЖЕНИЯ НАДИРА И ЕГО ХАРАКТЕР

Цель этой главы – оценить способности Надира в качестве полководца и правителя, описать его характер и его отношение к религии и искусству.

Надир как полководец

Учитывая то, что Надир был в первую очередь воином, его достижения в качестве полководца следует рассмотреть в самом начале.

Изучение многочисленных источников, дошедших до нас, ясно свидетельствует о том, что он, несомненно, был военным гением. Несмотря на безызвестное происхождение и абсолютную неграмотность, его знание военной науки было, как это бывает, врожденным; он воспитывался вблизи от беспокойных границ в районе Абиварда и Дараггаза, где с малых лет он был очевидцем часто происходивших племенных войн и туркменских набегов. Его военные качества способствовали достижению им быстрых успехов, и добившись верховного командования, он с искусством и уверенностью мастера предпринял серию важных кампаний. Изменения, которые он проводил для процветания своей страны в течение нескольких лет, были удивительными и Керзон не преувеличивает когда замечает[1]:

«меньше чем за 20 лет после этого бедствия (то есть после свержения Махмудом Сефевидской династии в 1722 году) мы стали свидетелями представления персидского завоевателя, опустошившего Центральную Азию, разрушившего государства и империи, и в XVIII веке представившего такой феномен в Азии, который Европа имела в лице Наполеона в XIX веке».

Сравнение Надира с Наполеоном неизбежно, и он действительно имел некоторые общие характерные черты с ним; его также, в особенности восточные авторы, часто сравнивали с Александром Великим[2];

---

[1] Persia, том I, стр.575.

[2] Смотри J.P. de Bougainville's *Parallèle de l'Expédition d'Alexandre dans les Indes, avec la Conquête des mêmes Contrées par Tahmas-Kouli-Khan* (Париж, 1752 г.). Труд Бо-

такие сравнения отнюдь не являются незаслуженными, кроме того, более тесную аналогию можно провести между ним и Тамерланом.[1] Более того, Надир имел также сходство со своим юным современником Фредериком Великим в качестве великого стратега своего государства, в увеличении границ своих стран, в непрерывном обучении своих людей и твердой убежденности в значении мобильности армии.

Как стратег, Надир намного превосходил большинство полководцев, которые ему противостояли. Известно, что обычно он продумывал свои важные кампании заранее и до мельчайших деталей.[2] Несмотря на это, в некоторых случаях у него сказывалось отсутствие предусмотрительности; его первая кампания против Топал Османа Паши завершилась так плачевно из-за того, что не была хорошо спланирована; как уже отмечалось[3], возможно, он потерпел поражение, во-первых, потому что был слишком самоуверен. Во-вторых, его расчеты оказались ошибочными в последних лезгинских кампаниях; хотя он, по-видимому, понимал, что если не сможет завоевать Аварию, то никогда не сможет полностью удержать Дагестан под своей властью. Он всегда откладывал на более позднее время свои попытки проложить себе путь через труднопроходимые горные препятствия, которые защищал Кунзак.

Успешной тактикой Надира была быстрая кавалерийская атака с нанесением сокрушительного удара с самых неожиданных сторон; его разгром индийской военной гвардии, охраняющей Хайберский проход своими войсками, наступив через Цацобийский проход и Базарскую долину, был безупречен. Несмотря на то, что в начале он отдавал предпочтение кавалерии, но он хорошо понимал существенную роль пехоты. Он, действительно, использовал свою пехоту очень умело, а его лучший корпус джазаиритов с их строгой дисциплиной и меткой стрельбой в некоторых случаях оказывался намного искуснее хвастливых янычаров.

В бою Надир удивительно быстро воспринимал ситуацию; Вильям Коккел основываясь на личные наблюдения, отмечал, что было[4]:

гейнвилла основывается в основном на неполные сведения Оттера и не очень справедливы к Надиру.

[1] Смотри выше стр.98-99, где сравниваются два завоевателя.

[2] Базин, стр.316.

[3] Смотри стр.89

[4] Фразер, стр.233 и 234.

«удивительно как быстро он замечал преимущества на стороне противника и стремительно приходил на помощь своим отрядам. Если кто-то из его главных офицеров отступал без значительного превосходства противника, он вскакивал на лошадь и убивал его боевой секирой (которую всегда держал в своей руке) и затем передавал командование следующему по званию».

В важных боях он обычно искусно обращался со своими резервами, бросая их в нужный момент в те участки, где противник был слабее.

Как Ганнибал и Веллингтон, Надир в целом не имел успеха при ведении осады; он потерпел неудачу при осаде Багдада, Мосула, Карса и Басры. Правда, он захватил Гянджу и Гандахар, а также несколько менее значительных крепостей, таких как Эривань и Киркук, но Гянджа пала частично с помощью России и, по-видимому, в падении Гандахара немалую роль сыграло предательство. Причинами такой относительной неудачи было, во-первых, то, что тяжелой артиллерии у Надира было недостаточно, как в качестве, так и в количестве; огромные расстояния, на которые он отправлялся во время кампаний и отсутствия дорог делали перевозку тяжелой артиллерии очень трудной. Во-вторых, персидские военные инженеры не были хорошо подготовлены, и, конечно, были менее искусными, чем те, которые находились на службе у турков. В-третьих, во время осады Надир редко использовал свой дар стратега, а именно, способность использовать эффективную тактику сокрушительных ударов с элементами неожиданного нападения посредством своей кавалерии. Еще одним фактом, который следует учитывать, является то, что крепости тех дней были хорошо укрепленными; средства защиты были тогда значительно лучше в сравнении с орудиями, используемыми при атаках.

Хотя тяжелая артиллерия Надира не была предусмотрена для продолжительной осады, его средняя и легкая артиллерия по сравнению с образцами его предков и его восточных современников, была значительно лучше. Это было обусловлено в значительной степени помощью и советами некоторых французских офицеров, находившихся у него на службе. Благодаря этому, он смог сделать персидскую артиллерию более значительной, чем она была раньше; в сущности, как

отмечается в военном источнике до Надира Персия не имела настоящей артиллерии.[1]

Надир был больше, чем просто полководцем; он был великолепным организатором и инструктором, и он мог только своими личными силами повлиять на свой, по-видимому, невоенный личный состав, который имел в своем распоряжении с первых дней, и превратить его в отличный боевой материал. Постепенно он вселил новое оживление в персидских военных и не только восстановил моральный дух, который они утратили после череды некомпетентных полководцев, но также внушил им уверенность в свое лидерство. Включением большого числа афганцев и узбеков в свои ряды, он поднял еще выше эффективность своей армии, а своим твердым принуждением к дисциплине и упорным обучением объединил всех в значительную боевую машину.[2] Удивительная способность контролировать свои разнородные войска наглядно сказывалась в их немедленном повиновении, когда он приказал им прекратить резню и грабежи населения Дели, и позже, приказав вернуть часть захваченных индийских сокровищ.

Удивительная память Надира имела большое значение для него как полководца; Коккел замечает, что он мог[3]:

«без труда назвать всех главных офицеров в своей многочисленной армии по их именам. Он знал многих рядовых людей, которые находились у него на службе какое-то время, и мог вспомнить, когда и за что он наказал и наградил кого-то из них».

Некоторые современники Надира отмечали его необыкновенно громкий голос, который давал ему возможность делать свои приказы легкослышными среди грохота боя, что иногда вселяло ужас врагу.[4]

---

[1] Полковник G. Drouville's *Voyage en Perse* (Париж, 1828 г.), том I, стр.142. Это утверждение, несомненно, дается в широком смысле, так как братья Шарлей сделали очень многое для улучшения состояния персидской артиллерии во время Шаха Аббаса Великого.

[2] Сер Голдсмид *Persia and its Military Resources* в *Journal* of the Royal United Service Institution, том XXIII, стр.155 (7 марта, 1879). Смотри также Drouville , цитируемое произведение, том I, стр.85, и Фразер *Narrative of Journey into Khorasan in the years1821 and 1822*, стр.229

[3] Фразер, стр.233.

[4] Ibid., Сер Джон Малколм, в своем труде *Sketches of Persia* (Лондон, 1861 г.), стр.35 и 36, отмечает забавную историю о том, как Султан Турции зная, что Надир гордится своим исключительным голосом, отправил своим послом в Персию носильщика необычайной физической силы и с очень сильным голосом. Когда Шах принял этого

Если мы попытаемся оценить Надира, основываясь на его военные достижения, какими будут результаты? Что касается Персии, он, конечно, освободил ее от иностранного господства, но его невыносимая тирания свела на нет всю значимость этого блага. На западе его продолжительная кампания против турков сильно ослабила его, что было на руку, как России, так и Австрии, и что в определенной степени оказало влияние на общее направление событий в северо-восточной Европе. На востоке его вторжение в Индию потрясло основы Могольской империи и ускорило падение, которое уже началось; Надира сменил там Ахмед Шах Дуррани, его вторжения истощили Могольскую империю и сильно облегчили установление британского господства.

В заключение нужно сказать, что Надир был величайшим воином своих дней, он возвысил свою страну из самых глубин упадочного состояния до величественного положения первой военной державы в Азии. К несчастью для Персии, эти его победы, вместо того чтобы принести ей постоянную пользу, лишь дали ей мимолетный триумф ценой неисчерпаемых страданий и огромных человеческих потерь.

Надир как государственный деятель и правитель

Надир был в основном воином и показывал себя с лучшей стороны, когда возглавлял свою армию; было бы неправильно называть его хорошим правителем. Во время войны он все подчинял ведению войны, а во время мира он занимался приготовлениями к следующей кампании; мир для него был очень утомительным, но иногда необходимым промежутком.

Но, несмотря на свою непреодолимую страсть к войне, Надир мог быть, тем не менее, иногда хорошим правителем, так, Базин замечал о нем[1]:

Malgré la bassesse de son extraction, il sembloit né pour le trône. La nature lui avoit donné toutes les grandes qualitiés qui font les héros, et une partie même de celles qui font les grands Rois. On aura peine à trouver dans

---

посла, они состязались, чтобы сравнить свои голоса; явную победу одержал носильщик – посол. Сначала Надир огорчился своим поражением, но в конце улыбнулся и признав его победу, позволил ему вернуться. Как отмечают, он заявил послу: «Скажи Махмуду, что я был рад узнать, что в его государстве есть один мужчина и было умно прислать его сюда, так что мы могли убедиться в этом».

[1] Базин, стр.316.

l'Histoire un Prince d'un genie plus vaste, d'un esprit plus pénétrant, d'un courage plus intrépide. Ses projets étoient grands, les moyens bien choisis, sur toutes les provinces de son royaume, rien ne lui étoit inconnu, et il n'oublioit rien. Les travaux ne l'abattoient point; il ne s'effrayoit pas des dangers. Les obstacles mêmes et les difficultes entroient dans l'ordre de ses projets.

Предпочтя это, он мог бы, возможно, получить любовь, как он уже приобрел восхищение своих людей, но его разум, вместо того чтобы остановиться на управлении своим государством, был занят мечтами о завоеваниях. Несмотря на славу, которые его военные подвиги давали Персии, вскоре большинство его подданных стали ненавидеть его из-за его деспотических методов правления, тяжелого налогообложения, смещения сефевидской династии и вытеснения им шиитской религии.

За исключением редких случаев (например, когда он поселил в Кивагабаде освобожденных персов из Хорезма и обеспечил все их потребности), по-видимому, его нисколько не беспокоило благосостояние своих подданных[1], и он не предпринимал никаких серьезных попыток для укрепления материальных ресурсов своей империи; он смотрел на свой народ не как на людей, а только как на поставщиков живой силы, денег и продовольствия для своей огромной армии. Из-за продолжительных военных действий с абдалисами и турками, последовавших после периода афганского господства, ко времени его восхождения на трон страна была почти полностью истощена и изнурена. Когда он вернулся из Индии с награбленным добром, стоящим несколько миллионов фунтов, он имел уникальную возможность предоставить своему истощенному народу освобождение от налогов на несколько лет. Однако Надир спрятал свои сокровища и вскоре возобновил взимание чрезмерных поборов даже более жестоко и основательно, чем раньше. Налоги с купцов были огромными, однако положение крестьян было намного хуже; кроме огромных выплат они были вынуждены часто предоставлять по требованию людскую силу и свой урожай. Удивительно, что столь разумный человек не понимал, что поступая так, он убивает гуся, сидящего на золотых яйцах; его ненормальное

[1] Несмотря на это, как отмечал Ханвей (том I, стр.248), Надир «часто узнавал цены на необходимое продовольствие и снижал их, как он считал нужным, штрафуя базарных торговцев за каждый их проступок».

психическое состояние в течение последних лет его жизни может объяснить эту глупость.

К чести его нужно отметить, что он восстановил порядок и избавил от нападений многие части своего государства; он сделал многое, чтобы обезопасить свои северо-восточные границы от опустошительных набегов туркмен и узбеков, переселив афшаров, бахтиаритов, курдов и другие воинственные племена на пограничные области; эта политика давала дополнительное преимущество, разделяя и ослабляя эти сильные племена, и в то же самое время такая политика увеличивала население и придавала важность Хорасану.

Во многих отношениях Надир стремился покончить насколько это возможно с методами и обычаями своих сефевидских предшественников. Самым важным из этих перемен была замена суннитского толка шиитским, по причинам, которые отмечались выше. Во-вторых, он сделал Мешхед столицей своего государства, вместо Исфагана. В-третьих, он отказался от пагубной практики содержания в заточении в гареме шахских сыновей, пока не придет время их правления; плачевные результаты такой политики стали ясно видны при вступлении на престол Шаха Султана Хусейна и его сына Тахмаспа II. С другой стороны, Надир давал своим сыновьям военные и другие должности с раннего возраста, этот факт вынудил Гомбрунского Агента сделать следующее замечание[1]:

«Немалым доказательством его здравого смысла и рассудительности является то, что он смог отказаться от вредных обычаев, так долго и жестоко сохраняемых его предшественниками и всеми другими восточными принцами, заточающими своих детей с евнухами и женщинами в Seraglio, пока не умрет их отец; они выходили в мир чудовищными правителями».

Осенью 1740 г., пока Надир находился в Туркестане, в Исфаган было сообщено что он[2]:

«..собирается изменить персидское одеяние своих подданных, побрить их бороды и облачить их в турецкую одежду, а также разрушить все дворцы, которые были построены Шахом Аббасом или носили его имя, и вместо них построить другие, а также для обеспечения

[1] Gombroon Diary, 6/17 ноября 1739 г.
[2] Ibid., 19/30 ноября 1740 г.

города водой перенести реку на несколькодневное расстояние от Исфагана».[1]

Это сообщение было всего лишь слухом, но заслуживает внимание то, что он уже изменил головные уборы своих подданных (как мы узнаем из Оттера),[2] придумав и заставив их носить четырехугольные шляпы, вокруг которой наматывалась шаль или шарф.

Хотя Надиру не удалось основать длительную династию, он как Генрих VIII в Англии, значительно увеличил состояние своего престола всеобщей конфискацией религиозных земель и пожертвований.

Надир управлял своим государством через бейлербеев или генерал-губернаторов, которых в то время было трое[3]; за ним следовали правители, представители правительства и низшие чиновники. Все они назначались шахом, который с помощью своей тщательно продуманной системы шпионов имел подробную информацию о том, что они делали.[4] Он внимательно наблюдал за финансами провинций, и если у него было время, он внимательно разбирал отчеты местных мустауфи или чиновников казны, которых жестоко наказывали при обнаружении ошибки или неточности.

В своей внешней политике, Надир, конечно, показал большое искусство, но в этом, как и во многом другом, он больше заботился о продвижении своих собственных целей, чем интересов своего народа.

В заключение следует отметить, что Надир правил Персией как абсолютный монарх, однако сам он был рабом своих собственных чрезмерных амбиций.

Внешность Надира, его характер и вкусы

Мирза Мехди дает очень скудные сведения относительно внешности Надира, его характера и вкусов, возможно потому, что он полагал, что такие подробности ненужны или даже неуместны в его официальных отчетах; к счастью, этот пробел можно заполнить из других источников современников.

Вильям Коккел в своем известном труде «*Личное Описание Надира*» приводимой в конце книги Фразера, отмечает, что он был[1]:

«...около пятидесяти пяти лет, выше 6 фунтов, правильных пропорций, крепкого телосложения, имел жизнерадостный вид и был склоннен к полноте, но его активная работа не допускала развитие полноты; у него были красивые большие глаза и брови; и короче говоря, он был одним из самых миловидных мужчин, которых я когда-либо видел. Раны на его лице от солнечных лучей и погоды придавали ему еще более мужественный вид».

С ранних лет Надир обладал большой физической силой и выносливостью, и участвуя в походах, он переносил определенные трудности и жил в таких же простых условиях, как и все воины.[2]

Мухаммед Бахыш в мае 1739 г. отмечал, что Надир уже красил свою бороду и усы в черный цвет, но замечал при этом его внешнюю молодость и прямую осанку; ему было тогда 50 лет.[3] Портрет, который сейчас находится в Индийском Ведомстве (смотри стр.331-332), предположительно имеет точное сходство с ним в это время. Примерно через 5 лет Абдуллах ибн Хусейн-ас-Сувейди, который был принят Надиром у Наджафа, утверждал, что на его лице были видны следы старости, у него отсутствовали передние зубы, он производил впечатление восьмидесятилетнего старика, а его глаза были желтого цвета; однако, он все еще был привлекательным.[4] Ас-Суади (у него было определенное предубеждение против Надира), несомненно, преувеличивал, когда говорил, что он выглядел как восьмидесятилетний старик. Базин, который имел возможность близкого контакта с ним во время последних нескольких месяцев его жизни, описывал его так[5]:

«Sa barbe, peinte en noire, contrastoit avec ses cheveux qui étoient tout blancs. Il étoit temperament fort et robuste, d'une taille trés haute, et d'une grosseur proportionnée; il avoit le visage basané, moins arrondi qu'allongé, sans l'être pourtant trop; le nez aquiline, la bouche assez bien

---

[1] Надир, безусловно, не был автором этого проекта (известного как Каркунан), который отводил исток реки из Каруна в Заянда Руд с помощью туннели или проруби. Работы начались при Шахе Тахмаспе I и продолжались на различных этапах Аббасом Великим, а позже Аббасом II (Смотри *Travels* Хербертаж. стр.135 и заметки Сера И. Фостера после этого, также Керзон *Persia*, том II, стр.316.).
[2] Оттер, том I, стр.39 и 40. Интересные современные параллели создания шапки Пехлеви его величества Шаха Рзы Пехлеви.
[3] Ханвей, том I, стр.336.
[4] Фразер, стр.228.

[1] Фразер, стр.227.
[2] Ibid., стр.229.
[3] Смотри стр.187 выше
[4] Смотри труд Профессора Шмида *Из истории суннитско-шиитских отношений*, стр.90.
[5] Базин, стр.315 и 316.

fendue, la lévre inférieure un peu excédente, les yeux petits et perçans, le regard vif et pénétrant, la voie rude et forte, mais don't il sçavoit adoucir les sons, selon que le caprice ou l'interêt le demandoient».

Уже достаточно было сказано о характере Надира, о том, что он был человеком железной воли, но жестокий и вспыльчивый; тем не менее, он имел и другую сторону, так, он искренне любил свою мать[1] и питал большую привязанность к своему внуку Шахруху. Об ужасных изменениях в его характере, вызванные его физическим состоянием и неудачами, которые он испытывал в последние годы своей жизни, речь пойдет ниже в этой главе.

Он был очень трудолюбивым человеком, но когда все дела за день завершались, он удалялся в личные апартаменты:

«…где он, расслабляясь после работы выпивал кварт с двумя или тремя своими фаворитами, или самое большее три пинтов вина, проводя все время в веселье. В этих частных беседах никому не позволялось упоминать о каких-то вещах, относящихся к государственным делам; и в другое время, они также не должны были злоупотреблять этой близостью, вести себя с большей фамильярностью, чем их ровни. Двое из его ночных товарищей перешли границы в этом вопросе, позволив себе публично дать ему совет, он немедленно приказал их задушить, сказав: «Такие глупцы, которые не могут различать между Надир Шахом и Надир Кули, не достойны жить».[2]

Коккел, из чьего *Personal Description* был дан этот отрывок, далее замечает, что Надир умеренно пил вино, но «он очень увлекался женщинами, в которых любил разнообразие, однако, он никогда не пренебрегал своими делами ради них».[3] Согласно Ханвею,[4] Надир в последние дни жизни имел 33 женщин в своем гареме, исключая их слуг.

Мирза Мехди отмечал, что (кроме сражений) он очень любил такие вещи, как, во-первых, дыни Балха и Герата и, во-вторых, хорошую

[1] Базин (стр.318) отмечал, что он искренне страдал из-за ее смерти, и что он построил красивую мечеть около ее могилы.
[2] Фразер, стр.230 и 231.
[3] Ibid., стр.227. Малколм (том II, стр.85, сноска) отмечал, однако, что «глава афшаров сообщил, что его отец (который был одним из полководцев Надира) часто восхвалял большую воздержанность этого монарха, который никогда, как он говорил, не брал с собой более двух жен, когда отправлялся воевать, и был недоволен теми своими командующими, которых сопровождало больше одной жены».
[4] Том IV, стр.268 и 269.

лошадь.[1] Что касается одежды, то его вкусы были скромны, но у него проявлялась любовь к драгоценностям, которыми он полностью удовлетворился после разграбления Индии.[2]

Иногда Надир показывал свое чувство юмора, хотя юмор этот был несколько мрачным. Абдул Керим Кашмири отмечал[3], что Тахмасп Хан Джалаир, который был человеком низкого роста, плотный и очень смуглый, однажды подвергся нападению кабана и едва избежал смерти. Когда Надир узнал об этом инциденте, он очень долго смеялся и заметил: «Маленький брат играл с большим, и вдобавок, он нагрубил ему». Отмечают, что когда Надир находился в Дели, ему сказали, что Итимадуд-Даула Гамуруддин Хан имеет не меньше 850 женщин в своем гареме; тогда он приказал дать министру еще 150 женщин, для того чтобы он мог получить право на военное звание минбаши или тысячника.[4]

В разговорной речи Надир предпочитал использовать турки (чагатайский или восточно-турецкий), но он, должно быть, также в совершенстве владел персидским языком; в источниках нет сведений, знал ли он арабский; так как он не увлекался богословием или литературой, вряд ли он знал этот язык хорошо.

Здоровье Надира

В годы своей юности и в зрелые годы он отличался крепким здоровьем, но к 50 годам (или возможно даже раньше) у него периодически возникали физические недомогания, которые оказывали пагубное воздействие на его темперамент и поведение. Абдул Керим отмечал, что он перед своим вторжением в Индию заболел водянкой, которая сопровождалась временами сильной меланхолией и приступами сильного гнева.[5] Эта болезнь, возможно, происходила или, во всяком случае, обострялась тем фактом, что он потерял все свои коренные зубы. Более того, он подхватил малярию во время кампании в Мазандаран и

[1] T.N., стр.215 (смотри стр.196 выше)
[2] Ас-Сувейди дает подробное описание драгоценностей, которые были на Надире, когда он принимал его в Наджафе (смотри *Из истории*, и т.д. стр.89); смотри также вон Хаммер, том XV, стр.117, и Ханвей, том IV, стр.268
[3] Bayan, лист 39 (b) и 40 (a).
[4] Малколм, том II, стр.85 и 86.
[5] Bayan, лист 66 (b); текст сильно испорчен, так следующие слова bi-marad-i- maraq va istifsar следует читать bi-marad-i- maraqq va istiqsa, чтобы понять смысл.

его наступления через Систан. Наконец, лишения, которые он переносил во время своих многочисленных кампаний, должно быть, оказали определенное негативное воздействие на его здоровье и ясность ума.

Так как Надир не мог получать помощи из-за невежества и некомпетентности персидских лекарей, находясь в Дели, он назначил очень способного индийского врача Алави Хана своим главным лекарем. Алави Хан не ограничивал свое лечение только лекарствами и диетами, он также использовал «слова как лучшее средство от болезней»[1]: другими словами, он позволял себе делать замечание Надиру о его вспышках раздражительности. Надир был доволен откровенностью доктора и продолжил свое лечение. И в результате его психическое, а также физическое состояние значительно улучшилось; в действительности, «за 15 или 20 дней он не отдал приказа кого-нибудь избить до смерти».[2]

К несчастью для Надира и еще больше для его подданных, Алави Хан ушел со своей службы в июле 1741 г.; оставшись без лечения и влияния индийского врача, он вскоре вернулся в свое прежнее состояние, и к осени этого года он совершил множество жестоких действий.[3] Через год произошло трагическое ослепление Рза Гули Мирзы; если бы Надир был бы в своем нормальном состоянии в течение предшествующих нескольких месяцев, он никогда бы не приговорил своего сына к такой участи, и вся заключительная часть его жизни в результате этого сложилась бы совсем по-другому. Однако весь его характер изменился из-за этого события, и в результате, сильно пострадало его здоровье.[4]

Некоторое время между 1742 г. и началом 1744 г. отец Демьян из Лиона, иезуит, разбиравшийся в медицине, лечил Надира от какой-то формы болезни печени.[5] В июне, или июле 1745 г. он серьезно заболел близ Миянадуаба, и его перевозили несколько километров на носилках[6]; тогда или вскоре после этого, его снова лечил иезуит, но нет сведений, был ли это Пьер Демьян.[7] В декабре 1746 г. его еще раз стало

[1] Bayan, лист 99 (b).
[2] Ibid.
[3] Базин, стр.290.
[4] Мирза Мехди (T.N., стр.263) и Мухаммед Казим (N.N., стр.493)
[5] Пьер дес Вигнес, стр 407
[6] Смотри стр.297-298 выше
[7] Gombroon Diary, 5/16 октября 1745 г.

беспокоить здоровье, и он стал опасаться серьезной болезни. Совершенно недовольный своим собственным врачом, он попросил Пейрсона, главного представителя ост-индской компании в Исфагане, доставить ему европейского врача. Пейрсон был очень огорчен, так как не знал, где он мог найти врача, но его внимание привлек Пьер Базин, которого он представил шаху. Надир был доволен иезуитом и назначил его своим главным лекарем. Осмотрев Надира, Базин обнаружил, что он страдает от водянки в ранней стадии (*une hydropise commencée*), и от частой рвоты, сопровождаемой сильными запорами и проблемами печени.[1]

Исходя из диагноза Базина, Бюрон впоследствии написал следующие строки[2]:

«Oh! Ye who build up monuments defiled,
With gore, like Nadir Shah, that costive sophy,
Who, after leaving Hindostan a wild,
And scare to the Mogul a cup of coffee
To soothe his woes withal, was slain, the sinner!
Because he could no more digest his dinner!»

Базин начал свое лечение в начале 1747 г., когда Надир находился в Кирмане; ему почти удалось, в сущности, вылечить его, но при прибытии в Мешхед, Надир вновь начал проявлять свою жестокость[3]; Базин не смог выяснить, чем были обусловлены вспышки жестокости Надира: из-за прекращения лечения, в связи с известиями о различных восстаниях, или по причине усталости в связи с трудным переходом через пустыню, оказавшемуся чрезмерным для его итак очень нетвердого психического состояния.

Следует отметить, что вспышки гнева Надира всегда были обусловлены физическими недомоганиями, по-видимому, нет никаких сомнений, что во время последних лет своей жизни, его болезни привели к чрезмерному поражению его психического состояния, что повлияло

[1] Базин, стр.304.
[2] Дон Жуан, Канто No. IX, xxxiii. В издание труда Байрона, которая была опубликована в Лондоне в 1833 г., в томе XVI, стр.289, есть следующие сноски, относящиеся к стихам, цитируемым выше: «Он (Надир) был убит в заговоре, после его очередного приступа гнева из-за сильных запоров, доводивших его до безумия».
[3] Базин, стр.310.

на его характер. При сравнении сведений, предоставленных Абдул Керимом, дес Вигнесом и Базином, подтверждались предположения, что у Надира были не только продолжавшиеся, но еще больше прогрессирующие в течение последних лет его жизни психические проблемы, сопровождаемые отсутствием психической уравновешенности. Его физическое нездоровье воздействовало на его разум и, как уже отмечалось, когда он был сильно расстроен ослеплением Рза Гули, его разум оказал неблагоприятное воздействие на его тело; это было действительно порочным кругом. Приступы Надира стали безумнее, со временем появились периоды фактического умопомешательства, которые возвращались с возрастающей частотой, и здесь нет сомнений, что он был совершенно помешен во время последних одного или двух месяцев своей жизни. Рассмотрение заболевания Надира наводит на мысль о том, что может быть сделаны интересные исследования о том, как здоровье великих людей влияет на ход истории, на их характер и, следовательно, на их действия.

Надир и виды искусств

Виды искусств, за исключением военного не процветали во времена Надира; это было время, когда меч был намного сильнее пера. Лютф Али Бек, который родился в 1711 г., в своем труде *Atash-Kada* («Огненный Храм») отмечал об острой нехватке писателей в 1722 и 1772 гг. в части своей книги, называемой *Ahwal-i-Mu'asirin* («Положение Современников»); Лютф Али Бек дав описание исторических контуров 50 лет, предшествовавших приходу Керим Хана к власти, упоминает некоторых своих современников, которые были поэтами. Никто из этих поэтов, за исключением Шейха Али Хазина, не добился дошедшей до наших дней известности; один из них был Ага Таги Сахба, который был также дворцовым лекарем Надира, однако, по-видимому, он был столь же зауряден в поэзии, сколь в медицине.

Если исключить Лютф Али Бека (который начал составление *Atash-Kada* только через 13 лет после смерти Надира), двумя главными литературными фигурами этих дней были Мирза Мехди и Шейх Хазин, о которых подробно будет сказано в Приложении III.

По-видимому, Надир не очень симпатизировал литературе, но будучи неграмотным, он являлся одним из самых щедрых жертвователей в библиотеку Шаха Имама Рзы в Мешхеде, куда подарил 400 ру-

кописей.[1] Более того, нельзя не заметить, что именно по его приказу было написано Тарихи-Надири, и что он также заказал индийскому поэту Мухаммед Али Беку сочинить поэму, известную как Надир Шахнаме.[2] Единственный поэт, которому Надир оказывал какое-то внимание, был Хафиз, но возможно, что его интерес к знаменитым газелям был связан с фалами или предсказаниями в них.

В строительстве городов и зданий Надир был более активен. Уже было упомянуто о постройке им Новой Шамахи, Надирабада и Хивагабада, увеличении им гробницы Имама Рзы в Мешхеде, и сооружении своего мовлуд-хана в Дастгирде и своей сокровищницы в Келате. Ширазу некоторое время оказывали помощь по его приказу, и это была не его вина, что почти все новые строения были уничтожены в результате восстания Таги Хана. Он практически ничего не сделал для Исфагана, но в Казвине он построил новый дворец, описание которого дается Ханвеем. У Ашрафа, в Мазандаране он построил дворец, известный как Чихул Сутун, который Сер Вильям Ауслей описывает и изображает в своих Путешествиях.[3]

Когда Надир находился в Дели, было нарисовано несколько его портретов, один из которых в марте 1740 г. индиец по имени Гулам Мухиддин подарил Ричарду Беньену, правителю в Мадрасе.[4]

Два портрета Надира находятся в Лондоне, один в индийском офисе, а другой в индийском музее южного Кенсингтона; хотя известно, что они были написаны персидским художником XVIII в., невозможно утвердить их принадлежность к современникам. Мистер Генри Ванситтарт, правитель Форта Вильяма с 1760 по 1767 гг., приобрел портрет, который сейчас находится в индийском офисе; известно, что в это время это был подлинником. Его сын достопочтенный Ванситтарт подарил эту картину ост-индской компании в феврале 1822 г.[5] Историю портрета в индийском музее (No. I.M. 20-1919) невозможно проследить с самого начала; известно, что его привезли из Индии в 1800 г.

---

[1] De Khanikoff, цитируемое произведение, стр.100 и 101.

[2] Смотри сноску 4 на стр.158 выше.

[3] Том III, стр 270 и гравюра No. LXXI. Шах Аббас построил там дворец, названный Чихил Сутун, но он случайно сгорел во время правления Надира; вследствие этого он построил новый дворец на его месте.

[4] Dodwell's *A Calendar of the Madras Records*, 1740-1744, стр.30.

[5] Смотри *Desriptive Catalogue of the Paintings, Statues, etc., in the India Office*, Сера Вильяма Фостера.

или, возможно, немного раньше; долгое время портрет находился во владении семьи Вилоугби, затем он был подарен индийскому музею в 1919 г. Г.Ф.Велсфордом, доктором медицины. Голова на этом портрете во всех деталях похожа на голову на картине индийского офиса. Мистер Стенли Клерк из музея Виктории и Алберта, в письме Мистеру (сейчас Серу) В.Фостеру, датируемом 3 июля 1919 г., отмечал, что: «Обе картины персидские, периода волнений – в них сильное европейское влияние».[1]

Вернемся к Надиру. В 1743 г. или возможно позже он через капитана Джона Элтона заинтересовался молодым художником по имени Касел или Каселс[2], который нарисовал восемь картин, изображающих сражения.[3]

Отношение Надира к религии

Хотя неизвестно был ли Надир шиитом или суннитом в начале[4], кажется несомненным то, что по крайне мере в последние годы своей жизни он не имел настоящих религиозных убеждений. Базин, который дает ту же оценку, как и все, замечал:[5]

«Il seroit difficile de déde quelle Religion il étoit. Plusieurs de ceux qui croyent l'avoir mieux connu, prétendent qu'il n'en avoit aucune. Il disoit quekquefois asssez publiquement qu'il s'estimoit autant que Mahomet et Ali; qu'ils n'étoient si grands que parce qu'ils étoient bons guerries; et qu'aprés tout, il croyoit avoir atteint le degré de gloire qu'ils avoient acquise par les armes».

[1] За эти сведения я признателен мистеру В.Т. Оттвилу, управляющему архивом в индийском офисе. Руководство индийского музея было столь любезно, что позволило мне использовать репродукцию портрета здесь как фронтиспись этой книге.

[2] Русская компания в меморандуме, датируемом 13/24 января 1744 г. отмечал относительно русских расходов на Элтона: «Никто из людей, находившихся с мистером Элтоном, не поступил на службу к шаху за исключением одного Каселя, германского художника, которому он давал жалование в 1000 рублей ежегодно за изображение его сражений». Подробности о том, как Касель (который был полу-англичанином и полу-прусаком) установил связь с Элтоном, смотри Кук, том II, стр.514.

[3] Возможно, что некоторые картины были впоследствии помешены во дворце, построенном Ага Мухаммед Шахом в Сари, который, согласно Керзону (том I, стр.379), «состоял из картин сражений Шаха Исмаила и Надир Шаха».

[4] О доказательствах предположения, что Надир мог быть по происхождению шиитом смотри стр.27, выше.

[5] Базин, стр.318.

У Надира было много недостатков, но религиозный фанатизм не был одним из них; он преследовал шиизм, но он совершал это по чисто светским причинам.

Многое было сказано о попытках Надира объединить суннизм и шиизм, насильственно заставив шиитских подданных отказаться от своей веры. Такая политика полностью игнорировала политику Шаха Исмаила и его преемников, которые во всей полноте оценивали значимость роли, играемой шиитской верой в объединении различных народов Персии в одну нацию. Но в своих взглядах Надир был больше интернационалистом, чем националистом, и его надежды на владычество распространялись далеко по ту сторону границ Сефевидской империи. Поэтому, как уже указывалось, возможно, он собирался стать главой объединенного мусульманского мира.

Надир принял джафаризм, обозначающий пятый толк суннизма, которому персидский народ придавал некоторую форму мистификации; его действия сделали это слово двусмысленным, потому что оно все еще использовалось в его время в чисто шиитском контексте. Джафарус-Садиг, шестой Имам, был известным толкователем шиитского правоведения (фигх) и основал течение (мазхаб) в противоположность четырем ортодоксальным делениям суннизма, которое стало называться джафаризмом после его смерти.[1] Надир намеревался подсластить термин джафаризм суннитской пилюлей, которую большая часть персидских подданных иначе не смогут проглотить; с другой стороны, он и его советчики, должно быть, понимали, что этот термин будет не по вкусу таким яростным суннитам, как оттоманские турки из-за сильной связи с шиизмом.

[1] Статья Eugéne Aubin's *Le Chiisme et la Nationalité Persane*, в *Revue du Monde Musulman*, том IV, No. 3 (март, 1908), стр.463. Следует отметить что, согласно *Qisasu'l-Ulama*, шиитский богослов Бувейхидского периода по имени Саяд Муртаза, стремился убедить Халифа позволить считать шиизм пятым делением Иджма, под названием джафари, таким образом, поставить его в один ряд с Ханафи, Малики, Шафи и Ханбалийской школами, для того чтобы они больше не прибегали к обману (*Taqiyya*). Саяд Муртаза не смог собрать больше половины требуемой халифом суммы в качестве цены за его согласие, и поэтому этот план потерпел неудачу (Доктор Доналдсон, цитируемое произведение, стр.207, на основании сведений Мухаммеда ибн Сулеймана из Туникабуна). Неизвестно были ли какие-то основания для этой истории, или если были, знали ли об этом религиозные советчики Надира или турецкая улема.

Надир очень терпимо относился к своим христианским подданным, в чьи права свободы вероисповедания он никогда не вмешивался; Армянский католикос Абраам в самых ярких выражениях описывает хорошее отношении к нему со стороны Надира, который даже присутствовал на службе в соборе в Эчмиадзине. Позже католикос получил специальное приглашение на большое собрание на муганской равнине, где при его прибытии ему было «оказано особое внимание», и выдано по приказу Надира ежедневное содержание.[1] Надир вызвал возмущение у многих шиитов, переселив большую часть армян из Нахичевани в Мешхед, где к ужасу очень религиозного мусульманина Мухаммеда Казима, им было позволено, открыто исповедовать свою религию и открывать винные магазины.[2]

Надир не возражал против присутствия иностранных миссионеров в Персии; в Исфагане находились несколько иезуитов и кармелитов, и некоторая часть (большинство их, если не все, были иезуитами) находилась в Гиляне. Уже упоминалось о нахождении на службе у шаха Пьера Демьяна и Базина в качестве его лекарей.

Пьер дес Вигнес писал из Джульфы в мае 1744 г., утверждая, что здесь было не меньше двадцати двух православных («раскольнических», согласно ему) и четырех католических церквей; население предместий составляло около 10.000 жителей.[3]

По-видимому, именно во время индийской экспедиции Надира его заинтересовала Сура XLVIII (Суратул Фатх) Корана, где в строфе 29 делается ссылка на Пятикнижье (Taurat) и Евангелие (Инджил).[4] Он спросил Муллу Баши (Али Акбара) сохранились ли Пятикнижие и Евангелие; получив утвердительный ответ, он приказал Мирзе Мехди подготовить их персидский перевод. Должно быть, предварительные шаги были сделаны после письма из Индии, потому что в начале июня 1740 г., Гомбрунский Агент получил от исфаганского «переводчика» письмо следующего содержания:

[1] Католикос Абраам, стр.270.
[2] N.N., стр.336.
[3] Lettres Edifiantes, том IV, стр.364.
[4] Английский перевод этого стиха смотри Коран в переводе Родвела, Лондон, 1911 г., стр.463.

«Шах Надир... приказал муллам сделать перевод Библии, еврейского Талмуда, магометанского Алкорана, которые пришли бы в наш дом (в Исфаган), но он, «переводчик» помешал им».[1]

Пьер дес Вигнес отмечал, что Надир посылал муллу в Исфаган с приказом собрать тех евреев, армян и франков, которые необходимы для работы над переводом.[2] Согласно этому же источнику, работа началась в мае 1740 г. и продолжалась шесть месяцев.[3] Двое римских католических миссионеров, два армянских католикоса, двое ортодоксальных армянских монарха и двое священников взяли на себя обязательства перевести Новый Завет, в то время как раввины перевели Ветхий Завет. Между католическими и ортодоксальными участниками появились некоторые разногласия; поэтому Пьер дес Вигнес, писал:

«мы утешаемся, видя, что почти во всех этих диспутах мусульманин (то есть мулла, руководящий работой) руководствуется исключительно разумом, решает в пользу католических утверждений...».

Коран также был переведен на персидский.

Когда, наконец, работа была завершена, переводчики были вызваны, чтобы предстать перед шахом в Казвине. Римский католикос Бишоп из Исфагана, два католика-миссионера и четверо армянских епископов вместе с руководящим ими муллой направились в Казвин, где Надир их любезно принял и оплатил их расходы на дорогу. Однако он отметил, что у него не было времени ознакомиться с их работой и что так как есть только один Бог, может быть только один пророк. Эти слова сильно расстроили набожных переводчиков, которые надеялись на усиление в связи с их работой христианской веры в Персии.[4]

[1] Gombroon Diary, 4/15 июня 1740 г. Абдул Керим (Bayan, лист 65 (b)и 66 (a)) отмечал, что Надир впервые заинтересовался этим вопросом во время турецкой экспедиции, но это было невозможно; как ясно из Gombroon Diary, что (и как будет ясно из сведений Пьера дес Вигнеса) указания подготовить перевод были получены в Исфагане до начала экспедиции в Бухару и Хиву.
[2] Пьер дес Вигнес, цитируемое произведение, стр.402-404.
[3] Копия персидского перевода Евангелия и, составленная под руководством Пьера Лагарде в Гиляне в 1746 г., находится в Национальной Библиотеке в Париже. Смотри Blochet's Catalogue des Manuscrits Persans... том I, стр.6, No.7.
[4] Пьер дес Вигнес, цитируемое произведение, стр.402-404; смотри также довольно противоположные и менее достоверные сведения кармелитского монарха Леандро ди Санта Сесилиа, в своей *Persia Ovvero Seondo Viaggio..dell'Oriente*, Рим, 1757 г., том II, стр.222. согласно другим источникам, приняв переводчиков, Надир осмеял одинаково христианскую, еврейскую и мусульманскую веру и объявил, что если бог удо-

Мухаммед Мехди ибн Мухаммед Рза Исфаганский отмечает, что однажды Надир беседовал с верующим человеком о рае. После того как верующий человек рассказал о его чудесах и удовольствиях, шах спросил «Есть ли в Рае такие веши,... как война и победа над врагом?». На отрицательный ответ верующего человека Надир заметил: «О каких тогда удовольствиях может идти речь?».[1] Хотя эта история, скорее всего, выдумана, но она, несомненно, звучит ben trovato.

стоил его жизнью, он дал бы человеческому роду лучшую религию чем все то, что было известно до этого времени (смотри, в связи с этим, Ханвей, том IV, стр.216-219, и Оттер, том II, стр.153). В этой связи интересно отметить, что согласно *Histoire de la Russie*, Рамбауда, стр.431, Императрица Елизавета Петровна во время разговоров с британским послом Лордом Хандфордом сказала следующее о Фредерике Прусском: «Il tourne en ridicule les choses saintes il ne va jamais à l'église c'est le Nadir Chah de la Prusse».

[1] *Nisf-i-Jahan fi Tarikh-i-Isfahan*, лист 193 (а).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Англичане в Персии, 1729-1747 гг.

Во время правления Надира, несмотря на свои относительно значительные коммерческие интересы в Персии, Великобритания не имела никаких дипломатических или консульских представителей в этой стране.[1] Голландцы также не были представлены в этой стране, но русские уже долгое время имели резидента в персидском дворе, а также консула в Гиляне. Франция, чье участие в стране было меньше этих всех вышеупомянутых государств, к маю 1730 г. имела консула в Исфагане[2]

Первый контакт Надира с англичанами был, о чем пойдет речь дальше, в ноябре 1729 г. Ханвей отмечает, что он неоднократно замечал об англичанах, что: «они наглые и производят впечатление деловых людей».[3]

К концу правления Надира, за исключением доктора Кука, некоторых офицеров и служащих торгового флота, которые лично владели судами, никто из британских подданных не находился на службе и не имел связи с ост-индской и русской компаниями, посетившими Персию в рассматриваемый период.

Поскольку российская компания до 1739 года не активно интересовалась Персией, в начале будет рассмотрена деятельность ост-индской компании.

[1] Капитан Элтон, возможно в 1743 г., советовал назначить британским консулом одного из британских подданных в Гиляне, но британское правительство не предприняло никаких мер (смотри Ханвей, том II, стр.28).
[2] Учреждения французского консульства в Исфагане и персидского в Марселе относятся к концу правления Луиса XIV и завершились подписанием договора, переговоры о котором вел в Исфагане в 1708 г. французский посол по имени Мишель.
[3] Том II, стр.258.

ЧАСТЬ I

Ост-индская компания

Было бы естественно посвятить, по крайне мере, одну главу официальным донесениям о деятельности ост-индской компании в Персии между 1729-1747 годами. Однако наши рамки позволяют сделать лишь краткое резюме.

В исследуемый период компания содержала ведомства в Гомбруне, Исфагане (некоторое время в значительно меньших размерах), Кирмане и Ширазе. В целом это было крайне неблагоприятным временем для занятия торговлей в Персии. Вторжения афганцев, турков, русских и нестабильное положение во многих частях страны вызвали тяжелый экономический упадок. Когда в результате военных побед Надира, захватчики были вытеснены, а Тахмасп упрочил свое положение в Исфагане, у компании, как и всего общества в целом, появились надежды на стабильность и начала новой эры процветания. К несчастью, эти надежды оказались тщетными из-за того, что Надир не был экономистом, и вскоре стало ясно, что он не уделяет никакого внимания поддержке торговли: как персидской, так и иностранной. Все что ему было нужно, это постоянное обеспечение людьми, деньгами и продовольствием для того, чтобы осуществлять свои военные цели; как уже упоминалось, он, по-видимому, не понимал, что его грабительское отношение стремительно разоряет страну.

Хотя в начале он имел дружеские отношения с исфаганским представителем компании, но вскоре эта тенденция полностью изменилась.[1] В целом, английская и голландская компании находились в плохих отношениях друг с другом, и поэтому ему было легко сталкивать интересы одного с другим.

В то время для компаний было общепринято и необходимо периодически делать подарки важным министрам, правителям и меньшим чиновникам. В этом отношении, голландская компания имела значительное преимущество над своими конкурентами, потому что практически являясь государственным предприятием, она имела большие денежные средства в своем распоряжении. Поэтому они почти

[1] Смотри выше стр.49-50.

всегда проявляли инициативу с подарками, и благодаря своей щедрости им иногда удавалось получить концессии, которые отказывали предоставлять их бедным конкурентам. Более того, английские агенты часто получали выговоры из Бомбея и Лондона за предоставление подарков вообще, хотя при тогдашних обстоятельствах невозможно было добиться расположения влиятельных людей, не применяя таких средств.[1] Для компании являлось несчастьем то, что она около 10 лет вела свои дела с правительством через посредничество Мухаммед Таги Хана Ширази, вероломного бейлербея Фарса.[2]

Компания стремилась добиться от правительства восстановления некоторых привилегий, которые она потеряла[3]; наиболее важными из них было, во-первых, освобождение от таможенных пошлин в Гомбруне, и, во-вторых, получение половины таможенных пошлин, собираемых там. Кроме этого, она претендовала на возвращение займа в 3.000 туманов, предоставленного еще шаху Султану Хусейну, а также компенсации за их различные потери.

Шах Тахмасп показывал расположенность к компании и обещал возместить их потери, но вскоре стало ясно, что он не в состоянии выполнить свои обещания.

Что касается торгового флота, то Надир стремился больше использовать английские и голландские компании; он дал им понять, что они не могут ожидать возмещения за их убытки, пока не удовлетворят его требования в этом отношении. Английской компании, как и голландской, по чисто коммерческим причинам было не выгодно предоставлять свои суда персидскому правительству. Кроме того, они опасались, что если сделают это, то их суда могут быть использованы про-

[1] Письмо из книги № 26 ост-индской компании содержит письмо из Лондона в Гомбрун, датируемое 13/24 марта 1743 г., в котором после яростной ругани из-за расточительства и угроз, на агента и консула налагалась личная ответственность за все излишние расходы сверх установленных цифр, «в том числе и за получение Rogums (рагамов), включающие освобождения от таможенных пошлин, что в противном случае это не представляет ценность для нас или не нужно»; завершалось письмо обычным шаблоном «Ваши любящие друзья».

[2] Оттер (том II стр.86) дает точное описание Таги Хана как «un homme de mauvaise foi et avide de présens». Смотри также письмо, датируемое 18/29 ноября 1739 г., которое Оттер написал Беймонту, Агенту Compagnie des Indes в Гомбрун, лист 48(а), Рукопись 5385 (Nouvelles acquisitions fançaises) в Национальной Библиотеке, Париж.

[3] Подробные сведения об этих привилегиях смотри: Sir W. Forster's England's Quest of eastern Trade (Лондон, 1933 г.), стр.312.

тив турков. Имея фактории в Басре, они опасались того, что турки завладеют их имуществом и в отместку за это станут обращаться плохо с их представителями там. По тем же причинам они опасались за свои суда, используемые против арабов Муската и других местах.

В качестве альтернативы компания выбрала продажу судов Надиру. Затем последовали продолжительные дискуссии между компанией и шахом; первые обещали суда в обмен на восстановление их прежних привилегий, а Надир говорил, что он ничего не сможет сделать в этом отношении, пока не будут удовлетворены его требования на счет флота. Нет необходимости говорить, что он всегда находил какие-то оправдания, чтобы отложить предоставление всех привилегий, о которых просила компания. За свои услуги по строительству судов компания добилась возвращения определенных своих привилегий, особенно временного освобождения от выплаты 1.000 туманов ежегодной таможенной пошлины, получаемой в Гомбруне, а позже заимела вместо этого одну треть таможенных пошлин за перевозку грузов на своих судах[1], но она никогда не получила своей основной привилегии, а именно, освобождения от таможенных пошлин в Гомбруне. Так они считали, что наличие у Надира сильного флота в Заливе[2], не в интересах компании, и были предприняты определенные меры, чтобы помешать «неразрешенной» продаже судов персам, потому что такие продажи, естественно, оказывали неблагоприятное воздействие на их торговые возможности.

Неудачная операция флота во время осады Басры в мае 1735 г., по-видимому, несколько испортила отношения между Надиром и компанией в начале, но острая необходимость в связи с нуждами его флота вынудила Шаха не показывать своего негодования.[1]

[1] Gombroon Diary, 12/23марта 1737 г.

[2] Смотри содержание письма от Bombay Presidency датируемого 21 ноября 1747 г. в H.H. Dodwell's A Calendar of Madras Records, 1740-1744 гг., стр.230. Для того чтобы предотвратить эти продажи, а также помешать усилению персидского флота, Bombay Presidency в 1741 г., решило не позволять ни одному судну проходить в персидский порт до тех пор, пока владелец не возьмет обязательства под угрозой штрафа в 40,000 Rs., что не будет продавать судно персам без разрешения (смотри Dodwell, цитируемое произведение, стр.230.). Несмотря на эти меры в Бушире в январе 1742 г. было продано судно, называющееся «Роберт», без разрешения компании, владелец продал судно за 1.000 туманов, но Таги Хан удержал 150 туманов в качестве своих комиссионных.

Тем временем, в марте 1735 г. фактория компании в Исфагане была практически закрыта. Представитель компании в Исфагане Гикай был отстранен от должности, а ведение дел было передано под руководство Хермета, «переводчика»[2] компании. Основной причиной такой неудачи был упадок торговли и усиливающиеся сложности с возвращением долгов, принадлежащих компании, что было обусловлено с усилением обнищания населения (впоследствии перенос Надиром столицы в Мешхед привел к еще большему ослаблению ведущего положения Исфагана). Более того, проблемы компании с правительством стали причиной для взимания чрезмерных налогов с нее, что послужило еще одной причиной для ее ухода. Снабжение гандахарских экспедиционных войск, как уже отмечалось[3], служило серьезным препятствием для транспортных соглашений компании о перевозке шерсти из Кирмана в Гомбрун, которая в связи с этим задерживалась по причине нехватки верблюдов и мулов.

В феврале 1742 г. Таги Хан еще раз показал свою непорядочность. Незадолго до этого компания передала правительству два судна, за которые она получила 8.000 туманов, ей оставались должны еще 1.300 туманов. Таги Хан частным образом предложил компании не только отказаться от каких-либо дальнейших выплат, но передать ему расписку (которую отправили Надиру) на 10.000 туманов. Так как агент посчитал, что жаловаться Надиру будет не только бесполезно[4], но также усилит враждебность бейлярбея, он пошел на компромисс,

[1] Смотри выше стр.114-115. Компания была совершенно невиновной в этом, но Таги Хан угрожал агенту, что если сведения об этом подтвердятся, Надир «так наденет кольцо на наши уши, что мы вспомним судный день». (Gombroon Diary, 16/27 июля 1735 г.)

[2] Gombroon Diary, 28 марта/ 8 апреля и 2/13 апреля 1735 г.

[3] Смотри выше стр.136-137.

[4] Терпимость Надира к преступлениям Таги Хана вызывает удивление. Как отмечается в Gombroon Diary (13/24 марта 1742 г.), после увольнения его с должности в 1740 г. было обнаружено, что он присвоил 1.500 туманов. Когда об этом сообщили Надиру, он приказал Таги Хану лишь выплатить эту сумму.

согласившись получить еще 800 туманов и отказаться от всех требований на остальные 500 туманов.[1]

Попытки некоторых членов российской компании (смотри часть II этого приложения) упрочить свое положение в Северной Персии и добиться участия в торговле шерстяными товарами, вынудило ост-индскую компанию принять вызов, и в начале лета 1742 г. она направила двух европейских посредников в Исфаган, чтобы открыть факторию на базе прежней.[2] Она также предложила открыть фабрику в Мешхеде, но этот план не был одобрен лондонским руководством.

Новый представитель в Исфагане Пейрсон в июле 1743 г. отправил Хермета в шахский лагерь для того, чтобы еще раз попытаться добиться возобновления привилегий компании; в некоторой степени этот шаг был предпринят в связи с попытками купцов российской компании получить привилегии от шаха. Когда Хермет прибыл в лагерь, он был принят Мирзой Мехди, который сказал, что будет не только бесполезным, но даже неблагоразумным для него появляться перед Надиром, если он не сможет сделать ему соответствующего подарка. Когда он обнаружил, что Хермет не в состоянии сделать подарок шаху, он посоветовал ему вернуться в Исфаган; хотя Хермет предложил Мирзе Мехди 100 туманов, последний отказался что-либо предпринимать, и он был достаточно честен, чтобы не брать взятку.[3]

По причине реквизиции продовольствия и тяжелого налогового обложения, оманская кампания оказала губительное влияние на торговлю в южной части Персии. Восстание Таги Хана в 1744 г. стало еще большим препятствием для торговли. Так в Гомбрунском Дневнике[4] отмечено, что голландцы во взаимодействии с Шахбандаром из Гомбруна составили и направили Надиру документ, обвиняющий ост-индскую компанию в соучастии в восстании Таги Хана. Агент по старинному обычаю *«tu quoque»* предъявил встречное обвинение против голландцев.

[1] Gombroon Diary, 20 февраля/ 3марта 1742 г. Смотри также Оттер, Том II стр.162-163 (однако, он дает неточные сведения об этом происшествии, так как он не знал всех фактов).
[2] Смотри упоминание, в Gombroon Diary от 6/17 августа 1743 г., письмо Пейрсона из Исфагана за 16/27 июля
[3] Gombroon Diary, 20/31 декабря 1743 г.
[4] Ibid., 10/21 апреля 1744 г.

Состояние торговли было крайне неблагоприятным во время последних лет правления Надира из-за того, что его грабительские методы правления стали еще более тягостными, чем раньше.[1] Во время своего пребывания в Кирмане в первой половине 1747 г. он заставил представителя компании в Кирмане Гревеса выдать ему для исфаганского офиса чек на 11.000 туманов, который он отправил исфаганским властям для получения. Когда чек был представлен для уплаты, Пейрсон не имея достаточно денежных средств в руках, чтобы выплатить по чеку, вынужден был занять деньги. Сообщив об этом в Гомбрун, он отметил, что у него большие сложности в получении этой ссуды. Свидетельством неспокойности того времени является то, что минимальные проценты, на которые были заняты деньги в Исфагане, составляли 15 процентов в месяц.[2]

Поведение шаха было столь безрассудным, а условия для торговли столь неблагоприятными, что компания все больше задумывалась над тем, чтобы полностью отказаться от своих персидских дел. Несмотря на это, она продолжила свою деятельность и выдержала этот кризис.

Что до голландцев, то их положение в это неспокойное время было лучше их британских конкурентов. Французская Compagnie des Indes осуществляя двустороннюю политику развития отношений[3] предприняла несвоевременную попытку восстановления своей торговли в Гомбруне в 1740 г.[4] Понеся много убытков от рук Таги Хана (который однажды конфисковал французское судно и потребовал выкуп за капитана),[5] и потеряв своего агента и его помощника из-за болезни[6], компания назначила нового агента по имени Дуплесис, который предпринял неудачную попытку добиться участия в торговле шелком в Кирмане. Понимая тщетность продолжения работы фактории в существующих

[1] Дорилл 5/16 декабря 1745 г. сообщал в Лондон о том, что из-за непрерывных восстаний и волнений «обозначение торговли забыто... в Персии».
[2] Письмо от Пейрсона и Бленда в Лондон, датируемое от 16/27 мая 1747 г.
[3] H. Castonnet des Fosses, Les Relations de la France avec la Perse, Angers, 1889 г., стр.30.
[4] Оттер (том II стр.86 и 87) настоятельно советовал представителям не продолжать этот проект.
[5] Оттер, том II стр.156.
[6] A. Martineau, Le Premier Consulat de France à Bassora.... стр.69. Gombroon Diary, 19/30 октября 1740 г.

условиях[1], компания отозвала Дуплесиса, который покинул Гомбрун в июле 1743 г. Несмотря на то, что фактория была закрыта там, французские суда останавливались время от времени и вели торговлю с купцами в Гомбруне и Бушире.

ЧАСТЬ II

Российская компания

После завоевания Петром Великим прибрежных районов Дагестана и Ширвана и оккупации Гиляна, он попытался стимулировать торговлю и промышленность в своих новых владениях, пригласив англичан для возобновления их прежней торговли с Персией через Россию.[2] Несмотря на то, что ничего не вышло из этого проекта при жизни Петра, более существенный шаг в этом направлении был предпринят в 1734 г., когда был заключен торговый договор между Великобританией и Россией. В статье 8 этого договора предоставлялось право перевозки британскими купцами своих товаров через Россию в Персию, или наоборот, с уплатой трехпроцентной пошлины согласно цене.[3]

Это было до того, как «предприимчивый, но неосторожный англичанин»[4] капитан Джон Элтон совершил свой первый визит в Персию в 1739 г. для восстановления прежних привилегий. Во время нахождения на службе российского правительства в Оренбургской экспедиции, Элтон сделал несколько тщетных попыток перейти из реки Яйиг (Урал) в Аральское море, и оттуда в Хиву и Бухару. Главной целью его путешествия в Персию в 1739 г. вместе с молодым шотландцем Мунго Гремом было развернуть торговлю с «бухаринцами» (так он называл Хиву и Бухару) через Астрабад. В Главе XVIII упоминалось о торговых привилегиях, которые Рза Гули Мирза пожаловал Элтону и Грему

[1] Ibidem. По словам Martineau's, Франция «étaient obliges de subir tous les caprices des autorités locales. Ces caprices étaient souvent déraisonnables, pourtant ils allaient rarement jusqu'à la persecution». Смотри также R. Vadala, Le Golfe Persique, Париж, 1920 г., стр.110.
[2] Ханвей, том I стр.13. Смотри также W. Tooke's View of the Russian Empire under Catherine II (Лондон, 1800 г.), том III, стр.446.
[3] Текст этой статьи дается Ханвеем, том I, стр.47 и 48.
[4] Малкольм, том II, стр.102.

в августе 1739 г., и (в Главе XIX) о путешествии Томпсона и Хогга в Хиву и Бухару в 1740-1741 гг. Оставив Грема вместо себя в Персии, Элтон вернулся в Санкт-Петербург, куда он прибыл в конце января 1740 г. Он передал британским купцам в Санкт-Петербурге радостные сведения, о перспективах торговли с Персией, и в июле 1740 г. он написал меморандум, в котором излагал привилегии, которые, по его мнению, следует получить от российского правительства для того, чтобы вести транзитную торговлю. Он написал еще одну записку для уведомления Эдварда Финча, британского министра в Санкт-Петербурге,
в котором подробно излагал свой план и указывал на выгоды, которые получат английские купцы.[1] Он подчеркивал значимость Мешхеда, который Надир сделал своей столицей, но замечал, что эта торговля менее значительна, чем торговля с «бухаринцами», Кабулом, Гандахаром, Индией и даже Тибетом, но она могла быть продолжена через Мешхед. Он замечал, что для успеха проекта было бы необходимо, чтобы британские купцы имели свои суда на Волге и в Каспии. Расходы, предполагаемые при отправке британских шерстяных товаров через российский путь, продолжал он, несомненно, будут намного меньше, чем стоимость перевозки этих товаров при отправке через Индию или Турцию. В самой Персии положение значительно улучшилось; Рза Гули окончательно подчинил беспокойные туркменские и узбекские племена на северо-востоке границы. Что касается торговых конкурентов, то ост-индская компания покинула Исфаган несколько лет назад, а голландцы хотя и оставались там, но занимались только небольшим бизнесом. Наконец, большую прибыль можно было получить от Гилянского шелка.

Финч отправил копии этого меморандума в Лондон вместе с переводом указа,[2] изданного Рза Гули Мирзой в пользу британских купцов, и 9 августа 1740 г.[3] он сообщил, что российское правительство «высокого мнения об этом проекте и, по-видимому, поощряет его».

[1] Этот текст смотри Gentleman's Magazine, том XII (1742), стр.21-25. (Этот меморандум «великолепный пример», который Ханвей цитирует в своей работе том I стр.35-42).
[2] Перевод этого указа дается в Gentleman's Magazine, 1742, том XII,стр.25 и 26. Смотри также Ханвей, том I, стр.30-33.
[3] S.P., том XXIV

Доводы Элтона произвели значительное впечатление на российскую компанию в Лондоне. Так как ведение торговли в тех рамках, которые он предлагал, предполагало несоблюдение прав Левантской компании, российская компания вступила в переговоры с Министерством торговли[1], в результате чего в 1741 г. был принят парламентский акт[2], который упорядочивал этот вопрос несмотря на противодействие Левантской компании.

Тем временем Томпсон и Хогг отправились из Санкт-Петербурга в Хиву и Бухару. Они благополучно добрались до Хивы, но были задержаны там во время осады Надиром города в ноябре 1740 г. На следующий год Томпсон отправился дальше в Бухару. Он замечает, что, в Хиве и Бухаре нет «иностранных товаров, цена которых соразмерна риску доставки их на рынок ».[3]

Уже были даны подробности того, как Элтон и Вудруф после получения груза товаров от некоторых британских купцов в Санкт-Петербурге (важно отметить, что российская компания не вела торговлю, используя все свои возможности в Персии) прибыли в Персию в июне 1747 г., вызвав недовольство русских из-за их перевозки груза с рисом для персидских отрядов в Дагестане из Энзели в Дербенд.[4] Российские власти начали проявлять беспокойство, когда Элтон стал проводить для шаха исследования северо-восточных берегов Каспия.[5] Затем стали приходить сообщения о поступлении Элтона на службу к шаху и о его судостроительной деятельности для Надира.

Российское правительство выразило протест против деятельности Элтона, но вначале компания считала, что обвинения против него основаны на ложные и злостные рапорты армянских и русских купцов. Некоторые британские купцы в Санкт-Петербурге, которые были заинтересованы в персидской торговле, в связи с усилением протестов отправили Джонаса Ханвея в Персию с поручением расследовать этот

[1] Подробно о проведенном совещании в Министерстве Торговли, смотри Journal of the Commissioners for Trade and Plantations, январь 1734/5 г. – декабрь 1741 г., том XLVIII, стр.346-356, 376 и 377 (Лондон,1930 г.).

[2] Этот документ позволял купцам российской компании импортировать шелк-сырец или другие персидские товары через Россию «при условии, что они будут закупать это в обмен на сукно или другие английские товары, а не на вывоз золотых или серебряных слитков» (смотри Dr.A.C.Wood's A History of the Levant Company, стр.146).

[3] Смотри Journal of Thompson & Hogg у Ханвея, том I стр.351 и 354.

[4] Смотри выше стр.251-253.

[5] Смотри Woodroofe's Journal (у Ханвея, том I, стр.83).

инцидент.[1] Однако остальные торговцы оставались защитниками и сторонниками Элтона.[2] Ханвей подробно описывает свои испытания в Персии и свои переговоры с Элтоном и другими. Как ясно из неопубликованного письма[3], которое он написал из Астрахани, возвращаясь из Персии, он (ноябрь 1744 г.) одобрительно отнесся к планам Элтона и его деятельности, о чем позже написал в своем опубликованном отчете.

Несмотря на российское противодействие, были сделаны некоторые успехи в персидских торговых предприятиях. Была учреждена фактория в Мешхеде, и шерстяные товары, импортирующиеся через Россию и Гилян, начали конкурировать в центральной Персии с товарами ост-индской компании.[4]

Трудности в самой Персии, также как и в России, не появлялись постепенно. В начале 1743 г. товары стоимостью примерно 3.500 туманов были захвачены правительством Гиляна.[5] В ноябре того же года Мунго Грем был убит грабителями в Самнане при возвращении из Мешхеда в Решт.[6] Кроме того, климат, в особенности в Гиляне, вызвал множество болезней; среди британских агентов погибло несколько человек; Ханвей отмечал, что пятеро (из 16) погибло в промежутке 1740 и 1744 гг.[7]

Кроме того, принцип, по которому подсчитывались транзитные пошлины в России, увеличивал их на 7 процентов вместо оговоренных 3 процентов при обращении на российские деньги.[8]

[1] В феврале, 1743 г. Ханвей стал компаньоном Фирмы Dingley and Klencke в Санкт-Петербурге (смотри S.P., том XLIII и Ханвей том I, стр.83).

[2] Кук, том II стр.510.

[3] Это письмо датируется 7/18 ноября 1744 г.; копия этого письма находится в S.P., том XXXVI.

[4] Смотри выше стр.346.

[5] Gombroon Diary, 4/15 января 1743 г. Агент с несомненным удовлетворением отмечал, что «выплата таможенных пошлин (в Персии) не исключает обязанности выплачивать налоги, и не только наши владельцы пострадали в такое беспокойное время».

[6] Ханвей, том II стр.24. Смотри также письмо из Гомбруна в Лондон (видимо написанное в начале 1744 г.), в томе XV. Persia and Persian Gulf records.

[7] Ханвей, том I стр.221.

[8] Этот налог оплачивался в rix-dollars (reichsthalers). Смотри Петицию от российской компании к главе Совета, копия которой была направлена в Вайтхолл в Санкт-Петербург 30 июля. 1742 г. (S.P., том XXXI).

Со временем недовольство российского правительства, в особенности после завершения строительства Элтоном первого судна для Надира, росло.[1] Хотя Ханвею не удалось убедить Элтона разорвать свои отношения с персидским правительством, через Лорда Туравела были предприняты дальнейшие попытки, чтобы вынудить его сделать это.[2] Ему даже была предложена пенсия в 400 фунтов в год (из доходов от персидской торговли) с альтернативными полномочиями в британском флоте.[3] Элтон на неоднократные требования вернуться в Англию, представил указ от Надира, датируемый 21 ноября 1745 г., где отмечалось, что «истинным христианам» не позволяется покинуть Персию; ему было необходимо их присутствие во дворе до следующего Новруза, чтобы «привести наши флотские дела в порядок».[4]

Бакунин, который стал преемником Арапова в качестве российского консула в Реште, в 1745 и 1746 гг. направил в Санкт-Петербург два длинных сообщения, содержащих обвинения против Элтона. Копии этих отчетов, составленные на сильно русифицированном немецком, российское правительство представило Лорду Туравелу и его преемнику Графу Хандфорду.[5] Лорд Хандфорд пришел к заключению, что агитации против Элтона были спровоцированы в основном противниками Бестужева (который был ответственен с российской стороны за заключение договора в 1734 г.).[6] Однако ситуация становилась все хуже и хуже.

По просьбе российского правительства два британских судна на Каспии были проданы российским купцам и соответственно плавали под российским флагом. Следующий шаг был более решительным; указом, изданным в ноябре 1746 г., Императрица отменила транзитные

[1] Находясь в Дербенде, Лерх увидел 18-орудийный фрегат, который построил Элтон. По словам Лерха, Элтон был тогда адмиралом, но он был, номинальным адмиралом при «контр-адмирале», Мирза Мухаммед Хане, который был также правителем Баку. Далее он замечает, что в это время завершалось строительство двух фрегатов и четырех небольших кораблей, в то время как другие суда еще строились. (Büsching's Magazin, том X, стр.404).

[2] Джеймс Охара, Барон Туравлей был чрезвычайным и полномочным послом в Санкт- Петербурге с 1743 до 1745 гг.

[3] Ханвей, том II, стр.34.

[4] Ibid., том II, стр.47.

[5] Лорд Хандфорд, в своем донесении от 22 ноября/3 декабря 1745 г. переслал эти отчеты в Лондон, где они были рассмотрены российской компанией.

[6] Смотри вышеупомянутое донесение Лорда Хандфорда.

привилегии, предоставленные договором 1734 г., и потребовала от британского посла сообщить английским купцам, что они не могут больше отправлять товары в Персию и что им следует немедленно покончить со своими делами там и отозвать своих служащих вместе с имуществом.[1]

Британское правительство заявило протест против этого указа, отметив, что очень несправедливо наказывать тех британских купцов, занимающихся торговлей в Персии, которые не были связаны с Элтоном; тем не менее, российское правительство осталось непреклонным. Несмотря на запрет на их торговлю, некоторые купцы и агенты остались в Персии в надежде на то, что указ еще может быть аннулирован. Однако, в беспорядках, начавшихся в Персии после смерти Надира, они все потеряли; товары стоимостью 80.000 фунтов были украдены.[2] К 1751 г. все британцы за исключением Элтона покинули северную Персию. Что до Элтона, он был убит в Гиляне в апреле 1751 г.[3] Хотя обвинения русских против него во многом были преувеличенными, а иногда и ложными, однако факт остается фактом; с его стороны было необдуманно поступать на службу к Надиру и содействовать ему в создании флота на Каспии, что вызвало беспокойства у России и стало причиной гибели всего предприятия. Так, Ханвей очень точно заметил: «...если мы не сможем перевозить наши товары через российскую империю с позволения этого государства, там не может быть транспортировки вообще».[4] К несчастью, Элтон не смог использовать свой несомненный талант, не принося вреда интересам купцов российской компании. Как уже отмечалось, если бы он смог убедить Надира поручить ему создание персидского флота в Персидском Заливе, он имел бы

[1] Ханвей, том II, стр.74-78. Масштабы деятельности Элтона вызвали возмущение России, о чем свидетельствует тот факт, что впоследствии, в декабре 1762 г., когда граф Букенгейм пытался заключить новый договор в Москве, он сообщал, что относительно вопроса британской торговли с Персией он полагает: «Впечатление, которое оставило неумелое выполнение своих обязанностей Мистером Элтоном, будет очень трудно улучшить». Смотри The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckingham, Ambassador to the Court of Catherine II, 1762-1765 (Лондон, 1900 г.), стр.113.

[2] Ханвей, том II, стр.90.

[3] Ibid., том II, стр.120.Согласно Лерху (Büsching's Magazin, том X, стр.460), Элтон был убит в 1750 г.

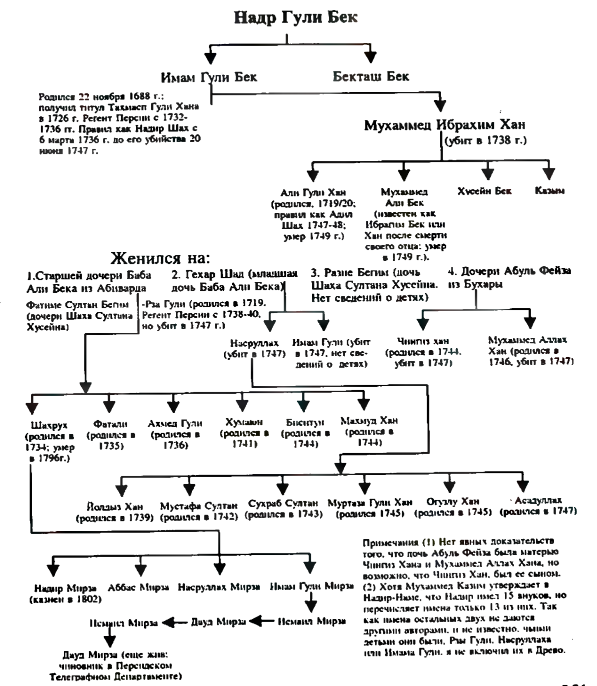
[4] Ханвей, том II, стр.39.

полный простор для своей деятельности, не давая при этом российской компании основания для недовольства.

После всего сказанного ясно, что если бы Элтон даже не сделал бы ничего, вызвавшего недовольство России, это предприятие все равно было бы обречено на неудачу в связи с событиями, которые произошли в Персии.

Приложение II

Генеалогическое древо Надир Шаха и его потомки

ПРИЛОЖЕНИЕ III

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Основная часть документальной информации о Надир Шахе, на первый взгляд, беспорядочна из-за своей многочисленности и огромна из-за своей многоязычности. Однако при изучении этой огромной массы материалов можно отбросить значительную часть этих работ (а это их добрая половина), так как они просто пересказывают более ранних авторов.

Это Приложение содержит в себе сведения, относящиеся к основным авторам, которые я для удобства разделил на две группы, а именно, на восточные и европейские; менее важные авторы упомянуты в Библиографии.

Я попытался по мере возможности использовать работы современников, как восточных, так и европейских; когда они были недоступны, я обращался также к работам поздних авторов, таких как Сер Джон Малколм, Соловьев, Броссет и т. д., так как они использовали первоисточники, которые или больше не сохранились, или труднодоступны.

А. – Восточные авторы

I. Мирза Мухаммед Мехди Каукаби Астрабади

Несмотря на утверждение покойного профессора Бартольда, что в будущем история Мухаммеда Казима[1] об эпохе Надира будет иметь большую значимость, чем «Тарихи Надири» Мирзы Мехди, я по причинам, которые раскрою позже, отдаю предпочтение последнему автору.

Мирза Мухаммед Мехди Каукаби Астарабади, как видно из его полного имени, был уроженцем Астрабада. Кроме того, что его отца звали Мухаммед Нашир, о его семье ничего нам не известно. Нам не известна также точная дата его рождения; возможно, он родился в конце XVII века.

[1] Смотри стр.360 ниже.

Будучи родом из северных районов страны, он в совершенстве знал турки (чагатайский или восточно-турецкий). В предисловии к своей турецкой грамматике и словарю (называющемуся Мабанил Лугат или Санглах) он отмечает, что с раннего возраста восхищался турецкими поэмами Мир Али Шира Наваи и что у него «было неописуемое желание понять их смысл; и так как это желание в некотором смысле было исполнено, он решил собрать все трудные слова и составить из них словарь».[1] Мирза Мехди, несомненно, имел хороший вкус, если восхищался поэзией Наваи, так как он в свое время был (844-906 по хиджру - 1440/41-1500/01 гг.) самым известным поэтом и писателем, писавшим на турецком и персидском языках, особенно на первом.[2]

Мирза Мехди не отмечает, когда он впервые встретил Надира, или когда поступил к нему на службу. Так как он был родом из Астрабада, возможно, он в начале служил у Фатали-Хана, главы местных эшигбашских каджаров, которого, может быть сопровождал в Сари, когда каджарский глава встречал там весной 1726 г. Тахмаспа; в таком случае, Мирза Мехди мог встретиться с Надиром в первый раз в следующую осень в Кабушане; все это, однако, является только предположением. В связи с непосредственным знанием состояния государственных дел за этот период, очевидно, в 1726 г. или несколько позже Мирза Мехди занимал определенный пост во дворе Тахмаспа.

Возможно, в самом начале своей службы он занимал у Шаха должность писца рагамов (шахский приказчик) или каллиграфа шахского секретариата, главой которого он впоследствии стал, с титулом Мунши ал-Мамалик или Государственного секретаря (буквально значит секретарь государства). Именно он составил в январе 1731 года предисловие к брачному контракту Рза Гули, старшего сына Надира и Фатимы Султан Бегим, одной из дочерей Шаха Султана Хусейна.[3]

[1] Смотри Мистер (теперь Сер) И. Денисон Росс отредактированное предисловие к его изданию Мабанил Лугат (Калькутта, 1910), стр.ii.

[2] Наваи, который был министром Тимуридского правителя Абул-Гази Хусейни Гератского, «сделал больше других для усиления чагатайско-турецкого литературного языка» (Браун «Персидская литература при татарском владычестве», стр.453); кроме того, Наваи как и его современник Джами, оказал значительное влияние на османскую поэзию в XVI веке. Помимо того, что он был известной литературной личностью, он также был великодушным покровителем таких людей, как поэт Джами и художник Бихзад.

[3] Смотри стр.63 выше.

Только после коронации Надира (8 марта 1736 г.), Мирза Мехди был назначен главным историографом.[1] Католикос Абраам описывает его как «умного, кроткого, ласкового, внимательного и снисходительного мужчину».[2] Он очень подходил для этой новой должности, так как на своей прежней должности был хорошо осведомлен обо всех важных событиях, происходивших при дворе, и он имел едва ли не единственную в своем роде возможность узнать некоторые подробности о детстве Надира. Представители ост-индской компании в Персии, которые вели с ним многочисленные дела в связи с попытками компании добиться восстановления своих привилегий, считали его полезным и честным человеком.

Мирза Мехди занимался не только своим историческим трудом, он также выполнял секретарские и другие обязанности во дворе. Несмотря на его многочисленные служебные обязанности, ему удавалось, как он сам отмечал, находить время и силы, чтобы работать над своим Санглахом.[3]

По-видимому, если Мирза Мехди находился бы в Персии при беспорядках, которые последовали после убийства Надира в 1747 г., он бы умер; но к счастью для него, он, как уже отмечалось, был направлен с дипломатической миссией в Константинополь еще в предыдущий год и не возвратился в Персию пока не стихли беспорядки.

Дата его смерти, так же как и дата его рождения, не известны, есть данные, свидетельствующие, что он жил в 1172 или 1173 по хиджру (1758/59 или 1759/60 гг.).[4]

Его следует отличать от двух других (более или менее) современных ему авторов, известных также как Мирза Мехди. Один из них был Абул-Муфакир Низамуд-дин Мухаммед Гаджи ал-Хусейн ас Сефеви, автор Дияа-ал-Уюн, научного труда о мистических чертах мухаммедских пророческих знаков и о магической силе и влиянии некоторых отрывков и букв Корана[5] и, Маджмуа-и-Мехди Хани, краткой

[1] Католикос Абраам, стр.312.
[2] Ibid., стр.305
[3] Mabani'l-Lughat, стр. iii.
[4] В конце Санглаха есть две хронологии, каждая из которых, очевидно, означает дату завершения этой работы; в одной из этих хронограмм дается 1172 год, а в другом 1173 год по хиджру; неизвестно, какая из этих дат точная (смотри Rieu *Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum* Лондон, 1888 г., стр.265).
[5] Смотри заметки Эте в его работе I.O. *Catalogue of Persian* MSS №2272.

истории индийской кампании тимуридов, составленной в 1142 по хиджру (1729-1730 гг.). Отец этого Мехди Хана был Мир Мехди Хан (смотри лист I (b) рукописи индийского ведомства № 2272); и об этом упоминается в бодлианской копии этой работы (Бодлианская рукопись №1563), которая была составлена в Хейдарабаде в 1114 по хиджру (1702-1703 гг.). Этот Мехди Хан был, несомненно, очень пожилым человеком.

Другой Мехди Хан (чье первое имя было Мухаммедом) был родом из Тебриза; несколько удивительно, что он, как и его тезка Астрабади, составил на персидском языке грамматику вместе со словарем турецкого языка. Его работа, однако, охватывает турецкий разговорный язык, который используется в Азербайджане и в других местах Персии; также известно, что он написал эту работу после 1198 по хиджру (1783 г.)[1]; поэтому он был намного моложе, чем автор Санглаха и Тарихи-Надири.

Тарихи-Надири, это широко известная официальная история, написанная Мирзой Мехди Ханом Астрабади[2] – единственная подробная работа, содержащая сведения хорошо осведомленного современника Надира, и охватывающая всю жизнь Надира. В ней содержатся подробные описания многочисленных кампаний и других важных событий; в этом труде очень много подробностей, которые находят подтверждение в других источниках за некоторым исключением. Поэтому не будет преувеличением заметить, что этот труд представляет исключительно достоверный источник, на который можно основываться при исследовательском изучении жизни и деятельности Надира. Несмотря на это, книга не лишена недостатков. Как официальный историк, Мирза Мехди не мог писать в точности о действительно происходивших

[1] Смотри Rieu *Catalogue of Persian MSS in the British Museum*, стр.988. Сер Денисон Росс, на стр. vi редактированного предисловия к Мабанил Лугат Мирзы Мехди Астрабади замечает, что эта грамматика и сопровождающий ее словарь Санглах, намного лучше вышеупомянутой работы.
[2] Сама эта работа не имеет названия, но со времен Мирзы Мехди она известна как Тарихи-Надири, так, его современник Мухаммед Казим отмечает эту работу под этим названием. Иногда ее называли Тарихи-Джахан Гушаи-Надири (например, в Тарихи-Зандия; Британского музея Add MS.26, 198). Ее не должны путать с персидским переводом Фразера Истории Надир Шаха, Абул-Гасым Хан Наширул-Мюлка, которая также называется Тарихи-Надири или Баяни-Ваги, Абдул Керим Кашмири, который иногда использует это название (Смотри Профессор Storey's *Persian Literature: a Bibliographical Survey*, секция II, выпуск 2 стр.326 и 329).

событиях, а описывал их, так как его господин хотел бы, чтобы они представлялись; он был панегириком, а не критиком, и поэтому неудивительно, что эта книга содержит некоторые преувеличенные утверждения и искажения действительности; кроме того, некоторые важные эпизоды полностью опущены. Несомненно из-за обстоятельств, при которых эта работа была написана, в ней дается недостаточно информации о характере Надира, и она не проливает свет на истинный характер его религиозных убеждений. Однако боязнь недовольства своего господина вряд ли может быть причиной того, что Мирза Мехди почти не говорит относительно создания, развития и эксплуатации надировского флота; причина, почему он не дает никаких сведений относительного этой интересной темы, не известна. Наконец, его сообщения о некоторых походах Надира искажены неопределенностями, а в некоторых случаях, очевидными неточными географическими сведениями, что крайне усложняет их исследование (например, его описание маршрута Надира из Керманшаха в Зохаб и Туз Курматли и оттуда по направлению к Багдаду в декабре 1732 г.)[1]; трудности, к которым привели эти пробелы, усиливаются многочисленными ошибками в названиях местностей, а бомбейское и тебризкое литографические издания усиливают сложности, связанные с этим недостатком. К сожалению, не существует аккуратно отредактированного и хорошо отпечатанного текста Тарихи-Надири.[2]

Мирза Мехди завершил эту работу после своего возвращения из Константинополя в 1747 г.; во время его отсутствия Надир был убит, и поэтому он мог, наконец, писать без страха. В своих заключительных страницах он красочно описывает страшные изменения в характере и поведении Надира после ослепления Рза Гули Мирзы (о чем до сих пор не упоминал) и об ужасах последних лет его управления. К сожалению, он не переделал полностью свою книгу, по-видимому, он занялся исключительно составлением Санглаха.[3]

---

[1] Смотри стр.80-81.

[2] О списке основных рукописей Тарихи-Надири и литографированное персидское издание, а также перевод на французский, германский и т. д., смотри Professor Storey's *Persian Literature: a Bibliographical Survey*, секция II, выпуск 2 стр.322- 324.

[3] Возможно, по этим же причинам Мирзе Мехди не удалось (насколько известно) осуществить свой замысел и написать историю периода, последующего за смертью Надира; в конце Тарихи-Надири он отмечает, что намеревался это сделать, но оставил только краткое описание короткого и беспокойного правления Адил Шаха.

Несмотря на чрезмерное употребление временами гиперболических выражений (особенно при описании ежегодных празднеств Новруза) и наводящих тоску частоповторяющихся цветистых эпитетов при упоминании Надира и его войск, стиль Мухаммеда Мехди в Тарихи-Надири не является неприятным. Его запас слов огромен, и интересно заметить об использовании им множества монгольских и турко-монгольских военных выражений, что свидетельствует о том, что эти выражения в его время все еще использовались в Персии. Он также неоднократно употреблял грузинские слова. Несомненно то, что он был хорошим лингвистом, владел персидским, турецким и арабским языками.[1]

Прежде чем завершить тему о Тарихи-Надири, следует заметить, что он был переведен Сером Вильямом Джоносом Френчем.[2] С первого взгляда, Джоноса можно сильно раскритиковать за многочисленные искажения имен, что портит его перевод, а также за его крайне неточный перевод большинства мухаммедских дат. Однако следует иметь в виду, что задание перевести Тарихи-Надири было возложено на Джоноса, и что он не хотел этого[3], кроме этого, он не был знаком с Персией. Вдобавок ко всему, в это время не было точных карт этой страны, на которые можно было ссылаться, а книг было в недостаточном количестве. Даже сегодня, со всеми существующими сейчас возможностями трудно перевести Тарихи-Надири так, чтобы перевод был бы полностью лишен ошибок; основной причиной является то, что некоторые

---

[1] Абуль-Хасан ибн Ибрагим Газвини, лист (а) Fava'id-I-Safaviyya (Британский Музей MS. No. Add. 16698), дает необычную критику Мирзы Мехди: «Авторство Тарихи-Надири принадлежит Мирзе Мехди, а ее коррекция – Али Аскеру. Мехди не знал арабского, придерживался светского образа жизни, (то есть был неверующим), Дуррей-Надира также его сочинение». Как отмечает Сер Денисон Росс (смотри стр.vii в его предисловии к Мабанил Лугат), трудно представить, как человек, не знающий арабского, мог написать Дуррей-Надира; в Тарихи-Надири даже есть несколько арабских фраз и цитат. Обвинения в атеизме, по-видимому, были также необоснованны, как и утверждения, касающиеся Али Аскера (чье имя я нигде больше не встречал).

[2] Этот перевод, называющийся Histoire de Nader Chah, traduite du persan par ordre de sa Majeste le Roi de Dannemark, был впервые опубликован в Лондоне в 1770 г. Когда Карстен Нейбухр, датский путешественник и писатель, посетил Шираз в 1765 г., он купил копию Рукописи Тарихи-Надири; при возвращении в Данию он подарил эту рукопись Kongelige Bibliotek в Копенгагене, где она все еще находится. Джонес сделал перевод именно с этой рукописи.

[3] Смотри стр.316-320 предисловия Джонеса в его Introduction to the History of Life Nadir Shah, в томе XII его работы, Лондон, 1807 г.

упоминающиеся названия трудно сейчас установить. Что касается дат, то во время Джоноса не существовало таких переходящих таблиц, как Вюстенфельд.

В 1773 г. он опубликовал сокращенную английскую версию своего французского перевода; в этом же году Т.С.Гадебуш опубликовал свой германский перевод французского перевода Джоноса в Грейфсвалде, а позже Царевич Давид (сын последнего грузинского царя Георгия XII) сделал его грузинский перевод (смотри B.Dorn's Catalogue des Manuscrits et Xylographs de la Bibliothèque Publique de St. Petersbourg, 1852 г., стр.293).

Вторая работа Мирзы Мехди о Надир Шахе «Дуррей-Надира», хотя и является памятником его учености, но она также и показатель его плохого вкуса. Труд написан очень сложным стилем, созданным Вассафом в IV в. по хиджру. Текст столь перегружен трудными арабскими словами, что почти неразборчив даже для хорошо образованных персов; непонятно, как это могло заинтересовать такого безграмотного человека, как Надир. Если перифразировать метафору Мирзы Мехди, он своим многословием и педантизмом дает в этой книге возможность свободного движения темпераментному коню (*tausan*); в Тарихи-Надири автор милостиво сдерживает коня за исключением ежегодных новрузовских галопов.

В Дуррей-Надира нет того, чего невозможно найти в Тарихи-Надири [1]; однако, его можно использовать для проверки географических названий и дат, дающихся в Тарихи-Надири. Кажется совершенно невероятным, что она когда-либо будет переведена на европейские языки, это было бы пустой потерей времени и сил.

Существуют некоторые образцы рукописей Мирзы Мехди. Известно, что он составил письмо, в котором Надир сообщал Рза Гули о победах в Карнале; возможно, что именно его перу принадлежит план надировского письма к Мухаммед Али Хану, бейлербею Фарса, и нет никаких сомнений, что именно он составил основной договор, который Надир заставил подписать Мухаммед Шаха в Дели. Муншаати-Мехди, опубликованный в Тегеране в 1285 по хиджру (1868-69 гг.), содержит некоторые другие письма, написанные Мирзой Мехди.

[1] Преамбула свадебного контракта Рзы Гули Мирзы, которая, как выше на стр.61 отмечалась, есть в Дуррей-Надира, не содержится в официальной биографии.

II. Мухаммед Казим из Мерва

Кроме автобиографических подробностей, которые иногда Мухаммед Казим дает в ходе своей работы, о нем больше нет никакой информации. Насколько известно, о нем не упоминает ни один из его современников или поздних персидских авторов.

По тому утверждению, что ему исполнилось 16 лет в 1149 г. по хиджру, можно заключить, что он родился в 1133 г. по хиджру (1720/1 гг.). Его отец был одним из верных последователей и товарищей брата Надира Ибрагим Хана; уже упоминалось об обстоятельствах, при которых Мухаммед Казим поступил на службу к хану в Азербайджане уже в 16 лет, и таким образом, ему удалось избежать судьбы Ибрагима в 1738 г. Отец Мухаммеда Казима умер в Азербайджане во время его службы там, он взял с собой тело назад в Хорасан, а когда вернулся, похоронил его в Мешхеде перед отъездом в Мерв.

Прибыв в Мерв, он поступил на службу к бейлербею. Когда этот чиновник в ответ на приказ, данный Надиром всем главным чиновникам и знатным лицам государства встретить его в Хорасане при его возвращении из Индии, направился в этот город, Мухаммед Казим входил в его свиту. Из Герата он сопровождал Надира в экспедицию в Бухару и Хорезм; он отмечает, что во время пребывания в Кханге, был так занят в дафтар-хане (канцелярии), что не мог выйти оттуда. Вместо того чтобы сопровождать Надира в Дагестан, он участвовал в карательной экспедиции против кунгратского племени, и вернувшись в Мерв, он был назначен визирем арсенала, отдела артиллерийских орудий, верблюд и конюшни мулов. Благодаря активным приготовлениям, предпринимаемым по приказу Надира для военных экспедиций в Восточный Туркестан, Коганд и возможно Кашгарию, этот пост был очень значительным. Он красочно описывает беспокойство, которое он вместе со всеми другими чиновниками чувствовал во время аудиенции Надира, но он был одним из немногих счастливцев, заслуживших одобрение тирана, а не его гнев. Он сопровождал Бехбуд Хана в его экспедиции в Самарканд и позже в 1747 г.; отмечают, что он написал тридцать из семидесяти писем, которые командующий направил оттуда в города Туркестана. Заключительная часть третьего (последнего) тома описывает остальные события этой экспедиции и отступление персидской армии, после того как стало известно о смерти Надира; это часть повествуется сыном автора, который, должно быть, в это время

был очень юным. Дата смерти Мухаммеда Казима точно не известна. Рукопись датируется 2 Сафара 1171 г. (16 октября 1757 г.) тогда, если бы он еще был жив, ему было бы не больше 37 лет.

Что до самой книги, первый том, к несчастью, утерян, но известно, что в ней рассказывается о жизни Надира с момента его рождения до начала 1736 г.; во втором томе, известном как Китаби-Надири, делаются частые ссылки на первый том и цитируются отрывки из него. Сведения для этого первого тома и части второго тома, возможно, были собраны отцом Мухаммеда Казима.

Насколько известно, единственная существующая рукопись второго и третьего тома (известного соответственно как Китаби-Надири и Надир-Наме) находится в Институте Востоковедения (Восточном Институте) в Ленинграде. Директор и библиотекарь Школы Восточных Исследований были так любезны, что позволили мне сфотографировать копии этой ленинградской рукописи. Согласно профессору Бартольду, рукопись была по-видимому куплена у еврейских торговцев, потому что нумерация станиц второго тома сделана на еврейский лад.[1]

Китаби-Надири, состоящая из 327 листов или 654 страниц, начинается сведениями о курултае на муганской равнине и коронации там Надира в 1736 г., затем сообщается о его бахтиаритской, афганской, индийской, туркестанской и дагестанской кампаниях и наместничестве Рза Гули Мирзы. Завершается она событиями во время подготовки Надира к атаке на турков весной 1743 г.

Надир-Наме, состоящая из 251 листа, или 502 страниц, начинается с того, с чем завершается повествование в предыдущем томе; здесь даются сведения о месопотамской кампании Надира, восстаниях в Хорезме, Фарсе (мятеже Таги Хана) и Астрабаде, совете улемы в Наджафе, о заключительном этапе войны с Турцией, об ухудшении здоровья и психического состояния Надира, о его ужасных жестокостях, об экспедиции Бехбуд Хана в Самарканд, о систанском мятеже и его подавлении, о восстании Али Гули Хана и, наконец, об убийстве Надира и его сыновей в 1747 г.

Дающиеся выше сведения о жизни Мухаммеда Казима показывают, что он был достаточно осведомлен, чтобы давать достоверные сведения о событиях в Хорасане, Туркестане, Центральной Азии и

[1] Смотри статью профессора Бартольда «О некоторых восточных рукописях», в Известиях Академии Наук, Петроград, 1919 г., том II, стр.927.

очень коротко в Азербайджане. Профессор Бартольд считал, что его история о правлении Надира превосходит все другие источники, не исключая официальную биографию Мирзы Мехди.[1] При всем уважении к профессору Бартольду, я не могу не считать, что это утверждение слишком преувеличено. Труд Мухаммеда Казима, безусловно, очень ценен и интересен, но, несомненно, качество работы не совсем удовлетворительно. Описывая события, сведения о которых он получал из первых рук или даже из вторых, он часто проливает свет на такие моменты, которые другие авторы оставляли без внимания; например, поведение Рза Гули Мирзы во время его наместничества, причину, подвергшую его в немилость, и убийство экс-шаха Тахмаспа и его двух сыновей. С другой стороны, изложение им событий, происходивших на значительном расстоянии, часто оставляли желать лучшего. Его сведения об индийской кампании Надира ошибочны и местами фантастичны; так как он не находился близ Индии дальше Герата, ему приходилось собирать по мелочам все свои сведения от чиновников и своих знакомых, поэтому его версии о происходивших событиях – «бивачный костер» разнообразия. Так Сер Ядунат Саркар точно характеризует это в письме, адресованном им мне; он замечает, что эта часть книги Мухаммеда Казима показывает нам «Клио в домашнем платье, в то время как Муза истории на страницах Мехди представлялась в своем чрезмерно официальном наряде». Сведения Мухаммеда Казима относительно событий в Персидском заливе и Дагестане, очень часто неточны. Кроме того, в его работе недостаточно дат (некоторые из которых к тому же неточны), а повествование отрывочно и разбросано, поэтому сложнопрослеживаемо. Наконец (но это не по вине Мухаммеда Казима) отсутствует первый том его сочинения. После тщательной оценки заслуг и недостатков двух работ, я решил вопрос в пользу Тарихи-Надири, хотя вполне допускаю, что в определенных отношениях Китаби-Надири и его продолжение лучше.

Очевидно то, что Мухаммед Казим использовал Тарихи-Надири, когда составлял свою собственную работу. Он ссылается на нее несколько раз, а в некоторых случаях приводит (как правило, не упоминая) целые отрывки; некоторые из них он вставлял дословно, в то время как другие он слегка пересказывал.

[1] Бартольд, цитируемое произведение, стр.927.

По-видимому, Мухаммед Казим любил наблюдать за игрой жонглеров, фокусников и акробатов. Он дает в Китаби-Надири (стр.490-492) очень подробные описания удивительной ловкости ходока идущего по туго натянутому канату в Мешхеде, во время развлечений, устраиваемых Рза Гули Мирзой в период своего наместничества; он также описывает как через несколько лет, когда Надир принимал российского посла, был показан фокус, который, по его мнению, был очень похож на индийский канатный трюк (Надир-Наме, стр.329).

Его слог витиеват, но хуже слога Мухаммеда Мехди в Тарихи-Надири. Его описания битв шаблонны, отсутствует разнообразие, и очень устаешь, читая сцены ужасных кровопролитий, когда всегда текли реки крови, и неизменно были нагромождены горы трупов. Временами он прерывался стихом в стиле Фирдоуси, используя мутагарибский размер. Его орфография (или орфография его переписчика) отнюдь не совершенна, в особенности, относительно арабских слов. Нет никаких сомнений, что Мирза Мехди был лучшим ученым и лингвистом. Но несмотря на все это, сочинение Мухаммеда Казима имеет важные преимущества, и нам повезло, что копия этой работы сейчас доступна в нашей стране.

III. Мухаммед Мухсин

Мухаммед Мухсин, Amil-I-Divan из Исфагана, был мустауфи или главным казначеем Надир Шаха. В предисловии к своей всеобщей истории, называющейся Зубдатут-Таварих («Сливки Истории»), он отмечает, что Надир приказал ему составить труд для пользования его старшим сыном Рза Гули Мирзой. Работа была составлена в 1154 г. (1741/1742 гг.) после возвращения Надира из Бухары и Хорезма и незадолго до ослепления несчастного принца.

В Зубдатут-Таварих повествование начинается с Адама, но подробное изложение начинается со времени прихода к власти последних сефевидов. Реу несомненно прав, говоря что последняя глава о сефевидах представляет «особенную важность, так как содержит сведения современников об упадке сефевидской династии и возвышении Надир Шаха вплоть до принятия им шахского титула»[1].

[1] Смотри его Supplementary Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, Лондон, 1898 г., стр.24 и 25.

Хотя Зубдатут-Таварих не такое подробное произведение, как Тарихи-Надири, но тем не менее, оно содержит некоторые подробные сведения, которые нельзя найти в первой работе; а часть, относящаяся к отношениям между Шахом Тахмаспом II и Надиром, достойна особого внимания.

Хронология, возможно, из-за небрежности переписчика, часто ошибочна[1], а беспорядочное расположение некоторых глав или параграфов создает путаницу.[2] Автор совершает большую ошибку, когда утверждает, что Багдад сдался Надиру после второй осады города вслед за разгромом и смертью Топал Османа Паши.[3] Несмотря на эти недостатки, этот труд является одним из важных источников современника о раннем периоде жизни Надира, и следует только сожалеть, что сочинение прерывается его вступлением на трон в 1736 г. По-видимому, это сочинение было написано не под влиянием «Тарихи-Надири».

IV. Шейх Мухаммед Али Хазин

Тадкиратул-Ахвал[4] Шейха Хазина имеет важное значение для исследования истории эпохи Надир Шаха, так как автор был одним из немногих людей, обладавших культурным и литературным вкусом, живших и уцелевших в это неспокойное время.[5]

Шейх подробно описывает опустошения и разорения, до которых Надир довел страну, для которой он в начале был спасателем. Для него, действительно, было страданием видеть, как угнетается персидский

[1] Некоторые из дат афганских войн даются с ошибкой на два или три года, а в некоторых случаях, в поздней рукописи профессора Брауна (No. G. 15 in A Descriptive Catalogue of the Oriental MSS. принадлежащих к покойному E.G. Browne.....Кембридж, 1932 г.) там, где оставлены свободные места, должны быть вставлены даты. Эта рукопись более разборчива, чем та, которая находится в Британском Музее (O.R.3498).

[2] Подробные сведения о восстании Мир Вейса и афганских войнах, следуют за главой, посвященной совету на муганской равнине и выступлении Надира на престол.

[3] Смотри, лист 217 (b).

[4] Персидский текст был отредактирован Ф. С. Белфордом и опубликован в Лондоне в 1831 г.

[5] Лутф Али Бек Адхар, автор Аташ-Када, в части этой работы, называющейся Ахвали-Муасирин (Положение Современников), отмечает отсутствие писателей и поэтов в это время: он говорит, «Отсутствие души и беспокойное положение (дел) приводят к тому, что никто не расположен читать поэмы или писать их».

народ, это вынудило его отправиться из Персии в Индию в 1734 г.[1] Будучи сторонником законной сефевидской династии, он восхвалял доблесть Надира как военного лидера, и в своей версии индийского похода он не относится несправедливо к Завоевателю. Описание Шейхом сражений Надира не представляет никакой ценности. Он не был очевидцем сражений, о которых пишет; являясь всем, кем угодно, только не воином, он всегда находил для себя какие-то оправдания уклоняться всякий раз, когда надвигалось столкновение армий.

Здесь не даются биографические подробности Шейха Хазина, потому что их можно найти в английском переводе Ахвал Ф.С.Белфора. Абдул Керим Кашмири, автор Баяни-Ваги (смотри параграф V, ниже) и Саяд Гулам Хусейн Хан Табатабаи, который написал Сиярул-Мутаакирин, использовали Ахвал при написании своих работ.

V. Хаджи Абдул Керим Кашмири

Абдул Керим, сын Агибата Махмуда Кашмири, автор Баяни-Ваги, прежде чем приступить в этой работе к описанию своих наблюдений во время службы у Надир Шаха, посвящает несколько страниц происхождению завоевателя и его подвигам во время индийского вторжения.[2] Хотя часть Баяна и не основывается на личные наблюдения и знания, это сочинение, тем не менее, представляет большую ценность. Автор не опасаясь недовольства Надира, пишет свободно и без преувеличений о его скромном происхождении; кроме того, он дает интересные подробности о его личной жизни и анекдотические эпизоды о нем, чего нельзя найти в официальной биографии Мухаммеда Мехди. Абдул Керим отмечает, что он получил свои сведения от старых товарищей шаха; он говорит, что если есть какие-то ошибки в его повествовании, то это их вина, а не его[3]; некоторые его сведения получены из Ахвала и других произведений Шейха Хазина.

---

[1] Смори Ф.С.Белфорд, английский перевод Ахвала, называющийся Жизнь Шейха Мухаммеда Али Хазина, стр.251. Белфорд в предисловии к своему переводу, цитирует (на страницах v и vi) некоторые строки из Баяни-Ваги Абдул Керима, которые он переводит следующим образом: так, «известный человек заметил, что язык Шейха по этому вопросу не заслуживает внимания, потому что они (Надир Шах и он) враждуют друг с другом и почтенный шейх из страха перед ним (Надир Шахом) предпочел Индию как место для своего проживания». Личность этого «известного человека» неизвестна.

[2] Смотри лист 4 (a)-15(a). Персидская рукопись Add. 8909 в Британском Музее.

[3] Лист 101 (b).

Часть Баяна, основанная на личных наблюдениях автора, начинается со сведений о пребывании Надира в Дели, где Абдул Керим находился в это время. Желая совершить паломничество в Мекку, он поступил на службу к шаху и сопровождал персидскую армию на обратном пути в Персию и в туркестанской кампании; прибыв в Казвин, он получил разрешение от шаха сложить с себя обязанности и отправиться в Мекку.

Абдул Керим предоставляет некоторые подробности о возвращении армии в Персию и завоевании Бухары и Хорезма, о чем не упоминает ни Мухаммед Мехди, ни другие авторы, в то время как его описание тяжелых испытаний войск при прохождении через Куррамскую долину в декабре 1739 г. и их подобного опыта при переходе Гургана через 15 месяцев, повторяют официальные сведения.[1] У талантливого индийского врача Алави Хана (которого Надир взял к себе на службу в Дели) он узнал подробности о физическом и психическом состоянии шаха, и его пометки в отношении этого представляет безусловный интерес.[2]

Полного английского перевода Баяни-Ваги еще нет. В 1798 г. Франсис Гладвин опубликовал в Калькутте свои *Мемуары Ходжи Абул Керима*, но его перевод (который мог быть и лучше) начинается с выступления Надира из Дели, а вся начальная часть пропущена. Лейтенант Х.Г.Притчард перевел эту начальную часть и большую часть, которая уже была переведена Гладвином для Сера Х.М.Элиота[3], но только сравнительно небольшая часть перевода Притчарда была опубликована.[4]

VI. Мирза Мухаммед Ширази

Мирза Мухаммед, сын Абдул Гасыма, написал свое Рузname или автобиографию в 1200 по хиджру (1785/1786 гг.), когда он был уже пожилым человеком. Профессор Сеид Нафиси из Тегерана, владеющий рукописью этой автобиографии, был так любезен, что прислал мне копию, напечатанную на машинке.

---

[1] Лист 32 (a) и 61 (b).

[2] Смотри лист 66 (b) и 99 (b) .

[3] Перевод Притчирда (в рукописи) находится в Британском Музее, Add.30782, лист 64-112.

[4] Выдержка из этого труда дается в «The History of India as told by its own historians», Элиота и Доунсона, Лондон, 1877 г., том VIII, сведения о Надире есть на стр.126-132.

Первые двадцать одна страница этой напечатанной на машинке копии посвящены испытаниям и приключениям автора и его семьи во время афганского правления и возвышения Надира. Он упоминает о многих событиях в Фарсе и, прежде всего, в Ширазе; интересны и его сведения об изгнании Надиром афганцев из этого города. Он отмечает, что с установлением порядка в первые годы правления Надира опустошения, вызванные афганцами в Ширазе и вокруг него, были восстановлены, а сады и плодородные земли в окрестностях стали возделываться снова.

Естественно, что Мирза Мухаммед подробно описывает восстание Мухаммеда Таги Хана Ширази в 1744 г. Фасаи, автор Фарс-Намеи-Насири[1], ссылается на Мирзу Мухаммеда как одного из своих источников при описании этого восстания. Мирза Мухаммед оплакивает страшную судьбу Шираза и его садов в результате этого восстания, но замечает, что наказание, которому Надир подверг Таги Хана, было чрезмерным.

Остальные

Сер Джон Малколм в своей Истории Персии дает перевод отрывков из некоторых персидских рукописей, очевидно современников, упоминающих о Надире; к несчастью, он не всегда отмечает имена этих авторов. Интересно было бы знать, существуют ли еще эти рукописи, и если да, то где они находятся.

Рамки этой работы не позволили мне дать в отдельности сведения о различных индийских авторах (за исключением Абдул Керима Кашмири), которые писали о Надире. Многие из этих авторов ограничивали свое внимание вторжением Надира в Индию; на некоторых из этих авторов делаются ссылки в сносках, которые также будут упомянуты в Библиографии.

В. – Европейские источники

I. Документы в Государственном Архиве

Несмотря на то, что переписка между Уайтхалом и британским дипломатическим представительством в Константинополе и Санкт-

[1] Смотри стр.193, Тегеранское литографическое издание, опубликованное в Дхул-Гада, 1312 г. по хиджру (апрель/май 1895 г.).

Петербурге в течение 1729-1747 гг.[1] касалась в основном дел в Турции и России, но тем не менее, она также содержит множество упоминаний о Надир Шахе.[2] Донесения из Константинополя часто имели в качестве приложения официальные сообщения (на итальянском языке) из Порты в иностранный дипломатический корпус в этом городе относительно войны с Персией; в то время как сообщения из Санкт-Петербурга иногда сопровождались переводами донесений от Калушкина, российского министра при дворе Надир Шаха, и письмами от российских командующих на границах Персии и Турции. Кроме того, сами донесения описывали реакцию османского и российского дворов на сообщения, которые они получали о неудачах Надира; дополнительные сведения можно найти на страницах вон Хаммера и Соловьева.[3]

В переписке между северным департаментом и представителями в Санкт-Петербурге большое место уделялось британской торговле с Персией через Россию, и основная часть была посвящена разногласиям с Эльтоном и трудностям российской компании там, например, меморандум самого Эльтона, который стал причиной обвинений против него Бакунина в Реште, а также до сих пор не опубликованное письмо по этому вопросу, написанное Джонасом Ханвеем в Астрахани в ноябре 1744 г., и многие другие интересные документы. Материалов, относящихся к проблеме британской транзитной торговли с Персией, действительно, так много, что в работе, рассматривающей, прежде всего, Надир Шаха, можно использовать только относительно небольшую их часть. Вопрос о британской транзитной торговой связи с Персией через Россию заслуживает отдельного изучения.

II. Донесения ост-индской компании

В архивах британской ост-индской компании в индийском офисе находится большое количество информации, относящейся к периоду Надир Шаха. Большинство из них не только невозможно найти где-либо в другом месте, но и огромная их часть еще никогда не была ис-

[1] Полный список этих представителей с датами их назначений и переводов из России и турецкой столицы можно найти у Д.Б.Хорна British Diplomatic Representatives, опубликованная Camden Society, Лондон, 1932 г., стр.111-115 о России и стр.152-153 о Турции.

[2] Санкт- Петербургские донесения (и многие ответы из Лондона) содержатся в серии S.P. 91, тома с X до XLVI (1728-1748 гг.), в то время как константинопольские донесения в серии S.P. 97, тома с XXV до XXXIII.

[3] Смотри отдельные примечания, относящиеся к этим двум историкам.

пользована. Непосредственный интерес этих сведений, в некоторой степени по существу касающихся Надир Шаха, находятся в Гомбрунском Дневнике, где агенты в Консульстве Гомбруна повседневно вели записи о деятельности и сделках компании в этих местах, и помимо этого, упоминали о многих событиях, которые происходили в других местах. Тома IV (1728-1737 гг.), V (1737-1746 гг.), VI (1746-1752) из серии Персия – Персидский Залив, отчетов индийского офиса, включают части Дневника, охватывающего исследуемый период. Том XV этих серий (охватывающий период 1729-1752 гг.) состоит из большого числа писем агентов консульства в Гомбруне и представителей компании в Исфагане, Басре и т. д., которые дополняют сведения, содержащиеся в Дневнике, и в некоторой степени позволяют преодолевать затруднения, встречающиеся при расхождениях в этом документе. Эти расхождения были вызваны тем, что некоторые части Дневника были утеряны, когда пираты захватили судно, перевозившее их из Гомбруна в Бомбей.[1]

Дополнительные сведения можно найти в бомбейских документах компании, но так как их очень много, и они, естественно, относятся в основном к Индии, то нелегко получить необходимые сведения. Дж.А.Салданха в своей работе, называющейся «Избранные из Государственных Бумаг» (Калькутта, 1908 г.), частично использовал бомбейские документы, но его труд незавершен и искажен большим числом отпечатков. Дополнительные сведения можно найти в Суратском Коммерческом Дневнике и в Консультациях.

Гомбрунский Дневник и письма, находящиеся в томе XV, проясняют отношения компании с персидским правительством, флотскую политику Надир Шаха и ход событий в Персидском Заливе, а также события в Исфагане, Кирмане, Ширазе и Басре, где компания имела представителей. Там имеются самое наглядное описание персидских попыток захвата Басры в 1735 г. и 1743 г. и ценные сведения об отношениях между персидским правительством и арабами залива, о кампании в Омане и о планах Надира установить персидское военно-морское превосходство в Заливе. Эти сведения временами вызывают жалость при чтении, так как личный состав часто подвергался тяжелым испы-

[1] Часто затрагиваемые периоды 27 июля 1738 – 16 августа 1739 г. и 31 июля 1744/ 17 августа 1745 г.

таниям и большому риску. Большая их часть погибла от болезней, а один служащий был убит во время беспорядков.

Хотя эти сведения очень ценны в отношении дел, относящихся к сфере представителей компании, но, тем не менее, их следует использовать с некоторой осторожностью при рассмотрении событий в других частях Персии или Турции.

Таким образом, огромное количество фактов можно достать из архивов голландской ост-индской компании; я очень сожалею, что не смог исследовать эти голландские сведения.

III. Джеймс Фразер

В.Ирвин, в своей короткой статье, называющейся «Некоторые заметки о Джеймсе Фразере »[1], характеризует труд Джеймса Фразера «Надир Шах»[2] как «полученный из первых рук вклад в историю этого периода, значимый не только по причине повествования ее с ранних периодов, а еще по причине содержания в нем множества подлинных документов, которых нигде больше нельзя найти». Однако следует сделать некоторые оговорки относительно отрывков из «первых рук», потому что Фразер никогда не был в Персии, и хотя он был в Индии во время похода Надира в эту страну, но лично не встречался с завоевателем.

Насколько можно установить, Фразер служил в качестве Клерка в Сурате, Камбее, и ахмедабадских факториях ост-индской компании с 1730 г. до 1740 г.[3]

[1] J.R.A.S., 1889 г., стр.214-220.

[2] Из Gentleman's Magazine, за январь 1742 г. становится ясно, (стр.56), что первое издание появилось в этом месяце; ценою 4 шиллинга. Второе издание было опубликовано в марте 1742 г.

[3] Dictionary of National Biography. Я не мог обнаружить в суратских архивах какие-то упоминания либо о прибытии Фразера туда в 1730 г., либо о его отъезде оттуда через 10 лет (он вернулся в Англию в 1740 г., для того чтобы подготовить к публикации свою книгу); однако, известно, что он пробыл в Сурате большую часть этого времени. Он не стал членом Совета Сурата до своего возвращения туда в октябре 1743 г.; о его назначении туда упоминается в письме из Сурата в Лондон, датируемом 31 октября этого года (смотри Индийский Офис, том IB, называющийся *Bombay Letters Received-20 января 1735 г.- 8 апреля 1758 г*). Он вернулся из Индии в 1750 г. или 1751 г. и жил в Reeling, Inverness-shire, где стал помещиком после смерти своего отца; он умер в 1754 г.

В предисловии Фразер отмечает (стр.iv), что во время последних лет его (первого) пребывания в Индии (то есть с 1737 г. до 1740 г.), он «вел переписку с персами и моголами, находящимися там (в Патне), и эта переписка касалась экспедиций Надир Шаха». В продолжении он замечает:

«Сведениям[1] о первых успехах Надир Шаха я обязан джентльмену, живущему сейчас в Англии, который несколько лет находился в Персии, говорил на этом языке и часто встречался с этим завоевателем».

Дневник[2] ведения его дел в Индии с письмами и передачей информации, был отправлен из Дели Секретарем Сирбуллинд (Сарбуланд) Хана, которого Надир назначил одним из уполномоченных собирать контрибуцию с Мирзы Могола, сына Али Мухаммед Хана в Ахмедабаде, который был моим близким другом и передал их мне».

Фразер не упоминает имени своего информатора, но он отмечает (стр.128), что этот человек отправился из Персии в Индию в феврале 1737 года. Очевидно, что человек, о котором идет речь, находился на службе в Ост-индской компании; исследуя Гомбрунский Дневник, я обнаружил, что Вильям Коккел, агент в Гомбруне, перешел из этого места в Бомбей 9/20 февраля 1737 года[3], больше ни один из служащих компании не был направлен из Персии в Индию в этом месяце. Учитывая все эти факты, а также положение Коккела и его знания, нет никаких сомнений, что он был информатором Фразера. Он был резидентом компании в Исфагане во время последних лет правления Ашрафа и в продолжение правления шаха Тахмаспа II, и несколько раз лично встречался с Надиром, а также с Шахом Тахмаспом. В мае 1733 г. он был назначен агентом в Гомбруне (Бендер Аббас), где находился до своего перевода в Бомбей в феврале 1737 г. Добравшись до Индии, Коккелу была дана должность в Консульстве Гомбрунского Округа, и вероятно, что именно во время своего нахождения в Бомбее он встретился или, во всяком случае, вступил в переписку с Фразером.

---

[1] Смотри стр.71-128 труда Фразера.
[2] Смотри стр.152-223 труда Фразера. Я не мог установить, что случилось с оригиналом рукописи, с которой Фразер сделал свой перевод. Его нет среди рукописей Фразера, которые сейчас находятся в Бодлианской Библиотеке, вероятно, он отдал рукопись своему другу Док. Миду.
[3]*Gombroon Diary*, 9/20 февраля, 1737 г., в томе IV Persia and the Persian Gulf сведения об ост-индской компании в индийском офисе.

Хотя принято считать, что «Отчеты» Коккела являются достоверным источником, относящимся к раннему периоду жизни Надира, однако при внимательном изучении оказалось, что и они не лишены ошибок. Действительно, при тщательном анализе неоднократно встречаются такие сведения о Надир Шахе, по которым их авторы вполне могли бы делать неверные утверждения или пренебрегать значительными фактами, если только они не описывали события, свидетелем которых они сами были или цитировали ipsissima verba некоторых надежных очевидцев. Следует иметь в виду, что Персия – это страна, где высокие горы или огромные пространства пустыни разделяли многие главные центры, такие как Исфаган и Мешхед; во время правления Надира средства связи между такими центрами часто были затруднены и являлись опасными, в особенности во время волнений. И поэтому очень сложно сказать, что в Исфагане получали точные сведения о ходе событий в Мешхеде или наоборот.[1] Часто распространялись домыслы, и их нередко принимали за правду.

Учитывая то, что Надир провел очень мало времени в Исфагане с 1729 до 1733 года, возможно, что Коккел составил свои Отчеты, частично из рассказов людей, которые были не достаточно компетентны, чтобы давать ему эту информацию. Неправдоподобно, чтоб он получил какие-то сведения от самого Надира; во время своего пребывания на службе в Исфагане, отношения между ним и Надиром носили, за исключением начального этапа, напряженный характер.

Но, хотя существовала определенная враждебность в сведениях Коккела, с одним можно согласиться, что достоверны, интересны и ценны его личные описания, характеризующие Надир Шаха, которые также даются в книге Фразера.[2] Интересно сравнение его описания внешнего вида и характера Надира с тем, что приводит Шевалье де Гарден, который был французским консулом в Исфагане с 1727 г. по 1730 г.[3]

---

[1] Сравни комментарии Агента в Гомбруне о несколько удивительном слухе, который был распространен в этом городе в октябре 1739 г.: «Несомненно, невозможно считать правдоподобными слухи в этой стране без действительных доказательств». (*Gombroon Diary*, 20-31 октября 1739 г.).
[2] Смотри стр.271-280.
[3] Смотри примечание в Разделе 5, ниже Ла Мами-Клерак и его источники.

Фразер перевел[1] различные письма и дневники Мирзы Заман Хана с персидского. Здесь излишне говорить, что эти переводы дают дополнительные сведения об индийской кампании и о событиях в Дели во время нахождения там Надира в 1739 г.

IV. Джин Оттер

Работа Оттера «Путешествие в Турцию и Персию в связи с экспедицией Тахмаспа Кули Хана» была опубликована в Париже в 1748 г. в год его смерти. Однако, неизвестно точной даты выхода в свет его книги: до или после его смерти, что случилось 26 сентября.[2]

В своем предисловии Оттер отмечает, что он получил материалы для исторической части своей работы из рукописей, воспоминаний и из разговоров с «хорошо осведомленными людьми»: От Абдул-Баги Хана, персидского посла в Порте и членов его свиты (в чьей компании Оттер путешествовал из Константинополя в Персию в 1736/7 г.г.). А сведения о некоторых подробностях жизни Надира, он получал от людей в Исфагане и в других местах. Он заявляет, что его сведения об экспедициях Надира, особенно в Индию, основаны на утверждениях действительных очевидцев, и кроме того, это находит подтверждение в «*'Relation en Langue Persane écrite à Dilli l'an 1153 de l'hégire*» (это «Повествование» сейчас невозможно найти). Описание Оттером происхождения Надира, его выселения из Келата своим дядей, его первых военных успехов и последующих неудач и остальные сведения Коккела так похожи на сведения в «Надир Шахе» Фразера, что (хотя он не признавал этого), должно быть, основная часть сведений была взята из этой книги.[3]

Эта часть труда Оттера и его описание индийской экспедиции как не совсем точна, так и не очень интересна. Наиболее ценная часть его книги – его описание того, что он сам видел и слышал. Он подробно описывает свое путешествие из Турции в Исфаган, свое проживание в

[1] Что касается знания Фразером персидского языка, то представляют интерес следующие выдержки из Surat *Diary and Consultations*, том XXIV, стр.69 (датируемые 31 декабря 1739 г.): «Руководитель попросил Мистера Фразера, который хорошо владел персидским языком, перевести наш Фирмаунд (фирман), так как очень часто ведя дела в Дурбаре, мы испытывали сложности в объяснении некоторых вещей, переводы, которые делались раньше в Офисе, не были столь же точны, как те, которые теперь делает Мистер Фразер» (затем дается текст его перевода).

[2] *Nouvelle Biographie Generale*, Париж, 1862 г.,том XXXVIII, стр. 953.

[3] Смотри Фразер, стр.71-88, и Оттер, том I, стр.298-302.

этом городе около полутора лет, свое путешествие в Басру и возвращение во Францию через Месопотамию. Сопровождаемый переводчиком он мог свободно говорить со всеми людьми, с которыми встречался; во время своей беседы с крестьянами в Персии, он узнал об их ужасном положении, о нищете, которая была вызвана (1739 г.) непрерывными поборами Надира. Он дает подробные сведения об Ахмед Паше Багдадском, его методах удерживания арабских племен под контролем и его отношении с Надир Шахом.

За исключением сведений о Басре и ее окрестностях, опубликованная работа Оттера представляет меньшую значимость в качестве источника о Заливе, чем Гомбрунский Дневник и письма агентов ост-индской компании.

Национальная Библиотека имеет две копии *Журнала* Оттера и несколько других документов в рукописях, которые несколько отличаются от его опубликованной работы; эти рукописи содержат другие ценные сведения о Надир Шахе, об истории Персидского Залива в это время и о делах индийской компании.

При возвращении Оттера с Востока в 1744 г., ему был дан пост переводчика в Библиотеке Рои и профессора по арабскому языку в Académie des Inscriptions. J.P. de Bougainville, автор параллелей между Александром и Надир Шахом был высокого мнения об Оттере, чью работу он в значительной степени использовал при написании своей собственной работы. Интересные подробности о карьере Оттера есть у Монсеньера Омонта в его *Missions Archéologiques françaises en Orient aux XVIIe et XVIIIe siécles* (Париж, 1902) стр.680-683, 160-766 и 786.

V. Ла Мами-Клерак

«*Histoire de Perse, depuise le Commencement de ce Siécle*» Луиса Андре Ла Мами-Клерак (Париж, 1750 г.) хорошо подготовленное и внимательно собранное сочинение. Хотя автор никогда и не был ближе Константинополя к Персии (где он был с 1724 г. по 1727 г.), но он получил от побывавших там друзей и через своих знакомых французских дипломатических и консульских чиновников[1] основную часть сведений относительно Персии.[2] Основная часть его труда касается афган-

[1] Он знал среди других хитрого дипломата Маркиза де Бонака, М.Д'Андрезелья, Маркиз де Вилленюа и брата вышеупомянутого.

[2] Ла Мами-Клерак также использовал некоторые работы, такие как Версию о мемуарах Крусинского Cerceau, *Relation* of Pére Renal, the *Relazione della di Rivoluzioni di*

ского восстания и вторжения, а также другим событиям, предшествующим возвышению Надира; автор фактически подводит повествование к концу 1730 г., поэтому в этой работе есть лишь незначительные сведения, относящиеся к Надиру. В последней части его третьего тома, озаглавленного *Mémoires pour la Continuation de cette Histoire*, он опубликовал некоторые письма и донесения, которые получил через своих знакомых дипломатов и других друзей; эти документы подводят его записи к событиям до 1739 года (с некоторыми пробелами). Наибольший интерес в этих документах представляет *Extrait de la Relation de M. Le Chevalier de Gardane.*[1] Де Гарден, как и Коккел, встречался с Надиром после того, как последний вытеснил афганцев из Исфагана и занял город для Шаха Тахмаспа. Шевалье, в своем *Extrait* дает более подробные сведения о характере и достижениях Надира, которые следует читать вместе со сведениями Коккела.[2]

Среди других документов можно отметить:

• *Lettre sur Tahmas-Kouli-Kan, écrite de Constantinople le 8 Septembre 1736.* Это письмо дает краткое, но неточное очертание незнатного происхождения Надира и занятия им видного положения, кроме того, там упоминается о его дружеских отношениях с некоторыми французскими капуцинскими монархами; сведения в этом письме, как отмечается, были получены от армянского купца, который знал Надира лично.[3]

• Различные сообщения и письма, относящиеся к кампании в Месопотамию в 1733 г., включая перевод донесений Ахмед Паши и Топал Османа Паши.[4]

• Сведения о завоевании Индии, основанные на французский перевод Verdadeira Noticia[5] французским авантюристом по имени de Voulton[1], а также некоторые письма частного характера.

Persia (который я не видел) Сера Джозефа, грузина, который был переводчиком во французском консульстве в Исфагане, и т. д.

[1] Том III,105-109 (смотри на стр.51 сноску 3, и стр.57-58 выше)

[2] Смотри Фразер, т 227-234.

[3] Том III, т.339-347.

[4] Ibid., стр.300-347.

[5] Я включил в *Bulletin* of the School of Oriental Studies, том IV, часть II, стр.223-245, аннотированный перевод португальского текста (опубликованного в Лиссабоне в 1740г.) Voulton's *Noticia*; согласно этому тексту, оригинал находится в Персии. Когда я делал этот перевод, я не знал что ла Мами де-Клерак использовал *Noticia*.

Ла Мами-Клерак, приложив большие усилия, указал свои источники, предваряя каждую часть своей работы библиографическими подробностями.

Ла Мами-Клерак умер 6 мая 1750 г., в год, когда была опубликована его «История Персии». Несмотря на его интерес к Персии, он не написал больше книг о Персии, по-видимому, все свое время он уделял своим обязанностям в качестве военного инженера и подготовке работ, связанных с этим.[2]

VI. Джонас Ханвей

Ханвей, как уже отмечалось, является главным английским источником о Надир Шахе[3], и последующие авторы, как британские, так и иностранные, очень часто ссылаются на его Путешествия.[4]

Однако, когда тщательно анализируешь сюжет труда Ханвея, обнаруживаешь, что он имеет неровный характер. Если все написанное им, его личные впечатления, его ссылки на дневники и утверждения других мемуриастов о том, что они сами перенесли или были свидетелями достойны большого внимания, то это нельзя отнести ко всем тем его утверждениям, которые были взяты из предшествующих работ или сведений, получаемых им из уст других людей.

[1] Култру в свои *Dupleix: ses Plans, Politiques: sa Disgrace: Etude d'Histoire Coloniale*, Париж, 1901 г., стр.173, дает некоторые подробности об интересной жизни Voulton; подробную информацию об этом можно найти в письме Роберта Орме к Лорду Холдернесу, датируемом 11 марта 1755 г. (смотри стр.274, Orme MSS, рукописи в Библиотеке Индийского Офиса.)

[2] Только первая часть одной из этих работ была опубликована. Она появилась через семь лет после смерти автора и называлась *L'Intgénieur de Campagne, ou Traité de la Fortification Passagére* (Париж,1757 г.); Ла Мами-Клерак умер до того, как он смог закончить вторую часть. Английский перевод заключительной части впоследствии был опубликован в Лондоне.

[3] Доктор Самуэль Джонсон не был высокого мнения о Ханвее. После публикации обширного труда Ханвея, An Eight Days' Journey from London to Portsmouth, доктор заметил: " Джонас приобрел известность за границей, но потерял всю славу, вернувшись домой» (Босвел Johnson, том II, стр.122). Враждебность Джонсона еще больше усилилась после « *Essay on Tea*» Ханвея (Доктор не всегда был последовательным, он восхищался глубокими знаниями шотландского врача и его остроумием. Доктор Джон Арбутнот, так же, как Ханвей, считал питье чая вредным).

[4] Впервые опубликовано в Лондоне в 1753 г. в 4 томах. Ссылки в этой книге сделаны на первое издание.

Он красноречиво описывает свои приключения во время восстания в Астрабаде[1], интерес представляют и его описания лагеря Надира, который он посетил, чтобы попытаться добиться возмещения убытков. Однако он никогда не беседовал с Надиром, которого лишь однажды видел мельком.[2]

Весьма удачно, что Ханвей посчитал нужным сделать в своей работе выдержку из дневников Элтона, Вудруфа, Томпсона и вон Мьеропа, так как весьма вероятно, что если бы он этого не сделал, то большая часть их содержания совсем не сохранилась бы.

Почти весь свой третий том Ханвей посвятил истории двадцати лет, предшествовавших возвышению Надира, но эти сведения не были результатом действительных исследований, и являлись лишь сокращенным переводом того, что Ла Мами-Клерак написал;[3] кроме того, в наиболее используемом французском переводе оригинал был испорчен большим числом библиографических записей. Принимая во внимание ту меру, в которой Ханвей использовал «Историю» Ла Мами-Клерак, то его признательность к этому автору кажется недостаточной.[4]

Основными источниками Ханвея при исследовании жизни Надира в конце индийской кампании были Фразер (или вернее, Коккел) и Оттер. Относительно периода с 1741 г. по 1744 г. он узнал очень ценные сведения от Элтона, Базина и других европейцев, которых встретил в Персии, а также он получил часть сведений от персов и, возможно, большую часть своих данных о последних трех лет жизни Надира от тех своих товарищей, которые оставались в Персии после его отъезда. Часть информации была получена от Док. Джона Кука из Эдинбурга, который находился в посольстве под руководством М.М.Голицына, которого императрица Елизавета направила в Персию в 1746 г.[5]

[1] Travels, том I, стр.192-219.
[2] Ibid., стр.243.
[3] В третьем томе Ханвея, части со II до V аналогичны первому тому *Histoire*, Ла Мами-Клерак, в то время как части с VI до VIII аналогичны второму тому этой работы.
[4] Смотри стр.xii его предисловия в томе I.
[5] Доктор Кук отдал Ханвею свой дневник, выдержки из которого последний опубликовал в своем первом томе (смотри стр.360 по 378 и 385 по 391). В своей последующей работе, Voyages and Travels through the Russian Empire, Tartary and part of the Kingdom of Persia (Эдинбург, 1770 г.), том II, стр.299-301, Кук резко критикует Ханвея, особенно его отношение к Элтону. Хотя некоторая критика Кука оправдана, в общем, он заходит слишком далеко; основной причиной его недовольства было то, что Ханвей после включения большей части его (Кука) дневника, добавил «иезуитские сочинения» (то есть сочинения Базина). Кук говорил, что Ханвею «следует подумать и провести сознательную границу между человеком чести, которому ненавистна ложь и иезуитом, человеком, чьи действия губительны для общества».

Несмотря на тот факт, что его книга состоит из некоторых ошибок и что она не основывается ни на какие достоверные восточные источники, такие как Тарихи-Надири, это очень значительная работа. Он прерывает свое повествование многими трезвыми замечаниями и в целом дает очень беспристрастную оценку характера Надира. Его труд является важным источником истории британской торговли с Персией через Россию, но следует принять во внимание его предубеждение против Элтона. Его хронология, хотя и не совершенна, но лучше хронологии Джонеса.

VII. Пьер Базин

Луис Базин родился 24 мая 1712 г. в Авранчесе. В январе 1731 г. он начал свое послушничество и через 4 года завершив свое богословское обучение и получив определенные знания по медицине, отправился из Франции в Персию.[1] С 1741 г. Базин непосредственно следил за событиями в жизни Надира. Ханвей встретил его в Реште в феврале 1744 г.[2] и снова в Лахиджане в августе; в последний раз Базин оказал Ханвею медицинскую помощь.[3] В декабре 1746 г. он был назначен главным врачом Надира и оставался с ним до его убийства. В феврале 1751 г. он находился в Бандар Аббасе, ожидая судна, которое отвезло бы его во Францию. В 1767 г. он отправился в Китай; он умер в Пекине 15 марта 1774 г.

Два письма, которые Базин написал в Бандар Аббасе от 2 февраля 1751 г. Пьеру Роджеру, Procureur-Général des Missions du Levant, было опубликовано в *Lettres Edifiantes*[4], а также в *Missions du Levant*. В первом письме он довольно коротко описывает жизнь Надира до начала лезгинской кампании в 1741 г.; с этого момента и далее его повествование более подробно и принимая во внимание его особое положение во дворе во время последних шести месяцев жизни Надира, они представляют большой интерес и ценность для изучения этого периода.

[1] Эти скудные подробности взяты из первого тома *Catalogue de la Compagnie de Jesus*, отцов Августина и Алоэс де Бакер.
[2] Ханвей, том I, стр.225.
[3] Ibid., том I, стр.325.
[4] Опубликована в томе IV, стр.277-353 (Париж, 1780 г.).

Палатка Базина была разбита напротив палатки, в которой пал Шах в ночь на 20 июня 1747 г., и ему с трудом удалось спастись в беспорядках, последовавших после убийства Надира. Схематический план лагеря Надира, составленный Базином, имеется в *Lettres Edifiantes*. В своем втором письме он описывает последующие события в Персии вплоть до казни Адиль Шаха в 1749 г.

Хотя Базин был, несомненно, важным автором при изучении правления Надира, его сильно критиковал не только Кук, но также ученый Лангле; последний обвинял его в чрезмерной благосклонности к Надиру и в умолчании ужасного замысла Шаха убить персов в своей армии; Лангле завершает свое замечание словами:

«Le silence de ce missionnaire ne peut balancer les autorités que je viens de citer (Hanway, Mirza Mahdi and 'Abdu'l-Karim) il sert seulement à caractériser l'esprit jésuitique et sacerdotale».[1]

Хотя Лангле справедливо обращает внимание на умолчание Базином ужасного плана Надира, но он игнорирует тот факт, что Базин везде в своих сведениях без колебания упоминает о жестокой политике, проводимой Надиром. Что до Кука, то его предубежденность к иезуитам была вызвана только религиозным фанатизмом.

VIII. Сергей Соловьев

Хотя Соловьев жил в более позднее время, чем Надир, его включение в это приложение объясняется большим количеством материалов современников, которые он обнаружил в российских архивах и использовал в составлении тех частей истории России, которые относились к русско-персидским отношениям в исследуемый период.

Соловьев тщательно изучил массу сообщений от российских дипломатических, консульских и военных представителей, находящихся в Персии или на ее границах. Особый интерес представляют многочисленные сообщения от Калушкина, который сменил принца Сергея Дмитровича Голицына в качестве российского представителя при дворе Надира в 1735 г.

История Соловьева также представляет интерес в отношении британской торговли с Персией через Россию и разногласий с Элтоном.

[1] Langlés's *Notice de la Perse Voyages de la Perse dans l'Inde.*

IX. Мари Фелисет Броссет

Броссет, как и Соловьев, принадлежал к позднему поколению авторов, но он также работал в государственных архивах в Москве и использовал многочисленные материалы той эпохи. Несомненно, известность ему принесла его большая работа «История Грузии», в которой он дает также перевод истории Секхнии Чхеидзе, Царевича Вакушта и Папуаны Орбелиана. Эти истории содержат разностороннюю информацию, относящуюся к связям Грузии с Персией во время правления Надира. Броссет включил туда также перевод интересного письма, относящегося к вторжению Надира в Индию, которое Ираклий Грузинский написал своей сестре Анне на обратном пути из Дели в 1739 г.[1]; есть некоторые подробности отношений Надира с Царем Теймуразом и Ираклием в Броссетском переводе Омана Керколидзе «Жизнь Ираклия»[2] и в его *Matériaux pour sevir à l'histoire de la Géorgie*.[3]

В заключение следует отметить перевод Броссетом очень ценного первоисточника, армянского католикоса Абраама Крета, написавшего о событиях, последовавших непосредственно после коронации Надира и о самой церемонии коронации.[4]

X. Вон Хаммер-Пургсталл

Нет необходимости подчеркивать здесь значимость труда вон Хаммера Geschichte des Osmaniscchen Reiches. Благодаря вон Хаммеру, сведения официальных турецких историографов и других авторов о кампаниях Надира против Турции и о его дипломатических отношениях с этой страной, стали легкодоступными европейским читателям. Исчерпывающие исследования вон Хаммера позволили составить довольно завершенную мозаику этого исторического периода, как видно, большей частью под турецким углом. Естественно то, что не имея доступа ко многим персидским и другим неперсидским источникам, кото-

[1] Смотри, том II, часть II, стр.354-363.
[2] Смотри Ibid., том II, часть II, стр.205-210.
[3] Опубликована в Санкт-Петербурге в 1841 г., в Mémoires, Sciences et Politiques, серия VI, том V, стр.165-315.
[4] Смотри, Бросет Collection d'Historiens Arméniens, Санкт-Петербург, 1876, том II,стр.259-338.

рые доступны теперь, вон Хаммер мог допускать некоторые ошибки[1], но они относительно редки малочисленны.

XI. Другие источники

В дополнение к выше упомянутым источникам европейских современников, значительная часть статей и книг о Надире появилась в Европе во время его жизни, часть из которых собиралась на основе необоснованных фактов, в то время как другие абсолютно фантастичны. Германский автор, который называл себя «Pithander von der Quelle», замечал о событиях, происходящих между 1734 и 1736 гг., что неизвестно какого французского, германского, английского и брабанчонского происхождения[2] был Надир, в то время как другие доказывали, что он шотландец или ирландец (его последующее имя Тахмасп Гули Хан привело одного остроумного человека к предположению, что его действительное ирландское имя было Тахмас О'Келии, который, отправившись в Персию, изменил свое имя на «Тахмас Кули»).[3]

В библиографии указываются книги о Надире: де Клатре, ди Серсё, ле Маргне и других.

Один из первых европейцев, встретившихся с Надиром, был греческий путешественник Басил Бататзес, который утверждал, что имел несколько «тайных бесед» в Мешхеде с будущим завоевателем, очевидно, в 1728 г. Бататзес отмечает, что когда он покинул Мешхед, Надир вручил ему фарман и деньги, чтобы оплатить расходы на его путешествие, и передал ему несколько посланий для Генерала Левашева, командующего в это время российскими войсками в Гиляне в это время.

Бататзес не стал давать подробных описаний Надира и его успехов, потому что, как он говорил, он уже сделал это в подробной биографии. Однако, этот труд не сохранился; его прочитал в 1809 г. Д.Д.Филиппидес в 1809 г., который семь лет спустя опубликовал свои

[1] Например, его путаница между экспедицией Калгы Фаты Гирея в Дагестан в 1733 г., и Крымского Хана в эту страну через два года.
[2] Herkunfft, Leben und Thaten des Persianischen Monarchens, Schach Nadyr Vormals Kouli-Chan Genannt, Лейпциг, 1738 г. Эта первая завершенная работа значительного объема о Надире, которую я смог рассмотреть. Так как эта работа не очень значима как источник, об этом авторе я не упоминаю отдельно.
[3] Смотри Nadir Shah, Открытое Эссе за 1885 г., Х.Д. (сейчас Сер Херберт Д.) Майнард, Оксфорд, 1885 г., стр.11.

воспоминания об этой книге в своем Ιστορίά τής Ρουμουνας с подзаголовком: Τα μνημονενα τής ήδη προ έπτα ένιαυτών άναγνωσθεισης ήμιν 'Ιστορίας του σιαχ Ναδιρ συντεθεισης παρα τον βατατζη βυζαντιου.[1]

Неизвестно почему Филиппидес, ждал семь лет, прежде чем написать эти воспоминания, и когда он сделал это, почему он включил их в Историю Румынии.

Я не смог исследовать воспоминания Филиппидеса[2], но профессор Минорский, который сделал это в Национальной Библиотеке, заверил меня, что они не представляют ценности.

Заключительные замечания

Еще многое нужно исследовать, прежде чем можно было бы утверждать, что наши знания о Надир Шахе и его времени достаточно исследованы.

Огромное количество документов имеются в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда, Константинополя, Вены и Парижа, где наверняка находятся множество материалов подлежащих исследованию, но это очень кропотливая и трудная задача; часть материалов, может быть, находится также в Тегеране и в других городах Персии.

Во-вторых, есть сведения представителей голландской ост-индской компании в Персии; эти материалы, которые находятся в Гааге, могут содержать ценные сведения об английской ост-индской компании. Насколько мне известно, голландские сведения до настоящего времени не были использованы в качестве источника по истории Надира.

Наконец, еще можно собрать по мелочам прессу различных европейских стран того времени. Я обнаружил некоторые интересные упоминания о Надире в Лондонской газете от 1731 г.[3], и несомненно, подобные открытия еще будут сделаны в зарубежной прессе этого времени. Я случайно натолкнулся, но не смог проследить ссылки на статьи в *Gazette de Hollande*.

[1] Опубликована в Лейпциге в 1816 г., смотри том I, вторая часть второго Приложения, стр.22.
[2] Копия его Ιστορίά τής Ρουμουνας находится в Библиотеке Британского музея.
[3] The Daily Post, The General Advertiser, The Daily Courant, The Daily Journal, etc. У меня не было достаточно времени, чтобы как следует просмотреть копии этих газет в Британском музее.

Библиография

(Сохраняется алфавитный порядок оригинала – Г.Н.)

Аббас Гули Ага Бакиханов. Гюлистан-Иран, Баку, 1926.

Абдул-Керим Алави. Тарихи-Ахмед, Лукнов, 1850.

Абдул-Керим «Надим» ибн Исмаил Букхари. Афган ва Кабул ва Букхара ва Кхиваг ва Кханларинин ахвал, том I (персидский текст) Булаг, 1873. Том II (французский перевод): Histoire de l'Asie centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) depuis les derniéres années régne de Nadir Chah (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740-1818) par Mir Abdoul Kerim Bourhary publiée, traduite ei annotée par Charles Schefer, Париж, 1876.

Абдул-Керим ибн Агибат Махмуд Кашмири. Баяни Ваги (также известно как Надир-Наме или Тарихи-Надири). Британский музей рукописей Add. 8909. Частично переведено на английский (a) Lieuit. H.G. Pritchard (Британский музей рукопись Add. 30782, foll. 64-112), и (b) Francis Gladwin, The Memoirs of Khojeh Abdul-kurreem, Калькутта, 1788; французский перевод версии Гладвина L. Langlés Voyage de l'Inde àla Mecque, Париж, 1797.

Абдуллах ибн Хусейн ас-Сувейди. Китаб ал-Хиджадж ал-Гатия ли Итифаг ал-Фираг ал-Исламия, Каир, 1324 (1906/7). Смотри также Шмид, профессор А.Е.

Абдуллах ибн Нурид-дин ибн Нематуллах ал-Хусейн аш-Шуштари. Тадкирайи-Шуштария, Британский музей рукописей, Add. 23534.

Абдул-Вахаб («Гатра») Шамсут-Таварник. Рукопись Брауна № G.17.

Абдур-Раззаг Бек «Мафтун» ибн Наджаф Гули Хан Дунбули. Маатхир-и-Султания, Тебриз, 1876. Английский перевод Сера Х.Д.Бруднеса: The Dynasty of the Kajars translated from the original Persian manuskript presentled by His Majesty Faty Ali Shah to Sir H.J.Brydges, Лондон, 1635.

Абраам, Каталикос из Крита. Man Histoire et celle de Nadir Chah de Perse. Переведено на французский, дано с аннотацией М.Ф.Броссет в его Collection d'Historiens Armenians, том II, Санкт-Петербург, 1876.

Абдул-Хасан ибн Амин Гюлистана. Муджмалут-Тарихи-Буд Надирия. Издано вместе с аннотацией Оскара Манна и опубликовано под названием: Das Mujmil et-Tarikli-i Ba'dnadirije, Лейден, 1891.

Абдул-Хасан ибн Ибрагим Газвини, Фаванд-и-Сефивийа. **Рукопись индийского** офиса 2191 и рукопись Британского Музея. Add. 16698.

Ахмед Ага Тебризи, Сеид.

1. Афшар-и-Хазистан. *Ayanda,* Nos. 4 и 5, Тегеран, 1935.
2. Интигад-и-Магала раджи би-Тарзи-и Афшар. *Ayanda,* Nos. 8 и 9, 1926.
3. *Il-i-AfiJair. Ayanda,* Nos. 8 и 9, 1928.

Ахмед Касрави, Сеид. Тарихи-Пяндж-Сад. Сала-и Хузистан. Тегеран, 1312 (1931/2).

Али Гули Мирза, Итизадус-Салтана. Тарихи-Ваган ви Саваних-и-Афганистан, Тегеран, 1273 (1856/7).

Аллен, В.И.Д. A History of the Georgian People, from the beginning down to the Russian Conquest in the Nineteenth Century, Лондон, 1932.

Амран Гандири. Хала-и Надир Шах. Рукопись Индийского офиса, 4008.

Ананд Рам Мукхлис, Тадкира. (1) Незавершенный английский перевод лейтенанта Перкинса, рукопись Британского Музея Add. 30, 780, foll. 162 (a), 184 (a). (2) Выдержки из него имеютя также в труде Сера Х.Элиота History of India as told by its own Historians, том. VIII, стр.76-98.

Анонимный автор. A genuine History of Nadir Cha, present Shah... with a particular account of his conquest of the Mogul's country... Translated from the original Persian MS. into Dutch by the order of J.A.Sechterman. President of the Dutch factory at Bengal, and now done into English. Лондон (второе издание), 1741.

Анонимный автор. Comedia Herioca, Kouli-Kan Rey de Persia, en Cinco Actos. (Переведено с итальянского), Барселона, 1790.

Анонимный автор. Дхири-Аквол-и-Надир Шах, foll. 16-22 рукопись Британского музея, Add. 16855.

Анонимный автор. Письмо армян Джалалбада Российскому резиденту в Исфаган Камушкину, датируемое 1 ноября, 1738 г., смотри Броссет, *H.de la G.*, том II, часть II, стр.364-70.

Анонимный автор[1] Histoire de Thamas Kouli-Kan Sophi de Perse, Амстердам, 1740, в двух томах. Английский перевод первого тома называется: The History of Thamas Kouli Kan, Sophi of Persi. Он опубликован в Лондоне 1740. В 1742 этот том был переиздан вместе с переводом второго тома и переименован: The Compleat History of Thamas Kouli Kan (at Present called Schah Nadir, Sovereign of Persia). Written in French and rendered into English with improvement. Итальянский перевод первого тома назывался: Istoria di Thamas Kouli-Kan, Sofi di Persia. Он появился в Лондоне в 1740, а испанское издание (тома I и II), называющееся Hictoria de Thamas Kouli Kan, было опубликовано в Мадриде в 1742 г.

Анонимный автор. Рукопись по истории Надир Шаха в Персии. Национальная Библиотека, Париж, № 420, Дополнения 233. Это труд, не имеющий названия, незакончен; события рассматриваются до 1153 (1740/41 г.г.).[2]

---

[1] А.А.Барбиер, в своем Dictionnaire des Ouvrages Anonymes et Pseudonymes composes, traduits ou publés en français, Париж, 1806-9, том IV, стр.133, ошибочно приписывает этот труд иезуиту Pére J.A. du Cerceau. Это совершенно неверно, так как книга повествует о событиях до 1739 г., в то время как du Cerceau умер 4 июля, 1730 г. (смотри де Бакер, том II, стр.967). Путаница, возможно, возникла в связи с тем, что du Cerceau был автором Histoire des evolutions de Perse duis le commencement de ce Siecle jusqu'a la fin du régne de l'usurpateur Aszraff, которая не была опубликована до 1742 г.

[2] Монсиньёр И.Блочет, в томе I, стр.302, своего Cataloque des Manuscripts Persans, выражает точку зрения, что рукопись мог составить Тахир Бек, который использовал полковник Гентил; хотя полковник Гентили и предоставил эту рукопись Национальной Библиотеке, однако по-видимому он получил информацию для своего Abrégé из другой работы.

Анонимный автор. Relaçam da Celebre Embaxada que a Principe dos Bezancudos Mandou ao Schach da Persia. Tha'mas Kouli-Khan (переведено неизвестным автором на французский язык), Лисбон, 1744.

Анонимный автор. Risala-yi-Muhammad Shah va Kran Dauran (мемуары хана Даурана), рукопись Британского музея Or. 180.

Анонимный автор. Sahifa-yi-Igbal, рукопись Британского музея Or. 3281.

Анонимный автор.

1. Tahmas-Kouli-Kran, в Archiv fur Geographile, Historil, Staats und Konigs Kunts, Вьена, № 173, стр.493-496, 9 и 12 октября 1812.
2. Züge aus dem Leben des Nadir Schach, выше упомянутый номер 78, стр.313 и 314: 1815.

Арутин. Гамбури.

1. Tahmas Quli Xanin tevariki yazilmis istambollu Tamburi Arutinden osmanli elčisi ile yolĝulugunda Aĝemistan taratlarina. Bir alim kimsenin čahdi ve hargi ile basma olundu, Venice, 1800.
2. Journal de-, sur la Conquéte de l'inde par Nadir Schah, traduit du turc par Y.Artin Pacha. Bulletin de l'Institut Egyptien. Ve Série, Каир, 1914, том VIII, стр.168-232.

Артин Паша. Смотри Арутин, Гамбури.

Ф.Бабингер. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Лейпциг, 1927.

Р.Д.П.Бадгер. Смотри Салил ибн Разиг.

В.В.Бартольд.

1. Статьи по Дагестану, Хорезму и т.д. в E.I.
2. О некоторых восточных рукописях, в Известиях Академии Наук, Петроград, 1919, том II, стр.927-930.

Ватагзес, Басил. Voyages de Basile Vatace en Europe et en Asia, publiés par E.Legrand, Париж, 1886. Смотри также Филиппидес, Д.Д.

Базин, Пьер Луис, С.Д. Mémoires sur les derniéres années du régne de Thamas Kouli-Kan et sa mort tragique, contenus dans une letter du Frére (sic) Bazin. Lettres Edifiautes et Curieuses, Париж, 1780, том IV, стр.277-321. Second letter... contenant les révolutions qui suivirent la mort de Thamas Kouli Kan. Ibid., стр.322-364.

Ф.К.Белфор. Смотри Мухаммед Али Хазин, Шейх.

И.Блошет. Catalogue des manuscripts persans (в Национальной библиотеке, Париж), том I, Париж, 1905.

Д.П. де Богенвиль. Paralléle de l'expédition d'Alexandre dans les indes avu conquête des mêmes contrées par Thamas-Khan, Париж, 1752.

В.Братишев. Известия о происшедших между Шахом Надиром и Реза Кули Мирзой печальных проишествиях в Персии, 1741-1742, Санкт-Петербург, 1763. Германский перевод Д.Ф.Мюллера, в его Sammlung Russischer Geschichte, Санкт-Петербург, 1763, том VIII, стр.459-503, называется: Nachricht von Denen Traurigen Begebenheiten, die sich zwischen dem Persischen Schache Nadir und Dessen Altesten Sohne Resa-Kuli-Mirsa in den Jahren 1741 und 1742 zugetragen haben.

Л.Броссет. Смотри П.Г.Бутков.

Броссет, Мария Фелицит.

(1) Смотри Абраам. Католикос Крета.

(2) Histoire de la Géorgie, том II, часть I и II. Санкт-Петербург, 1856-7. Смотри также ниже Вакушт, Сехниа Чкхеидзе и Папуана Орбелиани.

(3) Matériaux pour servir à l'Histoire de la Géorgie. Санкт-Петербург, 1841.

Браун, Эдвард Гранвел. A History of Persian literature in modern Times, Кембридж, 1924.

Бер Х.Д. Бриджес. Смотри Абдур-Раззаг Бек. «Мафтун».

Д.С.Букингем. Travels in Assyria. Media. and Persia. Лондон, 1830.

Buisson, M. du. Nadir ou Thamas-Kouli-Kan Tragédie. Предисловие стр.1-75; Notes Historiques sur Nadir ou Thamas-Kouli-Kan, Roi dePerse, стр.76-84. Париж 1780. (Этот труд основывается главным образом на Ханвея).

А.Ф.Бюшинг. Magazin für die Neue Historie und Geographie, тома III и X, Гамбург, 1769-1776. Смотри ники Лерх; Dr. J.J.. а также Schnese.

Bussy, de. Remarques sur l'Histoire de Nader Cha. Roy de Perse. Индийский офис:, Orme MSS., том XXIII.

П.Г.Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, 1722-1803, Санкт-Петербург. 1869. в трех томах (том III включает резюме Л.Броссета).

Кармелиты Басра. Chronicle of Events between the years 1623 and 1733 relating to the Settlement of the Order of Carmelites in Mesopotamia... now edited for the first time with a translation from a unique MS.[1] In the possession of the Author. Лондон, 1927. (Издано и переведено с латинского сером Германом Голланецем).

Продолжение (на латинском) называется:

Continuatio – domesticae Bassorensis histotie ab anno 1733 (до 1778) in the Analecta Ordinis Carmelitarum Discalceatorum, том VIII, Fasc. I, Рим, 1933.

Х.Кастоннет дес Фоссес. Les Relations de la France avec la Perse. Ангерс, 1889.

Клерак, Луис Андре де ла Мамье. Histoire de Perse depuis le commencement de ce siécle. Париж, 1750.

Клаустр, Андре'де. Histoire de Thamas Kouli Kan, Roi de Perse. Переиздано, Париж, 1743.

Кокелл, Вильям. Смотри ниже Фразер, Джеймс (некоторые письма Кокелла находятся в отчетах ост-индской компании).

Журнал Commissioners for Trade and Plantations. Том XLVIII, 1735-1741 (Лондон, 1930).

Кук, Доктор Джон.

1. Voyages and Travels through the Russian empire, Tartary, and part of the ringdom of Persia. Эдинбург, 1770.
2. Journal (отрывки опубликованы Ханвеем в его работе, том I, стр.360-378 и 385-391).

Керзон, граф Кедлестона. Persia and Persian Question. Лондон, 1892.

The Daily Courant. Воскресные бюллетени из Санкт-Петербурга, Константинополь, Вена и т.д.

The Daily Journal. Воскресные бюллетени из Санкт-Петербурга, Константинополь, Вена и т.д.

The Daily Post. Воскресные бюллетени из Санкт-Петербурга, Константинополь, Вена и т.д.

---

[1] Издатель Continuatio упоминается на стр.47 Fase I, том VIII Analecta, покойный сер Х.Голланец ошибочно, утверждал, что его рукопись начальной части хроники была единственной.

Дор Берхард. Geschichte Schirwans unter den Statt-Haltern und Chanen von 1538-1820, Vor-züglich nach Persischen Quellen. Mem. Acad. Des Sciences, Санкт-Петербург, 1841, шестая серия, том V, fasc. 3 и 4, стр.411-414.

Доусон, профессор Джон. Смотри Элиот, Сер Генри Мирс.

Дроувил, полковник Г. Voyage en Perse, тома I и II, Париж, 1828.

Дурану, Сер Мортимер.

1. Надир Шах, Лондон, 1908.
2. Надир Шах, J.R.A.S. 1908.

Ост-Индская Компания.

1. Persia and the Persian Gulf Records at the India Office.
   Vol. IV. Gombroon Diary, 1728-1737.
   Vol. V. " " 1737-1746.
   Vol. VI. " " 1746-1752.
   Vol. XV. Letters from Gombroon, и т.д. 1729-1752.
2. Bombay Public Consultations (разные тома).
3. Surat Commercial Diary and Consultations, тома XX–XXV.
4. London Outward Letter Box, тома XXIV, XXV и XXVI.

Элиот, Сер Генри Мирс. The History of India as told by its own Historians. Издано и продолжено профессором Джоном Доусоном. Лондон, 1867.

Элтон, капитан Джон.

1. Journal (отрывки из которого даются в томе I «Travels» Ханвея).
2. Копия статьи, переизданной капитаном Элтоном мистеру Финху в Санкт-Петербурге, где говорилось о начале торговли в Персии через Россию. The Gentleman's Magazine, 1742, том XII, стр.21-25.
3. Further Memorandum, также выше, стр.26-28.

Смотри также ниже Д.Элтон и М.Грейм.

Д.Элтон и М.Грейм. A Journey through Russia into Persia by Two English Gentlemen who went in the year 1739 from Petersburg, in order to make a Discovery how the Trade from Great Britain might be carried on from Astracan over the Caspian. To which is 'annex'd a Summary Account of the Rise of the famous Kouli Kan, and his Successes, till he seated himself on the Persian Throne. Лондон, 1742.

Эмин, Джозеф. The Life and Adventures of J.E., an Armenian, written in English by himself. Лондон, 1792.

Фасан Хасан ибн Хасан. Фарс-намеи-Насири, Тегеран, 1895.

Фериер, генерал J.P.

1. History of the Afgans. Переведено капитаном Вильямом Джесом. Лондон, 1858.
2. Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afganistan and Beloochistan. Переведено капитаном Вильямом Джесом. Лондон, 1856.

Фразер, Джеймс. The History of Nadir Shah, formerly called Thamas Kuli Khan, the Present Emperor of Persia... второе издание, Лондон, 1742 (Этот труд содержит также сведения о Надире Вильяма Коккела и фразерский перевод "Journal" Мирзы Замана).

Фразер, Джеймс Белли.

1. Narrative of a Journey into Khorasan in the years 1821 and 1822. Лондон, 1825.
2. The Kuzzilbash. A Tale of Khorasan. 3 тома, Лондон, 1828.

Фуллер, Майор А.Р. Смотри Мухаммед Мухсин Сиддиги.

Гадебуш, Т.С. Смотри Мухаммед Мехди Каукаби Астрабади.

Гардин, Шевалье де. Relation (History de Perse Ла Мале-Клерак).

Гентил, Полковник. Abrégé Historique des Souverains de l'Indoustan, 1722 (рукопись Fr. 24219 в Национальной Библиотеке, Париж).

Гулам Али Хан. Мугаддама-и-Шах 'Алам-Наме. Рукопись Британского музея. Add. 24028.

Гулам Али Нагави. Имадус-Саадат. Музей, Эгертонская рукопись, 1001.

Гулам Хусейн Хан Табатабай. Сиярул-Мутаакхирин. Том II, Калькутта, 1833.

Гладвин, Ф. Смотри Абдул-Керим Кашмири.

Глоусмид, Сер Ф.

1. Eastern Persia, an account of the journeys of the Persian Boundary Commission, 1870-1-2. Том I, Лондон, 1876.
2. Persia and its Military Resources, in the Journal of the Royal United Service Institution, том XXIII, 1879.

Голицин, принц Сергей Дмитриевич. Beschreibung (описание на немецком языке его миссии в Персию и компаний Надира и осад). Рукопись написана в Казани в 1736; до сих пор не опубликована; она находится в папке Г.Ф.Мюллера № 348 (документ № 15) в Московском архиве.

Gombroon Diary. Смотри ниже ост-индская Компания.

Гилен, Чарлез. Documents sur l'Histoire, la Géographie ei le Commerce de l'Afrique Orientale. В трех томах, Париж, 1856.

Гюлшан. Сурати-Хал. Рукопись Британского музея, Add. 16805.

Habéche. Chronique Syriaque Relative au Siége de Mossoul par les Persans en 1743. (Французский перевод М.Х.Погнона, Сирийской рукописи. Текст и перевод приводится в FlorilegiumMelchoir de Vogüé, Париж, 1909, стр.489-503.

Хаммер-Пургетал, Барон Джозеф вон. Geschichte des Osmanischen Reiches, Будапешт, Вена, 1827-35. Histoire de l'Empire Ottoman depuis son Origine jusqu'á nos Jours... Ouvrage traduit de l'Allemand par J.J. Hellert... Париж, 1835-43, тома XIV и XV.

Ханвей Джонас. An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: with a Journal of Travels through Russia into Persia; and back again through Russia, Germany and Holland. To which are added, The Revolutions of Persia during the present century, with the particular history of the great usurper Nadir Kouli, в четырех томах, Лондон, 1753.

Харчаран Дас, сын Удай Рейя. Chahar Guldhar Shuja'i. Рукопись Британского музея Or. 1732. (Частично переведено Мунши Садасук Лалом в Рукописи Британского музея. Адд. 30782, foll. 113-205).

Хекмет, док. Мухаммед-Али. Essai sur l'Histoire des Relations Politiques Irano-Ottomanes de 1722 á 1747. Париж, 1937.

Хеллерт, Дж. Дж. Смотри Хаммер-Пургсталл, Дж. вон.

Ховорс, Сер Х.Х. History of the Mongols. Части I-III, Лондон, 1876-1888.

Иорга, Некюлей. Geschichte des Osmanischen Reiches. Nach den Quellen dargestellt, Гота, 1911, том IV.

Ираклий II, Грузинский. Письмо его сестре Анне об экспедиции Надира в Индию и его приключениях. H. de la G., том II, часть III, стр.354-363.

Ирвин Вильям.

1. Later Mughals. Калькутта, 1922, том II (Главы XI, XII и XIII, относительно завоевания Надир Шахом Индии, написано Сером Д.Саркаром).
2. Some Notes on James Fraser. J.R.A.S., 1899, стр.214-220.
3. Смотри также ниже Тилок Дас.

Ишрат, Низамуд-Дин, Сиалкоти Гурейши. Shahnama-yi-Nadiri. Рукопись Британского музея Add. 262285. Foll. 1-129.

Джеймс, Майор Х.Р. Report on the settlement of the Peshawar District. Лахор, 1865.

Jesse, капитан В. Смотри Фернер, Генерал Д.П.

Иезуиты. Relation Historique des Révolutions de Perse. sous Thamas Koulikan, jusqu' á son expedition dans les Indes; tirée de differentes letires écrites de Perse par des Missionaires Jésuites. Lettres Edifiantes et Curieuses, Париж, 1780, том IV, стр.169-229 (Смотри также Базин, дес Вигнес, Сейгнес).

Джонес, Сер Вильям. Смотри Мухаммед Мехди Каукаби Астрабади.

Джордейн, А. La Perse ou Tableau de l'Histoire du Gouvernement, de la Religion, de la Littérature… de cet Empire, des Moeurs et Coutumes de ses Habitans. В трех томах, Париж, 1814.

Каул, Р.Б. Пандит Хари Кишан. Издатель Ballad on Nadir Shah's Invasion of India. (Nadir Var) Journal of Panjab Historical Society, том VI, № 1, стр.1-67. Лакор, 1917 (Смотри также ниже Ниджабат).

Керстен О. Tabellaarische Uebersicht der Geschichte Ostafrikas (в томе III **Барон вон дер Диккена** "Reisen in Ost-Afrika", Лейпциг, 1879).

Каникоф, Николас де.

1. Boukhara, its Emir and its People. Лондон, 1845.
2. Mémoire sur la Partie Méridionale de l'Asie Centrale, Париж 1861.

Колмогоров, И.Н. Грамоты Надир Шаха к своему сыну Рза Кули Мирзе, касающиеся относительно индийских походов Надира. Санкт-Петербург, рукописи из архива Асраханского Губернского правления. Ученые записки Казанского Университета, 1870.

Кишмишев, С.О. Походы Надир Шаха в Герат (Херат), Кандагор (Гандагар), Индию и события в Персии после его смерти, Тифлис, 1889.

Клапрос, Х.Д. Вон. Tableau Historique, Géographique, Ethnographique et Politique du Caucase et des Provinces Limitrophes entre la Russie et la Perse. Париж, 1827.

Ланглес, Л.М. Notice chronologique de la Perse depuis les Temps les plus reculés jusqu'á ce jour, в томе X Voyages du Chevalier Chardin en Perse, Париж, 1811. Смотри также ниже Абдул-Керим Кашмири, из французской версии Ланглеса Глаувинского переведены части Bayan-I-Wagi'.

Леонардо ди Санта Сицилия. Persia Ovvero Secondo Viaggio… dell'Orienle. В двух томах, Рим, 1757.

Лич, Майор Роберт. Brief History of Kalat, Brought down to the Deposition and Death of Mehrab Khan, Braho-ee. J.R.A.S.B., том XII, часть I.

Легранд, Эмиль. Смотри Бататзи, Басил.

Ле Маргне. Vida de Thamas Kouli-Kan. Мадрид, 1741.

Лерх, Доктор Джоханн Якоб.

1. Auszug aus dem Tagebuch von einer Reise, welche D.Johann Jacob Lerch von 1733 bis 1735 aus Moscau nach Astrachan, und in die auf der west Seite des Caspischen Sees-Belegene Landes, gethan hat. (Büsching's Magazin, том III, Гамбург, 1769).
2. Nachricht von der zweiten Reise nach Persien von 1745 bis 1747. (Büsching's Magazin, том X, Гамбург, 1776).

Смотри также ниже Schnese.

Левшин, А. Описание киргиз-казачих, или киргиз-казахских орд степей. Санкт-Петербург, 1832. Description des Hordes et des Steppes des Kirghiz-Kazaks. (Французский перевод Ферри де Пигни), Париж, 1840.

1. Де Вильтон "Noticia". Перевод с введением и заметками Л.Л., Bulletin of School of Oriental Studies. 1926, том IV, часть II.
2. Ле Маргне "Life of Nadir Shah". Journal of the Bihar and Orissa Research Society, сентябрь, 1926.
3. The Iranian Campaigns in 'Oman, 1737-1744. Bulletin of School of Oriental Studies, 1935, том VIII, часть I.
4. The Navy of Nadir Shah. Proceedings of the Iran Society, том I, часть I. Лондон, 1936.

Лонгригг, С.Х. Four Centurics of Modern 'Iraq, Oxford, 1925.

Лутф Али Бек Адхар. Атяш-Када. Бомбей, 1860-61.

Мак Грегор, лейтенант-полковник Сер С.М.

1. Central Asia. В трех томах, Калькутта, 1871.
2. A Narrative of a Journey through the Province of Khorassan and on the N.W. Frontier of Afganistan in 1875. В двух томах, Лондон, 1879.

Смотри также ниже Роулинсон, Сер Х.К.

Маклаган, Сер И.Д.

1. Nadir Shah. Stanhope Historical Essay, 1885 (неопубликовано).
2. The Jesuits and the Great Mogul. Лондон, 1932.

Мехди Хан. Смотри Мухаммед Мехди Каукаби Астрабади.

Махмуд ал-Мусави, Сейид. Китаби-Агвам ва Фиргаха-и-Афган, Рукопись Британского музея OR. 1861.

Малькольм, Сер Джон.

1. The History of Persia from the most early Period to the Present Time. В двух томах, Лондон, 1815.
2. Sketches of Persia. From the Journals of a traveler in the East. В двух томах, Лондон, 1815.
3. Translations of two Letters of Nadir Shah, with Introductory Observations in a letter to the President (of the Asiatic Society of Bengal). Том X, стр.526-542, Asiatick Researches. Калькутта, 1808.

Sketch of the Sikhs. Asiatick Researches, том XI, 1810, стр.238.

Маллесон, полковник Г.Б. History of Afganistan, from the earliest Period to the Outbreak of the War of 1878. Лондон, 1879.

Манн, Оскар. Смотри Абдул-Хасан ибн Амин Гюлистана.

Манстейн, Кристоф Герман. Mémoires Historiques, Poliques et Militaires sur la Russie. В двух томах. Лион, 1722.

Маркхам, Клементс Р. A General Sketch of the History of Persia. Лондон, 1874.

Мартинс, Ф. де. Recueil des Traités et Conventions conclus par la Russie avec les Puissances Etrangéres. Том I, V и XIII. Санкт-Петербург, 1874-1902.

Мартин., Алфред. Le Premier Consulat de France á Bassora (1739-1745). Revue de l'Histoire des Colonies Francaises. 1917, стр.5-78 и 397-438.

Massé, H. Мехди Хан, E.I, том III, стр.117.

Мауберт де Гоувест, С.Х. (под псевдонимом Даниель Могинье). L'Illustre Paisan, ou Mémoires et Aventures de Daniel Moginié. Natif du Village de Chézales, au Canton de Berne… ou se trouvent plusieurs particularités anecdotes des derniéres Révolutions de la Perse et del' Indostan ei du Régne de Thamas Kouli-Kan…, Лузана, 1754.

Мейнард, Сер Х.Д. Nadir Shah. (The Stanhope Historical Essay for 1885). Oxford, 1885.

Майлес, Полковник С.Б. The Countries and Tribes of the Persian Gulf. Лондон, 1919.

Ministére des Affaires Etrangéres (Paris), Архив. Mémoires et Documents, 1687-1810, том IV:Un Mémoire.

Минорски, В.

1. Esquisse a une Histoire de Nader-Chah. Париж, 1934.
2. Nadir Shah (сокращенная английская версия выше упомянутого). E.I, том. III, стр.810-814.
3. Статьи по Луру, Шеки, Тифлису и т.д. в E.I.

Мирза Мехди. Смотри ниже Мухаммед Мехди Каукаби Астрабади.

Мухаббат Хан, Навваб Акхбар-и-Мухаббат. Рукопись Британского музея. OR. 1714, листы 232-242.

Мухаммед Ибниш-Шейх Халифа ибн Хамадин-Набхан.

1. At-Tuhfatu'n-Nabhaniyya fi Amarati'l-Jazirati'l-'Arabiyya. Багдад, 1913-1914.
2. At-Tuhfatu'n-Nabhaniyya fi Ta'rikhi'i-Jazirali'l-'Arabiyya. Каир, 1929-1930.

Мухаммед Абдур-Рахман ибн Гаджи Мухаммед Роушан Хан. Ta'rikhi-i-Ahmad Shah Durrani. (Переведено из урду на персидский Сеид Хусейном (Ширази Кербалаи). Рукопись Британского музея. OR. 3550.

Мухаммед Али ибн Мухаммед Садиг Мир, ал-Хусейн, ал-Бурханпури. Миратус-Сафа. Рукопись Британского музея. Add. 6540.

Мухаммед Али Хазин, Шейх.

1. Тадкиратул-Ахвал, Персидский издан Ф.К.Белфором, Лондон, 1831. Английский перевод Ф.К.Белфора, называющейся The Life of Shaikh Mohammed Ali Hazin, Лондон, 1830.
2. Ваги ати-Иран ва Хинд, Индийский Офис, рукопись № 1714.

Мухаммед Али Хан ибн Дхакаул-Мюлк. Daura-yi-Mukhtasari-Ta'rikh-i-Iran, Бомбей, 1911.

Мухаммед Бахыш («Ашуб»). Тарихи-Шахадати-Фаррух Сияр ва Джалуси-Мухаммед Шах. Рукопись Индийского Офиса № 422.

Мухаммед Бек Хамадани. Намеи-Надир Шах. Рукопись Индийского офиса № 4080.

Мухаммед Хасан Хан (Саниуд-Даула) Мараги. Матлауш-Шамес. Тома I и II, Тегеран, 1884-6.

Мухаммед Хашим ибн Сеид Мухаммед Мирза. Тадкирати-Али-Дауд. Рукопись Британского Музея. OR. 154.

Мухаммед Хаят Хан. Хаяти-Афгани (на языке урду). Лахор, 1867. Частично переведено на английский язык Генри Пристли под названием History of the Afgans, Лахор, 1874.

Мухаммед Казым. Китаби-Надири и Надир-намэ (рукопись хранится в Институте Востоковедения, Ленинград).

Мухаммед Мехди Каукаби Астрабади, Мирза.

1. Тарихи-Надири. Бомбей, 1849 (Переведено на французский Сером Вильямом Джонесом под названием Histoire de Nader-Chah, connu sous le nom de Thahmas Kuli Khan Empereur de Perse; Париж, 1770; сокращенный английский перевод дается под названием: The History of the Life of Nadir-Shah. King of Persia. Extracted from an Eastern Manuscript, which was translated into French by order of His Majesty the King of Denmark. Лондон. 1773.
2. Дурреи-Надира. Бомбей, 1876/1877.

Более подробно об этом авторе и различных рукописях и изданиях его трудов смотри приложения и цитируемое произведение профессора Сторей, раздел II, параграф, стр.322-325.

Мухаммед Мухсин. Зубдатут-Таварих. Рукопись №G15 из коллекции Брауна Восточных рукописей в Университетской Библиотеке, Кембридж.

Мухаммед Мухсин Сиддиги. Джаукари-Самсам. Рукопись Британского Музея OR.1898. Переведено Майором А.Р.Фуллером, Рукопись Британского музея. Add. 30784.

Мухаммед Шариф ибн Мулла Мустафа. Зубдатут-Таварих-и-Синандидж. Рукопись G.18.

Мухаммед Ширази, Мирза. Рузнаме. (Точная копия рукописи профессора Саида Нафиси, имеющаяся у автора).

Мухаммед Таги. (также известный как Лисанул-Мулк и как Сипикр). Насикхут-Таварих. Тегеран, 1860.

Мюллер, Герхард Фредерик. Neue Schiffahrt zur Beschreibung der Caspischen See. (В «Sammlung Russischer Geschichte» Мюллера, Санкт-Петербург, 1762, том VII, стр.371 и другие). (Смотри также Братишчев).

Мюнич, Б.С., Граф вон. Tagebuch des Russisch-Kaiserlichen Generalfeldmarschalls B.Ch.Grafen von Münnich über den Ersten Feldzug des in den Jahren 1735-1739 Gefuhrten Russisch-Turkischen Krieges. (Находится в « Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches», Док. Эрнест Герман, Лейпциг, 1843.

Надир-Шах.

1. Смотри письма. Представляет тегеранском обзоре Armaghan за октябрь 1929, в статье Мактуби-Надири, стр.449-453.
2. Письмо Надира, описывающее победу в Индии. Персидский текст дается Мухаммед Бахышом на местах 309(б)-313(б) его Тарихи-Шахадати-Фарух Сияр. Английский перевод смотри у Малькольма.

Надири (Амируш-Шуара), Мешхедский. Шах Намей-Надири (неопубликовано).

Нафиси, Сеид. Акирик Ядигари-Надир Шах, Тегеран, 1921.

Никодем, Джин. Письма маркизу де Вильнову, за 10 августа 1733 (представлены у вон Хаммера, смотри французский перевод Хеллерта, том XIV, стр.5156-528).

Нейбухр, Карстен.
1. Beschreibung von Arabien, Копенгаген, 1772.
2. Reisebeschreibung nach Arabien und Andern Umliegenden Länden, в двух томах, Копенгаген, 1774-1778.

Ниджабат. Надир Вар (Баллада о завоевании Индии Надир Шахом). Смотри Каул, Р.Б.Пандит Хари Кишан.

Никитин, П. Les Afšars d'Urumiyeh. Journal Asiatique, за январь-март, 1929, стр.67-123.

Норадонжан, Габриэль Эфенди. Recucil d'Actes Internationaux de l'Empire Ottoman, том I, Париж, 1897.

Одонован, Эдмонд. The Merv Oasis, в двух томах, Лондон, 1882.

Оливер, И.И. The Safwi Dynasty of Persia. J.R.A.S.B, часть I, 1887.

Оман Керкеолидзе. Life of Irakli II (перевод Броссет в H de la G., часть II).

Орбелиани, Папуана. Chronique (в H. de la G., том II, часть II, стр.55-121).

Оттер, Джин.
1. Voyage en Turqui et en Perse. Париж, 1748.
2. Journal des Voyages du Sieur Otter; (находится в Рукописи №989 из Nouwelles acquisitions francaises in the Bibliothéque Nationale), Париж. Эта рукопись содержит также заметки о Хавальских, Кмунтафигских и других арабских племенах. Другая копия Journal находится в рукописи №10062 той же серии.
3. Различные заметки и корреспонденция относительно Надир Шаха, событиях в Персидском заливе и делах Compagnie des Indes, содержится в рукописи №5385, вышеупомянутой серии.

Ouслей, Сер В. Travels in Various Countries in the East, more particularly Persia. Лондон, 1819.

Пейсоннел, М де. Essai sur les Troubles Actuels de la Perse et de Georgie. Париж, 1754.

Филиппидес, Деметриус Даниэль. Τα μνημονεύομενα τής ήδη έπτα έναγνωσθεισης ήμιν ίστορίας του σιαχ Ναδιρ συντεθεισης παρα του βατατζη βυζαντιου. (От автора 'Ιστορία τής 'Ρουμουνίας, Лейпциг, 1816, том I, часть II, второе приложение). Смотри также выше Бататзес, Басил.

Пиколт, Чарлез. Histoire des Revolutions de Perse pendant la durée du XVIII siécle, précédée d'un abrégé de tout ce qui s'est passé de remarquable dans cet Empire depuis l'époque de sa premiére fondation par Cyrus. В двух томах. Париж, 1810.

Пигни, Ферри де. Смотри Левшин. А.

Пир Ибрахим Хан. History of Bahawalpore. Лондон, 1848.

Писандер вон дер Келл. Herkunfft, Leben und Thaten des Persianischen Monarchens, Schach Nadyr, Vormals Kuli-Chan genannt, Samt Vielen Historischen Erzehlungen und Nachnichten. Лейпциг, 1738.

Погнон, М.Н. Смотри выше Habéche.

Полиэвктов М.А. Европейские путешественники по Кавказу XIII – XVIII вв., Тифлис, 1935.

Пол, Ренальд Стюарт. The Coins of the Shahs of Persia, Safavis, Afghans, Efsharis, Zands and Kajars. Лондон, 1887.

Поттингер, Сер Хенри. Travels in Beloochistan and Sinde; accompanied by a Geographical and Historical Account of those countries. Лондон, 1816.

Прасад, Док. Джадунас. The Life and Career of Mir Qamaru'd-Din. Nizamu'l-Mulk Asaf Jah I. (Диссертация на соискание докторской степени, 1927, до сих пор не опубликовано.)

Пристли, Хенри. Смотри Мухаммед Хаят Хан.

Притчард, Х.Т. Смотри Абдул-Керим Кашмири.

Рабино, Х.Л. Coins of the Shahs of Persia. Quelques pieces Curieuses. Париж, 1914.

Рабино, Дж.
1. An Economist's Notes on Persia. Journal of Royal Statistical Society, 1901, стр.265-284.
2. Статья Journal of the Institute of Bankers, декабрь, 1891.

Разиуд-Дин Тафриши. History of Shah Tahmasp II, Nadir Shah, 'Adil Shah, etc. Рукопись Британского музея Add. 6587, раздел XVI, листы 186-216.

Раверти, Майор Х.Г.
1. Memorandum on The Northern Frontier of Hirat, 12 Марта, 1883. (F.O., 65, 1237).
2. Notes on Afghanistan and Part of Baluchistan: Geographical, Ethnographical and Historical. Лондон, 1888.

Роумипсон, Сер Генри. Report on the Dooranee Tribes, 19 Апрель, 1841. (переиздано как Приложение III в «Central Asia», Сера К.М.Мак Грегора, часть III.)

Рич, К.Дж. Narrative of a Residence in Koordistan and of the Site of Ancient Niveveh. В двух томах, Лондон, 1836.

Рза Гули Хан Хидаят. Раузатус-Сафа, том VIII. (Продолжение труда Мирквапда). Издано в Тегеране, 1853-6.

Рью, К. Catalogue of the Persian MSS. in the British Museum. В четырех томах, Лондон, 1879-1895.

Рочебрун, Абба де. L'Espion de Thamas Kouli Kan, dans les Cours de l'Europe. Ou lettres et memoires de Pagi-Nassir-Bek. Contenant diverses Anecdotes Politiques pour servir á l'histoire du Tems present. Traduit du Person par l'Abbe de R. Кологна, 1746.

Роджерс, К.Дж. On Some Coins of Nadir Shah struck in India. Numismatic Chronicle, том III, третье издание, стр.319-326, Лондон, 1882.

Росс, Лейтенант-полковник И.К. Outlines of the History of Oman from A.D. 1728 to 1883. (Включает в качестве Приложения, вторую часть Administration Report of the Persian Gulf Political Residency and Muscat Political Agency for 1882-3, опубликовано в Selections from the Records of the Government of India, №191A, стр.22-29).

Рустам Али. Тарихи-Хинди, Рукопись Британского музея OR. 1628.

Садасукх Лал, Мукши. Смотри Харчаран Дас.

Сеид Рютт, Рудольф.
1. Said Bin Sultan, 1791-1856. Лондон, 1929.
2. The Al-bu-Said Dynasty in Arabia and East Africa. Journal of Central Asian Society, том XVI, часть IV.

Сейне, Пьер. Письмо из Чандернагора, 10 февраля, 1740. Lettres Edifiantes et Curieuses. Париж, 1780. Том IV, стр.230-277.

Салданха, Д. А. Selections from State Papers, Bombay, regarding the East 'India Company's Connection with the Persian Gulf, with a Summary of Events, 1600-1800. Калькутта, 1908.

Шефер, С. Chrestomathie Persane. В двух томах. Париж, 1885. Смотри также выше Абдул Керим Назим ибн Исмаил Буххари.

Шмидт, Профессор А.Е. Из истории суннитско-шиитских отношений (входит в Festschrift. 'Iqdu'l-Juman. Ташкенд. 1927, стр.69-107). (Исследования труда Абдуллах ибн Хусейн ас-Сувейди «Kitab al-Hujjaj al-Qatiya it Ittifaq al-Firaq al-Islamiyya». Каир. 1324 (1906/7)).

Шниц, Гезандшафт-Чирургос. Записи включены в «Nachricht von der zweiten Reise nach Persien von 1745 bis 1747. in Büsching's Magazin, том X, стр.461-466. (Смотри также выше Лерх, Док. Д.Д.).

Шекхния Чкхеидзе. Chronique (в H. de la G., том II, часть II. стр.32-54). Санкт-Петербург.

Шакир Хан. Tadhkira. Рукопись Британского музея Add. 6585.

Смит, Лейтенант-полковник А.Г.Баирд. A Short Reign of Terror: Delhi – A.D. 1738. Indian Empire Review, 1936, стр.63-69.

Соловьев Сергей. История России. Москва, тома XIX-XXII.

Сривастава, Док. Аширбади Лал. The First two Nawabs of Oudh. A Critical Study Based on Original Sources. Лукнов, 1934.

State Papers, Public Record Office, Лондон.

1. Series S.P. 91, тома X до XLVI. Корреспонденция между Вайтхолом и Британским Дипломатическим Представительствами в Санкт-Петербурге, 1729-1747 гг.
2. Series S.P. 97, тома XXV до XXXIII. Корреспонденция между Вайтхолом и Британским Дипломатическим Представительствами в Константинополе, 1728-1748.

Стрек, М. Meshhed, в E.I, том III, стр.467-477.

Сулейман Шаиг. Тарихи-Мосул. Каир, 1923.

Сайкс, Сер П.М.

1. A History of Persia, том II, Лондон, 1921.
2. Historical Notes on Khorasan. J.R.A.S., Октябрь, 1910.
3. A Fifth Journey in Persia. Geo. Journal, Декабрь, 1906.
4. A Seventh Journey in Persia. Geo. Journal, Май, 1915.

Табатабаи. Смотри Гулам Хусейн Хан.

Тер-Аветисян, С. Походы Тамас-Кули Хана (Надир Шах) и избрание его шахом в описании Акопа Шамакетци. Тифлис, 1932.

Тифентхолер, Отец J. S. J. Beschreibung des Feldzuges des Thomas Kulickan. (В «Historisch-Geographische Beschreibung von Hindustan, том II, часть II. Берлин, 1785-1787.

Тило Дас. Индийская поэма о Надир Шахе и Мухаммед Шахе. Издано, переведено и аннотировано В.Ирвином. J.R.A.S.B., том LXVI, часть I, стр.24-62.

Тод, полковник Д.К. Келати-Надири. Geographical Journal, ноябрь, 1923, том LXII.

Вадала, Р. Le Golfe Persique. Париж, 1920.

Вакхушт, Царевич.

1. Histoire de Karthli. H. de la G., том II, часть I, стр.129-136.
2. Histoire de Cakhcth. H. de la G., том II, часть I, стр.193-198. (Оба переведены и аннотированы М.Ф.Просетом, Санкт-Петербург, 1856-1857).

Вамбери, Армениие. History of Bokhara. Лондон, 1873.

Вандал, Алберт. Une Ambassade française en Orient sous Louis XV: La Mission du Marquis de Villeneuve, 1728-1741. Париж, 1887.

Вигнес, Пьер Мишель Реймонд дес С.Д. Письмо из Джульфы, 26 мая 1744. Lettres Edifiantes, Париж, 1780, том IV, стр.364-413.

Вильтон, де. Verdadeira e Exacta Noticia dos Progresses de Thamas Kouli Khan Scach da Persia no Impend do Gram Mogor. Estrita na Lingua Persiana em Delhy em 21 de Abril de 1739. e Mandada a Roma por Mons Voulton. 1740. (переведено, с введением и заметками Л.Локкартом. Bull. School of Oriental Studies. 1926, том IV, часть II

Валижевски, К. L'Héritage de Pierre le Grand. Париж, 1900.

Вилер, Оувен И. Nadir Shah. Calcutta Review, 1885, том LXXXI, стр.412-434.

Вильсон, Сер Арнольд Г. The Persian Gulf. Оксфорд, 1928.

Вудруф, капитан. Journal. Выдержки опубликованы в «Travels» Ханвея, том I, стр.109-116, 130-138, 142-154.

Ясин ибн Кейруллах. Мнятул-Удаба фи Тарихил-Маушилил-Хадба. Арабская рукопись Британского музея, Add. 23323.

Йет, полковник А.С. Келати-Надири. J.C.A.S., 1924, том XI, часть II, стр.156-168.

Йет, лейтенант-полковник С.Е.

1. Khurasan and Sistan. Лондон, 1900.
2. Northern Afghanistan. Лондон, 1888.

Юсифович. Договоры России с Востоком. Санкт-Петербург, 1869, стр.xi-xv и 185-207 (договоры: Санкт-Петербург, 1729 и 1732; и Гянджа, 1735).

Зинкисен, Джонн Вильгельм. Geschichte des Osmanishen Reiches in Europa, Готи, 1857.

Л. ЛОКАРТ
Надир Шах
Критическое исследование
на основе первоисточников
(переведено с английского
Гетловой И.Р.)
(на русском языке)

ИЗДАТЕЛЬ:
Шахбаз ХУДУОГЛУ

КОМПЬЮТЕРНЫЙ
НАБОР И ДИЗАЙН:
[illegible]

Подписано к печати 15.08.2004
Формат 70х90 1/16
Физический п/л 24.75; у.п/л 28.95
Тираж 150. Заказ 147
Цена договорная.

ИЗДАТЕЛЬСТВО QANUN

Баку, Азербайджан, 370033,
Ул. Ага Нематуллы, 44.
Тел: *467-79-56;* ***Факс:*** *467-88-87*
E-mail: *ms@azdata.net*
Web: *qanun-az.com*

QANUN
NƏŞRLƏR EVİ

Bakı şəhəri, Ağa Nemətulla küçəsi 44
(N.Nərimanov metrostansiyasının yanı)
E-mail: ms@azdata.net
Tel./Faks: 67 88 87; 67 79 56; 98 79 14.

www.qanun-az.com